

В. П. МЕЩЕРЯКОВ

А.С. ГРИБОЕДОВ

*ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОКРУЖЕНИЕ
И ВОСПРИЯТИЕ*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

В. П. МЕЩЕРЯКОВ

А. С. ГРИБОЕДОВ

*ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОКРУЖЕНИЕ
И ВОСПРИЯТИЕ
(XIX — НАЧАЛО XX в.)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Ф. Я. ПРИЙМА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

В книге рассматриваются контакты Грибоедова с рядом литераторов 1810 — 1820-х гг. (А. А. Шаховской, А. А. Жандр, В. Ф. и А. И. Одоевские, В. К. Кюхельбекер, А. А. Бестужев и др.). На основе архивных разысканий и нового прочтения известных источников характеризуется эстетическая программа Грибоедова, его отношение к движению декабристов, причины и ход полемики с представителями других литературных лагерей, уточняется датировка отдельных произведений и писем. Прослеживается, как личность Грибоедова и его комедия преломлялись в сознании писателей XIX—начала XX в.

Книга предназначена для литературоведов, историков, аспирантов.

ОТ АВТОРА

Творческий путь А. С. Грибоедова, несмотря на огромную литературу, посвященную ему, до сих пор исследован недостаточно и неравномерно. Полная научная биография драматурга отсутствует вообще, хотя изучение жизни и деятельности писателя, в особенности такого масштаба, представляет собой «важный раздел литературоведения, ибо в биографии писателя скрываются многие объяснения его произведений».¹ Подобный пробел в литературоведении объясняется рядом причин.

Одна из них в том, что значительная часть переписки Грибоедова и связанных с ним деловыми и дружескими отношениями современников была уничтожена после неудавшегося восстания декабристов. Драматург и его друзья сжигали компрометирующие их бумаги. С ними вместе погибло немало и других документов, не отделенных в спешке от опасных писем.

Помимо этого грибоедовским материалам просто не повезло. Многие из них оказались утраченными в позднейшие времена.

Некоторые события в жизни Грибоедова (арест и следствие по делу декабристов и трагическая гибель) были так ярки, что заслонили для исследователей остальное. Не случайно эти два эпизода его биографии особенно часто освещались в научной и художественной литературе. При этом творческие связи автора «Горя от ума» невольно оказались в тени. Здесь можно указать лишь на немногочисленные статьи Н. К. Пиксанова, Ю. Н. Тынянова и некоторых других исследователей.

Между тем очевидно, что выдающееся дарование и яркая личность писателя и дипломата не могли не оставить следов в памяти современников и в литературе. Если этих следов до сих пор обнаружено не слишком много, то, значит, они не всегда лежат на поверхности, нуждаются в «проявлении».

По всей вероятности, рассчитывать в наши дни на находку каких-либо значительных документов, прямо относящихся к Грибоедову, особенно не приходится. Более перспективны поиски в сфере литературного окружения драматурга. Даже простая систематизация и свод известных, но разбросанных по множеству малодоступных источников фактов уже дают определенные основания для

¹ Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л., 1981, с. 199.

пересмотра ряда освященных традицией моментов творческой биографии Грибоедова и точек зрения на те или иные эпизоды его деятельности. Это также позволяет охарактеризовать влияние автора «Горя от ума» на русскую литературу, которое, как доказывает изучение многих произведений классиков и «обыкновенных талантов», значительно глубже и шире, чем до сих пор казалось.

Построение книги обусловлено самим составом ближайшего литературного окружения Грибоедова, т. е. его непосредственными, наиболее значительными и продолжительными писательскими контактами. Поэтому анализируется литературно-критическое и эпистолярно-мемуарное наследие братьев Бегичевых, Жандра, Катенина, Кюхельбекера и иных близких к драматургу литераторов, но не изучаются проблемы взаимоотношений со многими видными представителями русской словесности 1810—1820-х гг., с которыми Грибоедов не имел глубоких литературных и личных связей.

Поэтому, например, проблема взаимоотношений Грибоедова и Пушкина, являющаяся сама по себе значительной и плодотворной, не вынесена в отдельную главу, а рассматривается в самостоятельном разделе. По той же причине за рамками исследования остаются Карамзин, Жуковский, Батюшков и др., хотя отдельные аспекты их отношения к творчеству Грибоедова и затрагиваются. Детальное изучение этих проблем, в силу своей серьезности могущих быть предметом отдельного монографического исследования, невообразимо расширило бы объем настоящей работы.

С другой стороны, не характеризуются монографически контакты Грибоедова с братьями Полевыми, О. М. Сомовым, В. А. Ушаковым, Н. И. Хмельницким и некоторыми другими писателями первой трети XIX в. (взяты лишь наиболее важные моменты их соприкосновения), ибо в сфере грибоедовского «притяжения» они появлялись случайно и на краткое время.

Изучение ближайшего литературного окружения Грибоедова позволяет как обнаружить ряд произведений, в которых его друзья и противники выражали свое отношение к личности и творчеству драматурга, так и уточнить некоторые моменты литературной деятельности и биографии Грибоедова. При этом биографический элемент в различных главах неоднороден по удельному весу в зависимости от разработанности в научной литературе отдельных эпизодов биографии автора «Горя от ума», а хронологические рамки исследования не ограничиваются датами жизни, так как многие важные для понимания его произведений и жизненного пути факты и явления нередко относятся к позднейшим годам.

В заключительной главе прослеживается воздействие «Горя от ума» на последующее развитие русской литературы на протяжении XIX—начала XX в., что позволяет охарактеризовать историко-функциональную «биографию» комедии и выявить существенные подробности восприятия личности и творчества Грибоедова последующими поколениями.

С. Н. и Д. Н. Бегичевы

1

Среди тех, кто соприкасался с Грибоедовым, нет ни одного человека, оставшегося к нему равнодушным, хотя автор «Горя от ума» вовсе не был «открытой душой». «Грибоедов,— отмечали знавшие его, — имел удивительную способность влюблять в себя окружающее. Можно сказать смело, что все, что только было около него, любило его».¹

Одним из немногих современников драматурга, пользовавшихся его полным доверием и уважением, был Степан Никитич Бегичев (1785—1859). Бегичев — наименее «литературный» человек из грибоедовского окружения, но именно характер отношений Бегичева и Грибоедова скорее всего позволяет понять, что представлял собой драматург в личной и литературной жизни.

Редкая работа об авторе «Горя от ума» обходится без упоминания имени С. Н. Бегичева, однако, кроме беглых и отрывочных сведений о ближайшем друге Грибоедова, мы там ничего не найдем.

С. Н. Бегичев был старше Грибоедова на десять лет.² Происхождение обеспечивало ему быструю и легкую карьеру. В 1795 г. он был записан в Пажеский корпус, откуда выпущен в августе 1802 г. и направлен в чине корнета в Александрийский гусарский полк,³ командиром которого с 1801 по 1802 г. являлся его дядя (брат матери) генерал-лейтенант А. С. Кологривов.⁴ Вместе с ним корнет Бегичев покинул Александрийский полк и перевелся 21 сентября того же года в не столь блистательный Олонецкий мушкетерский полк, чтобы ровно через тринадцать месяцев выйти в отставку «по болезни».⁵

Этот небогатый послужной список свидетельствует, что зачинами Бегичев не гнался и к карьере не стремился. Сведений о жизни отставного корнета до 1807 г., когда он был назначен в набранный из тульского дворянского ополчения батальон стрелков, нет.

Бегичев добросовестно исполнял свои служебные обязанности (он ко всему относился серьезно), но к чинам по-прежнему не стремился. В 1813 г., когда военные действия приняли менее

напряженный характер, Бегичев согласился по настоянию родных принять пост поспокойнее, снова поступив под начало дяди в качестве его адъютанта.

Такое же назначение получил и восемнадцатилетний А. С. Грибоедов. Обязанности адъютантов при генерале Кологривове вовсе не являлись синекурой — начальник давал им одно поручение за другим. Строго спрашивая с подчиненных, А. С. Кологривов умел быть справедливым. В «Письме из Бреста-Литовска к издателю „Вестника Европы“» (1814) Грибоедов в первом же абзаце отметил, что таких начальников, как А. С. Кологривов, «в Европе немного». В статье, написанной в том же году («О кавалерийских резервах»), Грибоедов говорил об умелом командовании и деловой практичности своего командира, который мог «сливать воинскую деятельность с соблюдением государственной экономии».⁶

Оценка Грибоедова не преувеличена. Стараниями А. С. Кологривова были оперативно сформированы кавалерийские резервы «для надобностей походов 1813 и 1814 гг., за что он и был удостоен высокой награды орденом св. Владимира I степ.»⁷ Но, разумеется, юного Грибоедова привлекало к Кологривову не его слабое рвение. «Кологривов, — как указывает П. А. Р-ский, — принадлежавший к новой школе гуманых начальников, был популярен среди молодых офицеров, дом его был всегда открыт для них».⁸ Согласно характеристике другого историка, А. С. Кологривов выделялся в среде высшего офицерства «своей порядочностью, благородством и общепризнанной храбростью...».⁹ Политические взгляды Кологривова соответствовали тому духу «вольнодумства», который все больше укреплялся в среде молодого офицерства. Не случайно его сын М. А. Кологривов был одним из тех, кто открыто заявил о своем неприятии рабства.

Ближе всех сошелся Грибоедов с Бегичевым. Но что могло быть общего у пылкого юноши со степенным рассудительным Бегичевым, которого сам Грибоедов шутя называл «флегмородием»? Один из современников с удивлением спрашивал автора «Горя от ума», как он мог сблизиться с «этим увальнем и тюфяком» (ГВС, 151):

Вопрос применительно к Грибоедову, да еще молодому, не праздный. И. Н. Розанов верно заметил, что «всякая пассивная личность не могла быть особенно симпатичной Грибоедову, который более всего ценил пылкость чувства и тех, в ком находил это свойство, называл и умными; если же он употребляет выражение „трезвый ум“, то это у него звучит обыкновенно синонимом пошлости».¹⁰ Сам драматург называл себя «пасынком здравого рассудка» и готов был променять всех «сонливых меланхоликов» на «выкурки трубки» Д. В. Давыдова, у которого «эдакая буйная и умная голова» (III, 166). Среди его близких друзей было немало людей с неровными, но пылкими характерами: Катенин, А. Бестужев, Кюхельбекер.

В Бегичеве же Грибоедов находил именно «здравый рассудок» (III, 173). Тем не менее парадокс здесь только кажущийся. Бегичев, конечно, был исключением из грибоедовского «правила», но ведь именно противоположности часто сходятся. «Люди не часы, — писал Грибоедов Бегичеву, — кто всегда похож на себя и где найдется книга без противуречий?» (III, 185). С. Н. Бегичев с его неторопливой рассудительностью прекрасно дополнял своего друга, был тем человеком, который мог противопоставить порывам страстей Грибоедова-юноши доводы здравого рассудка и житейский опыт и предостеречь его от опрометчивых решений и поступков.

Мы не разделяем мнения Н. К. Пиксанова, считавшего, что дружба Грибоедова с Бегичевым могла быть «элементом той сентиментальной дружбы, которая культивировалась на Западе поэтами чувствительности».¹¹ Хотя в «Письме из Бреста-Литовска...» и заметны некоторые следы влияния на Грибоедова «чувствительной поэзии» («...Он был тронут до глубины сердца и подобно всем дивился, сколько стихотворцев образовала искренняя радость»; «Слезы душевного удовольствия полились из глаз его и всех предстоящих»), но здесь скорее дает себя знать литературная неопытность и ориентация на стиль журнала, в который Грибоедов отослал свою корреспонденцию, нежели жизненная позиция. Ни один из мемуаристов не упоминает о каких-либо проявлениях сентиментальности Грибоедова в его отношениях с друзьями. Ничего похожего нет и в его письмах.

С. Н. Бегичев был довольно редким для того времени типом офицера-домоседа, не любившего светских развлечений, предпочитавшего большому обществу домашнее застолье. Биограф Бегичева, его племянница Е. П. Соковнина, говорит, что «гастрономические обеды» и «дорогие вина» дяди «так славилась, что привлекали в дом его многих приятных собеседников» (ГВС, 18). Но едва ли в хлебосольной Москве 1820-х гг. таких людей, как В. Ф. Одоевский, В. К. Кюхельбекер, Д. В. Давыдов, А. Н. Верстовский, к Бегичеву притягивал только изысканный стол. Просто Бегичев был образованным человеком и интересным собеседником.

Правда, он не был даже «в душе» поэтом (ГВС, 7—8); его знание мировой словесности ограничивалось ко времени знакомства с Грибоедовым лишь французской литературой, а Корнель, Расин и Мольер казались ему «верхом совершенства» (ГВС, 9). Но такой выбор имен отнюдь не говорит об эстетической отсталости Бегичева. Р. М. Зотов, характеризуя репертуар русского театра и литературные вкусы 1810-х гг., отмечал: «Мы <...> были слишком пристрастны к французской школе и покорялись великим образцам — Корнелю, Расину, Мольеру. Мы уже поздно познакомились с Шекспиром и Шиллером, не смея еще быть русскими».¹² Только благодаря Грибоедову прочел Шиллера, Гете и Шекспира и Бегичев. Другими словами, не Бегичев отстал от всеобщего уровня, а Грибоедов опередил его.

Надо думать, именно беседы на литературные темы и были первым шагом к сближению молодых офицеров. У Грибоедова в армейской среде не случилось других собеседников, которые могли хотя бы просто выслушивать его рассуждения об искусстве. При этом заслуга Бегичева состояла в том, что он разглядел неординарность натуры Грибоедова, внушил ему веру в себя, убедил в необходимости развивать отпущенные природой дарования. Известно, что Грибоедов по молодости лет, хотя вообще-то он не был склонен к «прожиганию жизни», невольно заражался от окружающих «гусарскими настроениями», стараясь не только не отстать от сослуживцев, но и перещеголять их в «молодечестве». Отсюда и появление на балу верхом, и «Камаринская» в церкви.¹³

Отзвук этих настроений содержится и в «Письме из Бреста-Литовска...», где автор иронизирует над «философами в ученом заточении»; противопоставляя их образу жизни гусарский «идеал» бездумного эпикуреизма. «Признаться, — писал девятнадцатилетний Грибоедов, — моя логика велит лучше пить вино, чем описывать, как пьют» (III, 7).

Булгарин верно заметил, что Бегичев раньше всех «постигнул его и в юношеском пламени открыл <...> душу благородную. С. Н. Бегичев разбудил Грибоедова от очарованного сна и обратил к деятельности» (ГВС, 25). Признавал это и сам драматург. «Ты, мой друг, — обращался он к Бегичеву, — поселил в меня, или, лучше сказать, развернул, свойства, любовь к добру; я с тех пор только начал дорожить честностью и всем, что составляет истинную красоту души, с того времени, как с тобою познакомился, и, ей-богу! когда с тобою побываю вместе, становлюсь нравственно лучше, добрее» (III, 133). Их дружба вмещала в себя множество оттенков — от самых возвышенных до житейски-бытовых, причем в ней не было ни одной фальшивой ноты. Бегичев, исполнявший в этом дуэте роль чуткого, любящего опекуна, никогда не заискивал перед Грибоедовым.

Уважение к Грибоедову и веру в его талант Бегичев обнаружил уже в то время, когда будущий писатель еще ничем себя не проявил. «Ты скромн и любишь мое дарование, — писал Грибоедов в «Путевых записках» (1819), адресованных другу, — не уступишь меня критике людей, которых я презираю...» (III, 39). Через несколько лет подобная ситуация возникла, и Бегичев реагировал на нее именно так, как и представлял себе Грибоедов.

Некоторые косвенные данные позволяют расширить представление о политических и эстетических взглядах Бегичева. В 1814 г. он приехал в столицу, был зачислен в кавалергарды и начал служить в гвардии. Здесь Бегичев сблизился со многими будущими декабристами, олицетворяя собой, по выражению М. В. Нечкиной, «живую связь» Грибоедова с кавалергардами, среди которых было 24 декабриста.¹⁴ Круг бегичевских знакомых, вскоре ставший близким и для Грибоедова, подробно охарактеризован историком. Это Бестужев-Рюмин, братья Мухановы, А. А. Челишев, А. Л. Ко-

логринов, братья Поливановы, Ф. Ф. Гагарин, В. П. Ивашев, И. Г. Бурцев и др.¹⁵

Известно, что Бегичев в разное время был знаком с П. И. Пестелем, М. С. Луниным, С. Г. Волконским. Это были годы, когда, по словам Пестеля, «дух преобразований» заставлял «везде умы клокотать». Поэтому вполне закономерным представляется вступление Бегичева в 1817 г. в Союз благоденствия. Не исключено, что он мог быть, как считает М. В. Нечкина, и членом предшествующего Союзу благоденствия Военного общества.¹⁶

Судя по всему, роль Бегичева в Союзе была пассивно-наблюдательной. В противном случае мы располагали бы хоть какими-то упоминаниями современников о его мыслях или поступках. Сохранилось лишь скудное свидетельство, что он вышел из Союза еще до того момента, как тот перестал существовать, и в дальнейшем в делах заговорщиков не участвовал.¹⁷ Но повседневные встречи с ними продолжались.

Можно считать полностью достоверным, что убеждений своих бывший член Союза благоденствия не изменил. Письма С. Н. Бегичева почти не сохранились. Их было много у Грибоедова, но драматург, видимо, сжег их перед арестом в Грозной. Но зачем нужно было бы уничтожать их, если Бегичев превратился в благополучного обывателя? Нет сомнения, что в письмах Бегичева содержались такие сведения, которые могли скомпрометировать как автора, так и адресата.

По «вине» Бегичева, сразу же после 14 декабря также приведенного в «порядок» свои бумаги, не дошли до нас и многие, крайне важные письма Грибоедова.

Но из отдельных штрихов грибоедовских писем к Бегичеву, уцелевших от уничтожения, складывается политический облик отставного офицера, во всем согласовывающийся с убеждениями Грибоедова. Драматург, которого Пушкин считал одним из выдающихся умов современности, неоднократно апеллирует к уму друга: «Ты жалуешься на домашних своих казарменных готтентотов; это — участь умных людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить с дураками, а какая их бездна у нас! чуть ли не больше, чем солдат; и этих тьма...» (III, 131).

На косность окружающей среды, на отсутствие «ума», который мог бы способствовать социальному развитию отечества, сетуют и многие декабристы.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей... —

скорбно восклицал Рылеев в «Стансах», написанных незадолго перед 14 декабря. «Едва ли не треть русского дворянства, — говорил на следствии А. А. Бестужев, — мыслила почти подобно

нам, хотя была нас осторожнее».¹⁸ К числу последних относился и С. Н. Бегичев.

Письмо Грибоедова к нему от 9 декабря 1826 г. содержит упоминания о разговорах, которые велись не так давно. Грибоедов, только что переживший арест, ссылку и гибель друзей, извлекает из случившегося урок, начинает понимать необходимость осторожности, о чем Бегичев давно говорил ему: «Я принял твой совет; перестал умничать <...> со всеми выдаюсь, слушаю всякий вздор и нахожу, что это очень хорошо» (III, 195). Сдержанность, недоговоренность свидетельствуют о том, что Грибоедов не забывает о перлюстрации, которой его письма стали подвергаться. Но тем не менее, лишенный в Тифлисе дружеского круга, он не может не сказать о запомнившемся ему важном разговоре с Бегичевым: «Ты удивишься, когда узнаешь, как мелки люди. Вспомни наш разговор в Екатериненском (имение Бегичева в Тульской губернии, — В. М.). Теперь выкинь себе все это из головы. Читай Плутарха и будь доволен тем, что было в древности. Ныне эти характеры более не повторятся» (III, 196). Этот абзац прокомментирован историком: «Герои Плутарха вдохновляли деятелей Французской революции, вдохновляли они и декабристов. Вывод из разговора в Екатериненском <...>, очевидно, был оптимистическим: такие люди, какие у Плутарха изображены, найдутся и в России. Теперь, после разгрома декабристов, вывод иной, пессимистический...».¹⁹

Имеются и другие факты, подтверждающие, что Бегичев был и остался противником самодержавия и рабства. В фондах Тульской областной библиотеки сохранился первый том «Истории» Н. М. Карамзина с пометами С. Н. Бегичева. «На полях „Истории государства Российского“ Бегичев спорит с суждениями Карамзина, с его трактовками исторического процесса, сравнивает их с концепциями русских и зарубежных историков, высказывает замечания о стилистических излишествах автора» и недвусмысленным образом выражает неприязнь к «мудрому самодержавию», прославляемому историком.²⁰

Уже на склоне лет, в 1840-х гг., «когда <...> заговорили об освобождении крестьян, Степан Никитич принял этот вопрос к сердцу и в тиши кабинета много о том писал, но проект его почему-то не был представлен государю...» — вспоминала близко знавшая семейство Бегичевых Е. И. Раевская. По свидетельству мемуаристки, Бегичев «был гораздо образованнее прочих епифанских старожилов, имел большую библиотеку, много читал...».²¹

Н. Милоновым обнаружена рукопись под заглавием «Журнал путешествия, написан Надеждой Бегичевой и посвящен ее отцу» (1841). В «Журнале», как отмечает Н. Милонов, отражены те идеалы, которыми руководствовался Бегичев при воспитании детей, а также нравственный и эстетический уровень его семьи. «Содержание „Журнала“ с его чуткостью к общественно-политическим вопросам, горячим патриотизмом, широтой культурных интересов,

изумительно развитым эстетическим чувством перекликается с тем, что мы знаем о С. Н. Бегичеве, о его причастности к декабризму, о его нравственном благородстве <...> о его умении понимать и ценить проявления художественного дарования». ²²

Склонный преуменьшать свои эстетические возможности, Бегичев в действительности предстает в другом свете. Уже одно то, что Грибоедов читал не до конца отшлифованные сцены «Горя от ума» только двум друзьям — Бегичеву и Кюхельбекеру, говорит о многом.

В своих свободных от малейшего самовозвеличения воспоминаниях о Грибоедове Бегичев упоминает, что он был одним из первых критиков комедии. «На первый акт я сделал ему некоторые замечания, он спорил, и даже показалось мне, что принял это нехорошо» (ГВС, 10). Но, видимо, замечания друга оказались существенными, ибо на другой день Грибоедов признал его правоту и через неделю написал первый акт почти заново. Уместно напомнить, что критику своего главного произведения драматург принимал в лучшем случае сдержанно, иногда даже и похвалы по его адресу приводили к отрицательной реакции.

Н. К. Пиксанов, проследивший все этапы работы Грибоедова над пьесой по так называемой жандровской рукописи, отмечал, что «в первом действии наиболее бросается в глаза переработка сна Софьи», и делал предположение, что именно этот эпизод и вызвал возражения Бегичева. ²³ По-видимому, суждения Бегичева были достаточно меткими.

Недаром именно с Бегичевым в июле 1824 г. делился Грибоедов подробностями работы над переделками комедии. В этом письме, как раз в том месте, где говорится о беспрестанных поправках пьесы, явный пропуск в тексте («...сержусь и восстанавливаю стертое, так что, кажется, работе конца не будет <...> будет же, добыюсь до чего-нибудь...» (III, 155)). Отсутствуют, возможно, самые интересные сведения.

Как будет показано ниже, Грибоедов в переписке с Бегичевым вообще много внимания уделял литературным вопросам. Зачем это понадобилось бы драматургу, если бы его не интересовало мнение друга?

Интересно, что бывший кавалергард, никогда прежде не выступавший в печати, счел нужным принять участие в полемике вокруг «Горя от ума». Произошло это при следующих обстоятельствах. Вскоре после положительной рецензии Н. А. Полевого на комедию Грибоедова в «Московском телеграфе» (1825, № 2) М. А. Дмитриев напечатал в «Вестнике Европы» (1825, № 6) статью «Замечания на суждения „Телеграфа“».

Дмитриев ставил под сомнение оригинальность идеи комедии, считая, что она заимствована у Виланда, сетовал на малозначительность характера центрального героя и доказывал, что «Горе от ума» не что иное, как карикатура на реальных лиц. «Г-н Грибоедов, — заявлял он, — изобразил очень удачно некоторые порт-

реты, но не совсем попал на нравы того общества, которые вздумал описывать, и не дал главному характеру надлежащей с ними противоположности!».²⁴

В защиту Грибоедова выступили его друзья и единомышленники. Не остался в стороне и С. Н. Бегичев. Он исписал целую тетрадь и прислал ее Грибоедову с тем, чтобы тот напечатал его статью в каком-либо петербургском журнале. Содержание работы Бегичева неизвестно — она не сохранилась. Но надо полагать, что помимо возражений хулителям «Горя от ума» Бегичев выдвигал и свое понимание пьесы, опираясь при этом на суждения самого автора. Посылая Грибоедову свой труд, он, возможно, хотел, чтобы тот внес в него, если понадобится, какие-нибудь коррективы.

Грибоедов высоко оценил статью Бегичева. «Ты с жаром вступился за меня, любезный мой Вовенарг.²⁵ Благодарю тебя и за намерение, и за исполнение. Я твою тетрадку читал многим приятелям, все ею были очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отказался ее печатать, так, конечно, не оттого, чтобы в ней чего-нибудь недоставало. <...> Плюнь на марателя Дмитриева, в одном только случае возьмись за перо в мою защиту, если я буду в отдалении или умру прежде тебя и кто-нибудь, мой ненавистник, вздумает чернить мою душу и поступки. Теперешний твой манускрипт оставляю себе на память» (III, 172—173).

Грибоедов был озабочен тем, чтобы Бегичев правильно понял мотивы, по которым он не желал предавать гласности статью, написанную в его защиту и, видимо, резкую по тону.²⁶

Автор «Горя от ума» не хотел, чтобы приятель-критик подумал, будто Грибоедова статья не удовлетворила по содержанию или по форме и будто он всего лишь изыскивает благовидный предлог, дабы не огорчать старого друга, горячо взявшегося его защищать. Но мы знаем, что Грибоедов с Бегичевым всегда был абсолютно честен. Позицию Грибоедова в этом случае проясняет его письмо к В. Ф. Одоевскому. Грибоедов досадует, что полемика вокруг его произведения сводится к препирательству «о нескольких стихах, о их гладкости, жесткости, плоскости...», в то время как о всей комедии в целом судить невозможно, ибо она не напечатана полностью. Поэтому полемика представляется Грибоедову «ребяческой школьной борьбой». Автор бессмертной комедии лучше прочих критиков видел возможности своего произведения, и его не интересовали стычки с теми, кто не мог оценить «Горе от ума» по достоинству, подменяя принципиальный анализ мелкими придирами.

Письмо Грибоедова Бегичеву 1825 г. еще раз в знакомом нам уже духе объясняет основу их длительных дружеских отношений. «Ты вспомни, — писал Грибоедов, — что я себя совершенно поработил нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здравого рассудка и характера всегда стоял выше меня» (III, 173).

Недаром в минуту душевного смятения и тоски Грибоедов доверяется именно Бегичеву: «Ты, мой бесценный Степан, любишь меня тоже, как только брат может любить брата, но ты меня старше, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди» (III, 181).

Грибоедов, обычно сдержанный в наружном проявлении чувств, не скрывал своего отношения к Бегичеву от окружающих. Ему хотелось, чтобы на его друга все смотрели как на «лицо высшего значения, неприкосновенное, друга, хранителя, которого я избрал себе с ранней молодости, коли отчасти по симпатии, так ровно столько же по достоинству» (III, 173).

2

Искренно любя и уважая Бегичева, Грибоедов распространял эти чувства и на его близких. Будучи, по его словам, «врагом крикливого пола», Грибоедов делал исключение для жены Бегичева: «Две женщины не выходят у меня из головы: твоя жена и моя сестра; я не разлучаю их ни в воспоминаниях, ни в молитвах» (III, 157).

Серьезно и внимательно относился Грибоедов и к двенадцатилетней племяннице Бегичева Е. П. Яблочковой (в замужестве — Соковниной), жившей зимой и весной 1823 г. в Москве, в доме дяди, одновременно с Грибоедовым. В воспоминаниях Соковниной подчеркивается, что и Бегичев, и Грибоедов оказали большое влияние на ее развитие: «Слова А. С. Грибоедова, говорившего мне: „Лиза, не люби света и его побрякушек; будь деревенской девушкой, ты там будешь больше любима, а главное, научись сама лучше любить“, глубоко запавшие мне в душу, сохранились живо в моей памяти и дали мне направление к тихой семейной жизни» (ГВС, 18).

И для Бегичева друзья Грибоедова были его друзьями. Сохранилось письмо Бегичева к Кюхельбекеру (23 марта 1825 г.), из которого видно, как близко к сердцу принимал он материальные невзгоды незадачливого Кюхли. Бегичев писал ему: «Душевно я радуюсь, что Фортуна начинает вам улыбаться; но если эта ветреница опять обернется спиной, то прошу не забывать обещания вашего — доставить нам удовольствие приехать на лето в Ефремовский уезд. Может быть, назло Фортуне вы проведете здесь время приятно в обществе любящих вас всем сердцем».²⁷ Столь же искренно симпатизировал Бегичеву и Кюхельбекер. В письме к В. Ф. Одоевскому от 30 марта 1825 г. он говорил: «На послания мои к Бегичевым прошу не сердиться: ты знаешь мои к ним отношения: что я к ним писал, конечно бы не написал ни к кому другому».²⁸

Зная отзывчивость Бегичева и его доброжелательность к лю-

дям, именно его просил Грибоедов позаботиться об А. И. Одоевском, который также был ему дорог: «Александр Одоевский будет в Москве; поручаю его твоему дружескому расположению, как самого себя» (III, 179).

При таких прочных дружеских связях может показаться странным, что Бегичев, прекрасно сознавая значение своего друга для русской литературы, оставил о нем крайне лаконичные воспоминания, да и сделал это спустя четверть века после гибели Грибоедова.

Одна из причин такого долгого молчания в том, что Бегичев воспринимал дружбу с Грибоедовым как глубоко личное чувство, делать достоянием гласности которое он считал нескромным. Кроме того, было и еще одно обстоятельство, удерживавшее Бегичева. По воспоминаниям Е. П. Соковниной, Бегичев считал себя непосредственным и чуть ли не единственным виновником гибели Грибоедова, так как тот согласился поехать в Персию во многом благодаря уговорам друга, уверенного, что «Вазир-Мухтар» с его дипломатическими способностями и познаниями сможет принести там большую пользу отчизне. «Он упрекал себя в рановременной кончине Грибоедова, зная, что мечтой последнего было — поселиться в деревне и посвятить себя литературным трудам. Внезапная весть об убиении Грибоедова разом состарила дядю С. Н.; он вдруг постарел, и с этих пор ничто не могло развлечь его сердечной скорби» (ГВС, 20).

Действительно, смерть Грибоедова Бегичев переживал очень тяжело. «Было время, — делился он своим настроением с В. Ф. Одоевским в письме от 2 декабря 1829 г., — которое мы провели с вами весело в Москве, но где тот, который был душою наших бесед? Нам осталось только горестное, смешанное, однако ж, с некоторым наслаждением воспоминание! Станем благодарить судьбу и за кратковременные радости...».²⁹ Покончив с деловой частью, Бегичев вновь возвращается к грибоедовской теме: «Очень недавно <...> единственное мое желание состояло только в том, чтоб меня ничего уже более к сей жизни не привязывало. Но теперь, слава богу, я образумился и начинаю опять наслаждаться семейным счастьем; хочется вырастить и воспитать моих малюток так хорошо, насколько достанет моего понятия».³⁰

Может статься, что Бегичев и вообще бы не написал воспоминаний, если бы С. С. Дудышкин в статье, опубликованной по поводу двадцатипятилетия со дня смерти творца «Горя от ума» (Отечественные записки, 1854, № 4), не обратился ко всем знавшим Грибоедова с просьбой восполнить своими рассказами пробелы в его биографии.

Бегичев откликнулся на призыв Дудышкина «Запиской об А. С. Грибоедове», но с публикацией ее не торопился. Только в 1857 г. он передал ее копию собирателю материалов о Грибоедове Д. А. Смирнову, с которым тогда же поделился устно многими сведениями о своем знаменитом друге. В письме к Смирнову от 15 июня 1857 г. Бегичев объяснил, почему он не спешил

печатать свою «Записку...»: «На восьмом десятке лет я не хочу сделаться известным только тем, что был искренним другом Грибоедова, хотя внутренне и горжусь этим».³¹

В отличие от Булгарина, поторопившегося при первой же возможности поведать о своих связях с Грибоедовым, Бегичев не желал привлекать к себе внимание нового поколения в качестве спутника знаменитости.

Вместе с тем по форме изложения бегичевские мемуары отчасти близки к булгаринским «Воспоминаниям о незабвенном А. С. Грибоедове». Последние Бегичеву были хорошо знакомы, и, видимо, не доверяя своим литературным возможностям, он невольно следовал уже намеченной схеме.³²

«Записка...» Бегичева также начинается как почти официальный «послужной список», причем автор, стремясь к максимальной точности и объективности, постоянно контролирует себя, указывает на возможные ошибки памяти — «если не ошибаюсь», «за достоверность этого я не ручаюсь» и т. д. Но уже на второй трети текста бесстрастно объективный тон сменяется эмоциональным и образным рассказом очевидца.

В то же время автор сознательно ограничивал себя в своем повествовании. Он «из понятных соображений заботливо обошел в своем тексте все темы, связанные с общественным движением».³³ Прекрасно осведомленный о связях Грибоедова с декабристами, Бегичев намеренно избегал этой темы: она все еще представлялась ему политически опасной, запретной, возможно, и компрометирующей официальную репутацию автора «Горя от ума».

Однако при всей своей неполноте и нарочитой недоговоренности «Записка...» Бегичева остается одним из важнейших документов, на базе которых строится научная биография драматурга.

В истории взаимоотношений Грибоедова и Бегичева лишь одна страница до сих пор остается темной. Непонятно, почему отсутствуют письма Грибоедова к Бегичеву за последние два года жизни «Вазир-Мухтара». Почему Грибоедов писал в это время Булгарину, Жандру, Ахвердовой, Миклашевич, официальным лицам, но только не самому близкому человеку?

Едва ли это можно объяснить лишь простой случайностью. Бегичев бережно хранил любые строки Грибоедова, даже его черновые записки. Неверно и то, что Грибоедов просто охладел к Бегичеву, как это изображено в романе Ю. Н. Тынянова.³⁴ В 1826 г., после освобождения из-под ареста, Грибоедов по дороге на Кавказ специально сделал крюк, заехав на один день в деревню к Бегичеву. В марте 1828 г. Грибоедов, направлявшийся в Петербург с Туркманчайским договором в портфеле, снова нашел время повидаться с семейством Бегичевых. Три дня прогостил он у Бегичева и перед своим заключительным вояжем на Восток.

Последнее из дошедших до нас писем Грибоедова к Бегичеву от 9 декабря 1826 г. также не говорит о начале увядания дружбы. Напротив, речь идет об обратном. «Тебя, мой милый, —

писал Грибоедов, — люблю с каждым годом и месяцем более и более. Но что проку. Мы не вместе. И жалеть надобно меня. Ты не один» (III, 196).

Не верится, что, подробно рассказав Булгарину обо всех обстоятельствах своей женитьбы, Грибоедов не нашел времени или не захотел сообщить о том же «душе» и «брату» Бегичеву, от которого у него не было тайн. Напрашивается другое объяснение. Бегичев, видимо, находил грибоедовские письма последнего периода слишком личными, не подлежащими публикации и мог уничтожить их или хранить отдельно.

Правда, Д. А. Смирнов в своих «Рассказах об А. С. Грибоедове, записанных со слов его друзей» приводит текст рекомендательного письма, которое Бегичев дал ему для А. А. Жандра: «Я знаю Смирнова давно и даже позволил ему снять копии со *всей* (курсив мой, — В. М.) переписки со мной Грибоедова» (ГВС, 238). Но вряд ли следует понимать эти слова буквально. Они, на наш взгляд, должны быть истолкованы так: со всей той, что возможна для обнародования. Не исключено, что часть эпистолярного наследия Грибоедова, относившаяся к последним годам его жизни и хранившаяся Бегичевым отдельно, существует где-то и в наше время.

С. Н. Бегичеву выпал счастливый жребий стать другом одного из умнейших и талантливейших людей России, и эта дружба благотворно повлияла на обоих. По отношению к Бегичеву, его родне и приятелям Грибоедов неизменно проявлял лучшие стороны своей натуры. Для Бегичева же близость к Грибоедову стала важнейшим событием жизни, и он оказался вполне достоин доверия великого писателя.

3

Характеристика взаимоотношений Грибоедова с С. Н. Бегичевым будет неполной, если мы исключим из рассказа Дмитрия Никитича Бегичева. Он познакомился с Грибоедовым одновременно с младшим братом, в 1813 г., когда все они служили под началом генерала А. С. Кологривова, при котором Д. Н. Бегичев исполнял обязанности правителя канцелярии.

Многие годы Д. Н. Бегичев находился с Грибоедовым в переписке и был вхож в литературный кружок, группировавшийся вокруг драматурга. Сохранилось его письмо к В. К. Кюхельбекеру от 2 марта 1825 г., в котором Дмитрий Никитич сообщал об успехе альманаха «Мнемозина». В этом письме упоминается и о Грибоедове, в частности о том, что он, по словам знакомых, недавно приехавших из Петербурга, «совсем намерен бросить писать стихи, а вдался весь в музыку...».³⁵

С Грибоедовым Д. Н. Бегичев неоднократно встречался и в Петербурге, и в Москве, и в деревне у брата, где он слушал

авторское чтение «Горя от ума», и одним из первых стал горячим поклонником драматурга.

В конце 1820-х гг. Д. Н. Бегичев сам решил попробовать силы в литературе. Его роман в шести книгах «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» (1832) пользовался успехом, ибо широта охвата изображаемых Бегичевым явлений делала это произведение «своего рода дворянской эпопеей, в которой живая наблюдательность и любовь автора к патриархальной поместной жизни пробиваются сквозь схему нравоучительно-дидактического „семейного романа“ с характерной для него громоздкой фабулой, многочисленными отступлениями и вставными эпизодами».³⁶

Автор рассматривал различные варианты супружества, приходя к выводу, что только те браки оказываются прочными, которые основаны на любви и рассудке одновременно. Герои бегичевского романа четко делятся на положительных и отрицательных, причем почти все они наделены значащими фамилиями: Гранжирин, Криводушин, Светлана и т. д.

Для нас роман Бегичева интересен прежде всего в том отношении, что им он «внес свою лепту в популяризацию запрещенной цензурой комедии Грибоедова „Горе от ума“, откуда позаимствованы имена и фамилии героев...».³⁷ В романе широко использованы и цитаты из комедии.

Читатель «Семейства Холмских» снова встречается с Фамусовым, Александром Андреевичем Чадским, Репетиловым, Молчалиным, Скалозубом, Удушьевым, Софьей, Хлестовой, Зизи Тугоуховской. Бегичев не просто воспользовался этими, хорошо известными, фамилиями, но и попытался переосмыслить образы грибоедовских героев, разработать отдельные возможности, заложенные в их характерах, но не исчерпанные драматургом до конца. Конечно, действующие лица «Семейства Холмских» не могут быть поставлены в один ряд с персонажами «Горя от ума». Помимо разницы дарований сказалось и то, что Бегичев в романе ограничился только нравственной и бытовой сферами. Другие проблемы находятся вне поля его зрения.

Так, дочь Холмской Софья в соответствии со своим именем воплощает в себе мудрость и выдержку, которыми она и руководствуется во всех поступках, получая от судьбы воздаяние в виде счастливого супружества и материнства. И напротив, пылкая несдержанность Чадского приводит его к несчастью. Характер Чадского в романе разработан наиболее подробно. Использован здесь и тот эпизод из «Горя от ума», где героя подозревают в сумасшествии. У Бегичева графиня Хлестова, интригующая против Чадского, распространяет слух, что он «помешался в уме». Князь Фольгин заявляет Чадскому при встрече: «О тебе сказали, что ты точно помешался в уме и что тебя, *по секрету*, здесь в Москве лечат».³⁸

Пылкость Чадского подана в романе в намеренно сниженном плане. Поводом для дуэли между Чадским и Сердоликовым (последняя фамилия также взята напрокат из «Молодых супругов» Грибоедова — комедии, упоминаемой незадолго до рассказа о поединке³⁹) послужил самый невинный случай. Сердоликов, «хороший знакомый Чадского, прошел мимо его и по неосторожности наступил ему на ногу, прямо на мозоль, от которой Чадский чрезвычайно страдал. Хотя Сердоликов тотчас извинился, но Чадский, забывшись, вскочил в бешенстве со стула, с глазами, пылающими от гнева, и, не помня сам себя, наскзал множество самых оскорбительных, самых колких и ядовитых дерзостей».⁴⁰

Нашел отражение в романе и реальный эпизод, имеющий отношение к Грибоедову и братьям Бегичевым и связанный с «Горем от ума». Е. П. Соковнина в своих воспоминаниях рассказывает о забавном случае, происшедшем летом 1823 г., когда Грибоедов гостил в деревне у С. Н. Бегичева. Вскоре туда приехал и Д. Н. Бегичев. В сумерках в беседке сошлись все обитатели дома. «Так как вечер был очень теплый, то Дмитрий Никитич расстегнул жилет. Жена его Александра Васильевна (урожденная Давыдова, родная сестра партизана Д. В. Давыдова), боясь, чтобы муж не простудился, несколько раз подходила к нему, убеждая застегнуть жилет... Д. Н., увлеченный разговором, не обращал внимания на ее просьбы и наконец с нетерпением воскликнул: „Эх, матушка!“ — и, обратясь к брату, сказал: „А славное было время тогда!“. А. С. Грибоедов, безмолвный свидетель этой сцены, расхохотался, побежал в сад и, вскоре за тем принеся свою рукопись, прочел им сцену между Платон Михайловичем и Натальей Дмитриевной, только что им написанную, прибавив при этом: „Ну, не подумайте, что я вас изобразил в этой сцене; я только что кончил ее перед приходом к вам“. Конечно, все смеялись...» (ГВС, 16—17). В романе этот эпизод введен в историю Чадского. Пронский «с удивлением смотрел <...> на Чадского и сам себя спрашивал: „Неужели это был тот отважный, неустрашимый Чадский, с которым он служил несколько кампаний, которого видал он в пылу сражений, презирающим все опасности и всегда молодцом на лихом коне, впереди всех? Неужели это был тот храбрый, известный в армии офицер, которого называли *рыцарем Баярдом*? — думал Пронский. — Можно ли до такой степени и во всех отношениях перемениться?“ Рассказав о плутовстве дяди и о подвигах пьяниц, дядюшек своих, ни о чем более не говорил Чадский, как только о болезнях, о лекарствах, о лекарях, рассказывал подробно, какие он чувствует припадки и кто, чем, когда его лечил; далее рассуждал он о кушаньях, которые ему вредны, и боялся малейшего сквозного ветра. Наконец Пронский не выдержал. „Помилуй, Александр Андреевич! Тебя узнать нельзя! — сказал он. — Что с тобой сделалось? Да вспомни только кампанию 1812 года, вспомни нашу партизанскую жизнь: боялись ли мы простуды? Рассуждали ль мы тогда, какое кушанье

вредно? Ели, бывало, что попадетсЯ и всегда были здоровы“ — „Что делать, брат! Что было, то прошло, — отвечал Чадский. — А теперь, вообрази себе, недавно не более минуты просидел я на сквозном ветре и какую болезнь выдержал! Чуть было не умер“». ⁴¹ Некоторая неожиданность такой интерпретации образа Чацкого подчеркивается мнением о нем А. И. Герцена, считавшего: «Чацкий не мог бы жить сложа руки ни в капризной брюзгливости, ни в надменном самообоготворении; он не был настолько стар, чтобы находить удовольствие в ворчливом будировании, и не был так молод, чтоб наслаждаться отроческими самоудовлетворениями. В этом характере беспокойного фермента, бродящих дрожжей — вся сущность его». ⁴²

В эпизоде дуэли Чадского с Сердоликовым угадывается контаминация двух реальных дуэлей, в которых участвовал Грибоедов. Первая — между В. В. Шереметевым и А. П. Завадовским. У последнего он был секундантом. И вторая — между самим автором «Горя от ума» и А. И. Якубовичем, фигурировавшим в первом поединке в качестве секунданта Шереметева. Приведем только одну параллель: «В назначенное время явились они на место и нашли там уже Сердоликова. Объяснение продолжалось недолго. Чадский не хотел просить прощения, и дуэль окончился тем, что Сердоликов получил опасную рану в бок. Его отнесли в коляску. Через несколько дней после того он умер. Чадский был ранен легко в руку»; ⁴³ ср.: «Завадовский <...> выстрелил в Шереметева. Пуля попала в бок, а по другим сведениям — прошла через живот и засела в левом боку», ⁴⁴ а также: Якубович «метил в ногу, потому что не хотел убить Грибоедова; но пуля попала ему в левую кисть руки» (ГВС, 62). ⁴⁵

Остается упомянуть еще о тех страницах романа, где описан домашний праздник в семье Пронского, подготовленный его женой. Здесь ощущается радушная атмосфера дома С. Н. Бегичева, всегда привлекавшая Грибоедова. Показательно, что для импровизированной домашней сцены, изображенной в романе, избираются произведения тех современных писателей и композиторов, с которыми был дружен автор «Горя от ума», а вместе с ним и Бегичевы. «Все сели по местам. Выступила первая на сцену <...> Соничка, одетая Пастушкой, и произнесла очень хорошо оду Державина „Бог“. Потом брат ее Фединька в одежде Гения сказал несколько стрóf из оды Ломоносова „Царей и царств земных отрада!“. За ним, очень мило, меньшей их брат Петруша в русской рубашечке, обстриженный в кружок, прочитал басню Крылова „Попрыгунья-стрекоза“. Но всех восхитил <...> стройный мальчик, представший в костюме Фингала. Он вместе с сестроу, одетоу в костюм Моины, отлично-хорошо сыграл целую сцену из трагедии Озерова. <...> Дети Светланиных, также в костюмах, говорили некоторые монологи по-французски из трагедий Расина „Эсфирь“ и „Гофолия“. <...> В заключение спектакля <...> сама Софья, по желанию мужа, села за фортепиано и пропела несколько

любимых его куплетов из водевилей, слова князя Шаховского, Хмельницкого и Писарева, с прелестною музыкою Верстовского и Алябьева. Наконец, по общей просьбе, спела Софья несколько русских песен».⁴⁶

В наши дни роман Д. Н. Бегичева, ставший уже достоянием истории отечественной литературы, представляет для исследователей творчества и биографии Грибоедова определенный интерес как свидетельство очевидца, сохранившего и донесшего до нас некоторые подробности быта грибоедовского времени.

* * *

- ¹ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929, с. 228. — В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением ГВС и указанием страницы.
- ² Предположение М. В. Нечкиной, основанное на сведениях послужного списка Бегичева, что более правильной датой рождения С. Н. Бегичева следует считать 1790 г. (см.: *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977, с. 91, 646), ошибочно, так как Бегичев в письме к Д. А. Смирнову от 15 июня 1857 г. указывал, что ему уже «идет восьмой десяток» (см.: Рус. старина, 1875, № 7, с. 378). И сам Смирнов упоминал в 1858 г., что Бегичеву было 72 года (ГВС, 239).
- ³ См.: Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826. СПб., 1906, с. 255.
- ⁴ *Манзей К. Н.* История лейб-гвардии гусарского его императорского величества полка. СПб., 1859, ч. I—IV, с. 143.
- ⁵ Сборник биографий кавалергардов, с. 255.
- ⁶ *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. В 3-х т. Пг., 1917, т. III, с. 13. — В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте, причем римскими цифрами обозначается том, а арабскими — страница.
- ⁷ ГПБ, архив К. А. Военского, оп. I, ед. хр. 446, л. 1.
- ⁸ *Р—ский П. А.* Дело Михаила Кологривова. — Рус. мысль, 1901, № 11, с. 153.
- ⁹ *Голомбиевский А.* Испанский инсургент. Сын гатчинского генерала. — Рус. арх., 1910, № 1, с. 569.
- ¹⁰ *Розанов И.* Грибоедов и Пушкин. — В кн.: Пушкинский сборник. М., 1900, с. 119—120.
- ¹¹ Цит. по хранящимся в ИРЛИ АН СССР материалам для биографии А. С. Грибоедова (раздел «Бегичевы») из библиотеки и грибоедовского собрания Н. К. Пиксанова.
- ¹² Записки Рафаила Михайловича Зотова. — Ист. вестн., 1896, № 7, с. 49.
- ¹³ Подробнее об этом см.: ГВС, 273—274.
- ¹⁴ *Нечкина М. В.* Указ. соч., с. 150.
- ¹⁵ См.: там же, с. 173—178.
- ¹⁶ См.: там же, с. 59.
- ¹⁷ Восстание декабристов. Л., 1925, т. VIII, с. 31.
- ¹⁸ Там же, т. I, с. 430.
- ¹⁹ *Нечкина М. В.* Указ. соч., с. 434.
- ²⁰ *Тебиев Б.* Пометы «молодого якобинца». — В мире книг, 1976, № 8, с. 87.
- ²¹ Гос. лит. музей, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 5987, л. 114 (Хроники (т. 2) Е. И. Раевской (Бибиковой)). — Такое наблюдение подтверждается и другими данными. Например, в перечне подписчиков на «Мнемозину» имя С. Н. Бегичева стоит под шестым номером (см.: ИРЛИ, ф. 392, № 1, л. 3).
- ²² *Милонов Н.* Истинная красота души. — Молодой коммунар, Тула, 1976, 31 янв., с. 4.
- ²³ *Пиксанов Н. К.* Значение жандровского текста в творческой истории «Горя от ума». — В кн.: «Горе от ума». Комедия А. С. Грибоедова. М., 1912, с. XLVII—XLVIII.
- ²⁴ Вестн. Европы, 1825, № 6, с. 114.

- ²⁵ Вовенарг Люк де Клапье (1715—1747) — французский критик и моралист.
- ²⁶ В письме от 9 сентября 1825 г. он снова спрашивал Бегичева: «Да получил ли ты мое письмо еще из Петербурга от твоей тогдашней статье в мою же защиту и как ты принял мое мнение? Прав ли я был?» (III, 178).
- ²⁷ Рус. старина, 1875, № 7, с. 378.
- ²⁸ *Кобеко Д.* Императорский царскосельский лицей. СПб., 1911, с. 488.
- ²⁹ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 344, примеч. 25.
- ³⁰ ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 227, л. 2.
- ³¹ *Смирнов Д. А.* Биографические известия о Грибоедове. — Беседы в обществе любителей российской словесности, 1868, вып. II, отд. II, с. 4.
- ³² В «Записке...» Бегичева мемуары Булгарина упоминаются несколько раз, причем отдельные сведения, сообщаемые редактором «Северной пчелы», Бегичевым уточняются или исправляются.
- ³³ *Нечкина М. В.* Указ. соч., с. 69.
- ³⁴ См.: *Тынянов Ю. Н.* Соч. В 3-х т. М.; Л., 1959, т. II, с. 40.
- ³⁵ См.: ЦГАЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. хр. 9 (воспроизведено в кн.: *Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX—начало XX в.* Воронеж, 1970, с. 82—83).
- ³⁶ *Фридлиндер Г. М.* Нравописательный роман. Жанр романа в творчестве романтиков 30-х годов. — В кн.: *История русского романа. В 2-х т. М.; Л., 1962, т. I, с. 264.*
- ³⁷ *Китина А. Д.* Д. Н. Бегичев. — В кн.: *Очерки литературной жизни Воронежского края, с. 81.*
- ³⁸ Семейство Холмских. М., 1833, ч. II, с. 109.
- ³⁹ См.: там же, с. 123.
- ⁴⁰ Там же, с. 149.
- ⁴¹ Там же. М., 1833, ч. VI, с. 282—284.
- ⁴² *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1960, т. XX, кн. 1, с. 343.
- ⁴³ Семейство Холмских, ч. II, с. 157.
- ⁴⁴ *Шереметьевский В. О В. В. Шереметеве.* — В кн.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 271.
- ⁴⁵ Едва ли имеет под собой почву предположение С. А. Фомичева о том, что этот эпизод в «Семействе Холмских» восходит к «Оде на поединки», которую исследователь считает принадлежащей Грибоедову (Спорные вопросы грибоедовской текстологии. — Рус. лит., 1977, № 2, с. 73—74). Сомнительно, чтобы четырнадцатилетний подросток («Ода на поединки» написана в 1809 г.) мог при всей его одаренности подняться до осуждения столь общепринятого способа улаживать «дела чести». Ведь и в 1818 г. он не чел возможным уклониться от дуэли. Дело вообще не в том, что мы не располагаем достаточными фактами, позволяющими атрибутировать «Оду на поединки» Грибоедову, а в том, что в описании поединка у Бегичева отчетливо просматриваются подробности двух дуэлей, соединенных автором «Семейства Холмских» в одну. Сентенция же Бегичева, адресованная тем, кто нередко жертвует жизнью из-за безделицы, скорее всего лишь отголосок мнений, возникших после трагического исхода поединков Шереметева и Завадовского и Чернова и Новосильцева. «Сердоликов, — писал Бегичев, — прекрасный молодой человек, один сын у отца, полагавшего на него всю надежду, окончил бедственно, в ужасных мучениях, жизнь свою.... И отчего? — Но тщетны будут все усилия восставать против пагубного обыкновения выходить драться на смерть за всякую безделицу! Этот остаток варварства отдаленнейших времен еще долго будет господствовать между молодыми людьми. Многие читали и будут читать пламенные, излившиеся прямо из души мысли доброго Руссо о дуэлях; многие из читавших, верно, были убеждены истинными, им представленными, и — при первом случае, за малейшую безделицу, готовы вызвать сами или согласиться на дуэль» (Семейство Холмских, ч. II, с. 157—158).
- ⁴⁶ Семейство Холмских, ч. VI, с. 185—186.

А. А. Шаховской

1

Александр Александровичу Шаховскому (1777—1846) Грибоедов был обязан приобщением к театру. Роль Шаховского в истории литературы и театра до сих пор не получила надлежащего освещения в литературоведении. Творчеству Шаховского посвящено всего две-три статьи, и до сих пор нет работы, которая характеризовала бы его многогранную деятельность и вклад драматурга в русское искусство переходной эпохи литературного развития, когда романтизм начал уступать свои позиции реалистическому направлению, хотя уже одно то, что у Шаховского многому научился Грибоедов, обязывает более внимательно относиться к наследию драматурга.

Вышедший в отставку и поселившийся в столице юноша Грибоедов встретил в салоне князя-драматурга многих писателей и актеров, которые впоследствии стали его друзьями. В доме Шаховского можно было увидеть самых разных посетителей: литераторов, музыкантов и просто завсегдатаев кулис и поклонников начинающих дарований. Грибоедов подружился с хозяином, с его частым гостем П. А. Катениным, познакомился с актрисой А. И. Истоминой (знакомство, сыгравшее в его жизни трагическую роль и приведшее в конечном счете к ссылке на Восток).

Почти каждое посещение театра для Грибоедова и его друзей заканчивалось поездкой к Шаховскому. Там, на «чердаке» (так Шаховской любил называть свой салон), обсуждение пьесы, игры актеров или литературные разговоры продолжались до 2—3 часов утра. По словам Р. М. Зотова, «Грибоедов, Хмельницкий, Жандр, Катенин, Барков были его (Шаховского, — В. М.) домашними друзьями и в остроумной беседе его почерпали много поучительного и занимательного».¹

Появлялся здесь и юный А. С. Пушкин. «Знакомцы князя Шаховского: А. С. Грибоедов, П. А. Катенин, А. А. Жандр — ласкали талантливого юношу, но покуда относились к нему как старшие к младшему: он дорожил их мнением и как бы гордился их приязнью» (ГВС, 105).

Литературно-театральные круги 1810-х гг. насчитывали не-

сколько группировок. Охарактеризуем кратко лишь те, с которыми приходилось сталкиваться Грибоедову. Это прежде всего содружества карамзинистов и шишковистов. Сторонники Карамзина, не удовлетворенные состоянием современного русского литературного языка, ратовали за его реформу в духе сближения с разговорным и тяготели к романтизму.

Писатели, объединившиеся вокруг Шишкова и образовавшие «Беседу любителей русского слова», исповедовали нерушимость высокого стиля («церковно-славянская стихия»), отстаивали каноны классицизма.

Однако внутри этих враждующих между собой станом не было единства. Кюхельбекер в набросках к ненапечатанной статье «Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области русской словесности» отмечал, что среди «славян» и в группировке Карамзина были и свои «классики» и «романтики».²

Шаховской был близок к шишковистам, но полного тождества его взгляды со взглядами «Беседы» не имели. Он отличался от «беседчиков» тем, что тяготел к «простонародному» началу в языке; к творчеству Державина, почитавшегося «Беседой» непревзойденным поэтом современности, Шаховской был почти равнодушен. Главное, что сближало Шаховского с шишковистами, заключалось в неприятии мировоззрения и поэтики Карамзина. Кроме того, как упоминал П. А. Смирнов, Шаховской, «восхищаясь песнопениями Ветхого завета, (...) часто читал Псалтырь и потому превосходно изучил славянский язык со всем его богатством и красотами».³ Не из этого ли источника возник интерес к Ветхому завету и у отнюдь не религиозного в молодости Грибоедова?

На «чердаке» Шаховского Грибоедов впервые приобщился к разговорам о красоте и привлекательности древнерусского быта, в частности средневековой национальной одежды, пропагандистом которой был Шаховской. Как свидетельствовал современник, перед Шаховским «стали сравнивать нынче принятое платье с чисто русским и, расхваливая бархатные одnorядки, шубы, охабни и вообще согласную с климатом одежду, нечаянно спросили: что, если бы ее ввести теперь? При этом вопросе он молча закрыл лицо руками, быстро вскочил со своего места и со словами: „Зачем осуществлять то прекрасное старое, чего возвратить нельзя?“ — от внутреннего волнения большими шагами стал ходить по огромному своему кабинету».⁴ Впоследствии, в 1824 г., достоинства национальной одежды обсуждались Грибоедовым в беседах с А. А. Бестужевым и Кюхельбекером.

Общение с Шаховским, который в это время несомненно был для Грибоедова очень авторитетен, казалось бы, должно было привести последнего в «Беседу», но этого не произошло. Грибоедов с самого начала творческого пути занял независимую позицию, ограничиваясь кружком избранных друзей (Жандр,

Катенин, С. Н. Бегичев, Чипягов), в котором много рассуждали о литературе, но, по словам С. Н. Бегичева, пока еще «мало писали».

И все же довольно скоро Грибоедов заявил в печати о своих литературных вкусах. Поводом для этого явилась нашумевшая пьеса Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (первое представление — 23 сентября 1815 г.). Литературный мир столицы шумно реагировал на это произведение и в оценке его разделился на два враждующих лагеря, поскольку пьеса была прямым вызовом сторонникам Карамзина, в эту пору особенно активно выступавшим против «Беседы». В сентиментальном поэте Фиалкине, сочинителе унылых и «ужасных» баллад, зрители узнали одного из самых видных карамзинистов — В. А. Жуковского, в Угарове угадали пародию на В. Л. Пушкина. Имелись в комедии Шаховского и иные многочисленные выпады по адресу его литературных противников.

«Липецкие воды» вызвали ответный поток эпиграмм, язвительных намеков в журнальных статьях и возмущенных частных писем. Началась «страшная война на Парнасе».

Мы не знаем, как оценивал комедию Грибоедов, — каких-либо документов на этот счет нет. Но Грибоедов дал понять вмешавшимся в «страшную войну», что к подлинной литературе она имеет весьма отдаленное отношение. В «Сыне отечества» (1815, № 45, ценз. разр. — 29 ноября 1815 г.) появилась эпиграмма, введенная Н. И. Гречем в текст своей статьи, которая была посвящена пьесе Шаховского. Принадлежность эпиграммы Грибоедову удостоверена С. Н. Бегичевым. Грибоедов использовал стихотворную форму «приказа», исходящего от Аполлона:

На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тиснению
Не по его внушенью!

(1, 3)

Вместе с тем несколько позднее Грибоедов, как и Шаховской, выступил против Жуковского, поместив в 1816 г. в «Сыне отечества» статью «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора“». Статья была написана в защиту Катенина, который, будучи не удовлетворен переводом Жуковского, дерзнул предложить свой, более «простонародный», перевод. Сторонники Жуковского были возмущены этим поступком и подвергли Катенина едкой и несправедливой критике. Грибоедов напоминал, что перед судом публики ни один художник, в том числе и Жуковский, не может претендовать на абсолютную непогрешимость.

Имя Шаховского в статье Грибоедова отсутствует, но есть основания считать, что критик обыгрывает памятную всем реплику Фиалкина, пародировавшую принципы поэзии Жуковского:

И полночь, и петух, и звон костей в гробах,
И чу!.. все страшно в них (стихах, — В. М.);
Но милым все приятно,
Все восхитительно! хотя невероятно.⁵

Это уже отмечалось исследователями творчества Шаховского.⁶ Дело в том, что Грибоедов цитирует именно те строки Жуковского, в которых присутствуют и «келья гробовая», и «полночный час», насчитывает четыре стиха, начинающиеся с «чу!», Правда, вместо петуха он вспоминает «совы пустынной крики». Иронизирует Грибоедов и над последними словами Фиалкина: «...мнимый жених Людмила признается ей, что дом его гроб и путь к нему далек. Я бы, например, после этого ни минуты с ним не остался; но не все видят вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нежною рукою и помчалась с ним... Дорóгой спутник ее ворчит сквозь зубы, что он мертвый и что:

Путь их к келье гробовой.

Эта несообразность замечена уже рецензентом „Ольги“ (так назывался перевод Катенина, — В. М.). Но что ж? Людмила, верно, вскрикнула, обмерла со страху? Она спокойно отвечает:

Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом — земли утроба.

Впрочем, дорóгой Людмиле довольно весело: ей встречаются приятные тени...» (III, 24).

Сторонники Карамзина и Жуковского, прочитав статью, без колебаний отнесли Грибоедова к кругу шишковистов. «Откуда взялся рыцарь Грибоедов? — спрашивал В. Л. Пушкин Н. И. Гнедича. — Кто воздоил сего кандидата Беседы пресловутой?»⁷

Выступая как единомышленник Шаховского по отношению к поэзии Жуковского, Грибоедов одновременно не слишком высоко ставил положительных героев «Липецких вод». Уже в 1819 г. ему было ясно, что Холмский и Ольгин слишком «идеальны» и далеки от «вещественного мира» (III, 35).

Резкая критика комедии Шаховского, выражавшаяся сначала в основном в эпиграммах, получила печатное воплощение только спустя четыре года после премьеры. Откликаясь на новую постановку «Липецких вод», А. А. Бестужев, не принадлежавший ни к одному из враждующих лагерей, нашел, что в пьесе нет ничего, заслуживающего внимания публики. Молодой критик был не удовлетворен как бледностью положительных героев, так и памфлетной направленностью комедии. Он считал, что «комедия „Урок кокеткам“ есть вместе и урок драматическим писателям, что она имела цену только по игре актеров, что она *блестит* одною своею

иллюминацией и вообще принадлежит к числу пьес, которые знаменитый Попе назвал *барабанными*.⁸

Ни Бестужев, ни другие критики Шаховского не увидели, что в этой пьесе драматург продемонстрировал блестящую по тем временам непринужденность разговорного стиля. Его герои играют словом, перебрасываются меткими, запоминающимися репликами, их речь тяготеет к афористичности. Так близко к передаче современного разговорного языка на сцене до Шаховского еще никто не подходил.

Оценил это завоевание Шаховского только Грибоедов. «Горе от ума» наглядно свидетельствует, что уроки Шаховского не пропали даром. Но, говоря об этих уроках, нет нужды оперировать несколькими прямолинейными сопоставлениями «Липецких вод» и «Горя от ума», как это делает автор в общем интересной и глубокой работы о Шаховском А. А. Гозенпуд. Исследователь прав, говоря, что Грибоедов «не мог пройти мимо нее (комедии Шаховского; — В. М.)», но при этом он, к сожалению, ограничивается только констатацией некоторого внешнего сходства.

Действительно, «диалог графини Лелевой и графа Ольгина (действие V), в котором даны меткие характеристики посетителей светских салонов, напоминает первую встречу Чацкого и Софьи. Граф Ольгин приехал на Липецкие воды не для лечения, а больше от скуки. Так и Чацкий: „Лечился, говорят, на кислых он водах, Не от болезни, чай, от скуки, — повольнее“. Самая сцена ночного свидания Лелевой и Ольгина, свидетелем которой оказывается Пронский, напоминает развязку „Горя от ума“ (Чацкий — свидетель объяснения Софьи с Молчалиным)».⁹

Но параллели к эпизодам, на которых останавливается А. А. Гозенпуд, обнаруживаются во множестве комедий, русских и зарубежных, второй половины XVIII—начала XIX в. Светское злословие на счет отсутствующих; герой, случайно увидевший, как девушка, которую он любит, выходит на свидание к другому, — все это стандартные «блоки», из которых строится почти любая светская комедия.¹⁰ Используя эти ситуации в «Горе от ума», Грибоедов шел не только за Шаховским, он опирался на традиционную комедийную поэтику.

Судя по тому, как уже в 1817 г. отзывался Грибоедов о другой комедии Шаховского «Пустодомы», нет оснований считать, что он мог учиться у автора «Липецких вод» искусству строить интригу. В письме Грибоедова к Катенину подчеркивается именно неудовлетворенность шаблонностью фабулы «Пустодомов»: «...развязка преакуратная: граф женится на княжне, князь с княжной уезжают в деревню, дядя и тетка изъясняют моральную цель всего происшедшего, Машу и Ваньку устыжают, они хотят — стыдятся, хотят — нет, Цаплин в полиции, Инквартус и многие другие в дураках, в числе их будут и зрители, я думаю, ну да это не мое дело, я буду хлопать» (III, 125).

В произведениях Шаховского не содержится каких-либо композиционных новаций, большинство его пьес не отличаются сложностью построения либо неожиданностью развития действия, в основном они создаются по «типовым» образцам: соперничество добродетельного и отрицательного героев, коварство и плутовство, разоблачаемые к финалу, наказанный порок и т. д. Впрочем, и для Грибоедова до «Горя от ума» фабула не стояла на первом месте. Да и в самом «Горе от ума» использованы многие традиционные ситуации, хотя и в переосмысленном виде.

Ко времени завершения своего шедевра Грибоедов осознал, что традиционные схемы в драматургии являются пройденным этапом, поскольку ведут к снижению психологической убедительности характеров. Он писал Катенину: «...в природе всяких событий, мелких и важных: чем внезапнее, тем более увлекают в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую: разеваюсь и вон бегу из театра» (III, 168).

У Шаховского Грибоедов учился простоте и характерности диалога, умению сделать повседневную разговорную речь достоянием сцены. Симптоматично, что нападки на пьесы Шаховского и на «Горе от ума», исходившие в разное время от разных лиц, содержали одинаковые обвинения в «грубости» речей персонажей. И когда А. А. Гозенпуд пишет, что Шаховской, «стремившийся сделать сценический диалог живым, разговорным, правдивым (...) предварял путь Грибоедова к „Горю от ума“», он обнаруживает то главное, что объединяло Грибоедова и Шаховского.¹¹

Кроме того, Грибоедов, как и почти любой драматург того времени, прибегал и к прямым «заимствованиям» из пьес Шаховского. Так, налицо скрытое цитирование в «Горе от ума» отдельных реплик из комедии Шаховского «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» (1818), ибо и «Не любо — не слушай...», и «Своя семья, или Замужняя невеста», сочиненная Шаховским при участии Грибоедова и Н. И. Хмельницкого, пользовались огромной популярностью. Эти две комедии, вспоминал Р. М. Зотов, «перешли на все домашние театры».¹²

Еще Л. П. Гроссманом замечено, что «ряд отдельных моментов диалога и даже некоторые положения этой пьески Шаховского («Не любо — не слушай...», — В. М.) нашли довольно близкое отражение в „Горе от ума“». Например, Зарницкин обещает подарить Дашеньке серьги с жемчугом. «Жемчуг хоть не зернист, В орешек небольшой, да уж зато как чист: И что за милая отделка» (ср. со сценой прельщения Лизы Молчалиным, сулящим ей туалет «прехитрой работы»). Зарницкин рассказывает о шпиче «не более наперстка». Монолог Зарницкина при первом его появлении на сцене почти предваряет слова Чацкого о том, как он за 45 часов, через ветер и бурю, проскакал более 700 верст. У Шаховского Зарницкин восклицает: «А я скакал фельдъегерям на диво. Пять раз был выброшен... Но в тридцать два часа...

Из Петербурга к вам не всякий бы поспел!». Л. П. Гроссман указывает и на «совпадения отдельных выражений: „обрыскал я весь свет“, „такая гиль“, „да нынче уж не то, что было“, и проч.».¹³

Грибоедов сознательно вводит в текст своего произведения «скрытые цитаты и „заимствования“ (...) поскольку он совершенно уверен в том, что источники материала хорошо известны современникам, что цитата в два-три слова, короткий намек на эпизод пробудят в читателе (зрителе) ассоциативную память, а возникшие ассоциации дополнят грибоедовский эпизод или образ определенными чертами, имеющимися в том литературном произведении, на которое указывает автор „Горе от ума“».¹⁴ Это наблюдение подтверждается и заявлением самого драматурга, писавшего: «В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, — но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно» (III, 101).

Таким образом два мотива, связывающие Молчалина с Зарницкиным, подсказывают зрителю мысль об изначальной лживости персонажа. Иное дело — сходство высказываний Зарницкина и Чацкого. Вкладывая в уста Чацкого вариант реплики Зарницкина, Грибоедов как бы прибегает к «условному знаку», при помощи которого зрителю дают понять, что и умный и серьезный влюбленный человек может быть отчасти хвастлив и слегка смешон.

Усвоены Грибоедовым и завоевания Шаховского в области стихосложения. Ведь именно Шаховской впервые применил разно-стопный ямб для передачи беглой разговорной речи в «Не люблю — не слушай...».

Итак, «Горе от ума» подготавливалось русской комедийной традицией, причем на творчество Шаховского Грибоедов опирался чаще, чем на произведения какого-либо иного автора, но он не подражал Шаховскому, а пользовался его достижениями, возводя их в качественно новую степень. «„Горе от ума“, — отмечал А. Л. Слонимский, — подводит итоги всему развитию комедии с 1815 по 1825 г., стоит на конце того пути, первым этапом которого были „Липецкие воды“ Шаховского. Однако те средства, которыми пользовался Шаховской в консервативных целях, применены здесь для пропаганды декабристских идей. Сатирическое направление Шаховского слилось у Грибоедова со свободным духом „благородной“ комедии и с ее внешней отделкой — изяществом стиха и гибкостью и лёгкостью диалога».¹⁵

Примечательно, что современники не находили ничего общего между Шаховским и Грибоедовым или по крайней мере старались убедить в этом любителей театра и литературы. В то время как комедии Шаховского порицались за грубость, «простонародность» языка, «Притворная неверность», переведенная Грибоедовым и Жандром, характеризовалась как образец стилистического вкуса.

«Смело можем рекомендовать перевод сей любителям поэзии... — писал рецензент «Сына отечества». — Известно, сколь трудно переводить с *разговорного* французского языка на *книжный* русский. Тем более чести *победителям*. Читая „Притворную неверность“, забываешь, что это перевод».¹⁶

Когда цензор В. И. Соц под псевдонимом «Ъ» выступил с критикой комедии Н. И. Хмельницкого «Воздушные замки», его оппонент Д. Н. Барков высказал догадку, что он подвергает сомнению достоинства и других пьес этого жанра, «метит на новейшие произведения, например на комедии „Своя семья“, „Воздушные замки“, „Говорун“, „Притворную неверность“ и проч., делающие честь сочинителям и переводчикам...».¹⁷

Соц тотчас же попросил Баркова исключить из этого перечня «Притворную неверность»: «...буква Ъ никогда не позволяла себе ценить сию комедию наряду с прочими, которых имена вы удачно угадали».¹⁸

Полярность оценок Шаховского и Грибоедова во многом была обусловлена театральнo-критической стратегией и тактикой, желанием сократить число сторонников ведущего комедиографа, которого его противники обвиняли в интригах против Озерова и в нетерпимости к любому соперничеству. Грибоедов же был искренно расположен к Шаховскому. Он писал С. Н. Бегичеву из Грузии: «Князю напоминай обо мне почаще. Это одно из самых приятных для меня созданий. Не могу довольно нарадоваться, что он в числе тех, которые меня любят и к кому я сам душевно привязан. Его статура, чтение, сочинения, горячность в спорах о стопах и рифмах, кротость с Катериной Ивановной (Е. И. Ежовой, — В. М.), — не поверишь, как память об этом обо всем иногда развеселяет меня в одиночестве...» (III, 53).

И в письме к Катенину (февраль 1820 г.) сохранены все те же выражения, лишь немного изменен порядок слов и добавлено определение Шаховского: «наш цензор всегдашний» (III, 138).¹⁹ Для Грибоедова признание многозначительное: он очень немногим доверял быть своим «цензором» или «корректором».

Существует еще один документ, свидетельствующий о том, что в конце 1810-х гг. авторитет Шаховского в глазах Грибоедова был высоким. Это отрывок письма Грибоедова, датированного 17 ноября 1820 г., которое, по общему мнению исследователей, могло быть адресовано только Шаховскому. Предположение это хорошо согласуется с той грибоедовской оценкой драматурга, которая была изложена выше.

Грибоедов писал: «Вхожу в дом, в нем праздничный вечер; я в этом доме не бывал прежде. Хозяин и хозяйка, Поль с женою, меня принимают в двери. Пробегаю первый зал и еще несколько других. Везде освещение; то тесно между людьми, то просторно. Попадают многие лица, одно как будто моего дяди, другие тоже знакомые; дохожу до последней комнаты, толпа народу, кто за ужином, кто за разговором; вы там же сидели в углу,

наклонившись к кому-то, шептали, и ваша возле вас. Необыкновенно приятное чувство и не новое, а по воспоминанию мелькнуло во мне, я повернулся и еще куда-то пошел, где-то был, воротился; вы из той же комнаты выходите ко мне навстречу. Первое ваше слово: вы ли это, А. С.? Как переменялись? Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко от посторонних в уединенную, длинную, боковую комнату, к широкому окошку, головой приклонились к моей щеке, щека у меня разгорелась, и подивитесь! вам труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда был выше вас гораздо. Но во сне величины искажаются, а все это сон, не забудьте.

Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? — Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет — вы досадовали. — Дайте мне обещание, что напишете. — Что же вам угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Через год, непременно. — Обязываюсь. — Через год, клятву дайте... И я дал ее с трепетом. <...> Сажусь писать и живо помню мое обещание; *во сне дано, наяву исполнится*» (III, 144—145).

Прежде всего необходимо установить, точно ли Шаховскому предназначалось это письмо. Н. К. Пиксанов, например, отметил некоторые моменты, дающие повод для сомнения в этом, хотя в конце концов пришел к выводу: «...из всех тогдашних литературных друзей Грибоедова оно ближе всего подходит к Шаховскому» (III, 315). Ученого смутили такие детали: «„Поль с женою“, — рассуждал он, — не может относиться к Катенину, так как тот был холост; Шаховской был высокого роста; слово *ваша* может быть отнесено к жене или подруге кого угодно» (там же). Но ведь Грибоедов специально отметил, что все это происходит во сне, а во сне «величины искажаются» и факты могут предстать в иных комбинациях.

Из процитированного отрывка явствует, что Грибоедов делился с Шаховским (а кроме Шаховского ни об одном другом литераторе не может идти речь) своими творческими планами, замыслом создания «Горя от ума». Установление этого факта в особенности важно потому, что, по признанию Грибоедова, «первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь, в суетном наряде, в который я принужден был облечь его» (III, 100). Обращение к Шаховскому тем более вероятно, что «при обилии любителей и дилетантов в этой области Шаховской был едва ли не единственным театральным писателем-профессионалом...».²⁰

Помимо дружеского расположения к Шаховскому Грибоедов некоторое время имел с ним и отдельные точки соприкосновения по эстетическим вопросам. Драматические принципы Шаховского, декларированные им в предисловии к «Полубарским затеям», отмечал Н. И. Мордовченко, «очень близки к поэтике „Горя от ума“».²¹ Нам представляется, что сходство это преувеличено,

хотя и отрицать его вовсе не приходится. Действительно, анализируя мольеровского «Мизантропа», Шаховской находил, что прославленный французский драматург «вывел на сцену так называемого Мизантропа и заставил его смешить резкою добродетелью тех самых, чьи пороки предавал осмеянию современников и потомства».²² И у Грибоедова «резкая добродетель» Чацкого также смешила Фамусовых, Скалозубов и Молчалиных. Однако в каждом из образов, созданных Грибоедовым, совмещается по несколько характеров, тогда как (это отмечалось уже Пушкиным) у Мольера каждый персонаж является средоточием одной центральной идеи.

Более правомерным представляется нам отмеченное Н. И. Мордовченко тождество философских представлений Шаховского и Грибоедова о природе мышления и искусства. Шаховской считал: «...искусство <...> не есть нечто условное, зависящее от обстоятельств и моды <...> оно почерпнуто в умственной природе человека, основано на высоких истинах нравственности и общественного блага и потому точное, неизменное, вечное».²³ Грибоедов же в «Замечаниях на русскую грамматику Греча» (1824—1825) записал для себя: «...по-моему, система языка только в подробности образуется постепенно, а главное ее основание есть одна из врожденных идей в человеке, доказательством служат народы, отделенные друг от друга океаном, никогда не имевшие сообщения между собою, а коренные правила языка у всех у них одни и те же» (III, 105).

Итак, можно говорить об определенном сходстве литературно-эстетических взглядов Шаховского и Грибоедова до 1818 г. Только при таком условии и мог вступить будущий автор «Горя от ума» в сотрудничество с Шаховским. Забегая вперед, отметим, что Грибоедов, не будучи профессиональным писателем, существующим на заработки от своих произведений, соглашался на соавторство только в тех случаях, когда его с другим лицом связывали дружеские отношения и общность позиций (Катенин, Жандр, Вяземский).

Так произошло и на этот раз. Шаховской, который обладал даром угадывать еще не до конца раскрывшиеся дарования, обратился в конце лета 1817 г. к Грибоедову и Н. И. Хмельницкому за помощью. 4 сентября Грибоедов сообщал Бегичеву: «...Шаховской меня просит сделать несколько сцен стихами в комедии, которую он пишет для бенефиса Валберховой («Своя семья, или Замужняя невеста», — В. М.), и я их сделал довольно удачно» (III, 124). Грибоедов написал явления 1—5 второго действия пьесы. До появления отдельного издания и в несколько иной редакции Грибоедов напечатал эти сцены в «Сыне отечества» (1817, № 48). Будучи введенными в общий текст произведения, сцены, написанные Грибоедовым и Хмельницким, были подвергнуты Шаховским небольшой правке, не меняющей, однако, созданного его соавторами в смысловом отношении.

Сам Шаховской в предисловии к отдельному изданию комедии (ценз. разр. — 16 янв. 1818 г.) объяснял участие двух других драматургов в сочинении пьесы срочностью работы, которая должна была быть закончена к бенефису М. И. Валберховой. Но если принять во внимание, что Грибоедов написал небольшую часть начала второго действия, а Хмельницкий лишь одну сцену третьего, то станет понятно, что не спешка являлась главным мотивом приглашения соавторов. Шаховской, которого в это время упрекали в завистливости и интригах против возможных соперников, хотел отвести от себя подобные наветы. «Привлекая Грибоедова и Хмельницкого, — пишет А. А. Гозенпуд, — он выступал в роли покровителя молодых талантов, а это, пожалуй, для него было всего важнее».²⁴

Первый этап общения Шаховского с Грибоедовым (до отъезда его в Грузию) отмечен дружеской приязнью и творческим содружеством, причем Шаховской в это время выступает как руководитель молодого драматурга, помогающий ему постичь законы сцены. По-иному складываются их взаимоотношения в дальнейшем. Возмужание таланта Грибоедова, находившегося почти пять лет вдали от Петербурга и много размышлявшего самостоятельно, привело его к переоценке многих ценностей, в том числе и творчества Шаховского.

2

В триумфальное для Грибоедова-драматурга лето 1824 г., когда весь литературный мир столицы спешил ознакомиться с его комедией, Грибоедов не без удовольствия писал С. Н. Бегичеву: «Шаховск [ой] решительно признает себя побежденным (на этот раз)» (III, 156). Ему еще льстило такое признание, сделанное человеком, которого он помнил в роли законодателя мнений в театральной сфере, тем более что Шаховской демонстрировал самое горячее расположение к Грибоедову, приглашал его остановиться у себя на квартире.

Но стоило Грибоедову обжиться в Петербурге, напитаться новыми впечатлениями, разобраться в переменах, которые за это время произошли в литературе и театре, как он начал осознавать, что жизнь двинулась вперед, а Шаховской остался на месте. Грибоедов писал Катенину 17 октября 1824 г.: «Я, по крайней мере, все нашел по-старому; у Шаховского прежние погрешушки, только имя новое; он вообразил себе, что перешел в романтики, и с тех пор ни одна сказка, ни басня не минует его рук, все перекраивает в пользу Дюр, Брянского и пр.: на днях, кажется, соорудил трилогию из „Медведя и Пустынника“ Крылова. Я у него бываю, оттого что все другие его ругают, это в моих глазах придает ему некоторое достоинство» (III, 162). Действительно, Шаховской в этом году усердно поставлял на сцену инсценировки популярных романти-

ческих произведений. Назовем только наиболее интересные из них: «Судьба Ниджеля, или Всё беда для несчастного» (сюжет заимствован из романа В. Скотта), «Фингал и Розкрана, или Каледонские обычаи. Драматическая поэма в трех действиях с пением, хорами, поединками, морвенскими обычаями и великолепным спектаклем, взятая из „Песен“ Оссиановых», «Финн. Волшебная комедия в стихах. Сочиненная кн. А. А. Шаховским из эпизода поэмы „Руслан и Людмила“ (А. С. Пушкина)». Ирония Грибоедова по адресу Шаховского понятна. Для автора «Горя от ума» сочинение пьес, рассчитанных на то, чтобы занять публику, дать возможность бенефицианту выступить в новой эффектной роли, граничило с профанацией литературы и театра.

Более чем сдержанную оценку Грибоедов дал и оригинальной комедии Шаховского «Ты и Вы, послание Вольтера, или Шестидесять лет антракта», сюжет которой был заимствован из биографии фернейского философа. Восторженно характеризуя игру И. И. Сосницкого, исполнявшего роль Вольтера, Грибоедов находит нужным подчеркнуть, что пьеса ниже возможностей актера, она «не избилует» «остротой». В комедии Шаховского, считает Грибоедов, нет психологической глубины, как нет и отражения того главного, что отличало жизнь Вольтера, «но есть прозаическое сходство: удивление при встрече с любовницею после 60 лет разлуки; самодовольствие Вольтера, что он первый познакомил французов с англичанами, первый был вызван и увенчан в театре; анекдот с перстнем, кофейная острота и проч. мелочь. Как бы то ни было, Сосницкий чрезвычайно хорош и добавляет автора» (III, 159).

В чем же причина недовольства Грибоедова произведениями Шаховского, которые совсем недавно казались ему вполне приемлемыми? Ответ на этот вопрос содержится в уже упоминавшемся выше предисловии Шаховского к его комедии «Полубарские затеи». По Шаховскому, комедия должна способствовать упорочению исторически сложившихся общественных форм, а никоим образом не расшатывать их. Шаховской писал: «Законы, по словам Наказа, должны отменяться и исправляться законами, а обычаи обычаями: и в этом смысле кто более комического автора может содействовать общественному благу — цели мудрого правительства? Обязанность сочинителя комедий начинается там, где умолкает власть законов. Вредные обычаи, закоренелые предрассудки, буйные страсти, безрассудные нововведения, невежество, чванство и подлость, не подлежащие гражданской казни, выводятся им пред народное судилище и казнятся осмеянием».²⁵

Пока Грибоедов был только автором светских комедий, подобные идеи не вызывали у него протеста. Но автор «Горя от ума», смело вторгающийся в политику, не мог согласиться с тем, что искусство должно ограничиваться только нравственной проповедью, не заглядывая в другие сферы общественной жизни.

Разочаровывается Грибоедов и в человеческих качествах князя. Он все еще посещает Шаховского, однако его отзыв о нем совсем не лестен: «...Милорадович глуп, хвастлив, идол Шаховского, который ему подличает. Оба скоты!» (III, 165). Это сказано не под влиянием минуты. И в конце 1825 г. Грибоедов, вспомнив о Шаховском, говорит о нем с пренебрежением: «Шаховской-таки сосватал сестру за полицейского Юпитера, черт с ними со всеми» (III, 188).

Шаховской же еще ранее описываемых событий, видимо, чувствовал, что в Грибоедове происходят перемены, но сам свое отношение к нему пересматривать не собирался. Он писал в 1823 г. в Москву В. Ф. Одоевскому: «Если Грибоедов в Москве, то напомните ему, что еще существует человек, который едва ли не больше всех знакомых его любил, любит и будет любить, хотя и не очень полагается на взаимность».²⁶

Слухи об охлаждении Грибоедова к Шаховскому дошли и до московских литераторов. И если прежде критика, враждебная Шаховскому, старалась изолировать от него Грибоедова, то теперь Шаховского отторгают от автора «Горя от ума». А. И. Писарев, не желавший найти в комедии Грибоедова никаких достоинств, возражая Н. А. Полевою и О. М. Сомову, которые утверждали приоритет Грибоедова в использовании в комедии разностопного стиха, писал: «...*неслыханный* размер 6¹/₂ стоп ямба с пиррихием <...> удивил г-на Полевого своей новостью. Но, по крайней мере, г-н Полевой ошибся без умысла, а здесь (у О. Сомова, — В. М.) видно явное неблагоприятное отношение к лучшему нашему драматическому писателю, у которого многие комедии были уже написаны прелестными вольными стихами, когда „Горе от ума“ еще таилось в неизвестности».²⁷

На этом история взаимоотношений Грибоедова и Шаховского могла бы быть законченной, если бы последний не вступил в соперничество с автором «Горя от ума». Признав себя побежденным, Шаховской не помышлял о творческом соревновании с Грибоедовым. Он, разумеется, сознавал, что поэтические высоты «Горя от ума» для него недостижимы. Но самая природа дарования Шаховского — стремление мгновенно откликнуться на зарождающиеся конфликты, изображать типы, еще находящиеся в процессе формирования, — и способствующая этому стремлению бурная в политическом отношении эпоха вынудили Шаховского, может быть даже неосознанно для него самого, к тому, чтобы попытаться решить задачи, поставленные в «Горе от ума», со своих позиций.

Плодом этих размышлений Шаховского явилась его пьеса «Аристофан, или Представление комедии „Всадники“», поставленная на московской и петербургской сценах в 1825 г., немногим более чем за месяц до восстания на Сенатской площади.

Уже давно за Шаховским, редкая пьеса которого обходилась без портретных изображений современников, закрепилось про-

звизе русского Аристофана. В новом своем произведении, где действие отнесено на много веков назад, Шаховской решилс в образе центрального героя дать собственный портрет и вывести «карикатуры его (Аристофана, — В. М.) неприятелей, могущие напомнить нашим зрителям их соседей».²⁸ Однако прямые аллюзии в «Аристофане» в отличие от предыдущих произведений драматурга не слишком ощутимы. Портретного сходства между Аристофаном и автором пьесы нет. Свою задачу в этом смысле Шаховской понимал значительно шире. Суть образа Аристофана в том, что в его монологах выражена социальная и литературная позиция Шаховского. Недаром он считал «Аристофана» своим задушевым творением.

Аристофан твердо заявляет:

Глупцов я не боюсь,
Их дружбы не хочу,
Их неприязню горжусь,
Смешу других и сам над ними хохочу.²⁹

Этот монолог сменяется горькими рассуждениями о неблагодарности и забывчивости народа, рукоплещущего тем, кто находится в зените славы, и скоро забывающего прежних кумиров. Вполне возможно, что здесь подразумевался и успех «Горя от ума». Аристофан скептически относится к народному большинству:

Как трудно возбудить в народе умный смех,
Как комик должен быть в изображеньях точен,
Разборчив, весел, жив; и как его успех
Всегда сомнителен — и редко прочен!³⁰

И в предисловии к пьесе, и в многочисленных примечаниях к ней Шаховской подчеркивал свое желание «переродиться в древнего грека», соблюсти историческую точность во всех деталях быта, но первоначальная заданность комедии всячески мешала этому. Многочисленные «археологические» подробности лишь затрудняют восприятие центрального замысла, снижают остроту главного конфликта пьесы.

Этот конфликт, расстановка сил в «Аристофане» те же, что и в «Горе от ума», но насколько бледнее в произведении Шаховского обрисованы представители двух враждебных лагерей! И дело не только в том, что талант Шаховского несравним с талантом Грибоедова. Вопреки намерениям автора изобразить Аристофана поборником справедливости, героем, совершающим мужественный поступок, он все же оказывается лишь защитником консервативного аристократического строя, а Клеон и его сторонники — представители демоса — охарактеризованы как люди, лишенные чести и благородства да к тому же и не слишком умные.

В «преддекабристскую» пору, когда демократические взгляды декабристов господствовали и в искусстве, и в жизни, Шаховской

не слишком афишировал свои взгляды на народную массу. Не случайно, «предлагая к печати в декабристских альманахах отрывки из своей пьесы, Шаховской отбирал нейтральные страницы, эпизоды, осуждающие Клеона, а не легкомыслие народа».³¹

Неоднократно встречавшийся с Грибоедовым, много раз писавший о «Горе от ума» В. А. Ушаков откликнулся на «Аристофана» спустя пять лет после его премьеры. В это время пьеса, на первом представлении имевшая шумный успех, уже не пользовалась благосклонностью публики. По всей вероятности, причина восторженного отношения зрителей к первому представлению комедии заключалась в том, что многие усматривали в ней прямые параллели с современностью, и в том, что хотя бы в ослабленном и половинчатом виде могли лицезреть на сцене ситуацию, знакомую по неопубликованному «Горю от ума». Объясняя причины забвения «Аристофана», Ушаков видел их в консерватизме деклараций Шаховского, обнаружившемся со временем еще более выпукло. Известность драматурга начинала уже идти на убыль, а его эстетические принципы и социальные позиции после «Горя от ума» казались безнадежным анахронизмом. На это и указывал В. А. Ушаков: «Будь только она (комедия Шаховского, — В. М.) написана в современных нравах; выведи автор того же самого пылкого, умного комика Аристофана, отважного врага предрассудков и злоупотреблений, но одень его не в греческий хитон, а в безобразный фрак XIX столетия; избери ему местом действия Москву или Петербург; окружи его особами, которые нам знакомы, сделай из него Аристофана — Чацкого, и тогда я ручаюсь, что эта комедия имела бы одинаковую участь с бессмертным произведением Грибоедова».³²

Но для этого Шаховской должен был бы стать Грибоедовым. Политические взгляды «русского Аристофана» были порождены XVIII веком, его художественные произведения принадлежали к лучшим образцам двух первых десятилетий XIX столетия, тогда как «Горе от ума», вызванное к жизни своим временем, было устремлено в будущее.

* * *

¹ Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров, 1846, т. 14, № 4, с. 40.

² См.: Литературно-критические работы декабристов. М., 1978, с. 208.

³ Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров, 1847, т. 1, с. 121.

⁴ Там же, с. 120.

⁵ Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. 2-е изд. Л., 1961, с. 238 (Б-ка поэта. Большая сер.).

⁶ См.: Гозенпуд А. А. Шаховской. — В кн.: Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения, с. 47.

⁷ Батюшков К. Н. Соч. Т. I—III. СПб., 1886, т. III, с. 728.

⁸ Сын отечества, 1819, № 6, с. 273.

⁹ Гозенпуд А. А. Указ. соч., с. 40.

¹⁰ Например, в «Русском парижанце» Д. И. Хвостова Жеманиха в разговоре

с Благодарумом обсуждает пороки и недостатки всех общих знакомых. Подробнее об этом см.: *Борисов Ю. Н.* «Горе от ума» и русская стихотворная комедия. Саратов, 1978, с. 63—64, а также: *Зорин А. Л.* «Горе от ума» и русская комеднография 10—20-х годов XIX века. — В кн.: Филология. М., 1977, вып. 5, с. 68—81.

¹¹ *Гозенпуд А. А.* Указ. соч., с. 43.

¹² Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров, 1846, т. 14, № 4, с. 25.

¹³ См.: *Гроссман Л.* Пушкин в театральных креслах. Л., 1926, с. 142—143.

¹⁴ *Западов В. А.* Функции цитат в художественной системе «Горя от ума». — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977, с. 65.

¹⁵ *Слонимский А.* «Горе от ума» и комедия эпохи декабристов. — В кн.: А. С. Грибоедов. 1795—1829. М., 1946, с. 70.

¹⁶ Сын отечества, 1818, № 19, с. 263.

¹⁷ Там же, № 43, с. 252.

¹⁸ Там же, № 44, с. 274.

¹⁹ По-видимому, письма к Катенину и С. Н. Бегичеву написаны в один и тот же день. На основании почти полного текстуального совпадения двух высказываний о Шаховском в данных письмах нам представляется более верным датировать письмо к С. Н. Бегичеву февралем 1820, а не 1819 г., как это делается в изданиях сочинений Грибоедова. Подобная идентичность возможна лишь в том случае, когда одновременно пишутся два или несколько писем одного содержания. Предположение В. Н. Орлова, что «характеристика А. А. Шаховского и его отношений с Е. И. Ежовой была дословно повторена Грибоедовым в письме к П. А. Катенину от февраля 1820 г.», т. е. ровно через год после того, как было написано послание к Бегичеву, кажется сомнительным (см.: *Грибоедов А. С.* Соч. М.; Л., 1959, с. 700).

²⁰ *Гроссман Л.* Указ. соч., с. 38.

²¹ *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959, с. 246.

²² Сын отечества, 1820, № 13, с. 17—18.

²³ Там же, с. 25.

²⁴ *Гозенпуд А. А.* Указ. соч., с. 777.

²⁵ Сын отечества, 1820, № 13, с. 11—12.

²⁶ Рус. арх., 1864, стб. 808.

²⁷ Вестн. Европы, 1825, № 9, с. 118—119.

²⁸ *Шаховской А. А.* Аристофан, или Представление комедии «Всадники». М., 1826, с. VIII.

²⁹ Там же, с. 15.

³⁰ Там же, с. 56.

³¹ *Гозенпуд А. А.* Указ. соч., с. 60.

³² Московский телеграф, 1830, № 9, с. 127—128.

П. А. Катенин

1

Грибоедов познакомился с Павлом Александровичем Катениным (1792—1853) в 1815 г. в салоне А. А. Шаховского, где Катенин заметно выделялся среди других посетителей. Общий интерес к театру и литературе способствовал быстрому сближению молодых людей, причем Катенин на первых порах главенствовал. Он был уже довольно известным поэтом, Грибоедов же только-только вступил в литературные круги.

Катенин играл руководящую роль среди тех литераторов, которые боролись «против эстетизма, сглаженности, маньеризма и камерного стиля карамзинистов...».¹ Грибоедов тотчас же примкнул к ним, а вскоре и сам стал застрельщиком резкой полемики со сторонниками Жуковского и Карамзина, идеология, тематика и стиль которых уже не удовлетворяли литературную молодежь.

Поводом для этой полемики послужил катенинский вольный перевод баллады Бюргера «Ленора». Само по себе обращение Катенина к «Леноре» уже было вызовом лагерю Жуковского. Ведь еще в 1808 г. прославленный поэт познакомил русского читателя со своим переводом «Леноры». Жуковский сознательно отказался от «простонародного» стиля оригинала, приспособив его к «русским нравам» и «облагородив» в духе сентиментальной лирики:

«Царь небесный нас забыл...
Мне ль он счастья не сулил?
Где ж обетов исполнение?
Нет, немилостив творец;
Все прости; всему конец».

«О Людмила, грех роптанье;
Скорбь — Создателя посланье;
Зла Создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит».²

Катенин, который также перенес события на русскую почву, напротив, старался во всем сохранить обыденный колорит:

«Что одной мне белый свет?
Хуже гроба, хуже ада.
Смерть — одна, одна отрада;
Бог без жалости к слезам:
Горе, горе бедным нам!»

«Господи! прости несчастной,
В суд с безумной не входи;
Разум, слову непричастный,
К покаянью приведи».³

Поклонникам таланта Жуковского попытка соперничества с родоначальником русского романтизма показалась равносильной святотатству. В защиту автора «Людмилы» выступил Н. И. Гнедич. В статье «О вольном переводе Бюргеровой баллады „Ленора“» он подверг катенинский перевод резкой критике, удивляясь дерзости «соревнователей» и «завистников». «Сердечно желаем, — писал Гнедич, — чтобы подражатели, которые до сих пор только его (Жуковского, — В. М.) передразнивают, произвели что-либо подобное „Певцу во стане русских воинов“ или „Светлане“...».⁴

Грибоедов поднял перчатку, в точности следуя «правилам игры», предложенным Гнедичем. Он отвечал исключительно на его замечания.

Статья против Катенина была анонимной, поэтому Грибоедов обращался к антагонисту, не называя его по имени. Каждый тезис «рецензента» опровергался аргументами и фактами, к тому же подкрепленными язвительной иронией. Гнедич, замечал Грибоедов, «изволит забавляться над выражением: *слушай, дочь*, — „подумаешь, — замечает он, — что мать хочет бить дочь“. Я так полагаю, и, верно, не один, что мать просто хочет говорить с дочерью» (III, 16). Грибоедов бил по самым уязвимым местам статьи, высмеивая отдельные логические неувязки: «В. Жуковский, — говорит он, — пишет баллады, другие тоже, следовательно, эти другие или подражатели его, или завистники. Вот образчик логики г-на рецензента» (III, 15).

Защитник Катенина не оставил без возражений ни одного замечания Гнедича и продемонстрировал, что его несправедливая критика порождена групповым пристрастием. «... Если верить г-ну рецензенту, — писал Грибоедов, — он сам по себе не вооружился бы против Ольги, взыскательные неотвязчивые читатели его окружают. Они заставили его написать длинную критику» (III, 20).

Рассуждения Грибоедова были столь убедительны, что даже его противники вынуждены были согласиться с ним хотя бы в одном пункте. К. Н. Батюшков писал Гнедичу: «Жаль только, что ты напал на род баллад. Тебе, литератору, это непростительно. Все роды хороши». Продолжать спор Батюшков не советовал, видимо учитывая «перевес» Грибоедова: «Грибоедову не отвечай

ни слова; и Катенин по таланту не стоил твоей прекрасной критики, которую сам Дмитриев хвалил очень горячо. Надобно бы доказать, что Жуковский поэт; тогда все Грибоедовы исчезнут».⁵

Смысл выступления Гнедича не сводился к осуждению перевода Катенина, речь шла не только о «дерзости» литературной молодежи. Корни неприятия были более глубокими.

Сторонники Жуковского и единомышленники Катенина по-разному определяли эстетическую ценность романтической литературы. Катенин, Грибоедов и Жандр в меланхолической настроенности «Людмилы» и других сочинений Жуковского видели эмоциональное несоответствие подлинному духу изображаемой эпохи. «Истина, натура, здравый смысл» (Катенин) для них являлись главными принципом в искусстве.

Прямо об этом Грибоедов не говорит, но все его выступление направлено на доказательство того, что образы Жуковского психологически далеки от «натуры». Он замечал с усмешкой: «Вообще, как хорошенько разобрать слова Людмилы, они почти все дышат кротостью и смирением, за что ж бы, кажется, ее так жестоко наказывать?» (III, 22). Мертвец в «Людмиле» «слишком мил: живому человеку нельзя быть любезнее» (III, 23), это почти что «аркадский пастушок» (III, 25).

В конечном счете объектом развенчания у Грибоедова является не отдельное произведение Жуковского, а принципы его поэтики, его «половинчатое положение новатора-реформиста, сглаживающего острые углы литературных вопросов».⁶ Тем самым полемика перерастала масштабы спора вокруг отдельного произведения и превращалась в борьбу против жанровой стилизации западных образцов на русский манер.

Нападки на главу романтиков элегического толка Грибоедов несколько смягчил примечанием: «Читатели не должны быть в заблуждении насчет этих резких замечаний: они сделаны только в подражание рецензенту „Ольги“» (III, 21). Разумеется, такое объяснение по существу ничего не меняло, Грибоедов лишь соблюдал литературный этикет в отношении к известному поэту. Но одна эта фраза никак не заслоняла иронии над «тощими мечтаниями», «идеальной любовью», в которых, по мнению Грибоедова, не было «натуры ни на волос» (III, 18).

Через полтора десятка лет Пушкин подвел итоги спора. В отклике на «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» (1833) он писал: «Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Биргеровой Леноры. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем Манфреде сделал из Фауста: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам Ленору в энергической красоте ее первобытного создания; он написал *Ольгу*. Но сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая *воздушную цепь теней*, сия виселица вместо сельских

картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым».⁷

2

Наследие Грибоедова невелико, и любое его произведение драгоценно как одна из возможностей проникновения в творческую лабораторию гениального драматурга. В этом смысле «ни одна из ранних пьес Грибоедова не может вызвать большего интереса, чем комедия „Студент“, так как в ней справедливо находят элементы бытовой сатиры и отдельные образы, предвосхищающие бессмертные типы „Горя от ума“, — замечает С. А. Фомичев.⁸

Комедия эта изучена мало. Алексей Н. Веселовский, И. А. Шляпкин, В. Н. Перетц, Н. К. Пиксанов и другие ученые, обращавшиеся к раннему периоду творчества Грибоедова, ограничились отдельными общими замечаниями по поводу этой пьесы. По существу лишь работа С. А. Фомичева, содержащая ряд интересных соображений об идейно-художественном содержании комедии и эволюции поэтики драматурга, является первой попыткой проанализировать ее и найти конкретное лицо, выведенное в «Студенте», с которым полемизировали Грибоедов и Катенин.

Однако та часть работы, где исследователь выявляет генезис пьесы, выглядит малоубедительной.

Напомним вкратце историю создания «Студента». Пьеса была написана Грибоедовым и Катениным в 1817 г. По мнению Н. К. Пиксанова, время ее создания — первая половина или середина года. И. А. Шляпкин считал, что в образе Беневоляского высмеивался критик и драматург М. Н. Загоскин, издававший вместе с П. А. Корсаковым журнал «Северный наблюдатель» (I, 291).

С. А. Фомичев, сопоставив текст «Студента» с материалами, которые публиковались в журнале Загоскина и Корсакова, а также с комедией последнего «Тетушка Маремьяна, или Превращение» (1814), приходит к выводу: «Авторы метили <...> в Корсакова».⁹

С. А. Фомичев воскрешает гипотезу П. В. Быкова о том, что псевдоним Беневоляский, употребляемый в «Северном наблюдателе» и послуживший фамилией центрального персонажа в «Студенте», принадлежал не Загоскину, а тому же Корсакову.¹⁰ Однако никакими доказательствами это предположение не сопровождается.

Исследователем устанавливается и определенное сходство ситуаций в «Тетушке Маремьяне...» и «Студенте». «Например, — пишет С. А. Фомичев, — явление 8 действия I, где Нарцисс принимает служанку за свою невесту (ср. явление 9 действия I в «Студенте»)».¹¹

При этом упускаются другие возможности истолкования имеющихся данных. Так, в «Студенте» бросается в глаза последовательный параллелизм с «Богатоновым, или Провинциалом в столице», комедией Загоскина, незадолго до рассматриваемых событий поставленной на петербургской сцене.

В основе обеих пьес лежит одна и та же, в общем стандартная для драматургии тех лет, сюжетная схема. Взбалмошный и недалекий отец (Богатов у Загоскина, Звездов в «Студенте») хочет выдать дочь (воспитанницу во втором случае) за нелюбимого, но угодного ему жениха (князь Блесткин, Беневольский). В обеих пьесах жених ни умом, ни внешностью, ни состоянием не блещет. Благодаря вмешательству женщины, сочувствующей несчастной (горничная Аня в «Богатове», жена Звездова в «Студенте»), и друзей (девушки в «Студенте», хозяина дома в «Богатове») свадьба расстраивается, а девица соединяется с любимым. Таким образом, налицо полное поэтапное совпадение всех элементов сюжета в комедиях Загоскина и Грибоедова и Катенина, а не приблизительное и частичное, как в «Студенте» и «Тетушке Маремьяне...». Грибоедов и Катенин, шаржировавшие фигуру Загоскина, сознательно сохранили почти всю фабулу его пьесы, чтобы зрители могли догадаться, о ком идет речь.

Разумеется, в «Богатове» и «Студенте» сходно только общее развитие сюжета. На первом плане у Загоскина русская модификация «мещанина во дворянстве», у Грибоедова и Катенина — восторженно нелепый поэт.

В том, что под именем Ювенала Беневольского был выведен именно Загоскин, а не Корсаков, убеждают и другие, очень прозрачные, намеки на будущего исторического романиста, отмеченные уже И. А. Шляпкиным. «Загоскин, — указывал исследователь, — как известно, приехал из Пензы, как Беневольский из Казани, и отличался большою безграмотностью, как видно из писем его, опубликованных в „Современном обозрении“ 1868 г., и рядом с этим: подобно Гнедичу, придирчивостью к словам и грамматическим формам, вероятно, отсюда ироническое назначение его корректором» (1, 291). С. А. Фомичев об этих подробностях не упоминает, так как они не укладываются в его концепцию.

И все же на основании только этих данных еще нельзя с уверенностью утверждать, что острое пародии Грибоедова и Катенина было направлено в Загоскина.¹² При рассмотрении творческой истории «Студента» возникают вопросы, которые С. А. Фомичев не сформулировал, но которые тем не менее существенны для разрешения поставленной задачи.

Прежде всего необходимо знать: каковы причины, побудившие соавторов выступить против Корсакова, литератора, отнюдь не принадлежавшего к законодателям литературных вкусов? И одновременно — не было ли у них повода для выпада по адресу Загоскина?

Страницы «Северного наблюдателя», как отмечает и С. А. Фомичев, использовались Загоскиным, Корсаковым (он был помощником члена репертуарной части Петербургского театра и по должности подчинялся А. А. Шаховскому) и их единомышленниками для нападков на Шаховского, что «отражало трения в дирекции театра, приведшие вскоре к отставке Шаховского».¹³ В диссертации С. А. Фомичева «Проблема национальной самобытности в творчестве А. С. Грибоедова» уточняется: нападки производились и «на кружок литераторов, группировавшихся вокруг него (Шаховского, — В. М.)».¹⁴ Напомним, что «душой и центром» этого кружка был Грибоедов.¹⁵

На страницах «Северного наблюдателя» мы и находим разгадку повода к написанию Грибоедовым и Катениным комедии «Студент». В № 2 журнала, вышедшего в середине июля, появился фельетон «Знатоки, или История одного дня», подписанный псевдонимом «М. З. Житель Лиговского канала» (М. Н. Загоскин).

Фельетон интересен прежде всего тем, что в нем дается завуалированный литературный портрет Грибоедова и весьма подробно излагаются его эстетические взгляды. До сих пор загоскинский фельетон не привлекал к себе внимания историков литературы.

«Знатоки...» начинаются с описания литературного вечера у графа N *****, принимающего по вторникам. По всей вероятности, здесь имелся в виду А. С. Шишков, у которого, как сообщал Грибоедов Катенину 19 октября 1817 г., литературные собрания происходили именно по вторникам (см.: III, 125). Графский титул, присвоенный хозяину салона, может как указывать на его видное положение в обществе, так и, напротив, зашифровывать его подлинное имя.¹⁶ Но поскольку роль графа в данном случае чисто служебная, особого значения его настоящая фамилия не имеет.

Главная цель фельетона — осмеять некоего салонного оратора: «Один молодой человек, одаренный непостижимою гибкостью языка, успел наконец обратить на себя общее внимание: он вертелся направо и налево, спрашивал, отвечал, доказывал, раздроблял, спорил со всеми, загонял всех и в несколько минут очистил совершенно поле сражения. Самые упрямые спорщики должны были с ним согласиться; самые неугомонные болтуны принуждены были молчать. Сначала перебрал он поодиночке всех древних поэтов: одних хвалил, других оуждал; никто не смел ему противоречить. „Он знает по-гречески и по-латыни“, — шептали мои соседи; а как можно спорить с человеком, который читает в подлиннике Омера и находит неправильные стихи в Горации и Ювенале».¹⁷

На роль молодого человека, одаренного «непостижимою гибкостью языка», подходят два самых видных члена кружка, собиравшегося у А. А. Шаховского, — Катенин и Грибоедов.

Других таких фигур в литературных салонах Петербурга в это время не видно. Катенин, как указывал П. А. Каратыгин, свободно владел французским, немецким, итальянским, латинским, английским и отчасти греческим языками. «Не было всемирно-исторического факта, который бы он не мог объяснить со всеми подробностями <...> это просто была живая энциклопедия».¹⁸ Не уступал ему и Грибоедов, еще мальчиком изучивший французский, немецкий, английский, итальянский и латынь. В 1817 г. Грибоедов начал учиться и греческому. «Я, — писал он Катенину 19 октября 1817 г., — от этого языка с ума схожу, каждый божий день с 12-го часа до 4-го учусь и уж делаю большие успехи. По мне он вовсе не труден» (III, 126). Правда, из данного письма явствует, что Грибоедов начал учиться по-гречески недавно, по всей видимости, уже после отъезда Катенина из Петербурга. В противном случае такое сообщение не было бы для адресата новостью, о которой стоит специально говорить в письме. Впрочем, этот факт вовсе не противоречит тому, что Грибоедов знал греческий язык и раньше, а затем лишь углублял свои познания. Заметим также, что в фельетоне большее внимание уделяется латинским поэтам, которых Грибоедов «понимал свободно в оригинале» (ГВС, 5).

На первый взгляд предпочтение следует отдать Катенину. Это о нем писал Вигель, чуть ли не дословно повторяя загоскинскую характеристику: «Он был довольно хорош с Шаховским, ибо далеко превосходил его в неистощимой хуле писателям: ни одному из них не было от него пощады, ни русским, ни иностранным, ни древним, ни новым, и *Вергилий всегда бывал первой его жертвой*».¹⁹ <...> Катенину <...> много помогали твердая память и сильная грудь; с их помощью он всякого перекрикивал и долго продолжал еще спорить, когда утомленный противник давно отвечал ему молчанием».²⁰

Однако внимательное рассмотрение содержания филиппик оратора, обрисованного Загоскиным, и сопоставление их с эстетическими взглядами Катенина и Грибоедова заставляет склониться в сторону последнего. «Двадцатилетний цензор, — писал Загоскин, — не щадил *ни пола, ни возраста*».²¹ Катенину в описываемое время было 25 лет, а Грибоедову 22. Кроме того, Загоскин называет оратора «*отроком-мудрецом*».²² Это уже чуть ли не прямое указание на Грибоедова. Ведь именно автора «Горя от ума» Пушкин называл «очень умным человеком». Правда, это определение относится к позднейшим временам, но очевидно, что репутацию умницы Грибоедов имел и раньше.

Загоскин чуть ли не стенографирует обширную эстетическую программу юного литератора. «Уставши говорить о древних, молодой литератор обратился к новейшим писателям: дал несколько щелчков англичанам и немцам; похвалил мимоходом Данта; поругал слегка Тасса — и добрался наконец до французов. О! тут-то началась *кровавая сеча*: двадцатилетний цензор не щадил *ни пола, ни возраста*. Г-жа Дезульер лучше бы сделала,

если бы вместо стихов писала узоры; г-жа Севинье не должна была печатать своих писем, а Жанлис сочинять своих сказок и романов; французская литература одна из самых беднейших; лучшие их писатели — жалкие школьники в сравнении с древними. Я слушал и восхищался. Этот молодой человек истинный патриот, думал я; он мстит французам за то, что они некогда были врагами нашими; унижает их писателей, верно, для того, чтоб возвысить таланты своих соотечественников. О! надобно иметь сильную любовь к отечеству, чтоб пуститься на такой великий подвиг».²³

Курсив в первой половине XIX в. обычно заменял кавычки. Загоскин иронически называет своего героя патриотом, причем выделение слова курсивом скорее всего означает в данном случае, что оно относится к прототипу действующего лица. Патриотизм — одна из характернейших черт идеологии Грибоедова, с негодованием обличавшего в «Горе от ума» и в «Загородной поездке» «поврежденный класс полуевропейцев», который одержим галломанией.

Воспроизводя суждения оратора-анонима, Загоскин написал целый трактат о французской литературе в сравнении ее с античной. И снова речь героя переполнена курсивом: «Не все были одинакового со мною мнения. Охуждать французских писателей! Боже мой! Да это такое уголовное преступление, такая неслыханная дерзость, от которой самый смиренный человек должен потерять терпение. Один из слушателей, не в силах будучи скрывать долее своего негодования, вступился за бедных французов. „Пощадите! — закричал он. — Можно ли говорить с таким презрением об учителях наших; о писателях, которые служат нам образцами? Сыщите мне, например, где-нибудь другого Лафонтена?“ — „Лафонтена! Но что бы он был без Эзопа, Федра и Пильпая? Он всем обязан древним“. — „Буало...“ — „Буало никогда не был истинным поэтом: он отделял стихи свои как художник; вымеривал их циркулем; писал по масштабу. Он так холодно правилен...“ — „Если вы хотите более пиитического огня, читайте Делиля“. — „Делиля! Этого *сантиментального* плаксу, сладкого пастушка, который описывал поля и леса, сидя в своем кабинете, и ходил любоваться *великолепною* природою в Палерояльский сад. Нет, сударь, я не могу выносить его *заказных* восторгов; его *звукотрагических* стихов, которые ничему не подражают, и охотно отдал бы все пастушеские и метафизические поэмы Делиля за один стих из Вергилия“. — „Желаю знать, что вы скажете о Расине?“ — „Что он не написал ни одной истинной трагедии“. — „Как, сударь! — «Гофолия», «Федра», «Ифигения»?..“ — „Презжальные трагедии! Что такое Расинов Ахиллес? Французский петиметр; *храбрец*, который беспрестанно говорит и делает *гасконады*. Берениса — *сантиментальная* француженка двора Людовика XIV-го. Федра — *кокетка*. О! как удивились бы греки, если бы увидели, каким сделал их Расин. Эти греческие трагедии показались бы им пародиями — и греки были бы правы“.²⁴ — „Поэтому

Корнель...“ — „Он был бы лучше, но что за стихи!“ — „Следственно, Вольтер вам нравится более“. — „Вольтер? Боже мой! Могут ли нравиться трагедии, в которых Магомет философствует, бредит метафизикою, как Дидерот, а турецкий султан рассуждает о любви, как страстные любовники в романах г-жи Скюдери?“ — „Я надеюсь, что Мольер...“ — „Он старался подражать Плавту; но как далеко оставил его позади себя Аристофан!“ — „Поми-луйте! Лагарп говорит...“ — „Лагарп говорит! Прекрасное доказа-тельство! Да что такое Лагарп? Кто сделал его законодателем вкуса? Человек, который на каждом шагу делает самые грубые ошибки, которого суждения наполнены пристрастием; которого бесконечный *курс литературы* заключает в себе гораздо менее полезного, чем один лист в Логиновом трактате о превосходном. И этого-то человека вы хотите сделать моим судьей! О, сударь! Позвольте мне, не справляясь с Лагарпом, отдавать справедливость древним и не равнять с ними писателей нашего времени“: Защитник французов замолчал». ²⁵

Это несомненно мысли и речи Грибоедова. Именно Грибоедов был недоволен тем, что и Расин, и Корнель, и Мольер «вклеили свои дарования в узенькую рамочку трех единств» (ГВС, 9).

Для Катенина же характерен устойчивый интерес к творчеству Расина и Корнеля. Он переводил многие произведения Корнеля (четвертое действие «Горациев» (1817), отрывок из «Цинны» (1818), «Сид» (1822)) и Расина (сцены из «Гофолии» (1815 и 1829), «Эсфирь» (1816), большую часть «Баязета» (1824—1825), «Андромаха» (1827), в 1828 г. работал над переводом «Федры»). Пушкин в «Евгении Онегине» упоминал Катенина как поэта, воскресившего «Корнеля гений величавый».

Тирада против Лагарпа свидетельствует и об известном сходстве взглядов Грибоедова и Катенина. Автор «Горя от ума» в середине 1820-х гг. считал, что «познание литературы, почерпнутое из Лагарпа, возбуждает сожаление» (ГВС, 50—51). Такого же мнения придерживался и Катенин. ²⁶

Во второй части фельетона Загоскин изложил точку зрения «молодого литератора» на отечественную литературу: «Я думал, что молодой литератор сделает то же (замолчит, — В. М.), но ошибся: поговоря еще несколько минут об иностранных писателях, он обратился к отечественной словесности. Я удвоил внимание. „Наконец этот страшный Аристарх смягчится и будет хвалить. Как может русский говорить без восторга о Ломоносове и Державине; о «Душеньке» Богдановича и баснях Хемницера, — думал я, подвигаясь ближе, — и как обманулся! Бедные мои соотечественники! если б вы слышали жестокий приговор этого *отрока-мудреца*... Херасков, Княжнин, Костров, фон Визен, вы не имели никакого таланта. Почтенный отец нашей поэзии Ломоносов! твои оды не что иное, как *лирическая галиматья*, уродственное подражание Пиндару. А вы, находящиеся еще в живых, вы, которых мы по невежеству своему считали до сих пор

честию нашей словесности, пленительный Д (митриев), неподражаемый К (рылов), веселый Д (авыдов), милый Б (атюшков), остроумный Ш (аховской), любимец греческих муз Г (недич), вы скучны, холодны, без души, без дарований, — и, наконец, ты, избалованное дитя Аполлона, чувствительный, пламенный Ж (уковский), ты не написал во всю жизнь ни одного *живого* стиха. Я вышел из терпения, стал спорить, но злодей, не дав мне выговорить двух слов сряду, начал читать наизусть по несколько дурных стихов из поэтов, которых порицал таким безбожным образом. Сколько я ни кричал, что несколько дурных стихов ничего не значат; что во всяком сочинении найти их можно, — никто не хотел меня слушать: большая часть гостей взяли сторону моего противника, и я должен был замолчать поневоле. Разговор переменялся: стали говорить о художествах; молодой литератор пустился судить о скульптуре, живописи и архитектуре с такою же *благородною смелостию*, с какою говорил о словесности. «Боже мой! — сказал я, севши в одном уголку подалее от прочих гостей, — боже мой! Как бы было хорошо, если б этот молодой человек *не знал* чего-нибудь»²⁷.

Сведения о литературных позициях Грибоедова, сообщаемые здесь Загоскиным, несмотря на свою сатирическую окраску, крайне интересны и ценны уже тем, что это первое и пока единственное развернутое свидетельство современника, излагающего литературные взгляды автора «Горя от ума» в молодости. До сих пор наши сведения о Грибоедове в этом плане были крайне скудны и фрагментарны. Так, например, известно лишь косвенное суждение Грибоедова о Ломоносове. Драматург в письме к Катенину (февраль 1820 г.) шутя сравнивает персидского шаха с героиней оды Ломоносова: «Ах! Царь-государы! Не по длинной бороде, а в прочем во всем точь-в-точь Ломоносова государыня Елисавет, дочь Петрова» (III, 136). Кроме того, Катенин в письме к Н. И. Бахтину (1825) сообщал, что Грибоедов ставит Ломоносова выше Сумарокова.²⁸ У Жуковского Грибоедов находил «несколько дурных стихов».

Катенин мыслил иначе. В 1824 г. он перевел на французский два стихотворения Державина («Хариты» и «Победа Красоты»), причем, как сообщал он своему корреспонденту, «не имея в книгах своих Державина, (<...> переводил на память...».²⁹ Очевидно, что так помнят только стихи, которые любят.

Известно и мнение Катенина о Крылове и Хемницере: «О Крылове я бы сказал (<...> что с простотою и веселостию Хемницера соединяет он красоты стихотворенья, часто большого достоинства».³⁰ Ломоносов, по мнению Катенина, «был истинный поэт»;³¹ «Фонвизин комик единственный. „Недоросль“ есть *chef d'œuvre*, как в нравственном или гражданском, так и в филологическом отношении...», и «время, когда писали Петров, Державин, Костров, Фонвизин и Хемницер, было довольно хорошо для словесности...».³²

Да и сам Катенин как-то заметил, что он и Грибоедов в значительной мере смотрели на вещи по-разному. Несомненно, что Катенин имел в виду именно автора «Горя от ума», когда писал в 1830 г.: «Человек умный, теперь покойник, с кем бывал я весьма короток, но чьи понятия о театре во многом с моими несходны...».³³

Кандидатура Катенина, таким образом, должна быть решительно отведена. В «страшном Аристархе» загоскинского фельетона следует видеть Грибоедова.

Загоскин собирался нарисовать шаржированный портрет вожака противной литературной группировки. Но обаяние личности Грибоедова было настолько велико, что из-под его пера вышло почти что сочувственное изображение «молодого литератора». Один из упреков ему выглядит почти как похвала: «Боже мой! — сказал я, севши в одном уголку подалее от прочих гостей, — боже мой! Как бы было хорошо, если б этот молодой человек *не знал* чего-нибудь». Эта деталь крайне симптоматична. Грибоедов, как мы знаем, «имел удивительную способность влюблять в себя все окружающее», тогда как Катенин, напротив, был неуживчив.

Заканчивается фельетон все же тем, что автор в разговоре с хозяином салона указывает на нескромность «Аристарха», но не находит у графа поддержки. «Хозяин, который не принимал почти никакого участия в разговоре, подошел ко мне. „Ну, мой милый, — спросил он, — что вы думаете об этом молодом человеке?“ — „Право, не знаю, я не успел еще опомниться“. — „Не правда ли, он очень много знает?“ — „О, слишком много!“ — „Нельзя быть умнее, учнее...“ — „Но можно, кажется, быть скромнее и не позволять себе бранить то, что целый свет почитает“. — „О! этот молодой человек имеет право судить о писателях: он сам сочиняет и отдает в печать“. — „Тем хуже, сударь, тем хуже. Если б он находил в себе самом те же недостатки, которые видит в других, то не стал бы печатать своих произведений, а так как он оуждает всех и сочиняет сам, то, вероятно, думает, что он один пишет хорошо. Согласитесь сами, такое самолюбие несносно“. — „Может статься, вы правы. Но, впрочем, как бы то ни было, а у него такие таланты, такие дарования! О чем с ним ни заговори, он все знает, верно, лучше того, с кем говорит. О! он *преученный* и *преумный* молодой человек“».³⁴

Хотел того Загоскин или нет, но он изобразил Грибоедова с невольным уважением, продемонстрировав оригинальность, широту и универсальность его познаний, отметив при этом, что у него много сторонников.

После того как объект изображения в фельетоне Загоскина выявлен, причины и время создания «Студента» могут быть установлены почти с математической точностью.

Грибоедов и Катенин пишут свою комедию как ответ на фельетон Загоскина. Грибоедов, который «не любил, чтобы его затрагивали» (ГВС, 297), был задет обвинением в нескромности, тем

более что на самом деле он «был скромен и снисходителен в кругу друзей, но сильно вспыльчив, заносчив и раздражителен, когда встречал людей не по душе...».

Раздражение Грибоедова в данном случае, видимо, было очень велико. Иначе нельзя понять, что заставило его, заручившись сотрудничеством Катенина, который должен был еще уладить перед отъездом свои дела, в течение двух недель (именно таков промежуток времени от выхода № 2 «Северного наблюдателя» (вторая декада июля) до отъезда Катенина из Петербурга 5 августа) «в четыре руки» написать пьесу-ответ.

В свете всего этого становится ясно, почему Грибоедов в октябре 1817 г. так возмущался «очень умеренной, даже хвалебной статейкой М. Н. Загоскина о постановке на сцене „Молодых супругов“», пьесы, переведенной Грибоедовым с французского (I, 277).³⁵ Сравнивая перевод с оригиналом, Загоскин находил, что перевод «гораздо лучше». «Действие идет быстро; нет ни одной ненужной и холодной сцены: в ней (комедии Грибоедова, — В. М.) все на своем месте».³⁶ Указание Загоскина на «дурные, шероховатые стихи» нельзя не признать справедливым. В самом деле, фразы, выписанные рецензентом, вроде «Ах, убегая раз она домашней сени, Тобою занята гораздо будет менее» или «Внезапно кротость та пожертвована вздору», при всем желании трудно отнести к находкам.

Если бы Грибоедов был в состоянии оценить рецензию Загоскина без гнева и пристрастия, он убедился бы, что почти все его театральные статьи этого времени заканчивались указанием на недостатки произведения, так что отзыв о «Молодых супругах» вовсе не является каким-то исключением.

Загоскин, например, начинал разговор о «Липецких водах» Шаховского с признания, что эта комедия вызвала самые противоречивые суждения и ожесточенные споры, что она «наполнена прекрасными сценами», которые «все знают наизусть», и что слабые стихи в ней «надобно искать». Оканчивалось это выступление почти точно так же, как и рецензия на «Молодых супругов»: Загоскин замечал, что стихи финальной реплики в «Липецких водах» «очень посредственны. Они даже кажутся нам совершенно лишними, точно так же как холодная мораль в конце прекрасной басни, не требующей никакого пояснения».³⁷ Вообще почти все «микрорецензии», из которых состояло обозрение «еженедельного репертуара», ведущегося Загоскиным, заканчивались указанием на недостатки пьесы, указанием, превратившимся в шаблон (см.: Сев. наблюдатель, 1817, № 3, с. 107; № 6, с. 197; № 8, с. 269; № 12, с. 415, и др.).

Грибоедова, безусловно, уколола такая фраза в рецензии Загоскина: «Читая подобные стихи, невольно вспомнишь слова Мизантропа:

Такие, граф, стихи
Против поэзии суть тяжкие грехи».³⁸

Цитата из Мольера здесь не столько подчеркивала несовершенство именно грибоедовского перевода, сколько напоминала, что у любого писателя (и у Грибоедова тоже) можно найти «несколько дурных стихов» и порицать их «безбожным образом». Вспомним, что именно такой способ критики особенно возмущал Загоскина.

Надо полагать, что перипетии «войны» между Загоскиным и Грибоедовым еще в первой ее стадии стали достоянием литературных кругов. Вполне вероятно, что именно они имелись в виду в «Письме к издателям», подписанном псевдонимом «4.400». Автор «Письма...» увещевал обидчивых сочинителей: «Сколько раз было говорено и писано, что критик не должен смешивать сочинителя с его сочинением; что рецензия должна иметь своим предметом книгу, а не того, кем она написана. К сожалению, это правило наблюдается немногими; большая часть наших аристархов поступают совершенно противным образом... Грубые эпиграммы, безмянные сатиры, ругательные рецензии — употребляют все, чтоб очернить в глазах публики не сочинения, а сочинителя».³⁹

Грибоедова этот призыв к объективности не образумил. После рецензии на «Молодых супругов» он пишет крайне резкую «фасесию», обрушиваясь на «Загоскина-наблюдателя», который «обо всем исправно вздор И говорит и пишет», и распространяет ее в литературных и театральных кругах:

Вот Богатонов вам: особенно он мил,
Богат чужим добром, все крадет, что находит,
С Транжирина кафтан стащил
Да в нем и ходит.
А светский тон
Не только он —
И вся его беседа
Переняли у Буйного Соседа.
<...>
Вот вам Загоскин — Наблюдатель;
Вот Сын отечества, с ним вечный состязатель,
Один напишет вздор,
Другой на то разбор;
А разобрать труднее,
Кто из двоих глупее.

(I. 4)

Свою «фасесию» Грибоедов так прокомментировал в письме к Катенину: «Воля твоя, нельзя же молчанием отделяваться, когда глупец *жужжит об тебе дурачества*. Этим ничего не возьмешь, доказательство Шаховской, который вечно хранит благородное молчание и вечно засыпан пасквилями» (III, 125; курсив мой, — В. М.).

Итак, не остается никаких сомнений, что комедия Грибоедова и Катенина метила прежде всего в Загоскина. Были в «Студенте» аллюзии, сопряженные со стихами Батюшкова, Жуковского и

произведениями Карамзина. И лишь Корсаков оказывается здесь ни при чем.

Н. К. Пиксанов, рассматривая историю создания «Студента», отмечал: «За отсутствием данных невозможно определить, какая доля текста комедии принадлежит Грибоедову, какая — Катенину» (III, 291). Учитывая личную заинтересованность Грибоедова, мы вправе предположить, что он написал ее бóльшую часть.

3

Долгая разлука, начавшаяся летом 1817 г., не ослабила приязнь Грибоедова к Катенину. В письмах к С. Н. Бегичеву за 1818 г. Грибоедов то и дело вспоминает о Катенине. «Секретарь бродящей миссии» даже защищает соавтора от упреков Бегичева: «Катенина ты напрасно попрекаешь ко мне совершенною холодною, он был у меня на квартире на другой день после того, как я исчез из Петербурга, и очень жалел обо мне и досадовал» (III, 134).

Не прекращается между ними и переписка. Катенин посылает Грибоедову начатый им перевод комедии Грессе «Le Méchant» («Злой»). Особый интерес представляет письмо Грибоедова, написанное в феврале 1820 г. В нем он с удовольствием вспоминает вечера, проведенные на «чердаке», Шаховского, общих знакомых, жадно интересуется литературными новостями, жалуется на духовное одиночество. Письмо заканчивается арабским изречением: «Худшая из стран — место, где нет друга». Начертав этот стих по-арабски, Грибоедов не стал переводить его, но передал его звучание с помощью русских букв: «Шаруль-бело из кана ла садык». Поддавшись наплыву искреннего чувства, Грибоедов вдруг застеснялся, побоявшись показаться сентиментальным; над сентиментальностью он прежде всегда посмеивался, когда замечал ее в других.

Близко к сердцу принял Грибоедов высылку Катенина из Петербурга. «Скажите ему (В. К. Кюхельбекеру, — В. М.), — писал он 26 января 1823 г. сестре Кюхли Ю. К. Глинке, — что еще другое имя присоединилось к его имени в списке изгнанников, этих жертв человеческой несправедливости: это К***, один из друзей, мысль о котором придавала еще прелесть моей родине, когда я мечтал в нее когда-нибудь возвратиться» (III, 318).

Однако с самим «шаевским изгнанником» (Шаево — село, в котором Катенин отбывал свою ссылку) переписка была прервана почти на пять лет, хотя никаких размолвок или ссор между друзьями не было. Причина крылась в постоянных разъездах и бивачном образе жизни Грибоедова. Как только он опять окунулся в литературно-театральную атмосферу столицы, он вновь начал делиться с Катениным своими впечатлениями о театре и театральных деятелях, т. е. о том, что их всего более сближало.

«Умнейшему человеку в России» не могли не импонировать «охлажденный ум» Катенина и самостоятельность его суждений. Это было заметно и со стороны. «На днях я читал Грибоедову вашу „Андромаху“, — писал В. А. Каратыгин в июле 1824 г. П. А. Катенину, — и она, несмотря на то что он слышал ее от вас, сделала над ним сильный эффект, и надо правду сказать — чем больше читать — тем больше хочется. Мне кажется, что Грибоедов есть человек бесценный; как он вас любит и как чувствует настоящую цену превосходного вашего дарования». ⁴⁰ Но, солидаризируясь с Каратыгиным в оценке Катенина-человека, Грибоедов был далеко не столь высокого мнения о Катенине-художнике. Как это будет показано ниже, он не был склонен разделять восторги актера, воспитанного на классическом репертуаре.

Вернувшись в столицу после длительного отсутствия Грибоедову на первых порах еще трудно было отделить театр от Катенина; последний как будто присутствовал в зрительном зале, продолжая быть законодателем театральных вкусов. Грибоедову отсутствие Катенина было ощутимее, чем другим. «Жаль, — писал он старому другу, — что не могу попасть к тебе в Кострому, а так давно собираюсь! Но мне есть утешение: коли не с тобою, так о тебе беседую часто и с теми даже, с кем ты не знаком и кто тебя не стоит. На днях все как будто судьбою устроено, чтобы мне сердцем и мыслями перенестись к тебе, почтенный друг. Люди менее несправедливы на твой счет; стало, и об них можно передать тебе вести. Чаще прежнего произносит твое имя Андромаха, которая должна появиться в альманахе; в Париже вышли о тебе отзывы, исполненные уважения; в театре превозносят Каратыгина и тебе приписывают развитие его дарования» (III, 161—162).

Это послание, как и ряд других писем Грибоедова к Катенину, содержит в себе упоминания о заслугах последнего перед русской литературой и театром. Грибоедов хорошо изучил Катенина: помнил о его болезненном самолюбии и жажде признания и пользовался удобным случаем, чтобы, не преступая границ истины, хоть немного скрасить другу прежних лет его одиночество.

Все письмо ориентировано на интересы и эстетические взгляды Катенина. Зная, что Катенин «часто акцентирует <...> вопросы плана в своих оценках современной драматургии», ⁴¹ Грибоедов в своем анализе трагедии Ф. Грильпарцера «Золотое руно» подчеркивает: «Главный план соображен счастливо», во втором акте есть «превосходное место», но «все прочее глупо до крайности. Автор тонет в мелочных семейственных подробностях, и трагические его лица спускаются ниже самых обыкновенных людей» (III, 163). Не забыл Грибоедов (это всегда интересовало Катенина) отметить и недостоверность исторического колорита в трагедии Грильпарцера.

Время, которое Катенин провел в изгнании, не улучшило его характера. Напротив, мнительность, подозрительность только возросли. В письме к С. Н. Бегичеву (январь 1825 г.) Грибоедов

сообщал: «Катенин из своего уединенья бог знает какой бред сюда высылает. Напр. „Разговор...“ Булгарина, который ты оценил по достоинству, он весь на свой счет берет как самое язвительное злоумышление против „Андромахи“. О, его и наше вообще самолюбие!» (III, 167).

Самолюбие Катенина на сей раз было уязвлено замечанием в статье Булгарина «Междудействие, или Разговор в театре о драматическом искусстве», напечатанной в «Русской Галии». Шекспир, Шиллер, Гёте, Расин, Корнель и Вольтер, заявлял Булгарин, «всегда будут чужды для России». Он требовал от русских писателей произведений, основанных на национальном прошлом: «Какая французская Андромаха, — вопрошал Булгарин, — сравнится с нашею Ярославною, оплакивающею потерю супруга своего Игоря?»⁴²

Грибоедов пытался разуверить Катенина в том, что Булгарин имел в виду катенинскую «Андромаху». «Какой ты, однако, вздор пишешь Жандру, — увещевал он амбициозного автора, — о „Разговоре“ Булгарина в „Галии“. Этот человек подкапывается под рухлую славу Лобанова, также враг Гнедичева перевода „Андромахи“ (сколько я знаю, хотя бы он не хотел знать литературных подлостей и сплетен), как же ты мог это взять на свой счет!» (III, 169).⁴³

Катенин этого объяснения не принял. Он жаловался Бахтину: «В оной же „Галии“ статья Булгарина о театре вообще, где говорится, что все у нас переводы с французского никуда не годятся и что подражать Корнелю и Расину тоже не годится, а надо все новое, все свое, никакая Андромаха (Н. В. именно) не сделает такого впечатления на русских, как Ярославна, и пр. и пр. Грибоедов, а за ним и Каратыгин уверяют меня, что цель Булгарина унижить Лобанова и Гнедичева перевод „Андромахи“; это вздор: говорено вообще, к счастью, очень глупо. <...> Писал я об этом к Жандру и Грибоедову; последний отвечал плохими оправданиями, я опять писал, и теперь жду, что будет».⁴⁴

Чтобы хоть как-то умиротворить обидчивого Катенина, Грибоедов обращается к Булгарину с просьбой: «Любезный друг, коли ты будешь что-нибудь писать о „Телеграфе“, не можешь ли его спросить, как он ухитрился произнести грозный суд о ходе катенинской трагедии по одному только действию, которое напечатано в „Галии“? Это или что-нибудь подобное, пожалуйста, скажи печатно. Коли я напишу, то никого не уверишь, чтобы тут не примешалось дружеское пристрастие; я думаю, лучше, коли бы ты сам вступился» (III, 171).

Булгарин пошел навстречу Грибоедову, что само по себе тоже опровергает подозрения Катенина. В «Сыне отечества» в «Третьем письме на Кавказ», подписанном инициалами Ж. К., был дан ответ Полевому.

Но хлопоты Грибоедова не принесли результата. Катенину теперь стало казаться, что автор «Горя от ума» кривит душой,

подаваясь лестии окружающих, которые преследуют какие-то темные и враждебные Катенину цели. В очередном письме к Бахтину он прямо заявлял, что Грибоедову нравится лесть.⁴⁵

Болезненное самолюбие Катенина и подозрительность обернулись против него же самого. До сих пор у него не было друга, более расположенного к нему, чем Грибоедов, и подозревать его в неискренности было верхом несправедливости. Не исключено, что именно эта история и положила начало охлаждению Грибоедова к Катенину.

Уже в конце мая 1828 г. Катенин с явной неприязнью отзывался о Грибоедове. Он, по словам Катенина, «лезет в гору ужасно; вы меня уведомили о производстве его в статские советники;⁴⁶ но с тех пор он уже произведен в действительные статские и на правах тайного едет посланником в Таврис с небольшим жалованьем 7 200 червонцев в год: Dieu prodique ses biens à ceux qui font vœu d'être siens.⁴⁷ Заметьте, d'abondance,⁴⁸ что все, тако на путь спасения грядущие, начинают с того, что разрывают все связи со мною, дабы не иметь вперед неприятных встреч».⁴⁹

Даже на известие о гибели Грибоедова Катенин отреагировал как-то двусмысленно. 31 марта 1829 г. он писал Бахтину между делом, уже после того, как известил его о своей недавней болезни, об условиях издания своих стихотворений и о дальнейших литературных планах: «Смерть Грибоедова может малoverного поколебать: нет ли, мол, провидения? только...».⁵⁰ Предложение не окончено. Трудно сказать, что имел Катенин в виду, вспоминая о провидении в связи с гибелью друга молодости, однако ни скорби о погибшем, ни уважения к его памяти в его словах нет.

4

Письма Грибоедова к Катенину — одна из самых насыщенных и интересных в литературном отношении частей его эпистолярного наследия. Катенин же — единственный из близких к драматургу людей, оставивший дошедшую до нас (в изложении Грибоедова) развернутую оценку гениальной комедии, особенно любопытную потому, что это частное, «домашнее» мнение, в котором не было места групповым соображениям.

Не лишены интереса и грибоедовские суждения о произведениях Катенина, дающие представление о возможностях Грибоедова-критика. Автор «Горя от ума» был объективен в оценке катенинской «Андромахи». «Хотел было еще писать тебе о Катенине и об его „Андромахе“, — говорил он в письме к С. Н. Бегичеву (июль 1824 г.), — я лучшие места списал для тебя. Но каким оно дурным слогом в ухо бьет, кроме 4-го акта, конца 5-го и 3-го. И как третий акт превосходен, несмотря на дурной слог! Впрочем, я дурное замечаю тебе для того только, что в печати это скорее всего заметят; на сцене оно скрадется хорошим чтением; вообще

как бы мало это стоило выправить и сгладить и не давать поводу к придирам. Славный человек, ум превосходный, высокое дарованье, пламенная душа, и все это гибнет втуне» (III, 157—158).

Мнение Пушкина было сходно с Грибоедовским. Поэт находил действие 3 «Андромахи» «прелестным в величавой простоте своей». ⁵¹ Позднее он даже высказал предположение, что «Андромаха», «может быть, лучшее произведение нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому...». ⁵²

Грибоедов ошибся только в одном. То, что ему казалось «дурным слогом», для Катенина было необходимым стилиобразующим средством. «В комедии, в сказке нет места славянским словам, — утверждал он, — средний слог возвысится ими, наконец, высокий будет ими изобиловать». ⁵³ Для него мерные пространные периоды, насыщенные архаизмами, являлись залогом точного воссоздания античности с ее героическими деяниями. Вот почему Катенин, издавая в 1827 г. «Андромаху», счел нужным подчеркнуть в посвящении П. П. Скуратову, что в пьесе ничего не было изменено с тех пор, как она была закончена в 1818 г. Вот почему слух Катенина не возмущался стихами, которые «били в ухо» Грибоедову.

Катенин просто не мог писать иначе, чем:

Не страшны греки нам: святыню, храм презрев,
Несут безбожные Паллады мстящей гнев.
Вотще ей в дар Еней, Улиссом наученный,
Чтоб заменить кумир богини похищенный
И в стане хищников пожертвы от огня,
Из древ соорудил огромного коня.

«Не довольно натурален» показался Грибоедову и слог комедии Катенина «Сплетни»; и в «Сиде», указывал он, «также попадаются небрежности в слого, жесткости и ошибки против языка (для тех, кто их замечать хочет)...» (III, 170).

Да и могло ли быть иначе? Грибоедов уже создал «Горе от ума», комедию, в которой ориентировался прежде всего на современный разговорный язык. «Высокий стиль», столь дорогой сердцу Катенина, для него уже был пройденным этапом.

Катенин, по определению Пушкина, «весь принадлежащий XVIII столетию», не мог согласиться с тем, что Грибоедов нарушал казавшиеся ему незыблемыми принципы организации действия в пьесе.

Письмо Катенина, в котором он развивает свое суждение о «Горе от ума», не дошло до нас. Но содержание его может быть восстановлено довольно точно как с помощью широко известного ответного послания Грибоедова (январь 1825 г.), так и письма Катенина к Бахтину от 17 февраля 1825 г., где он подробно описывает комедию.

Письмо Грибоедова воспроизводилось множество раз и цитировалось в различных трудах. Поэтому мы ограничимся лишь пересказом его основных моментов. Грибоедов по пунктам отвечает

на замечания Катенина. «Главная погрешность», по мнению последнего, содержится в плане. Автор же считает, что именно план «прост и ясен по цели и исполнению». «Сцены, — находит Катенин, — связаны произвольно». Грибоедов отвечает: «Так же как в натуре всяких событий, мелких и важных; чем внезапнее, тем более завлекает в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую: раззеваюсь и вон бегу из театра». Отвергается и упрек, который впоследствии Грибоедову будут делать очень многие: «Характеры портретны». «Да!.. — страстно восклицал Грибоедов, — портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии; в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь». Катенин, в котором теоретик постоянно брал верх над художником, поставил автору «Горя от ума» в упрек, что в его произведении «дарования более, нежели искусства». Грибоедова это замечание даже обрадовало. Он отвечал: «Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли ее? Искусство в том только и состоит, чтобы подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного потом и мучением искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем скорее дело, и не лучше ли вообще без хитростей? *pugae difficiles*.⁵⁴ Я как живу, так и пишу, свободно и свободно» (III, 168—169).

Прежде чем анализировать это письмо, необходимо почти целиком воспроизвести письмо Катенина к Бахтину от 17 февраля 1825 г., которое во многом облегчает понимание первого. Вот что писал Катенин своему поверенному в литературных делах: «Теперь в гору лезет на счету критиков Грибоедов за комедию „Горе от ума“, из которой в <...> „Талии“ помещены отрывки; решительно ставят его наряду с Фонвизиным. Комедия цензурой не пропущена и по нашей системе и не могла пройти; он сам прислал мне ее в рукописи, и, конечно, в ней ума и соли тьма, но план далеко от хорошего. Постараюсь вам его объяснить. Некто Фамусов, управляющий в казенном месте, лет пятидесяти, живет в Москве с дочерью-невестой; она еще ребенком очень нравилась молодому Чацкому и сама его любила. Этот Чацкий — главное лицо. Автор вывел его *сop atome*,⁵⁵ и, по мнению автора, в Чацком все достоинства и нет порока, но, по мнению моему, он говорит много, бранит все и проповедует некстати. Сей Чацкий ездил куда-то вдаль из Москвы, а без него София слюбилась с секретарем своего отца Молчалиным и всякую ночь глаз на глаз просиживает

с ним, а служанка в другой комнате на часах; тем и пьеса начинается: не совсем благопристойно. Еще хуже то, что Молчалин вовсе не любит Софьи и пользуется ее милостями по службе, а волочится и он, и старик Фамусов за служанкой, а та за каким-то буфетчиком. Отец же прочит себе в зятя полковника Скалозуба, решительную военную скотину. Чацкий, возвратясь в Москву, является в дом, его принимают сухо. Дочери не нравятся его насмешки над всеми и над ее Молчалиным; отцу — его посредственное состояние, небольшой чин и либеральные идеи. Молчалин ехал куда-то и упал с лошади, Софья сделался обморок. Чацкий ее оттер, отпрыскал, и тут ему спасибо не сказали. Всего бы умнее оставить в покое всю эту семью, но самолюбие и старая любовь еще увлекают Чацкого. В этот вечер у Фамусова бал, тьма гостей, оригиналов всякого рода. Чацкий никому не угодит, и даже от двусмысленного, с намерением, слова Софьи на его счёт по всему обществу распустился слух, что Чацкий с ума сошел. Он сперва и не подозревает этого; наконец гости один за другим разъезжаются; сцена на парадной лестнице. Чацкого кучер ушел куда-то, его не вдруг сыщут; барин принужден ждать. Наскучив вздором, который несет ему болтун Репетилов, он прячется к швейцару. Все уехали, служанка приходит и стучится в дверь к Молчалину, зовет его опять на ночь к барышне, тот со сна бранит ее и ластится к горничной; на беду его нетерпеливая Софья сама вышла впотьмах на лестницу и подслушала, он просит прощения, она рвет и мечет; Чацкий выходит из швейцарской и осыпает ее укоризнами, Молчалин убегает к себе. Наконец, к развязке, и отец является со слугами и свечьми, все открывается, отец бранит всех и хочет дочь послать в деревню, а на Чацкого просить у государя; Чацкий, в свою очередь, вскинется на отца, и на дочь, и на всю Москву: в ней точно сойдешь с ума, не остаюсь долее, карету! и уезжает, куда — неизвестно. Горестное размышление Фамусова: „Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!“ — оканчивает комедию. Вот вам довольно подробное изложение; судить не стану, покуда вашего мнения не услышу. Стихи вольные, легкие и разговорные; побочные лица, являющиеся на один миг, мастерски отрисованы; жаль только, что эта фантазмагория не театральна: хорошие актеры этих ролей не возьмут, а дурные испортят. Смелых выходов много, и даже невероятно, чтобы Грибоедов, сочиняя свою комедию, мог в самом деле надеяться, что ее русская цензура позволит играть и печатать».⁵⁶

Два эти текста, взаимно дополняющие друг друга, позволяют реконструировать мнение Катенина о «Горе от ума», которое он изложил в несохранившемся письме к Грибоедову. В пересказе Катенина комедия превращается в нравственно-бытовое произведение. Политический смысл «Горя от ума» для него вторичен, если не более. «Либеральные идеи» да «смелые выходы» Чацкого — вот и все, что он счел нужным выделить в этом плане.

С. А. Фомичев прав, сопрягая общие мысли Катенина о «комедии нравов» с его характеристикой «Горя от ума». «Комедия нравов», полагал критик, ветшает «чрезвычайно скоро, так что едва новое поколение сменит выведенное в ней на посмеяние, никому и смеяться охоты нет. Напирая преимущественно на странности, с каждым днем исчезающие, имея при том необходимость их усиливать сверх настоящего, без чего они глазам современников, привыкшим к ним и дома, не покажутся странными, останавливаясь на одной наружной оболочке людской, почти всегда слабые по части завязки, коею нет ни места заняться драматическому сатирику, ни возможности существовать в быту ежедневном общества недеятельного, — сии комедии, вместе с платьями и прическою действующих лиц, через несколько лет обращаются в карикатурные портреты, без красоты нестареющей и без сходства с существующим, заслуживающие внимания в одном ученом, археологическом смысле. Зато внове они нравятся чрезвычайно, особенно если очень злы, если сочинитель не боялся намеков личных и умел сговориться с насмешливым направлением ума на ту пору».⁵⁷ Все это настолько прозрачно, что называть имя Грибоедова и заглавие его пьесы не было никакой нужды. Катенин повторил и отчасти усилил упреки первых критиков-недоброжелателей «Горя от ума».

В оценке Чацкого Катенин сходилися с Пушкиным, также считавшим, что умный человек не должен «метать бисера перед Репетиловыми...». И тот и другой судили «Горе от ума», исходя из сложившихся представлений о «светской комедии», однако Пушкин чутьем гениального художника уловил те новые возможности, которые открывала перед драматургией комедия Грибоедова, и пришел к выводу, что его надо судить «по законам, им самим над собою признанным».

Катенин же руководствовался представлениями о незыблемости правил комедийного жанра. Новации Грибоедова оказались для него неприемлемыми.

С точки зрения старой «классической школы» рассматривал Катенин «Горе от ума» и в письме к его автору, сведя весь комплекс идей пьесы к моральным и интеллектуальным коллизиям. Будучи противником политических намеков и аллюзий в искусстве (сам он пользовался ими крайне редко), Катенин не увидел или не захотел увидеть политической остроты комедии Грибоедова.

В первую очередь вызвала недовольство Катенина нетрадиционная форма пьесы. Тут он чувствовал свою силу: за ним была солидная теоретическая база, традиции.

Однако Грибоедов в вежливой, но вместе с тем решительной форме отвергает все высказанное Катениным и дает понять, что принципиально расходится с ним в понимании законов искусства. Драматурга не устраивает «искусство угождать теоретикам, т. е. делать глупости», удовлетворять «школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям», он ратует за

«свободное дарование», давая понять своему оппоненту, что только ломка традиций и может привести к новым достижениям в искусстве. Все это Катенину было чуждо, ибо он, по словам Н. А. Полевого, «постигал изящное умом, а не дарованием...».⁵⁸

Катенин и Грибоедов в 1825 г. не могут найти общего языка даже в мелочах. Девятью годами ранее Грибоедов защищал его от упреков Гнедича в нескромности. Возражая последнему, он писал: «Стих „в ней уляжется ль невеста?“ заставил рецензента стыдливо потупить взоры; в ночном мраке, когда робость любви обыкновенно исчезает, Ольга не должна делать такого вопроса любовнику, с которым готовится разделить брачное ложе? Что ж ей? предаться тощим мечтаниям любви идеальной?» (III, 18). Теперь же сам Катенин выступает в роли поборника «приличий», считая, что для Софьи проводить ночи с Молчалиным «не совсем благопристойно».

Приведенные факты говорят сами за себя. Их совокупность позволяет несколько иначе взглянуть на роль и значение группировки «младоархаистов», наличие которой признавали К. А. Полевой, М. Н. Логинов, А. Н. Пыпин, Н. К. Пиксанов и особенно подробно остановившийся на изучении этого явления Ю. Н. Тынянов. Его мнение полностью отвергается С. А. Фомичевым, считающим «младоархаистов» понятием «призрачным».⁵⁹ В доказательство исследователь ссылается на возражения Катенина К. А. Полевому, причислявшему Катенина к «славянофилам», т. е. к «младоархаистам» по терминологии Тынянова. Катенин писал: «Были, говорите вы, две школы: карамзинисты и славянофилы; одни ахали и готовы были „мутным потоком затопить богатые нивы русского слова“; другие хотели „для прошедшего мертвого оставить настоящее живое“; время уничтожило и тех и других. Место их заняли: с одной стороны, „поклонники Карамзина“, к коим позволить прибавить на случай войны всех называющих себя романтиками и всех журналистов; кто же с другой стороны? Нет никого, ибо вы шутите, называя партией трех человек и меня четвертого. Но где и те? где Грибоедов? где автор „Ижорского“? Г-н Жандр всегда писал мало и давно замолк: остаюсь я один».⁶⁰

Но ведь Катенин говорит здесь не столько о первой половине 1820-х гг., сколько о настоящем времени, т. е. о 1830 г. Да и само по себе только одно его мнение еще не решает спора.

Корее всего, как это часто бывает при диаметрально противоположных взглядах, истину нужно искать где-то посредине. Тынянов придавал кружку «младоархаистов» расширительное значение. Фомичев считает, что этого кружка и вовсе не было. В действительности же «младоархаистская» фракция, возникшая вокруг Катенина и Грибоедова, была немногочисленной и просуществовала недолго. Да и как могло быть иначе? Удален был из столицы Катенин, сослан Кюхельбекер, жил вдали от Петербурга Грибоедов, почти не выступал в печати Жандр...

А главное, в своих эстетических взглядах Катенин и Грибоедов со временем разошлись все дальше.

Но как же тогда совместить их полное расхождение во взглядах с признанием Грибоедова, что именно Катенину он обязан «зрелостью, объемом и даже оригинальностью (...) дарования», тем более что сказано это было в одном и том же письме?

Противоречия или фальши в словах Грибоедова нет. Лет десять назад Катенин, крупнейший тогда знаток театра и его теоретик, приобщил Грибоедова к драматургии, обратил его внимание на важнейшие законы сцены. Однако, расставшись с Катениным летом 1817 г., Грибоедов в дальнейшем развивался самостоятельно. «Архаист» Катенин так и остался на эстетических позициях 1810-х гг., тогда как автор «Горя от ума» опередил свое время. Вот почему Грибоедов мог сказать: «Катенин не поглупел, но мы поумнели, и оттого он кажется нам ничтожным».⁶¹

Даже там, где они разрабатывали одинаковые темы, трактовали они их по-разному. Так, в 1821 г. Катенин переделал комедию Грессе «Le Méchant», дав ей название «Сплетни». За год до этого такая же переделка была осуществлена Загоскиным.

Остановив свой выбор на пьесе Грессе, Катенин преследовал несколько целей. Он хотел противопоставить свое понимание типа «умника» тому, что вышел из-под пера Загоскина, у которого герой представлен обманщиком и профессиональным шулером. Одновременно он «отвечал таким путем и на многочисленные выпады против современной вольномыслящей молодежи, которая изображалась в многочисленных комедиях консервативно настроенных авторов (...) исполненной нигилизма, циничного презрения к людям, к родной стране и своим гражданским обязанностям».⁶² Учитывая психологический склад Катенина, не будет натяжкой предположить, что им двигало и желание «поучить» Загоскина, показать ему, как следовало бы разработать этот характер.

В образе Зельского Катенин уже наметил некоторые черты Чацкого. Зельский обличает бессмысленное небокопительство, пороки, порожденные праздностью и невежеством. Грибоедов, создавая «Горе от ума», по всей видимости, не мог не учитывать опыт Катенина. Но при этом он не столько опирался на сделанное Катениным, сколько отталкивался от этого. Образ Чацкого решается не в одной лишь моральной плоскости, он для современников имел прежде всего острое политическое звучание.

Слова Грибоедова о том, что он столь многим обязан Катенину, отчасти вызваны и желанием позолотить пиллюлю, так как через несколько строк автор «Горя от ума» «заявляет о своем принципиальном разногласии с Катениным и, признавая факт подчинения его авторитету в прошлом, подчеркивает независимость своих взглядов в настоящем: „Я как живу, так и пишу, свободно и свободно“. И у читателя естественно является подозрение: не тогда ли Грибоедов и развернул свое дарование, когда порвал с авторитетом Катенина?»⁶³

Грибоедову хорошо был знаком нрав Катенина, и он не сомневался: ничто не сможет доставить ему большей радости, чем признание писателя, пользующегося широкой популярностью. Расчет оказался точным. В очередном письме к Бахтину Катенин не преминул заметить: «Грибоедову я писал насчет „Горя от ума“, он не соглашается и оправдывается всеми обыкновенными софизмами авторов, то есть сочиняет новую пиитику, я паки возразил ему; всего лучше для меня в этой переписке лестное чрезвычайно свидетельство Грибоедова, что обделкою своего дарования он обязан единственно мне и говорит это всем и каждому».⁶⁴

Но старая дружба на этом кончилась. Катенин не смог простить Грибоедову успеха, которого он всегда так жаждал сам. Известность «Горя от ума» теперь кажется ему искусственной, созданной стараниями приятелей. «Булгарин и вся компания теперь кадят Грибоедову, — извещал он Бахтина 26 апреля 1825 г., — а он любит запах фимиама».⁶⁵

Еще через три года грибоедовская комедия становится для него чуть ли не символом искусственного, фракционного успеха, который раздувается кучкой корыстных журналистов, а ее автор превращается почти что во врага. «Все споры о летописях, о царевне Софии и пр., о сербском языке или языках — все это вздор, все личина, чтобы сколько-нибудь прикрыть главную цель: обругать тех, кто не романтик, кто не клянется Карамзиным, кто не восхищается „Горем от ума“; вот на что следует вооружиться, вот то гнилое здание, которое следует подрубить».⁶⁶ Ставить Грибоедова «в первые поэты» Катенин решительно отказывается.⁶⁷

Катенин был человеком с трудным характером, и это в еще большей степени, чем ссылка, привело его к изоляции от литературного мира, оттолкнуло от него самых близких друзей. Но поскольку при этом, как казалось Катенину, он был озабочен не столько собственными успехами, сколько интересами искусства, «честность, самоотверженность», подвижничество, с которыми Катенин отстаивал свои литературно-эстетические позиции, по словам современного исследователя, «вызывают сочувствие».⁶⁸ Сочувствие, но не симпатию.

* * *

¹ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 34.

² Жуковский В. А. Собр. соч. В 4-х т. М.; Л., 1959, т. II, с. 8.

³ Катенин П. А. Избр. произв. М.; Л., 1965, с. 92—93.

⁴ Сын отечества, 1816, № 30, с. 27.

⁵ Батюшков К. Н. Соч. Т. I—III. СПб., 1886, т. III, с. 390—391.

⁶ Тынянов Ю. Н. Указ. соч., с. 38.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М.; Л., 1938, т. XI, с. 220—221.

⁸ Фомичев С. А. К творческой предыстории «Горя от ума» (комедия «Студент»). — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969, с. 88.

⁹ Там же, с. 89.

- ¹⁰ См.: Загоскин М. Н. Полн. собр. соч. Т. I—X. СПб.; М., 1898, т. I, с. XXVII.
- ¹¹ Фомичев С. А. Указ. соч., с. 89, примеч. 7.
- ¹² Недаром в единственном отклике на рассматриваемую нами статью С. А. Фомичева относительно Загоскина замечалось: «По сей день вопрос остается открытым...» (см.: Зорин А. Л. «Горе от ума» и русская комедия 10—20-х годов XIX века. — В кн.: Филология. М., 1977; вып. 5, с. 76).
- ¹³ Фомичев С. А. Указ. соч., с. 89.
- ¹⁴ ИРЛИ, Р. 1, оп. 49, № 178, с. 295.
- ¹⁵ Орлов В. Н. Художественная проблематика Грибоедова. — Лит. наследство. М., 1946, т. 47—48, с. 16.
- ¹⁶ А. С. Шишков был статс-секретарем Александра I, членом Государственного совета и президентом Российской Академии наук.
- ¹⁷ Сев. наблюдатель, 1817, № 2, с. 58—59.
- ¹⁸ Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929, т. I, с. 106.
- ¹⁹ Отметим, что в ряду древних писателей, на которых обрушивается «молодой человек», имя Вергилия отсутствует; последний, напротив, оценивается очень высоко.
- ²⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. СПб., 1892, т. III, с. 148 (курсив мой, — В. М.).
- ²¹ Сев. наблюдатель, 1817, № 2, с. 59.
- ²² Там же, с. 62.
- ²³ Там же, с. 59.
- ²⁴ Сходную мысль в 1823 г. высказал в письме к А. М. Колосовой и Катенин. Он спрашивал актрису: «Есть ли во Франции новые трагедии? Вы знаете, что этим именем я не называю пяти актов в стихах, в которых изображены мнимые исторические события, на самом же деле служащие только личиною для удобнейшей декламации о законной власти, о Бурбонах, о Бонапарте, об обеих камерах и о половинном жалованьи» (Рус. старина, 1893, т. 77, с. 643). Таким образом, мы вправе не только обособлять Катенина и Грибоедова, но и отмечать общие для них суждения.
- ²⁵ Сев. наблюдатель, 1817, № 2, с. 59—62.
- ²⁶ См.: Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. СПб., 1911, с. 36.
- ²⁷ Сев. наблюдатель, 1817, № 2, с. 62—63.
- ²⁸ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, с. 73.
- ²⁹ Там же, с. 59.
- ³⁰ Там же, с. 73.
- ³¹ Там же, с. 84.
- ³² Там же, с. 104.
- ³³ Лит. газ., 1830, № 70.
- ³⁴ Сев. наблюдатель, 1817, № 2, с. 63—64.
- ³⁵ Эта же оценка рецензии Загоскина повторена и В. А. Мануйловым в его статье «Заметка о двух стихотворениях» (Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1948, т. 67, с. 80).
- ³⁶ Сев. наблюдатель, 1817, № 15, с. 55.
- ³⁷ Там же, № 4, с. 132, 133.
- ³⁸ Там же, № 15, с. 56.
- ³⁹ Там же, № 7, с. 236—237.
- ⁴⁰ Рус. арх., 1871, № 6, с. 2041.
- ⁴¹ Вишневская Г. А. Эстетические взгляды П. А. Катенина. — В кн.: Вопросы романтизма в русской литературе. Казань, 1963, с. 101.
- ⁴² Русская Талия ... на 1825 год. СПб., 1825, с. 350.
- ⁴³ М. Е. Лобанов перевел две трагедии Расина («Ифигения в Авлиде» (1815) и «Федра» (1823)). Н. И. Гнедич в 1820 г. поместил в «Сыне отечества» (№ 41) перевод фрагментов «Андромахи».
- ⁴⁴ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, с. 85 (письмо от 26 апреля 1825 г.).
- ⁴⁵ См.: там же.
- ⁴⁶ Производство Грибоедова состоялось 15 марта 1828 г.
- ⁴⁷ Бог расточает блага тем, которые дали обет быть ему верными (франц.).
- ⁴⁸ вдобавок (франц.).
- ⁴⁹ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, с. 121—122.

- ⁵⁰ Там же, с. 137; так в подлиннике (см.: ГПБ, ф. 682, арх. Селифонтова, к. IV, «Ж», л. 2).
- ⁵¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л., 1937, т. XIII, с. 225.
- ⁵² Там же. М.; Л., 1949, т. XI, с. 180.
- ⁵³ *Сын отечества*, 1822, № 18, с. 177.
- ⁵⁴ трудные пустыки (*лат.*).
- ⁵⁵ с любовью (*итал.*).
- ⁵⁶ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, с. 76—78.
- ⁵⁷ Лит. газ., 1830, № 72.
- ⁵⁸ Московский телеграф, 1833, № 6, с. 604.
- ⁵⁹ *Фомичев С. А.* Автор «Горя от ума» и читатели комедии. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977, с. 14.
- ⁶⁰ Лит. газ., 1830, № 72.
- ⁶¹ Лит. наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 628.
- ⁶² *Родина Т. М.* Русское театральное искусство в начале XIX века. М., 1961, с. 304.
- ⁶³ См.: *Розанов И. Н.* Пушкинская плеяда. М., 1923, с. 99.
- ⁶⁴ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, с. 82.
- ⁶⁵ Там же, с. 85.
- ⁶⁶ Там же, с. 102.
- ⁶⁷ Там же, с. 105.
- ⁶⁸ *Фризман Л. Г.* Парадокс Катенина. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980, т. 39, № 1, с. 32.

А. А. Жандр

1

Андрей Андреевич Жандр (1789—1873) возник на грибоедовском горизонте одновременно с Катениным, но годы не прекратили эту дружескую связь, а лишь сделали более прочной.

Почти ежедневным местом встречи дружеского кружка, состоявшего из Грибоедова, Бегичева, Катенина, Жандра и Чипягова, служил «чердак» Шаховского. Деля время между литературой и светской жизнью, молодой Грибоедов охотно вступал тогда в кратковременные литературные союзы (с Шаховским, с Катениным) — явление для той поры вполне обыкновенное. Жандро Грибоедов побудил начать работу над переводом «Семелы» Шиллера.

Вот этот эпизод в изложении Грибоедова (письмо к Катенину от 19 октября 1817 г.): «... Андрей Андреевич последний вторник является на вечер к Шишкову, слушает Тасса в прозе и благополучно спит... Я его как душу люблю и жалею, а сам я регулярно каждый вторник болен. Читал ты Жандров отрывок из „Гофолии“ в „Наблюдателе“? ¹Бесподобная вещь, только одно слово и к тому же рифма прегомерзкая: *говяда*. Видишь ты, в Библии это значит стадо, да какое мне дело? ² Я теперь для него „Семелу“ Шиллерову перевожу слово в слово; он из нее, верно, сделает прелестную вещь — это для бенефиса Семеновой. А я ей же в бенефис отдаю „Les fausses infidélités“. Для Валберховой я сделал четыре сцены, которыми Жандр очень доволен»³ (III, 125).

Под влиянием Грибоедова, считал Н. К. Пиксанов, Жандр начал работу и над переводом «Венцеслава» Ж. Ротру.⁴ Надо полагать, что и на выбор «Гофолии» повлияло общение Жандра с Грибоедовым и его окружением, исповедовавшим передовые, свободолобные идеалы. В этой связи представляется закономерным обращение Жандра к произведению, проникнутому пафосом борьбы с гнетущей силой самовластья. Те же настроения господствуют и в переведенных Жандром сценах из «Горациев» Корнеля (Сев. наблюдатель, 1817, № 16, 18).

В письме к Бегичеву от 15 апреля 1818 г. Грибоедов рассказал о некоторых подробностях своего сотрудничества с Жандром. «По-

сылаю тебе „Притворную неверность“... — писал он. — Вот, видишь ли, отчего сделалось, что она переведена двумя. При отъезде моем в Нарву Семенова торопила меня, чтоб я не задержал ее бенефиса, а чтоб меня это не задержало в Петербурге, я с просьбой прибегнул к другу нашему Жандру. Возвратясь из Нарвы, я нашел, что у него только переведены сцены двенадцатая и XIII-я; остальное, с того места, как Рославлев говорит: *я здесь, все слышал и все знаю*, я сам кончил. Впрочем, и в его сценах есть иное мое, так как и в моих его перемены; ты знаешь, как я связно пишу; он без меня переписывал и многих стихов вовсе не мог разобрать и заменил их своими. Я иные уничтожил, а другие оставил: те, которые лучше моих» (III, 128).

Из письма следует, что произвести точное выделение стихов, написанных каждым соавтором, невозможно, но оно интересно в другом отношении. Письмо демонстрирует полную солидарность Грибоедова и Жандра, абсолютное доверие к вкусу и способностям друг друга. Известен еще только один случай, когда Грибоедов позволил правку своего произведения другому лицу: В. К. Кюхельбекер внес некоторые исправления в его стихотворение «Давид», напечатанное в «Мнемозине».⁵

Высокую оценку поэтических способностей Жандра Грибоедов подтвердил и печатно. В «Предисловии к вольному переводу А. А. Жандра» он сообщал: «Вы знаете прекрасные сцены Шиллеровой „Семелы“. По усиленной просьбе моей А. А. Жандр согласился перевести их на русский язык и добавить от себя, чего недостает в подлиннике. Вообще он обогатил целое новыми, оригинальными красотами. И в отрывке, который при сем препровождаю, лирическое во втором явлении от слова до слова принадлежит ему» (III, 25).

В описываемое время оба соавтора принадлежали к числу литераторов-любителей. Но современники отдавали себе отчет, что Грибоедов намного превосходит Жандра талантом. Когда А. А. Бестужев в 1823 г. заметил, что «Притворная неверность» отличается «пестротой в слог», явившейся следствием «много-ручного перевода», Жандр сразу же понял подтекст этого заявления. К тому же, перед тем как перейти к «Притворной неверности», Бестужев указал, что «Молодые супруги» Грибоедова отличаются «живым» стихом. Сопоставление оценок «Молодых супругов» и «Притворной неверности» приводило к заключению, что стихи, написанные Жандром, уступают грибоедовским.

Этот намек больно задел соавтора Грибоедова. Вступив с Бестужевым в полемику, Жандр не преминул задать вопрос: «... как г-н Бестужев мог заметить эту пестроту, когда те люди, которые пишут в наше время лучшие комические стихи, никогда не могли отгадать, которые сцены переводил Грибоедов и какие Жандр?».⁶

Тем не менее общее литературное дело способствовало тесному сближению Грибоедова и Жандра. Жандр часто посещал Грибоедова в московском доме его матери. В свою очередь петербургский

дом Жандра «был едва ли не единственным семейным домом, где Грибоедов в 1815—1818 годах постоянно находил привет и ласку».⁷

И вдали от Петербурга Грибоедов не забывал о Жандре. «Жандрик мой, — спрашивал он Катенина, — как живет? В 1820-м году прежним ли святым молится?» (III, 138).

Как только Грибоедов снова появился в столице летом 1824 г., прежние отношения еще более укрепились. Правда, Грибоедов отклонил усиленные просьбы Жандра поселиться у него (Жандр не имел наследственного состояния и жил весьма скромно, поэтому Грибоедов не хотел обременять друга излишними расходами⁸), но виделись они чуть ли не каждый день, и всю свою корреспонденцию Грибоедов получал на адрес Военно-счетной экспедиции, правителем которой был Жандр.

Присутствие Грибоедова побудило Жандра вновь обратиться к литературному творчеству. «Жандр пробудился из усыпления, — сообщал драматург Катенину 17 октября 1824 г., — переводит „Венцеслава“ необыкновенно хорошо, без рифм, и тем лучше выходит. Сам не отстаю от толпы пишущих собратий. А. А. везет к тебе мои рифмы, прочти, рассмейся...» (III, 162).

Заметим, что так оценивал труд Жандра не прежний литератор-дилетант, а возмужавший и необыкновенно выросший автор «Горя от ума»:

По-видимому, жандровский перевод обсуждался в дружеском продекабристски настроенном кругу, общее мнение которого выражено А. И. Одоевским. Одоевский отзывался о «Венцеславе» как о труде прекрасном. «Г-н Жандр, — заявлял он, — соблюдая всю свежесть подлинника, заменяет недостатки красотами и оживляет целое новою творческою силою».⁹

Технике стиха Жандр во многом учился у Грибоедова. «Взявши за основу белый пятистопный ямб, Жандр, однако, очень свободно с ним обращался, перемежая его шестистопными и даже четырех- и двустопными строками, обычно сочетая эти вольности с рифмовкой. Фактически „Венцеслав“ в таких отклонениях оказался по ритму близким к „Горю от ума“: автор как бы сочетал новаторство Кюхельбекера и Грибоедова».¹⁰

А. И. Одоевский сыграл роль нового звена, еще более укрепившего дружбу Грибоедова и Жандра. В письмах к последнему Грибоедов проявляет трогательную заботу о молодом человеке, которого он называл «l'enfant de mon choix».¹¹ В этих письмах запечатлено одно из лучших качеств Грибоедова — умение объединить вокруг себя единомышленников, передать каждому из них собственное расположение к другим, обнаружить самые возвышенные черты их души.

Жандру Грибоедов писал о своем беспокойстве по поводу несчастной любви Одоевского, которая, считал он, может погубить юношу. Действительно, беда уже нависла над ним. Но это была беда, которую не могли отстранить никакие друзья.

За четыре дня перед тем, как Грибоедов писал Жандру и Миклашевич об Одоевском, он и другие их общие знакомые — декабристы — уже были подвергнуты аресту. Тем не менее Жандр и Миклашевич сделали все возможное, чтобы спасти молодого человека, хотя и рисковали при этом очень серьезно.

В «Алфавите членам бывших злоумышленных обществ» сказано: «Жандр, Андрей Андреев. Надворный советник, правитель канцелярии Военно-счетной экспедиции. Требуется к ответу по тому случаю, что вечером 14 декабря, после рассеяния мятежников, принял к себе одного из них, князя Одоевского, и дал ему способ уйти из города, снабдив его платьем и деньгами. О существовании общества и замыслов мятежа не знал. Содержался на главной гауптвахте с 16 декабря. Через несколько дней после ареста по высочайшему повелению освобожден».¹²

На допросе Жандр показал: «Князь Одоевский в сентябре месяце спас родственницу мою (т. е. В. С. Миклашевич, — В. М.), вытаща ее из воды, где она тонула, после чего из благодарности не мог я отказаться подать ему руку помощи, тем более что родственница была тут. За всем тем чувствую свою вину, в коей признаюсь. Рылеева я знаю около года, но общества тайного не ведал, в чем готов дать присягу. Что здесь показана вся истина, в том подписуюсь».¹³

Жандр говорил правду, утверждая, что не был причастен к заговору. Но это была, конечно, далеко не вся правда. Близкий друг Грибоедова не только был осведомлен о настроениях заговорщиков, но и сам полностью разделял их взгляды. Не случайно в «Венцеславе» «подвергается обсуждению вопрос о царской власти, правах и обязанностях царя и его подданных...», а диалоги первого действия перевода, опубликованного в «Русской Талии», «отличаются политической остротой, особенно заметной в условиях <...> самодержавного реакционного режима».¹⁴

Недаром Лермонтов взял эпитафией к стихотворению «Смерть поэта» строки из жандровского «Венцеслава», актуально звучавшие и в 1830-е гг.: «Отмщенье, государь, отмщенье!».

Очевидно, что Жандр не только был настроен созвучно декабристам, но и о многом догадывался. Грибоедов, отвечая на сохранившееся письмо Жандра, писал накануне восстания: «Какое у вас движение в Петербурге!! А здесь... Подождем» (III, 188). Несмотря на сдержанность тона, ясно, что речь идет о назревающих политических событиях.

Д. А. Смирнов, беседовавший с Жандром в 1858 г., констатировал, что престарелый сенатор «особенно любил говорить о всем, что относится к 14 декабря. Видимо, что он всем этим происшествиям сочувствует и судит о них, зная всю подноготную...» (ГВС, 275). Жандр также поведал Смирнову, что Грибоедов был участником заговора, причем степень этого участия была «полной»: «Свидетельство А. А. Жандра чрезвычайно важно: никто, кроме него и Бегичева, не был столь полно осведомлен

по этому вопросу, вероятно, самим Грибоедовым. Последнее доказывается, между прочим, и тем обстоятельством, что Жандр совершенно точно перечислил имена декабристов, дававших показания о Грибоедове...».¹⁵

О своей солидарности со взглядами декабристов Жандр даже считал возможным «вполголоса» заявить в печати. Через полгода после казни пяти руководителей заговора он опубликовал в «Северной пчеле» стихотворение «Минуты жизни» (эпизод, не замеченный до сих пор историками литературы).

В «Минутах жизни» воспеваются мгновения, одухотворяющие жизнь человека высшим смыслом, — упоение любовью, борьба с морской стихией и т. д. Но все это понадобилось автору только для того, чтобы замаскировать вторую строфу:

Я жил, когда, не зная подозренья,
С друзьями я до утра пировал:
Вино лилось из чаши откровенья;
И тайн никто на сердце не питал.
Летали пробки! Пили круговую;
И кубок я последний предложил:
И мы клялись идти за Русь святую
И в воду и в огонь... тогда я жил.

Предпоследняя, пятая, строфа стихотворения посвящена Грибоедову, чье имя не названо, но легко угадывается.

Я жил, когда неробкими сердцами
Мы с другом нежным слились навсегда,
Прельщались вчуже славными делами,
И нас пленяла мира красота!
Мы в истинах высоких утопали,
И жажду знаний он мне в душу влил,
И оба мы святое слово дали,
Быть другом ближнему... тогда я жил!¹⁶

В «Минутах жизни» указано главное, что скрепляло их дружбу: общность политических и эстетических интересов; указано влияние Грибоедова на умственное развитие автора. Быть может, последние два стиха говорят о конкретном эпизоде: Грибоедов и Жандр вполне могли дать обоюдную клятву помогать близким в несчастье. Во всяком случае, их действия по отношению к осужденному А. И. Одоевскому не противоречат такому предположению.

Видимо, о потаенном смысле жандровского стихотворения и сообщал Булгарин в не дошедшем до нас письме Грибоедову. Известен ответ Грибоедова (письмо от 16 апреля 1827 г.): «Стихи Жандра в 1-м № я нигде не мог отыскать, ты не приехал мне, а другие — „К Музе“, я, еще не зная, чьи они, читал здесь вслух у Ховена и уверен был, что это произведение человека с большим дарованием. Поощрай, прищипывай его. А я надеюсь, что, воротясь из похода, как-нибудь его сюда выпишу» (III, 198—199).¹⁷

Нам удалось обнаружить еще одно стихотворное произведение Жандра, представляющее попытку осмыслить многогранный характер Грибоедова и ту роль, которую он играл в жизни автора.

В ЦГАЛИ хранится писарская копия трагедии «Петр I». Рукопись не подписана и не датирована, но на ее заглавном листе рукой владельца петербургского книжного магазина В. А. Исакова сделана помета: «Со слов профессора С.-П(етер)б(ургского) университета Г. Помяловского озаглавленная трагедия написана Жандром, другом Грибоедова X/10 $\frac{18}{77}$ ». ¹⁸

Оставив в стороне содержание и художественные достоинства весьма интересной пьесы Жандра, поскольку анализ ее выходит за пределы нашего исследования, отметим только, что данная рукопись, судя по ее составу, полностью воспроизводит черновой автограф. Об этом говорит, в частности, такая ее особенность. После слов Петра:

Да!.. Божий суд!.. Я чист от крови сей!
Ему — царю царей — благодаренье —

(д. V, явл. 2) — текст прерывается и следует записанная тем же почерком «Таблица, показывающая в каждом месяце несчастливые дни, в которые не должно ничего начинать». ¹⁹ Сразу же вслед за ней помещено стихотворение «Портрет — ***».

И муж совета и гостиной,
И знает свет — и семьянин,
И юн душой — и взор орлиный,
И всеобъемлющ — и один.

То речью вас влечет мятежной,
И тесны жизнь и мир ему,
То смотрит он на вас небрежно,
Предпочитая лень всему.

То светским он пленяет тоном,
Кружит всем голову подчас,
То поглядит на вас Катонем
И пробуждает совесть в вас.

То весь в делах — то мимик чудный,
И суевер — и гонит тьму.
И все его — ничто не трудно,
И лица все к лицу ему.

То все постиг — миры и лета,
То в настоящем заключен,
Иль сладким вымыслом поэта
Заговорит вам душу он.

То правых он опорой станет,
Корысть и злобу разгромит —
То человек и в нем проглянет,
То Дон-Жуан, то Аристид.

К нему богач — к нему убогий;
Его молить — ему внимать.
И всем готов — во имя бога —
Он руку помощи подать.

И патриот — и ум всеродный,
Но вечным он примером вам
Готов за правду всенародно
Призвать на сильных стыд и срам.

И снова гость желанный света,
И многим речь его закон.
И острый ум — и муж совета,
Директор совести мне он.²⁰

Едва ли «Портрет...» нуждается в комментарии. Здесь, можно сказать, скрупулезно перечислены широкие возможности «протеической» натуры Грибоедова и оттенки настроений человека, которого Жандр от всей души любил и уважал. «Директор совести» — вот как именовал он друга. Судя по тому, что стихотворение лишено трагизма и портретируемый воспринимается как живой, оно было написано до гибели Грибоедова, но не ранее второй половины 1828 г., ибо герой характеризуется как «семьянин».

Отметим также, что «Портрет...» как бы развивает грибоедовские мотивы «Минут жизни». Мятая речь патриота, постигшего «миры и лета», увлекающего «сладким вымыслом» окружающих, исходит из уст «друга ближнего», готового всем «руку помощи подать», человека, обладающего «острым умом». Так в обоих стихотворениях выглядит воспеваемый Жандром герой.

Письма Жандра к Грибоедову не сохранились. Но о содержании одного из них, написанного в промежуток между сентябрем — ноябрем 1828 г., мы можем догадываться. Жандр и Миклашевич упрекали Грибоедова в том, что он ничего не делает для облегчения участи ссыльного А. И. Одоевского. Упреки были несправедливы — за Одоевского Грибоедов уже просил Паскевича, но безрезультатно.²¹

Трагическая гибель друга тяжело переживалась Жандром и Миклашевич. Тяжесть утраты усугублялась еще и тем, что о причинах тегеранской катастрофы в столице ходили самые разнообразные, в том числе и оскорбляющие память русского посланника слухи. «Мелькала и такая версия, что Грибоедов был сам виноват, допустив ряд бестактностей, например приняв в миссию двух армянок из гарема Алаяр-хана. Большинство не знало, как сложны были причины события и что печальный исход давно предвиделся Грибоедовым и предопределялся со стихийной неизбежностью».²²

Опровергнуть это печатно друзья Грибоедова не могли: Россия начала новую войну с Турцией, и в этих условиях любое такого

рода известие могло бы привести к новым осложнениям отношений с Персией. Поэтому русская дипломатия пошла на то, чтобы предать инцидент забвению, и даже поддерживала слухи о том, что в случившемся был виноват сам Грибоедов.

Дабы обелить память друга, Жандр и В. С. Миклашевич, использовав выдержки из письма к ним Грибоедова, где излагалось положение дел в Персии, прибегли к «средству, давно испытанному в условиях старой русской общественности: рукописному памфлету».²³

Авторы памфлета были установлены Н. К. Пиксановым, опубликовавшим его в 1912 г. В этом сочинении, названном «Разные рассуждения и толки между короткими друзьями Грибоедова», утверждалось и доказывалось, что гибель Грибоедова — результат политических интриг.

Светлую память о Грибоедове Жандр и Миклашевич бережно сохраняли на протяжении всей жизни. Ряд ценнейших подробностей о жизни и творчестве драматурга дошли до нас именно в передаче Жандра.

2

Особо следует остановиться на стихотворении 1825 г., на наш взгляд принадлежащем Жандру и адресованном Грибоедову, которое, несмотря на его краткость, является бесспорным свидетельством связи Грибоедова с центрами декабристского движения. Воспроизведем текст этого стихотворения, адресованного «Г.....ву»:

С глубоким трепетом волненья
Я зрю тебя идущим в путь!
Тебе неведомо сомненье,
И страха тайное смущенье
В твою не проникает грудь.

Иди ж, свободой вдохновленный!
Иди принять судьбу свою!
А я, от вас отъединенный,
Ваш подвиг славный воспою.

Молю тебя: когда в содружном
Кругу ты примешь свой обет,
Друзьям и северным и южным
Мой братский передай привет.

Впервые оно было опубликовано Н. Л. Бродским в 1926 г. Сопровождая публикацию комментарием, Бродский писал: «В старинном альбоме, принадлежавшем Е. Н. Опочинину, сохранилось стихотворение, посвященное Г.....ву, с приглушенной предпоследней строчкой: и с.....ъ и ю....ъ, в которой легко отгадать обозначение двух тайных обществ 20-х годов XIX века. Кому оно

адресовано, трудно сказать, даже имея весь список декабристов, фамилии которых начинались с соответственной буквы. Кем написано? Автор несомненно принадлежал к литературному цеху; обращался к своему близкому другу, решившемуся вступить в тайное общество; идеологически близкий к нему, он, видимо, не разделял веры его в возможность революционного успеха, но, будучи отъединенным от давших обет борьбы, умолял его передать привет и северным и южным друзьям. По настроению, устремленному вперед, на путь грядущей борьбы, на исполнение „обета“, в ожидании „судьбы“, это стихотворение могло быть написано только до 14 декабря 1825 года.²⁴

Нам представляется, что эти замечания могут быть уточнены. Начнем с определения имени того, кому стихотворение адресовано. Кто мог быть этот Г.....в?

Безусловно верно заключение Н. Л. Бродского, что стихотворение могло возникнуть только до 14 декабря 1825 г. Несомненно и то, что оно адресовано человеку, имевшему какие-то контакты с Южным и Северным обществом. Стало быть, его фамилию следует искать в документах Следственного комитета, составлявших весьма тщательно. А. Д. Боровков, правитель дел Следственного комитета, отмечал: «Последнюю мою работой по следствию о злоумышленных обществах было составление для государя императора алфавитного списка о всех прикосновенных к этому делу, даже и тех, которые не были требуемы к допросу в Комитет и о коих разбор и суд производился на местах их служения или жительства».²⁵ Боровков, подчеркивают Б. Модзалевский и А. Сиверс, «исправный и усердный чиновник, отнесся к своей задаче вполне добросовестно, нигде не сгущая красок, а стараясь беспристрастно и отчетливо свести воедино разнообразный, обильный и часто противоречивый материал следствия. В иных случаях он был даже чересчур усерден и добросовестен: так, он занес в „Алфавит“ несколько имен личностей, или не выясненных следствием, или вовсе не существовавших, мифических...».²⁶

Итак, если обратиться к «Алфавиту...», то без труда можно выявить имена тех подследственных, чьи фамилии начинаются на «Г» и заканчиваются на «в». Трудно допустить, чтобы человек, общавшийся с участниками двух тайных обществ, не попал в поле зрения Следственного комитета.

Фамилий, удовлетворяющих этому условию, шесть. Это офицер артиллерии Глебов (имя и отчество не названы), коллежский секретарь Михаил Николаевич Глебов, «отставной гусар» Голубков (также без имени и отчества), подполковник Гвоздев (инициалы отсутствуют), поручик лейб-гвардии Измайловского полка Александр Семенович Гангеблов и Александр Сергеевич Грибоедов.

Оба Глебовых и Голубков должны быть сразу исключены. Голубков — «ужасный либерал и только что бредил вольными стихами».²⁷ Больше за ним ничего не числится, назвал его один

мичман Дивов и то со слов мичмана Тыртова. Неудивительно, что комитет оставил «сие без внимания».²⁸ Артиллерист Глебов назван вообще по недоразумению.²⁹ М. Н. Глебов «знал о существовании и цели Северного тайного общества — введение конституции, но членом оного быть не захотел, хотя и явился 14 декабря на площадь, имея в руках шпагу».³⁰ Конечно, полностью доверять показаниям Глебова не следует. Он, как и многие, старался, насколько возможно, обелить себя, облегчить свою участь. «Следственный комитет не смог получить вполне определенных данных о том, что Глебов был действительно членом тайного общества, однако показания Каховского свидетельствовали о том, что Глебов отнюдь не „случайно“ примкнул 14 декабря к восставшим войскам».³¹ Но тем не менее его связи были довольно ограниченными и претендовать на роль соединительного звена между Северным и Южным обществами он никак не мог.

Подполковник квартирмейстерской части Гвоздев был ознакомлен П. М. Титовым с некоторыми «артикулами» Общества (отмена крепостного права, введение конституции и т. д.), но тем круг его сведений и ограничивался. Титов говорил о существовании Общества с Гвоздевым только в ноябре 1825 г., причем и сам Титов имел довольно смутные представления о составе и намерениях заговорщиков. «Спрошенные главные члены Северного и Южного обществ отозвались, что о принадлежности Гвоздева к Обществу не слышали».³² Следовательно, Гвоздев не мог передавать привет северным и южным «братьям»: Более того, Гвоздев — одна из случайно попавших в орбиту следствия фигур, недаром подполковник даже не был понижен в звании и продолжал службу.

Таким образом, остаются Гангеблов и Грибоедов. Первый «никого не приобрел Обществу и не участвовал в действиях его».³³ Гангеблов вообще попал в число заговорщиков при обстоятельствах почти анекдотических. Как поведал он в своих воспоминаниях, весной 1825 г., встретившись со своим учеником по Пажескому корпусу П. Н. Свистуновым, Гангеблов довольно туманно понял беглую французскую речь товарища, сообщившего о своей принадлежности к тайному обществу, но тем не менее согласился в него вступить. «Так как прежде я не слышал о существовании других тайных обществ, кроме братства масонов, то это последнее легко отождествилось с моим новым членством...» — писал он.³⁴ Вот почему на вопросы Николая I, лично пожелавшего его допросить, Гангеблов твердо заявил, что ему «не было даже известно о существовании общества с политической целью».³⁵ Очевидно, что Г.....в и Гангеблов, заболевший «нервической горячкой», когда он узнал, в какое общество его приняли, не идентичны.

Остается Грибоедов. Как раз летом 1825 г. он уезжал из Петербурга и встречался в Киеве с рядом лиц, принадлежавших к Южному обществу. К Грибоедову вполне приложим эпитет «свободой вдохновленный». Впрочем, объективности ради следует заметить, что он мог быть употреблен и в отношении многих других

лиц. Более того, в противоречии с теми сведениями, которыми мы располагаем о драматурге, находится утверждение «тебе не ведомо сомненье». Приписываемая Грибоедову известная фраза о ста прапорщиках доказывает, казалось бы, обратное. Но разве не бывает так, что в кругу энтузиастов человек спорит с их идеями, а в беседе с сомневающимися те же мысли поддерживает? Ведь писал же Грибоедов Бегичеву, что человека нельзя уподоблять часам, что не бывает книги без противоречий.

На наш взгляд, отношения Грибоедова с декабристами складывались в это время так. На предложение вступить в Северное общество драматург ответил отказом. Чтобы убедить его в масштабности заговора, петербургские декабристы сообщили Грибоедову о существовании Южного общества и о планируемом союзе с ним. Грибоедов поделился сведениями с автором стихотворения (или тот и без Грибоедова был обо всем осведомлен) — в противном случае эта тема не фигурировала бы в стихотворении. А она обозначена совершенно четко («... когда в содружном Кругу ты примешь свой обет, Дружьям и северным и южным Мой братский передай привет»).

По всей вероятности, для Грибоедова сообщение о предполагаемом слиянии сил было весомым аргументом, и он пообещал вступить в объединенный союз. Не исключено, что он даже взял на себя миссию содействия объединению северных и южных «братьев». Приняв такое решение, Грибоедов уже не колебался. Вот почему в стихотворении сказано: «Тебе не ведомо сомненье, И страха тайное смущенье в твою не проникает грудь». Если бы в Киеве Грибоедов получил доказательства серьезности намерений и единодушия Северного и Южного обществ, он примкнул бы к объединенному обществу. Однако этого не случилось. Северные и южные не нашли общего языка.

В этой связи становятся понятны противоречия в показаниях подследственных о принадлежности Грибоедова к тайному обществу. Мы имеем в виду прежде всего показания Е. П. Оболенского.

«В (...) покаянном показании Оболенский не сказал всего — он знал больше, нежели говорил. Почему он поместил Грибоедова в списке Южного общества, посредником между которым и Северным обществом был, кстати говоря, именно Оболенский? Значит, что-то, связанное с поездкой Грибоедова в Киев, было ему известно. Почему потом Южное общество он заменил Северным? В показаниях он не сказал об этом ни слова».³⁶

Показания Оболенского возникли не на пустом месте. Спрашивали о Грибоедове и Рылеева, причем Следственный комитет интересовало, не искал ли Грибоедов, по поручению руководителей Северного общества, свидания с кем-либо из членов Южного и не устанавливалась ли тем самым связь с Ермоловым, на которого заговорщики возлагали, как известно, надежды. Рылеев ответил, что слышал о поездке Грибоедова в Киев от Трубецкого, но, по его сведениям, соратники из Южного общества,

хотевшие вовлечь драматурга в заговор, «не успели в том». Трубецкой также подтвердил версию Рылеева, выдвинув, правда, несколько иные мотивы: члены Южного общества действительно «испытывали» Грибоедова, но «не нашли в нем того образа мыслей, какого желали».

От Грибоедова, следовательно, шла ниточка к Ермолову. Вот почему «члены Васильковской управы и Трубецкой так упорно отрицали совершенно ничтожный для их „силы вины“ факт, что они хотели принять в общество еще одного члена — Грибоедова, но из этого ничего не вышло. Признайся они в этом — за этой ниточкой потянулся бы большой план революционного выступления...».³⁷

Все сказанное позволяет объяснить слова Рылеева о Грибоедове («он наш»); становится понятной и крымская «ипохондрия» драматурга, грозившая «сумасшествием или пистолетом» и явившаяся следствием крушения переговоров, от которых Грибоедов и уполномочившие его петербургские декабристы ожидали так много.

Со всем этим стихотворение, рассматриваемое нами, согласуется очень хорошо.

Но если у нас нет сомнений, что данное стихотворение адресовано Грибоедову, то имя его автора остается в известной мере гипотетическим. Н. Л. Бродский, к сожалению, не указал, из какого архива почерпнул он свои сведения. Ни в ЦГАЛИ, ни в ИРЛИ АН СССР, где хранятся фонды Е. Н. Опочинина, данное стихотворение не значится. Таким образом, сверить почерк, которым написан автограф стихотворения, с почерком Жандра нет возможности, хотя в этом, может быть, и нет нужды, ибо Бродский мог воспроизвести не автограф, а копию.

И все же авторство А. А. Жандра представляется наиболее вероятным. Ведь это он «принадлежал к литературному цеху», он отлично был осведомлен о всех политических связях Грибоедова, занимая при этом позицию наблюдателя со стороны. Вот почему он и выглядит наиболее подходящим человеком, который в такой ситуации и с такой позиции мог обратиться к Грибоедову со стихотворным напутствием. Но на этом история соприкосновения Жандра с Грибоедовым и его наследием не кончается.

3

Комедия Грибоедова долгое время не подвергалась всестороннему анализу. Ни полемика вокруг нее, развернувшаяся при жизни драматурга, ни последующие отклики на первые представления и издания пьесы не раскрывали ее идейно-художественного богатства. Даже Белинский не был объективен, анализируя «Горе от ума». В сущности лишь с 1872 г., с момента появления этюда

И. А. Гончарова, ведется начало критики, достойной создания Грибоедова.

Правда, в рукописном отделе Института русской литературы АН СССР сохранилась рукопись неизвестного автора, датированная 1840 г. и озаглавленная «Опыт разбора статьи о „Горе от ума“, помещенной в первой книжке „Отечественных записок“ 1840 года». Ряд положений этой интересной работы, являющейся ответом на выступление Белинского и оставшейся неизвестной современникам, предвещает «Миллион терзаний» Гончарова, хотя и не достигает лаконичности, емкости и композиционной стройности гончаровского этюда.

Чтобы охарактеризовать этот труд и определить его автора, необходимо вернуться к первопричине его появления — статье Белинского о «Горе от ума».

Впервые свое отношение к «Горю от ума» Белинский определил еще в 1834 г. в «Литературных мечтаниях». Восхищаясь глубиной «поэтического вымысла» Грибоедова и его блистательным умением запечатлеть беглую стихию разговорного языка, критик счел необходимым заметить: «Конечно, это произведение не без недостатков в отношении к своей целости, но оно было первым опытом таланта Грибоедова, первую русскую комедию; да и, сверх того, каковы бы ни были эти недостатки, они не помешают ему быть образцовым и гениальным произведением и не в русской литературе, которая лишилась Шекспира комедии...».³⁸

Развернутый анализ комедии Белинский дал в специальной статье, которая была напечатана без подписи в номере первого «Отечественных записок» в 1840 г. Хотя статья называлась «Горе от ума», комедии Грибоедова уделялось в ней далеко не главное место. В письме к В. П. Боткину от 18—20 февраля 1840 г. критик сам признавал, что из этой работы «можно сделать три хорошие статьи...».³⁹

В первом разделе Белинский делился соображениями о методологии и жанровых особенностях искусства слова, во втором рассматривался «Ревизор». «Горю от ума» отводилась заключительная часть. Здесь Белинский, по словам Н. Г. Чернышевского, «уже очень легко доказывает, что „Горе от ума“ не может быть названо художественным созданием...».⁴⁰

Белинский начинает с упоминания о сложной судьбе пьесы, о противоречивых мнениях о ней публики и критики. Общая оценка «Горя от ума» по-прежнему очень высока. Критик видит в комедии «талант, талант яркий, живой, свежий, сильный, могучий...».⁴¹

К иным выводам приходит он, глядя на пьесу «со стороны искусства». Чтобы выяснить идею комедии, Белинский подробно пересказывает ее содержание и признает, что многие сцены написаны рукой мастера, хотя и не составляют целого, а «служат превосходною интродукцией в комедию...».⁴²

Чацкий же с момента первого появления на сцене оказывается для Белинского неприемлемым. О нем критик судит без малейшей снисходительности. В первую очередь он подвергает сомнению светскость и глубину натуры персонажа. Чацкий, который обличает фамусовское общество в доме самого Фамусова, представляется критику «полоумным», пусть автор «об этом и не думал нисколько».

Не удовлетворял Белинского и Фамусов, нападавший на московских вельмож в таком тоне и выражениях, которые были уместны, по его мнению, лишь в устах Чацкого. Но вместе с тем он отдавал должное дарованию Грибоедова, впадая в противоречие с самим собой: «... если вычеркнуть места из монологов, где действующие лица проговариваются из угождения автору, против себя, — писал он, — это будут, за исключением Софьи, лица типические, характеры, художественно созданные, хотя и не составляющие комедии своими взаимными отношениями; не говорим уже о Репетилове, этом вечном прототипе, которого собственное имя сделалось нарицательным и который обличает в авторе исполнинскую силу таланта».⁴³

Белинский создавал статью о «Горе от ума» в момент «примирения с действительностью». Его заключение о «нехудожественности» грибоедовской комедии — следствие мировоззренческого и эстетического кризиса. «Горе от ума», справедливо замечает В. С. Нечаева, «не удовлетворяло Белинского как произведение, не имеющее „основной идеи“ и поэтому лишенное свойств, определяющих художественность, — целостности, замкнутости, необходимости».⁴⁴ В определенной мере в этом выступлении Белинского сказалось и его подчеркнуто «разночинское» неприятие «аристократической» культуры.

Восторгаясь «Ревизором», критик утратил присущую ему объективность, поставив пьесу Гоголя неизмеримо выше «Горя от ума». Он считал, что произведение Грибоедова, являясь сатирой («Ревизор», по Белинскому, к сатире не имел отношения), уже по одному этому не может быть художественным.

Несмотря на внутреннюю противоречивость, статья Белинского «сильно повлияла и на последующее развитие русской критики» применительно к «Горю от ума».⁴⁵

Сам критик, в скором времени пересмотревший свои позиции, выразил недовольство статьей о «Горе от ума». Он писал В. П. Боткину: «... всего тяжелее мне вспоминать о „Горе от ума“, которое я осудил с художественной точки зрения, о котором говорил свысока, с пренебрежением, не догадываясь, что это — благороднейшее, гуманическое произведение, энергичский (и притом еще первый) протест против гнусной расейской действительности...».⁴⁶

Всего лишь через год в статье «Разделение поэзии на роды и виды» Белинский, анализируя дидактическую комедию, признал, что в грибоедовской пьесе характеры «созданы, а не выдуманы»,⁴⁷ и поставил «Горе от ума» в один ряд с «Ревизором». Как указывал

сам критик, в этой работе цензор «вымарал два лучшие места», причем второе, в котором говорилось о «Горе от ума», до нас не дошло. Со слов Белинского известно только, что он упоминал там о «гносной расейской действительности», для которой комедия Грибоедова «была оплеухой по ее роже». ⁴⁸

Автор «Опыта...» избирает самый простой способ полемики. Абзац за абзацем рассматривает он статью неизвестного ему критика и снабжает чуть ли не каждую фразу своими пространными, порой даже слишком пространными комментариями и возражениями. Он предпочитает не заходить в область теории, в основном апеллируя к логике, житейскому опыту и отличному знанию «Горя от ума».

В подавляющем большинстве его возражения относятся к психологическим и лишь отчасти к социальным установкам критика «Отечественных записок». Самый метод спора во многом был обусловлен тем, что Белинский «отрицает художественную оправданность многих слов и действий Чацкого, поскольку не верит их психологической мотивировке». ⁴⁹ Одновременно нельзя не заметить, что в «Опыте...» отсутствует то, что мы называем «общим взглядом» на произведение, хотя элементы такой оценки и встречаются в рукописи.

Уже первые замечания Белинского, иронизирующего над Софьей, которая при чуть брезжущем свете дня «занимается музыкой» с молодым человеком, вызывают несогласие оппонента. Никакой двусмысленности в этой сцене нет, доказывает он. Это явствует из монолога героини.

Отвергает автор «Опыта...» и представление Белинского о том, что Софья «без памяти» от Молчалина. В его интерпретации в девушке нет ни благородства, ни силы характера. Она вообще не способна на всепоглощающую страсть. Еще раз «ничтожность» натуры Софьи, вытекающая из влияния на нее французских романов, морали отца и светского общества, подчеркнута в заключительной части рукописи. ⁵⁰

И. А. Гончаров также объяснял поведение Софьи ее воспитанием и средой. Но писателю мера вины героини не была ясна до конца, тогда как автор «Опыта...» безоговорочно зачисляет ее в лагерь, враждебный Чацкому.

Очень резко выражено в «Опыте...» несогласие с мыслью Белинского о том, что Чацкий, по авторскому замыслу, является «светским и глубоким» человеком, хотя его поступки и слова (появление в доме Фамусова ни свет ни заря; стремление выпытать у Софьи, кого она любит; неуместные сатирические выходы против общих знакомых) свидетельствуют об обратном. «Истинного и глубокого чувства любви не видно ни в одном его слове», — заключает Белинский. «А у г-на критика ни в одном слове не видно истинного и глубокого взгляда на комедию Грибоедова», — парирует оппонент. Поведение Чацкого в сцене первого свидания с Софьей мотивировано в «Опыте...» подробно и доказательно.

Чацкого нельзя назвать светским человеком в общепринятом смысле слова. Разумеется, ему великолепно известны все светские правила поведения, но герой чрезвычайно далек от того, чтобы слепо подчиняться пустым условностям салонной морали. «Поэзия свидания с Софьей, — утверждает автор «Опыта...», — должна быть и есть от любви Чацкого, от долгого пребывания его за границей, от воспоминаний детства, от сатирической закалки, от насмешливого направления ума его, от холодности Софьиной» (л. 4 об.).

Эта и другие ошибки критика «Отечественных записок» в «Опыте...» объясняются тем, что он «слишком буквально понимает все слова и речи действующих лиц комедии Грибоедова...» (л. 5 об.).

Разумеется, дело было не в том, что Белинский буквально толковал речи и действия персонажей. Скорее наоборот — он интерпретирует комедию слишком вольно. Восторженно обнаруживая достоинства «Ревизора», Белинский дает лишь общий абрис «Горя от ума», уже одним этим сужая возможности анализа произведения. Автор «Опыта...» прекрасно понимал это. Он замечал, что критик «смотрит на „Горе от ума“ и многого с умыслом не замечает в нем <...> с умыслом, потому что тот, кто так подробно, даже слишком подробно, разобрал „Ревизора“ и выискал в нем достоинства, которых, может быть, и сам автор не подозревает, мог бы при малейшем желании выставить наружу неотъемлемые, существенные достоинства „Горя от ума“» (л. 2—2 об.). Но при этом автор «Опыта...» грешит излишней обстоятельностью, варьируя бесконечно одни и те же доказательства.

Автор «Опыта...» не ограничивался возражениями автору статьи в «Отечественных записках». Он несомненно хорошо знал все подробности полемики 1820-х г. вокруг «Горя от ума» и одно из ее основных положений — в пьесе нет четкого плана и слабо выражена завязка — приписывал Белинскому. В известной мере он имел на это право, потому что Белинский согласился с мнением самого непримиримого противника «Горя от ума» М. А. Дмитриева («это горе, — только не от *ума*, а от *умничанья*») и потому что Белинский полагал: «...любовь Чацкого <...> нужна не для себя, а для завязки комедии, как нечто внешнее для нее».

На многих примерах доказывается в «Опыте...», что в комедии Грибоедова план прослеживается весьма четко. Ясно выражена и завязка пьесы. «Но я зашел слишком далеко, — говорит автор. — Начав рассматривать первое свидание Чацкого с Софьей, рассказал завязку, ход и содержание всей комедии, потому что связь ее, отрицаемая близорукими и пристрастными наблюдателями, мне кажется ясною и заключается в развитии чувств Чацкого. Винюсь, что забежал вперед, но пусть невольная вина моя покажет естественность характера Чацкого, естественность завязки комедии — небогатой, немногосложной, но в высшей степени возможной» (л. 7).

Заслуживает внимания в «Опыте...» и толкование монолога Фамусова, восхваляющего старозаветные нравы. Белинский находил, что Фамусов выступает с речью, которую должен бы был произносить Чацкий. По мнению автора «Опыта...», никакого несоответствия или неувязки здесь нет. Фамусов простодушно хвастается родным городом и его знатью. «Он не замечает недостатков ни в себе, ни в своем обществе, ни в своем веке» (л. 10 об.). При этом Фамусов, только что расхваливавший «свободомыслие» старичков, которые так толкуют о правительстве, что просто «беда», вдруг спохватывается: «... беда, если и Скалозуб заключит что-нибудь из его слов, он сейчас старается оправдать своих и говорит, что ведь это так, новизны они не вводят...» (л. 11). Превознося «патриотизм» московских барышень, Фамусов всего лишь хотел польстить самолюбию Скалозуба, которого он прочит в зятя. Отец Софьи «вовсе и не подозревал и не хотел сострить или отпустить эпиграмму, и если вышла острота, то без ведома его, что очень часто получается с людьми ограниченными, недалёного ума и разума...» (л. 11 об.).

Одно из лучших мест комедии, монолог Чацкого «А судьи кто?», Белинский фактически обошел молчанием, ограничившись всего одной фразой по этому поводу: «Чацкий (...) вмешивается в разговор и начинает читать проповеди и ругать Фамусова. Сцена удивительно смешная, но только не в похвалу комедии». Иной точки зрения придерживается автор «Опыта...»: «Натурально, необходимо все, что он говорит в этом монологе. Все служит ответом на слова, на мнения Фамусова и Скалозуба, — это та же картина Москвы, только с другой стороны ее. Один хвалил неумеренно, другой бранит неумеренно, оба смешны и оба верны» (л. 12 об.). Подробно анализируя каждый жест и даже мимику действующих лиц комедии, оппонент Белинского делает вывод: «Смешная, высококомическая сцена в похвалу и во славу автора!».

Вообще мысль об отдельных смешных чертах в образе Чацкого, который, по твердому убеждению автора «Опыта...», вовсе не был задуман как лицо идеальное (а именно так считал Белинский), проходит через всю статью. Вспомним, что через три десятилетия Гончаров также будет указывать на некоторую слабость характера центрального персонажа, объясняя ее легкоранимой душой Чацкого и неизбежным воздействием обстоятельств, в которые он поставлен автором.

Попутно автор «Опыта...» иронизирует и над прямолинейными актерскими трактовками Чацкого, из-за чего эта роль редко выходит удачной. «Один (...) так ударяет по столу со словами: „А судьи кто?“, что стол трещит, и потом произносит весь этот монолог стоя, точно как проповедник или трибун, другой *читает* его, развалившись на стуле, задрав ноги кверху, заложив пальцы за жилет, скорчив губы и пропуская каждое слово в маленькое отверстие между зубов, третий *говорит* также сидя на стуле,

заложив нога на ногу и совершенно отвернувшись от Фамусова и Скалозуба» (л. 13 об.).⁵¹

Решительно отрицается в «Опыте...» положение Белинского, согласно которому общество «всегда правее и выше частного человека...». Противник критика был, конечно, ближе к истине, говоря: «Не знаю, всегда ли общество, еще бы целое, а то кружок общества, правее частного человека. Оно могущественнее его — это так, и это именно доказывается ходом комедии Грибоедова. Но можно ли из этого вывести правило, чтобы частная индивидуальность всегда выражала собою общество, или, иначе, чтобы всякий частный человек разделял все мнения, достоинства и недостатки общества?» (л. 30).

Белинский считал, что любовь Чацкого к Софье выдает заурядность и даже «пошлость» его души. «И что он нашел в Софье? — рассуждал критик «Отечественных записок». — Меркою достоинства женщины может быть мужчина, которого она любит, а Софья любит ограниченного человека без души, без сердца, без всяких человеческих потребностей, мерзавца, низкопоклонника, ползающую тварь, одним словом, Молчалина». Это дало автору «Опыта...» возможность не без язвительности спросить: «Неужели любовь, не основанная на взаимном влечении, не есть любовь?» (л. 18). Разве не случилось, что женщина с большими достоинствами любила человека гораздо ниже себя? Это, «может быть, и противно умозрению, но явствует из истории» (л. 18 об.).

К числу просчетов драматурга отнес Белинский и монолог Чацкого на балу. Герой, по словам критика, «начинает свирепствовать против общества, во всем значении этого слова». «Кто, кроме помешанного, предастся такому откровенному и задушевному излиянию своих чувств на бале, среди людей, чуждых ему?».

Автор «Опыта...», напротив, уверен, что этот эпизод мотивирован драматургом психологически вполне убедительно: «Софья как бы с участием спрашивает его:

Скажите, что вас так гневит?

Ему довольно этого, он тень участия принимает за настоящее, ему нужно облегчить себя от миллиона терзаний. Он начинает историю с французиком из Бордо. Но, заметьте, он рассказывает ее Софье» (л. 23 об.). Если бы Чацкий был обыкновенным резонером, он понимал бы, что все его филиппики — «проповедь в пустыне», и воздержался бы от них. Но в том-то и дело, что Чацкий живой человек, причем человек молодой и горячий, склонный увлекаться полетом собственной мысли.

Белинский находил лишними ту сцену, где Чацкий прячется за колонну и слушает разговор Софьи с Молчалиным и монолог Чацкого в финале. Но без этих эпизодов, возражает противник критика, пьеса была бы не завершена. Чацкий остался бы в неведении насчет Софьи и «не получил бы нравственного наказания за отчуждение свое от общества, за противоречие

с принятыми понятиями и идеями» (л. 25). Сцена эта нужна еще и потому, что над Чацким «разразились еще не все удары, Софья еще мало наказана за свое поведение (...) Фамусов должен пожать плоды того воспитания, какое он дал дочери» (л. 29). При этом, подчеркивает автор «Опыта...», «комедия обращается в драму и положение Чацкого возбуждает участие, сострадание» (л. 29 об.).

Таким образом, в «Опыте...» доказывается: весь план комедии тщательно продуман, события разворачиваются так, что от завязки к финалу характеры развиваются и проясняются для читателя, а действие от «нулевой точки» приходит к логически и психологически обоснованной развязке.

До сих пор в научной литературе бытовало мнение, что Гончаров «первый доказал наличие в комедии Грибоедова непрерывно развивающегося действия». ⁵² Очевидно, что теперь пальма первенства и в этом пункте должна быть отдана автору «Опыта...». Несомненным достоинством рассматриваемой рукописи является и то, что в ней герой изучается в двух планах — как реальная личность, мельчайшие оттенки изменяющихся настроений которой прослеживаются автором, и как типический, общечеловеческий характер. «Индивидуальность Чацкого, — замечает автор «Опыта...», — прорывается везде. Ни голос рассудка, ни чувство любви, ни приличие — ничто не может удержать ее» (л. 20 об.).

Предвосхищая Гончарова, автор «Опыта...» подчеркивает и общечеловеческую, вневременную значимость этого типа в плане психологическом (при этом его вообще более интересует моральный, нежели социальный аспект изображения): «Может быть, скоро с помощью благого просвещения переведутся многие типы, выведенные в комедии, или сгладятся по крайней мере, исчезнет и пристрастие русских к чужому, и сознает и разовьет Россия силы свои и будет гордиться своим, а не презирать свое. Но любовь не оставит земли, и через тысячу лет молодежь будет так же бурлить и кипеть, как Чацкий! Впрочем, сколько и других характеров будут встречаться в потомках Фамусовых, Молчалиных, Загорецких, Репетиловых, Горичевых и пр., и пр.» (л. 32 об.).

Только однажды автор «Опыта...» в оценке Чацкого оказался неточен. Однако неточность эта довольно существенна. Белинский справедливо заметил, что кроме фамусовского круга были и другие круги общества, «более близкие и родственные Чацкому». Его противник словно не решаетя затрагивать политические вопросы, пусть даже речь и идет о событиях пятнадцатилетней давности. Во всяком случае, его мнение об этом довольно уклончиво: «... неизвестно, были ли в Москве другие круги общества, более этого близкие и родственные Чацкому. Круг молодежи, например, которого представитель Репетил, не мог быть близок и родствен ему. Были, может быть, люди, но все-таки не в кругу Фамусова с братиею» (л. 30 об.).

Характеристика Молчалина в понимании автора «Опыта...» также расходится с тем, что говорит о нем Белинский: «Во-1-х, Молчалин вовсе не умен, глуп во всех отношениях. И если наблюдает свои выгоды, то вовсе не по расчету, предполагающему ум, а по животному инстинкту самосохранения и по правилам, в которых он воспитан. Во-2-х, по глупости своей он не понимает, что он подлец, и высказывает свой характер, свою родовую философию не с хвастовством, а в оправдание себя перед Лизой, которая укоряет его за признание в холодности к Софье. В-3-х, явное доказательство его глупости, что он подает на себя оружие горничной. Если бы он был умен и расчетлив, то он думал бы о последствиях, стараясь скрыть [и] от себя, что он не чувствует любви к Софье. А ему хочется угодить всем, и для того он не разбирает средств» (л. 27 об.).

Заканчивается «Опыт...» панегириком «Горю от ума». «Грешный человек, — признается автор, — не зрю в нем недостатков, хоть твердо убежден, что оно как произведение человека не может быть совершенно» (л. 33 об.). «Впрочем, я не считаю моего приговора окончательным, мнения непреложным. Я мог ошибиться, суждения мои в отдельных местах могли быть противоречивы одно другому. Но пусть же другие, более опытные, более искусные, чем я, определяют безошибочно достоинства „Горя от ума“ и назначают ему приличное место в ряду созданий ума человеческого. А я буду доволен, если этюды мои прольют хоть слабый свет на некоторые достоинства, не замеченные или не показанные еще публике» (л. 34 об.).

4

На наш взгляд, автор «Опыта...» может быть определен с достаточной степенью вероятности. Содержание рукописи дает к тому основания.

Статья написана человеком, который воспринял выступление Белинского как личную обиду. Он говорит: «Надобно иметь особенное искусство перетолковывать <...> слова и поступки и намерения. Надобно иметь и достаточную смелость нападать так на бессмертного поэта, память которого священна для всех соотечичей его, и перетолковать его так ложно, нападать так неосновательно. Не смею сказать, чтоб я постиг Грибоедова, но *считаю за святой долг защищать его* (курсив мой, — В. М.). Пусть обвинят меня за неумение, за труд не по силам, но всякий скажет, по крайней мере, что у меня было доброе намерение» (л. 11 об.). Одновременно защиту Грибоедова автор «Опыта...» рассматривает и как дело общественное, дело, в котором должен быть заинтересован каждый патриот. «Не в силах, — восклицает он, — хладнокровно разбирать это дивное создание Грибоедова, который гением своим должен увлечь всех, кто в состоянии пони-

мать и восхищаться увиденным, восхищаться и гордостью наполнять сердце всякого русского» (л. 23 об.).

Автор ответа «Отечественным запискам» обнаруживает отличное знание комедии, косвенно давая понять, что держит в памяти почти весь ее текст (см. л. 21). Отлично осведомлен он и в критической литературе о «Горе от ума», знакомы ему и сценические воплощения комедии.

Бросается в глаза, что автор намеренно избегает каких-либо подробностей, которые могли бы дать понятие о его личности. И все же отдельные штрихи его портрета обозначены. Это несомненно человек, принадлежащий к светскому обществу (он с уверенностью и знанием дела судит о светских законах и приличиях). Он обладает немалым житейским опытом и выдержкой. Очень похоже, что он имеет прочные навыки ведения деловой переписки. Об этом говорит его пристрастие к частому употреблению формул, присущих деловым бумагам: во-первых, во-вторых и т. д.⁵³ Это обстоятельство позволяет думать и об известном педантизме мышления, привычке до конца исчерпывать предмет размышления.

Несмотря на то что автор «Опыта...» принял близко к сердцу статью Белинского, он не отвечал ему сразу, надеясь, что кто-то из профессиональных критиков вступится за «Горе от ума»: «Долго ожидал я ответа на статью, разобранную теперь мной, и только безответное молчание всех русских журналов вызвало меня на объяснение моих мнений» (л. 34 об.).

Помимо всего в «Опыте...» ощущается, что литературная практика его автора была скорее эпизодична, нежели постоянна и обширна. Он шаг за шагом повторяет путь, пройденный Белинским: опровергает, негодует, размышляет, но почти не допускает никаких отклонений «в сторону», т. е. упускает возможности, какими непременно воспользовался бы опытный литератор. Так, статья Белинского прямо-таки наталкивала на сравнение «Горя от ума» с «Ревизором», но автор «Опыта...» пренебрег этим сопоставлением, ограничившись упоминанием, что пьеса Грибоедова несколько не уступает произведению Гоголя. Не стал он сравнивать Чацкого и с Онегиным, хотя такая параллель также лежала на поверхности. Чувствуется, что мысли свои автор «Опыта...» вынашивал много лет, но облечь их в емкую и лаконичную форму не сумел.

Приведем также одну деталь, помогающую представить круг интересов автора. Он безусловно хорошо знал не только «Горе от ума», но и законы драматургии вообще. Об этом свидетельствует его рассуждение о функции второстепенных персонажей в пьесе: «Надо заметить, что многое множество лиц, галерею портретов, хотя бы и художнически сделанных, выводить в пьесах с подказкою не должно, ибо машина делается чересчур многосложною, а действие замедляется, или эти лица, оставаясь посторонними в ходе пьесы, не принимают в ней никакого участия,

делаются лишними. Но тут (в «Горе от ума», — В. М.) все лица являются под одним собирательным именем общества» (л. 22 об.).

Все эти обстоятельства позволяют сделать предположение: автором «Опыта...» был Андрей Андреевич Жандр.

Рассмотрим дополнительные аргументы в пользу этой кандидатуры. Некоторая многословность, присущая «Опыту...», повторение одних и тех же тезисов были заметны уже в его критических выступлениях 1820-х гг. Я. И. Толстой, отвечая на статью Жандра «Разговор от „Полярной звезды“» (Сын отечества, 1823, № 9), отмечал, что «Разговор...» «растянут» и «длиннен».⁵⁴

Более поздняя критическая работа Жандра «„La folle jougnée, ou La mariage de Figaro“ и представление сей комедии в Большом театре 18 и на Малом 23-го февраля русскими актерами, по переводу Д. Н. Баркова» (Сын отечества, 1829, № 13) представляет собой оригинальную и глубокую трактовку пьесы Бомарше, «довольно близкую к восприятию комедии Пушкиным» и заключающую в себе «совершенно особый тип восприятия комедии».⁵⁵ Симптоматично также, что в «Опыте...» анализируется исполнение роли Чацкого различными актерами. Интерес к проблемам сценического мастерства показателен для Жандра. Они освещаются как в указанной статье о Бомарше, так и в ранней его работе «О первых двух дебютах г-на Каратыгина» (Сын отечества, 1820, № 23).

Существуют и другие факты, подкрепляющие нашу гипотезу. За два года до того как был создан «Опыт...», Жандр уже выразил свое отношение к «Горю от ума», хотя и очень кратко.

В 1838 г. В. Ф. Одоевский, принимавший участие в создании «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара, прислал Жандру рукопись биографической статьи о Грибоедове с просьбой выправить возможные неточности. Статья, писарская копия которой с пометами Жандра сохранилась в бумагах Одоевского, по всей вероятности, принадлежала перу О. И. Сенковского.

Это предположение подтверждается идентичностью многих фраз, встречающихся, с одной стороны, в статье Сенковского о «Горе от ума», а с другой — в рассматриваемой рукописи (ср., например, следующее рассуждение в указанных источниках: «Подобно „Свадьбе Фигаро“, это комедия политическая: Бомарше и Грибоедов с одинаковыми дарованиями и равною колкостью сатиры вывели на сцену *политические понятия* и привычки обществ, в которых они жили, *меряя гордым взглядом* народную нравственность своих отечеств»)⁵⁶. Выделенные слова подчеркнуты в рукописи Жандром, а на полях против них поставлены вопросительный и восклицательный знаки. Напомним, что автор «Опыта...» также обходит молчанием политическую ориентацию комедии Грибоедова.

По мнению Сенковского, в «Горе от ума» «нет ни комических характеров, ни завязки, ни развязки, целое из всего составленное, не представляет ничего *стройного, полного, связного*; комедия

беспреданно разрывается. И только воля автора разделила ее на четыре акта». ⁵⁷ Подчеркнув неприемлемые для него суждения, Жандр написал на полях: «Неужели?». Напомним, что в «Опыте...» многократно подчеркивается именно комизм «Горя от ума», наличие ясно выраженной завязки и развязки, а также композиционная слаженность пьесы.

Протест Жандра вызвало и другое утверждение Сенковского: «„Горе от ума“ имело успех удивительный, и причинами этого успеха были: новость, злая карикатура, в которую нарочно одел Грибоедов современную Москву, и появление комедии кстати». ⁵⁸

Жандр поставил против этих слов два восклицательных знака и написал: «Верно, автор хотел сказать: натура; карикатуры вовсе нет». На следующей странице Сенковский заметил, что в грибоедовской пьесе «публика узнавала и русское перо, и *русские знакомые характеры*». ⁵⁹ Поймав его на противоречии, Жандр спрашивал: «Где же карикатура?».

Жандр в данном случае опирался на свидетельство самого автора «Горя от ума», который писал П. А. Катенину: «Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь». Из другого письма Грибоедова к тому же Катенину (14 февраля 1825 г.) известно, что он познакомил Жандра и некоторых других лиц с катенинским письмом, в котором содержалась критика его пьесы. Надо полагать, что с Жандром Грибоедов поделился и своими соображениями, высказанными в ответе Катенину.

Как видно из «Опыта...», суждения его автора не раз совпадают с мыслями самого Грибоедова. Грибоедов заявлял, что план комедии «прост и ясен по цели и исполнению: девушка, сама неглупая, предпочитает дурака умному человеку...». В «Опыте...» несколько раз подчеркивается, что все слова и поступки Чацкого «имеют отношение к Софье», а план комедии продуман очень четко; отрицается там и ум Молчалина, отмеченный Белинским. Грибоедов указывал, что Чацкий находится в противоречии с обществом, его окружающим. В «Опыте...»: «Но в чем заключается это целое комедии, идея ее? В столкновении старого порядка вещей с новым, пожалуй, в противоречии умного человека, вскормленного новыми идеями, с обществом, коснеющим в предрассудках старого века...» (л. 13 об.). О Чацком Грибоедов говорит: «Его насмешки не язвительны, покуда его не взбесит» (III, 168). В «Опыте...»: «... какая постепенность в развитии характера Чацкого: сперва он был весел свиданием с Софьей, оживлен и говорлив, — холодность приема уже набросила на него легкую тень сомнения. (...) Сначала Чацкий смеялся беззлобно, больше шутил. Но тут уже прорываются в нем выходки довольно горькие (...) Наконец, приезд Скалозуба и отзыв о нем Фамусова еще более взволновали Чацкого. Он готовится встретить этого хваленного жениха. И уже зол на него, зол на Фамусова. Ждите грозы!» (л. 9 об.).

Письмо Грибоедова к Катенину, в котором автор «Горя от ума» делился мыслями о своем создании, было впервые опубликовано только в 1868 г. Таким образом, знать его содержание до этого времени могли очень немногие лица из числа грибоедовского окружения и Жандр должен быть поставлен среди них первым. Скрытым указанием на близость написавшего «Опыт...» к Грибоедову является употребление в рукописи французской поговорки «Тон делает музыку» (см. л. 13 об., 14 об.), которую любил повторять драматург и которая зафиксирована В. С. Миклашевич в ее романе «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия».

Есть и еще одно косвенное доказательство в пользу авторства Жандра. Не кто иной, как Жандр, первым позаботился о спасении и размножении рукописи «Горя от ума». Как мы помним, он уже вступался за честь и достоинство погибшего друга, создав вместе с В. С. Миклашевич рукописный памфлет «Разные рассуждения и толки между короткими друзьями Грибоедова». Не менее веские основания защитить «Горе от ума» имелись у него и в 1840 г., когда «Отечественные записки» выступили со спорной оценкой комедии.

Итак, литературно-психологический портрет, реконструированный нами на основе содержания и стиля «Опыта...», во всех отношениях напоминает Жандра. Суммируем перечисленные нами черты этого портрета: житейская опытность, знание света, знакомство с законами драматургии, хорошая память,⁶⁰ педантичность мышления,⁶¹ некоторое многословие, отсутствие постоянной литературной практики,⁶² совпадение замечаний в «Опыте...» с мыслями самого Грибоедова.

И наконец, можно с уверенностью говорить о большом сходстве почерков Жандра и автора «Опыта...». Нами проведена идентификация рукописи «Опыта...» с четырьмя документами, принадлежащими руке А. А. Жандра. Это два его письма Д. И. Хвостову (ИРЛИ, ф. 322, № 69, л. 142 и 152; оба относятся к 1822 г.), упомянутые пометы на рукописи статьи Сенковского и сопутствующее письмо В. Ф. Одоевскому (1838), а также фототипическое воспроизведение автографа Жандра (1859), находящегося на л. 67 так называемого жандровского списка «Горя от ума».⁶³

Несколько слов о характере этих документов. Письма к графу Хвостову исполнены очень старательно, почти каллиграфически, поскольку они писались лицом, стоящим на иерархической лестнице значительно ниже адресата. Жандр не только обладал хорошим почерком, но и имел богатейшую практику в переписывании (в 1803 г. он начал служить копиистом в Комитете, учрежденном для поверхностного обозрения всеподданнейших прошений, принесенных на решения департаментов правительствующего Сената, и благодаря своим способностям и усердию к 1822 г. был уже правителем канцелярии в Военно-счетной экспедиции). Пометы на рукописи Сенковского, самые близкие

по времени к «Опыту...», напротив, сделаны очень небрежно, тупым карандашом. Автограф 1859 г. написан рукой пожилого человека, хотя сходство с письмами 1822 г. несомненно.

При сопоставлении этих бумаг с «Опытом...» выявляется следующая картина. Характер расположения строк — прямых, с широкими промежутками между ними — везде одинаков. Общим признаком является и манера писать слитно частицы, союзы, предлоги, отдельные немногосложные слова. Во всех документах дает себя знать и привычка автора довольно часто использовать тире вместо точки с запятой.

Совпадает также начертание многих букв: Ф, В, Ж, Г, у, х, с, ь и др. Правда, встречаются и отличия, объясняемые как промежутком во времени создания документов, так и их различными целями.

Наибольшее совпадение наблюдается между письмами 1822 г. и рукописью «Опыта...». Последняя представляет собою беловик, предназначенный для отправки в журнал. Таким же «парадным» почерком исполнены и письма Жандра к Хвостову. Вот почему, несмотря на прошедшие годы, изменившийся почерк пишущего все-таки угадывается без затруднений — срабатывал автоматизм, закрепленный многими годами копиистской деятельности.⁶⁴

Итак, подробности биографии А. А. Жандра, содержание и стиль «Опыта...» и даже графические особенности рукописи заставляют полагать, что ее автором был друг и соавтор Грибоедова. Жандр не только сохранил для потомства авторитетную рукопись гениального произведения, но и дал проницательное ее толкование. Статья Жандра, интересная и значительная сама по себе, становится еще более важной, поскольку она была написана задолго до этюда Гончарова, в котором «Горю от ума» впервые было воздано должное русской критикой. Отныне в ряду откликов на пьесу Грибоедова труду А. А. Жандра по праву следует отвести видное место, которого он в силу внешних обстоятельств до сих пор был лишен, да и сама личность Жандра и его роль в жизни Грибоедова должны быть оценены более высоко.

* * *

¹ Перевод Жандра был напечатан в № 4 журнала за 1817 г.

² Грибоедову не понравились тяжеловесные стихи из монолога Азарии (д. III, явл. 7):

Я весь святой притвор обшел трикраты.
Все разбежались, все рассыпались вкруг:
Как градом по полю разгнанные гоняда,
И служат господа одни Левия чада.

(Сев. наблюдатель, 1817, № 14, с. 11)

Это неудачное выражение долго служило предметом насмешек в литературных кругах. Даже через шесть лет Жандр счел нужным подчеркнуть в статье «Разговор от „Полярной звезды“»: «... что раз мною написано, от того не отступлюсь никогда, и, вопреки людям щекотливым, *гоняда* мои будут вместе с *козлищами*, которых в словесности так много» (Сын отечества, 1823, № 9, с. 72).

- ³ Грибоедов здесь несколько неточен. В «Своей семье» им написано пять сцен.
- ⁴ Пиксанов Н. К. Грибоедов и А. А. Жандр. — В кн.: «Горе от ума». Комедия А. С. Грибоедова. М., 1912, с. X.
- ⁵ Подробнее об этом см.: Тынянов Ю. Н. Заметки о Грибоедове. — Звезда, 1941, № 1, с. 124—125.
- ⁶ Сын отечества, 1823, № 9, с. 72.
- ⁷ Пиксанов Н. К. Указ. соч., с. VIII.
- ⁸ В. Ф. Одоевский писал 17 августа 1827 г. М. П. Погодину, начавшему издавать «Московский вестник»: «Я завербовал вам лихого сотрудника для „М(осковского) в(естника)”, Жандра; он берется вам доставлять: стихи, прозу, критики на русские книги, особенно драматические, переводы из иностранных журналов, дает отрывок из „Венцеслава” и прч. т. п., но как он человек весьма недостаточный, то нужно денежное условие, о чем прошу уведомить; другое условие есть, чтобы о его непременно участии в „М(осковском) в(естнике)” никто не знал, кроме меня и вас, как равно и о *денежных отношениях*» (ГБЛ, ф. 231/II. 46.42, л. 5, 5 об.).
- ⁹ Одоевский А. И. Полн. собр. стихотворений и писем. М.; Л., 1934, с. 248—249.
- ¹⁰ Егоров Б. Ф. Поэзия А. С. Хомякова. — В кн.: Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969, с. 23. (Б-ка поэта. Большая сер.).
- ¹¹ возлюбленным моим чадом (*франц.*).
- ¹² Восстание декабристов. Л., 1925, т. VIII, с. 81.
- ¹³ Там же, с. 82.
- ¹⁴ Бочкарев В. А. О некоторых драматических переводах и переработках А. А. Жандра. — Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та, 1967, вып. 30, с. 207.
- ¹⁵ Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977, с. 465.
- ¹⁶ Сев. пчела, 1827, № 2.
- ¹⁷ Стихотворение Жандра «К моей Музе» было напечатано в № 8 «Северной пчелы». Предположение Н. К. Пиксанова, что оба стихотворения принадлежат Кюхельбекеру, основано на каком-то недоразумении. Пиксанов считал: «Скорее всего именно к Кюхельбекеру могут относиться дальнейшие слова Грибоедова: „Я надеюсь, что, воротясь из похода, как-нибудь сюда его выпишу”» (III, 342). Но тогда непонятно, как бы удалось Булгарину «пришпоривать» находящегося в заключении Кюхельбекера, лишённого права переписки. Только Жандр и мог Грибоедов «выписать» в служебную командировку как служащего Военно-счётной экспедиции. Исполнить такое намерение по отношению к «государственному преступнику», конечно же, не представлялось возможным.
- ¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. I, ед. хр. 5287, л. 30.
- ¹⁹ Там же, л. 69.
- ²⁰ Там же, л. 70, 70 об.
- ²¹ Подробнее об этом см. ниже, с. 133—134.
- ²² Пиксанов Н. К. Указ. соч., с. XXII—XXIII.
- ²³ Там же, с. XXIV—XXV.
- ²⁴ Каторга и ссылка, 1926, № 1/22, с. 143.
- ²⁵ Рус. старина, 1898, т. 11, с. 362.
- ²⁶ Восстание декабристов, т. VIII, с. 11.
- ²⁷ Там же, с. 69.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же, с. 65.
- ³⁰ Там же, с. 64.
- ³¹ Там же. М., 1979, т. XV, с. 322.
- ³² Там же, т. VIII, с. 62, 63.
- ³³ Там же, с. 62.
- ³⁴ Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангелова. М., 1888, с. 46.
- ³⁵ Там же, с. 71. — В примечании автор счёл нужным подчеркнуть: «С тех пор прошло около 60-ти лет, но разговор этот изложен здесь совершенно верно, так как он заимствован из записок, которые я вел в 1826 году...».
- ³⁶ Нечкина М. В. Указ. соч., с. 472—473.
- ³⁷ Там же, с. 536.
- ³⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. I—XIII. М., 1953, т. 1, с. 82.
- ³⁹ Там же. М., 1956, т. XI, с. 451.

- ⁴⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. I—XVI. М., 1947, т. III, с. 240.
- ⁴¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. I—XIII. М., 1953, т. III, с. 472.
- ⁴² Там же, с. 474.
- ⁴³ Там же, с. 484.
- ⁴⁴ Нецаева В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1836—1841. М., 1961, с. 289.
- ⁴⁵ Пиксанов Н. К. «Горе от ума» в литературной критике (II, 319).
- ⁴⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 563.
- ⁴⁷ Там же. М., 1954, т. V, с. 61.
- ⁴⁸ Там же. М., 1956, т. XII, с. 25.
- ⁴⁹ Тальников Д. Л. Театральная эстетика Белинского. М., 1962, с. 188.
- ⁵⁰ ИРЛИ, ф. 623, № 1, л. 28. — В дальнейшем ссылки на этот источник приводятся в тексте с указанием листа рукописи.
- ⁵¹ Весьма вероятно, что здесь подразумевался П. С. Мочалов, который в первом представлении «Горя от ума» в Москве не сумел перевоплотиться в облик привычного посетителя светских салонов. В «Телескопе» (1831, № 20, с. 594) о нем было сказано: «Хлопать себя по ногам, закидывать назад голову и, наконец, так небрежно разваливаться на креслах — нестерпимо».
- ⁵² Кертман Л. Грибоевские образы в трактовке И. А. Гончарова. — Учен. зап. Пермского гос. ун-та им. А. М. Горького, 1967, № 155, с. 182.
- ⁵³ См. л. 1, 5 об., 10, 11, 11 об., 13 об., 18, 18 об., 19 об., 27 об., 28 об., 29, 30 об. и др.
- ⁵⁴ Сын отечества, 1823, № 12, с. 227.
- ⁵⁵ Вацуро В. Э. Пушкин и Бомарше. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1974, т. VII, с. 209, 210.
- ⁵⁶ ГПБ, ф. 539, оп. II, ед. хр. 512, л. 12 об.—13; Б-ка для чтения, 1834, № 1, отд. VI, с. 44.
- ⁵⁷ Там же, л. 13 об. — Пометы Жандра, касающиеся анализа пьесы, предварялись его замечанием: «Кажется, этот разбор произведения вовсе не у места в энциклопедическом словаре» (там же, л. 12 об.). Это замечание было учтено. В т. XV «Энциклопедического лексикона» (СПб., 1838) о «Горе от ума» сказано только, что причина его «необыкновенного успеха заключается, во-первых, в чрезвычайной верности характеров комедии, а во-вторых, в языке, до сих пор не слышанном в стихе <...> План ее заслуживает во многих отношениях упрека, но язык останется всегда неподражаемым» (с. 133).
- ⁵⁸ ГПБ, ф. 539, оп. II, ед. хр. 512, л. 14.
- ⁵⁹ Там же, л. 14 об.
- ⁶⁰ Один из современников свидетельствовал, что и в преклонных годах Жандр отличался «неистощимой памятью» и «необыкновенной наблюдательностью» (Кропотов Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева. СПб., 1874, с. 229, примеч.).
- ⁶¹ Д. А. Смирнов уже при первом свидании с Жандром счел возможным охарактеризовать его как «педанта в деле кабинетного порядка» (ГВС, 247).
- ⁶² С 1829 г. Жандр в печати не выступал.
- ⁶³ См.: Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 1903, с. IX.
- ⁶⁴ Автор пользуется случаем принести свою искреннюю благодарность известному специалисту по идентификации почерков доктору филологических наук Г. Н. Монсеевой, подтвердившей путем экспертизы наши соображения о том, что «Опыт...» и указанные письма Жандра написаны одной рукой.

П. А. Вяземский

1

Отношение Петра Адреевича Вяземского (1792—1878) к Грибоедову имело довольно своеобразный характер. Другьями они не были, хотя некоторое время их пути переплетались довольно тесно.

Встречались они еще в детстве. Одновременно с Грибоедовым юный Вяземский брал уроки у тех же профессоров Московского университета, что и будущий драматург, в том числе и у И.-Т. Буле.

В это время Грибоедов и Вяземский находились в разных литературных станах. После того как Грибоедов, отвечая Гнедичу, выступил в «Сыне отечества» со статьей «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора“», К. Н. Батюшков извещал Н. И. Гнедича, что он, В. Л. Пушкин и Вяземский разделяют его взгляды и «благодарят от всей души» за статью.¹

Сближение началось весной 1823 г. 30 апреля Вяземский писал А. И. Тургеневу из Москвы: «Здесь Грибоедов персидский. Молодой человек с большою живостью, памятью и, кажется, дарованием. Я с ним провел еще только один вечер».²

«Грибоедов „персидский“, — отмечал Н. К. Пиксанов, — представлял для Вяземского огромный интерес по своему богатому опыту на том Востоке, которым тогда все интересовались, — хотя бы по политическим отношениям России на Кавказе и в Персии. Нечего и говорить, как увлекательно было Вяземскому знакомиться с Грибоедовым-писателем».³ В свою очередь Грибоедов, надолго оторванный он литературного движения, конечно же, не мог не интересоваться одним из заметных литераторов того времени.

Более прочные отношения между ними возникли на деловой основе. Директор московского театра Ф. Ф. Кокошкин, как вспоминал Вяземский, попросил его, уже пользовавшегося известностью поэта, «написать что-нибудь для бенифиса Львовой-Синецкой (...) актрисы, состоявшей под особенным покровительством его» (ГВС, 123). Князь, не находивший в себе способностей драматурга, все же согласился «ссудить начинкою куплетов пьесу, которую другой возьмется состряпать», так как не считал это осо-

бенно сложным. Ему уже приходилось заниматься подобной работой.

Опыт такого рода, как мы знаем, был и у Грибоедова. Совместная работа над водевилем «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» началась в октябре. «Мы условились, — вспоминал Вяземский, — в некоторых основных началах. Он брал на себя всю прозу, расположение сцен, разговоры и проч. Я брал — всю стихотворную часть, т. е. все, что должно быть пропето. Грибоедову принадлежит только один куплет:

Любит обновы
Мальчик Эрот и проч.»
(ГВС, 124) ⁴

Сочинение Грибоедова и Вяземского, как справедливо находил Вяземский, «не было <...> лишено всякого дарования и вообще драматической сноровки» (ГВС, 125). Более того, стилистическая легкость и точность языка водевиля приподнимают его над общим уровнем театральной продукции тех лет.

И все же особого успеха при первой постановке на московской сцене (24 января 1824 г.) водевиль не имел.⁵ Вполне возможно, что прохладное отношение публики было вызвано тем, что завсегдатаи театра, определявшие успех пьес и хранившие в памяти весь театральный репертуар, наблюдая за развитием действия в водевиле Грибоедова и Вяземского, сразу же вспоминали «Свою семью» Шаховского, в сочинении которой, как мы помним, Грибоедов также принимал участие. При этом вряд ли кто сознавал, что сходство это во многом объясняется тем, что оба произведения опираются на комедийную европейскую традицию XVIII—начала XIX в.

В самом деле, сюжет водевиля Грибоедова и Вяземского в значительной мере вторичен по отношению к «Своей семье». У Шаховского Наташа, поочередно представляя из себя то рачительную хозяйку, то ученую женщину и т. д., завоевывает расположение всех родственников мужа, которым вначале не открывает, кто она. Тот же мотив движет действие и в водевиле Грибоедова и Вяземского. Юлия, которая в роли товарища своего мужа добивается симпатии Рославлева-старшего, выдавая себя за непримиримого врага женщин, очаровывает его своей скромностью и заботливостью в роли сестры того же мнимого товарища. Сохранен и тот момент, когда Юлия, как и Наташа, демонстрирует свою ученость (знание медицины, математики, английского и латыни).

По мнению же Вяземского, главная причина неуспеха совместно написанного водевиля заключалась в интриге А. И. Писарева и М. Н. Загоскина. Происки Писарева подтверждает и свидетельство М. Н. Лонгинова, отмечавшего, что «Грибоедов и Вяземский особенно бесили его (Писарева, — В. М.) своей известностью в московском обществе <...> Писарев был зол, завистлив и высокомерен».⁶

Не удовлетворившись закулисными действиями, Писарев встретил водевиль Вяземского и Грибоедова, а затем и «Горе от ума» мелочно-придирчивыми нападками в «Вестнике Европы», выступив как сторонник М. А. Дмитриева. Когда же в защиту Грибоедова появились статьи В. Ф. Одоевского, А. А. Бестужева и других критиков, это вызвало со стороны Писарева и Дмитриева целый поток эпиграмм. Им чаще всего отвечал Вяземский. «... Эпиграммы, — указывал М. Н. Лонгинов, — переносил из лагеря в лагерь известный Шатилов,⁷ зять музыканта Алябьева. Он, например, приходил в ложу Кокошкина, где сидели Писарев и Дмитриев, получал эпиграмму и нес в кресла Вяземскому и Грибоедову, потом шел опять в ложу и говорил: „Завтра будет ответ“».⁸

Большинство эпиграмм Писарева и Дмитриева, как и их критические статьи, не отличались ни глубиной смысла, ни поэтическим изяществом. Писарев злобно острил над очками «Грибуса» и его «змеиным взглядом». Дмитриев старался поразить сразу обоих соавторов:

Хотя из гордости брось перья,
Чтоб не сказали наконец,
Что Мефистофелес-хитрец
У Вяземского в подмастерьях.⁹

Другой выпад заканчивался утверждением:

Им Аполлон не брат,
И музы им не сестры.¹⁰

Писарев переложил в стихи суждение Дмитриева, высказанное им в статье о «Горе от ума»:

В комедии своей, умершей до рожденья,
Воспел он горе тех, кто чересчур умен,
А сам доказывает он
От глупости мученье.¹¹

Не гнушались они в этом литературном бою и просто неприличных выражений.

Грибоедов отвечал следующим шестистишием:

И сочиняют — врут, и переводят — врут!
Зачем же врете вы, о дети? Детям прут!
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть, — но вы ругаться удалцы!
Студенческая кровь, казенные бойцы!
Холопы «Вестника Европы»!

(I, 23)

Писарев тотчас же сочинил ответ:

О Грибус! В пасквиле презлом, хотя не тонком,
Ты в дети произвел меня дурным стихом;
Ну что ж? В кругу людей останусь я ребенком;
А ты в кругу людей останешься скотом!¹²

Не отстал от него и Дмитриев:

Мы дети, может быть, незлобием сердец,
Когда щадим тебя, репейник Геликона,
А может быть, мы, наконец,
И дети Аполлона.¹³

В спор вступил Вяземский:

Вы дети, хоть в школярных латах,
И век останетесь детьми;
Один из вас — старик в ребятах,
Другой — дите между людьми.
Свое ж незлобие сердечно
И Феба — грех тут путать вам,
Но дети, дети вы, конечно,
Незлостью детских эпиграмм.¹⁴

Ответная эпиграмма Писарева адресована одновременно обоим противникам. Ему и Дмитриеву Вяземский и Грибоедов представлялись единомышленниками. Примечательно, однако, что ни Грибоедов, ни Вяземский в своих эпиграммах не декларировали свою литературную общность. Каждый писал от своего имени. Писарев был активнее Дмитриева и грубее. Он восклицал:

Мишурский! Мы тебя щедрее без сомненья;
Когда для рифмы ты не лжешь,
Ни в грош всегда ценил ты наши сочиненья.
Мы Грибуса, тебя и ваши все творенья,
Ваш сборный водевиль и вздорные сужденья
Всегда ценили ровно в грош.¹⁵

Заодно досталось и тем, кто сочувствовал Грибоедову, но в эпиграмматической перестрелке не участвовал. Так, Дмитриев напал на В. Ф. Одоевского:

В нем страстная к учению охота;
От схоластических избавившись ходуль,
Он в Шеллинге открыл, что бог есть нуль,
А Грибоедов что-то!¹⁶

Когда полемика вокруг «Горя от ума» была в самом разгаре, Писарев сочинил пространную пародию на современную литературу, воспользовавшись формой «Певца во стане русских воинов» Жуковского. Чуть ли не центральное место отведено Писаревым Грибоедову и Вяземскому:

Как Грибоедова забыть?
Сатирик, трагик, лирик,
Его не нужно нам хвалить,
Он сам свой панегирик.
Давиду перевод его
Страшнее Голиафа;
Он доказал нам — каково
Быть другом «Телеграфа»;

Он старым слогом нам прочел
«Супружескую верность»¹⁷
И преневерно перевел
«Притворную неверность».
Давно ли «Горе от ума»
Всех умных огорчило?
В нем мало смыслу, мыслей тьма,
И писано премило.
Хоть Чацкий вышел в желтый дом,
Хоть стоит быть повешен,
Хоть в нем с французским языком
Нижегородский смешан,
Никто об нем не думал знать,
Никто об нем не слышал;
Но, чтоб комедию читать,
Поэт в отставку вышел.¹⁸

О Вяземском там говорилось:

Поляк его героем был,
А музой Грибоедов.¹⁹

Вяземский подвел итоги затянувшейся эпиграмматической перестрелки обращением «К журнальным близнецам»:

Цып! Цып! сердитые малютки!
Вам злиться, право, не под стать,
Скажите: стоило ль из шутки
Вам страшный писк такой поднять?
Напрасна ваших сил утрата!
И так со смехом все глядят,
Как раздраженные цыплята
Распетушились невпопад!²⁰

В самом деле, затянувшийся обмен эпиграммами уже наскучил публике, вначале очень живо реагировавшей на каждый новый выпад. Всего таких эпиграмм (в том числе и анонимных) было в обращении свыше тридцати, гораздо больше, чем в 1815 г., во времена «страшной войны на Парнасе». Симпатии большинства были на стороне Грибоедова и Вяземского, и все же Е. А. Баратынский был прав, говоря о Вяземском:

Войной журнальною бесчестит без причины
Он дарования свои.
Не так ли славный вождь и друг Екатерины
Орлов еще любил кулачные бои?²¹

Баратынский прокомментировал свою эпиграмму следующим образом: «Всего досаднее Вяземский. Он образовался в беспокойные времена междуусобий Карамзина с Шишковым, и военный дух не покидает его и ныне».²²

Замечание верно, но лишь отчасти. Перестрелка с Дмитриевым и Писаревым не затрагивала Вяземского глубоко. Для князя это был главным образом повод продемонстрировать свое остроумие. Грибоедов же, в начале своей творческой деятельности

проявивший себя как пылкий полемист (пародии на Загоскина), на сей раз отвечал на выпады противников лишь до тех пор, пока в рукописных эпиграммах затрагивали не столько его комедию, сколько его самого. Драматургу было ясно, что «Горе от ума» заслуживает большего, чем обмен эпиграммами. Позднее к такому же выводу пришёл и Вяземский, писавший 7 июня 1825 г. А. С. Пушкину: «Что скажешь ты о глупой войне за и против Грибоедова? Наши умники так глупы, что моченьки нет...».²³

Когда же дело дошло до полемики в журналах, Грибоедов решительно уклонился от участия в ней. Он отлично понимал, что автор, который защищает в печати свое детище от нападков критиков (что бы эти критики собой ни представляли), всегда немного смешон. В данном же случае имело значение и такое обстоятельство, как уровень его противников. Совсем иное, когда критика исходила от Катенина. Это было откровенное мнение человека, с которым можно было говорить на равных. С «казенными бойцами» такой спор вести не имело смысла.

Эпиграмматическая война привела лишь к одному результату: несколько укрепила отношения Вяземского и Грибоедова. Перед отъездом драматурга из Москвы князь дал ему рекомендательное письмо к Н. М. Карамзину. В первые же дни по прибытии в столицу Грибоедов писал Вяземскому: «Благодарю вас за письмо к Н. М. Карамзину, стыдно было бы уехать из России, не выдавши человека, который ей наиболее чести приносит своими трудами, я посвятил ему целый день в Царском Селе и на днях еще раз поеду на поклон».²⁴ Другим своим знакомым Вяземский также рекомендовал Грибоедова как человека, которого отмечают «большие дарования» и «пыл».²⁵

Следующая встреча бывших соавторов произошла уже в 1826 г. в Петербурге. Вяземский в письме к жене от 3 июня сообщал, что «видел выпущенного из тюрьмы Грибоедова»,²⁶ однако не упоминает о какой-либо беседе с ним. Встреча была мимолетной. Грибоедов в эту пору сторонился людей, да и вспоминать о перипетиях эпиграмматической войны в тот момент, когда в Петербурге господствовала атмосфера уныния и страха, было, конечно, неуместно.

Заключительный этап непосредственных контактов Грибоедова и Вяземского относится к 1828 г. Они увиделись через два года после триумфального прибытия дипломата, привезшего мирный договор с Персией, в Петербург. В письмах Вяземского к жене (весна 1828 г.) имя Грибоедова упоминается довольно часто. 18 марта он писал: «Вчера видел Грибоедова, l'homme du jour,²⁷ но, впрочем, я нашел в нем вчерашнего, то есть того же, он, без сомнения, был главным тружеником мира: во-первых, сто раз умнее других, да и знал народ персидский. Я очень рад за удачу его...».²⁸ 27 марта Вяземский рассказывает о «приятном обеде» у М. Ю. Вильгорского, где среди других гостей были Пушкин, Жуковский и Грибоедов. Дается и суждение об авторе «Горя от ума»: «В Гри-

боедове есть что-то дикое, de faouche, de sauvage, в самолюбии: оно при малейшем раздражении становится на дыбы, но он умен, пламенен, с ним всегда весело».²⁹ 18 апреля Вяземский встретил Пушкина, Крылова и Грибоедова в доме Жуковского; 9 мая обедал у драматурга; 17 мая присутствовал на чтении Пушкиным «Бориса Годунова», где был и Грибоедов; 25 мая вместе с Олениным, Грибоедовым и Пушкиным совершил увеселительную прогулку в Кронштадт на «пироскафе». Но все это были встречи, во время которых возможна была лишь общая беседа. Отношения были приятными, но не более. Настоящей дружбы между ними так и не возникло.

Сохранилось письменное свидетельство самого Вяземского о том, что другом Грибоедова он никогда не был.³⁰ В 1849 г. Вяземский с женой посетили Иерусалим. На Голгофе он заказал заупокойную службу по умершим друзьям и близким. Помимо родственников в этом списке значились: А. С. Пушкин, В. Л. Пушкин, Е. А. Баратынский, Д. В. Давыдов, Н. М. Карамзин, А. И. Тургенев, Д. В. Дашков, И. И. Дмитриев, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, М. Ф. Орлов. Имя Грибоедова здесь отсутствовало.

На смерть Грибоедова Вяземский отреагировал в следующих словах: «Я был <...> сильно поражен ужасным жребием несчастного Грибоедова. Давно ли видел я его в Петербурге блестящим счастливецом, на возвышении государственных удач; давно ли завидовал ему, что он едет в Персию, в край, который для моего воображения имел всегда приманку чудесности восточных сказок, обещал ему навестить его в Тегеране и еще на днях, до получения рокового известия, говорил жене, что, не будь войны на востоке, я нынешним летом съездил бы к нему. Как судьба играет нами и как люто иногда! Я так себе живо представлял пылкого Грибоедова, защищающегося от иступленных убийц, изнемогающего под их ударами. И тут есть что-то похожее на сказочный бред, но бред ужасный и тяготительный».³¹

Последующие упоминания Вяземского о Грибоедове носят уважительный характер применительно к его личности, тогда как его творение оценивается с известной долей раздражения, вызванного, как объяснял сам Вяземский, неумеренными похвалами современников «Горю от ума».

2

В воспоминаниях о Грибоедове Вяземский в полушутливой форме упоминает еще об одном случае своего «соавторства» с ним: «В комедии „Горе от ума“ есть и моя капля, если не меда и желчи, то по крайней мере капля чернил, то есть: точка. <...> Скоро после приезда в Москву Грибоедов читал у меня и про одного меня комедию свою. После падения Молчалина с лошади, испуга и обморока Софьи Павловны (действие 2-е, явление 8-е) Чацкий говорил:

Желал бы с ним убиться для компании.

Тут заметил я, что влюбленному Чацкому, особенно после слов:

Смятенье, обморок...
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга, —

неловко употребить пошлое выражение „для компании“, а лучше передать его служанке Лизе. Так Грибоедов и сделал: точка разделила стих на два...» (ГВС, 131—132).

Надо полагать, что во время чтения комедии Вяземский этим замечанием и ограничился. По крайней мере о каких-либо других недостатках «Горя от ума», замеченных им в тот день, он не говорит.

Тем не менее именно Вяземский настоял, чтобы в рецензию Н. А. Полевого на «Русскую Талию», содержащую весьма положительную оценку пьесы, было вставлено несколько фраз негативного характера: «Беспристрастно судя, надобно бы пожелать больше гармонии и чистоты в стихах г-на Грибоедова. Выражения „глазом мигом не прищуря“, „кто ж радуется эдак“, „черномазенький“, „дом зеленью раскрашен“, „нету дела“, „слыл за дураков“, „опротивит“, „к прикмахеру“ и т. п. дерут уши».³²

Прошло полвека, и Вяземский счел возможным сказать, что он «один из первых приветствовал <...> „Горе от ума“ с живым сочувствием» (ГВС, 130). Однако анализ высказываний Вяземского о комедии доказывает иное. Вяземский, по определению М. В. Нечкиной, был «недоброхотом „Горя от ума“».³³

Наиболее подробно рассмотрена пьеса в работе Вяземского о Фонвизине. Критик дает понять, что он не был «безусловным поклонником комедии» и что его мнение было не слишком приятно автору «по щекотливости, свойственной авторскому самолюбию, и по сплетням охотников, всегда ищущих случая разводить честных людей».³⁴

М. И. Гиллельсон прав, конечно, отмечая, что Вяземский не скрывал от Грибоедова принципиальные расхождения с ним, связанные с различным пониманием жанра комедии. Но едва ли следует, как это делает исследователь, проводить параллель между суждениями Пушкина и Вяземского о «Горе от ума».³⁵ Касаясь почти одних и тех же моментов, они трактуют их во многом различно. Пушкин видел цель комедии в обрисовке характеров и создании «резкой картины нравов»: Вяземский думал иначе: «Комедия Грибоедова не комедия нравов, а разве обычаев <...> Если искать вывески современных нравов в Софии, единственном характере в комедии, коей все прочие лица одни портреты в профиль, в бюст или во весь рост, то должно сказать, что эта вывеска поклеп на нравы или исключение, неуместное на сцене».³⁶ Пушкину же именно Софья казалась «начертанной неясно».

Вяземскому мнение Пушкина о «Горе от ума» было известно из первых рук. В своей статье он прямо ссылается на слова поэта,

который писал Вяземскому, что Чацкий «совсем не умный человек», «очень умен» только автор. Однако известное нам высказывание Пушкина о Чацком: «... пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, островами и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, — очень умно» — не позволяет все-таки считать, что поэт видел в Чацком только резонера, который «проповедует на каждый попавшийся ему текст», как утверждал Вяземский. «Главный порок» Грибоедова, по мнению последнего, в том, что «посреди глупцов разного свойства вывел он одного умного человека, да и то бешеного».³⁷

В одной из статей 1868 г. Вяземский так охарактеризовал Чацкого: «Есть люди, которые всецело принадлежат к своему поколению и прикованы к своему времени. Твердости и глубине их убеждений нередко соответствует мелкость их понятий и ограниченность объема их умозрения. Они стеснены и втиснуты в раму, которая облегает их со всех сторон. Это Чацкие, которые плотно сидят на коньке своем и едут все прямо, не оглядываясь по сторонам. То ли дело Онегины! Это личности гораздо сочувственнее и ближе к человеческой природе».³⁸

Не удовлетворяла Вяземского и Софья как человеческий тип. В статье «Взгляд на литературу нашу после смерти Пушкина» (1847) он снова сравнивает персонажей Пушкина и Грибоедова. Сопоставляя Марию из «Бахчисарайского фонтана» с Татьяной («Евгений Онегин»), Вяземский резюмирует: «Как далеки эти два разнородные типа русской женщины от Софьи Павловны, которую сам Грибоедов назвал негодяйкою...».³⁹

Не раз повторял Вяземский и свое первоначальное суждение о том, что в языке комедии Грибоедова отсутствует «гармония». «Небрежность языка и стихосложения, — писал он, — доведены в ней иногда до непростительного своеволия...».⁴⁰ Пушкин, как известно, придерживался прямо противоположного мнения. Но в данном случае Вяземский не ссылается на авторитет поэта, считая, что пьеса Грибоедова «в слогé часто худо исполнена». Вдобавок к этому он, как и многие современники, полагал, что в «Горе от ума» нет действия. Не находил он в комедии и подлинной «веселости», считая, что в этом отношении «Горе от ума» стоит ниже сочинения графа Ф. В. Ростопчина «Вести, или Убитый живой», в котором «нет изящного искусства, но есть русская веселость и довольно верная съёмка с природы».⁴¹

Насколько объективен был Вяземский в данном случае, можно судить уже по тому, что творчество Ростопчина и современниками воспринималось без всякого энтузиазма, а впоследствии вовсе было забыто.

Вяземский решительно отказывал комедии в типичности изображения. Сферу представленного драматургом он считал довольно ограниченной. «... Пора, наконец, перестать, — писал он, — искать Москву в комедии Грибоедова. Это разве часть, закоулок

Москвы. Рядом или над этою выставленною Москвою была другая, светлая, образованная Москва». ⁴² При этом Вяземский вовсе не имел в виду Москву декабристскую. В его представлении «светлая» Москва — город Нелединского-Мелецкого, И. Дмитриева, Карамзиных, Ф. Ростопчина и некоторых просвещенных вельмож екатерининского века. Вяземский даже обвинял Грибоедова в преднамеренном искажении истины: «Новое поколение знает старую Москву по комедии Грибоедова: в ней почерпает оно все свои сведения и заключения. Грибоедов — их преподобный Нестор (...). Но, по несчастью, драматический Нестор в своей московской летописи часто *мудрствовал лукаво*...». ⁴³

Вместе с тем Вяземский нехотя признавал, что пьеса представляет собой незаурядное литературное явление. «Самые странности комедии Грибоедова, — писал он, — достойны внимания: расширяя сцену, населяя ее народом действующих лиц, он, без сомнения, расширил и границы самого искусства». ⁴⁴ Противореча частным своим замечаниям, Вяземский причислял «Горе от ума» к «явлениям весьма значительным в драматической словесности нашей», которые знаменуют собой движение отечественной литературы вперед.

Несмотря на признание талантливости Грибоедова, Вяземский в общем до конца жизни остался на позициях негативного в целом отношения к «Горю от ума». И в 1873 г. в специально посвященной Грибоедову работе «Дела иль пустяки давно минувших дней» он не только повторил все, что так или иначе говорилось им раньше, но даже несколько усилил прежние оценки. Он вновь подчеркнул, что «Горе от ума» — произведение, лишенное подлинного комизма. ⁴⁵ «Один Чацкий, и то, разумеется, против умысла и желанья автора, оказывается лицом комическим и смешным» (ГВС, 130).

Не изменил Вяземский и своего мнения о версификаторских способностях драматурга. Стихи Грибоедова, по-прежнему считал он, «за исключением многих удачных и блестящих стихов в „Горе от ума“, вообще грубоваты и тяжеловаты» (ГВС, 129). Как и прежде, композиция пьесы представлялась ему малоудачной: «Картина, может быть, слишком раскрашена, немного натянута; в ней, может быть, выдается сам живописец, нежели изображенные им лица». Правда, при этом, как и в былые времена, делается оговорка, что в целом это «картина замечательная по бойкости кисти, по краскам и живости своей» (ГВС, 130). Однако не мешает вспомнить, что Вяземский вообще считал возможным вывести «Горе от ума» за пределы отечественной драматургии, ибо, по мнению критика, «комедия Грибоедова не есть еще принадлежность русского театра...», ⁴⁶ так как полностью зависит от французской литературы.

Грибоедова-человека Вяземский, как и раньше, характеризует в высшей степени положительно: «Он был очень умен, образован, хорошо знал иностранные литературы...». Однако эпитеты «бес-

смертная» и «гениальная» применительно к комедии Грибоедова Вяземского раздражают (ГВС, 131).

Но и не относя «Горе от ума» к совершенным литературным произведениям, Вяземский незаметно для себя черпал из комедии выражения и употреблял их в повседневной речи. Так, он писал Пушкину 24 августа 1831 г. «Ох! я женат! — скажешь ты, как Платон Сергеевич». ⁴⁷ И в письме к жене от 19 июля 1839 г.: «Чуть свет, я на ногах и я у ваших ног, кажется, так говорит Чацкий Грибоедова и я за ним». ⁴⁸ В «Воспоминаниях о Булгаковых» (1868) он заметил: «Есть у нас разряд Молчалиных, которые любят списывать стишки, уже давно напечатанные». ⁴⁹

Не принадлежа к числу почитателей таланта Грибоедова (возможно, что определенным тормозом здесь явилось соавторство при сочинении водевиля, что закрепило в сознании Вяземского некий стереотип восприятия Грибоедова как автора не слишком значительных произведений), князь-поэт все же не мог не видеть в нем человека большого ума и строгих нравственных правил. Поэтому его, как и других знавших автора «Горя от ума», шокировала та назойливая реклама, с помощью которой Булгарин, старался убедить общественное мнение в том, что издатель «Северной пчелы» был лучшим другом великого драматурга. Вяземский, для которого эпиграмма издавна была привычным способом выражать свое мнение публично, и на сей раз воспользовался тем же средством. Выход в свет воспоминаний Булгарина о Грибоедове он встретил такими стихами:

Ты целый свет уверить хочешь,
Что был ты с Чацким всех дружней:
Ах ты бесстыдник! Ах злодей!
Ты и живых бранишь людей,
Да и покойников порочишь. ⁵⁰

Итак, оценки Вяземским «Горя от ума» и его автора были неравнозначны и далеко не совпадали с общепринятым мнением, особенно в 1820-е гг.

Расходился Вяземский с Грибоедовым и по ряду историко-литературных вопросов. ⁵¹ Они по-разному относились к одним и тем же писателям. Так, например, для Вяземского Вольтер — один из кумиров его молодости, к которому он навсегда сохранил глубокое уважение. Грибоедов же рассматривал финал деятельности Вольтера с изрядной долей скептицизма: «Три поколения сменились перед глазами знаменитого человека; в виду их всю жизнь провел в борьбе с суеверием богословским, политическим, школьным и светским, наконец, ратовал с обманом в разных его видах. И не обманчива ли самая та цель, для которой он подвизался? Какое благо? — колебание умов, ни в чем не твердых?..» (III, 159). ⁵² Не сходились они и в оценке Байрона: «Когда Кюхельбекер, взгляд которого на творчество Байрона складывался под влиянием Грибоедова, выступил в „Мнемозине“ со статьей, в кото-

рой развивал его точку зрения, то Вяземский решительно отверг их мнение».⁵³

Итак, можно говорить о сходстве политических взглядов Вяземского и Грибоедова и об известной близости их литературных позиций в целом, поскольку принципиальных споров между ними не было. И если бы преждевременная смерть не унесла Грибоедова, то можно было бы почти наверное предположить, что отношение к Пушкину и его антагонисту Булгарину у Вяземского и Грибоедова в 1830-е гг. базировалось бы на одинаковом фундаменте.

Грибоедов и Вяземский не стали друзьями. Тем больше чести делает Вяземскому то обстоятельство, что вопреки своим личным вкусам он все же отдавал должное таланту драматурга, сознавая ту важную роль, какую вскоре после своего появления начало играть «Горе от ума» в русской литературе. Вот почему Вяземский, в конце 1850-х гг. возглавлявший Главное управление цензуры и способствовавший выходу в свет некоторых книг в более полном виде, чем они издавались ранее, одной из первых выпустил комедию «Горе от ума».

* * *

¹ См.: *Батюшков К. Н.* Соч. Т. I—III. СПб., 1886, т. III, с. 390.

² Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921, т. I, вып. 6, с. 16.

³ *Пиксанов Н. К.* Грибоедов и Вяземский — соавторы пьесы. — В кн.: Верстовский А. Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом. Опера-водевиль в одном действии. Текст А. Грибоедова и П. Вяземского. М.; Л., 1949, с. 6.

⁴ Некоторые исследователи считают возможным расширить долю участия Грибоедова в сочинении стихов для водевиля. Подробнее об этом см.: *Войнова А. В.* А. Верстовский и его опера-водевиль «Кто брат, кто сестра...» — В кн.: Верстовский А. Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом, с. 22; *Фомичев С. А.* Заметки о грибоедовской текстологии. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977, с. 199—200.

⁵ Успех пришел позже. Водевиль Вяземского и Грибоедова в том же году был поставлен в Москве еще три раза (29 января, 5 и 16 февраля) и три раза на петербургской сцене в сентябре, а в 1831 г., когда о зависимости «Кто брат, кто сестра...» от водевиля Шаховского (см. ниже) стали забывать, он был причислен критикой к разряду «любимых публикою пьес» (см.: *Войнова А. В.* Указ. соч., с. 17—18).

⁶ Эпиграмма и сатира. М.; Л., 1931, т. I, с. 188.

⁷ Н. А. Шатилов, служивший вместе с Грибоедовым в гусарском полку.

⁸ Эпиграмма и сатира, т. I, с. 185.

⁹ Там же, с. 201.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 202.

¹² Там же, с. 203.

¹³ Там же, с. 204.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 208.

¹⁶ Там же, с. 433.

¹⁷ Т. е. «Молодых супругов».

¹⁸ Эпиграмма и сатира, т. I, с. 219—220.

¹⁹ Там же, с. 221.

²⁰ Там же, с. 209.

²¹ Там же.

²² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899, т. III, с. 119—120.

- ²³ Пушкин А. С. Переписка. СПб., 1906, т. 1, с. 229.
- ²⁴ Грибоедов А. С. Соч. М.; Л., 1959, с. 547.
- ²⁵ Остафьевский архив князей Вяземских, т. III, с. 35.
- ²⁶ Там же. [СПб.], 1913, т. V, вып. 2, с. 15.
- ²⁷ героя дня (франц.).
- ²⁸ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 89.
- ²⁹ Там же, с. 90.
- ³⁰ См.: Вяземский П. А. Избр. стихотворения. М.; Л., 1935, с. 592.
- ³¹ Рус. арх., 1868, стб. 606.
- ³² Московский телеграф, 1825, № 1, с. 168.
- ³³ Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977, с. 379.
- ³⁴ Современник, 1837, № 1, с. 68.
- ³⁵ См.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 113.
- ³⁶ Современник, 1837, № 1, с. 68.
- ³⁷ Там же, с. 69. — В отдельном издании работы о Фонвизине (СПб., 1844) последняя фраза дополнена словами «и скучного».
- ³⁸ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. I—XII. СПб., 1882, т. VII, с. 246.
- ³⁹ Русские писатели XIX в. о Пушкине. Л., 1938, с. 38.
- ⁴⁰ Современник, 1837, № 1, с. 69.
- ⁴¹ Там же, с. 71—72.
- ⁴² Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. VII, с. 378.
- ⁴³ Там же, с. 80.
- ⁴⁴ Современник, 1837, № 1, с. 70.
- ⁴⁵ Еще в 1836 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «За исключением Фонвизина, никто из наших авторов не имел истинной веселости» (Остафьевский архив князей Вяземских, т. III, с. 285).
- ⁴⁶ Новь, 1885, № 9, с. 88.
- ⁴⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16-ти т. М., 1941, т. XIV, с. 214. — Сергеевич — описка, нужно — Михайлович.
- ⁴⁸ Звенья. М.; Л., 1936, кн. 6, с. 299.
- ⁴⁹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. VII, с. 189.
- ⁵⁰ Эпиграмма и сатира, т. I, с. 380.
- ⁵¹ См.: Гиллельсон М. И. Указ. соч., с. 114—115.
- ⁵² Сопоставляя эту оценку Вольтера с ироническим отношением к нему Грибоедова в 1817 г. (см. выше, с. 46), должно констатировать, что его взгляды на деятельность и значение французского просветителя стали значительно глубже, хотя в них по-прежнему присутствовал определенный скептицизм.
- ⁵³ Гиллельсон М. И. Указ. соч., с. 115.

В. Ф. Одоевский

1

В «Вестнике Европы» на протяжении 1822—1823 гг. печатались под разными псевдонимами, но объединенные общим подзаголовком «Письма к Лужницкому старцу» (Лужницкий старец — коллективный псевдоним М. Т. Каченовского, М. П. Погодина, П. Л. Яковлева) — «Странный человек», «Похвальное слово невежеству» и «Дни досад». Эти произведения юного Владимира Федоровича Одоевского (1803—1869) не могли не заинтересовать Грибоедова, так как идеи, лежащие в их основе, занимали самого драматурга. Обличение света — его невежества, преклонения перед иностранным, рабской зависимости от «старших» — не могло оставить равнодушным автора «Горя от ума», как раз в эту пору работавшего над своей комедией.

Конфликт в «Днях досад» предвосхищает сущность разногласий Чацкого с фамусовским обществом. Арист, как и Чацкий, обличает фальшивую аристократическую мораль, противопоставляя ей нравственность низших классов. По словам исследователя раннего творчества В. Ф. Одоевского, «Дни досад» «можно назвать своеобразным комментарием к произведению Грибоедова, а Ариста — духовным братом Чацкого».¹

В «Похвальном слове невежеству», где также дается сатирическое изображение света, стоящего «на трех китах» — «знатности, богатстве, невежестве» — и попирающего все то, что выходит за границы общепринятого, у героя, не приемлющего традиционной морали, появляется единомышленник (как и у Чацкого). Встречаются и текстуальные совпадения с комедией Грибоедова: «Есть люди, — писал Одоевский, — которые думают, что в летах зрелых иметь собственное мнение — излишне и беспокойно, а в молодом человеке — даже преступление. И сохрани боже, если к тому же сей молодой человек осмеливается назвать *черное* — *черным*, а *белое* — *белым*».²

Подобный ход мысли у Одоевского закономерен. Еще в 1818 г. в ученическом сочинении он утверждал, что главные доблести человека — «самоотверженность, общественная деятельность и гражданская доблесть». Эти убеждения он отстаивал с присущим ему темпераментом особенно активно в начале творческого пути.

Неудивительно, что, как вспоминал Одоевский в 1864 г., Грибоедов, познакомившись с упомянутыми произведениями, «захотел узнать, кто их сочинитель. Это дало повод к ближайшему знакомству, а потом и к дружбе».³ Когда весной 1823 г. по приезде в Москву Грибоедов поселился в доме С. Н. Бегичева, «почти ежедневным посетителем» драматурга стал юный В. Ф. Одоевский (ГВС, 18—19).

Они быстро сблизились. Если в первом из известных писем к Одоевскому (апрель 1823 г.) дает еще себя знать официально-светский тон, то через несколько недель Грибоедов обращается к новому знакомому гораздо свободнее, приглашая его «привести <...> день в дружеской беседе» (III, 149—150).

Следующее письмо свидетельствует, что отношения стали совсем короткими. Грибоедов и Одоевский уже перешли на «ты», и драматург не боится обременить младшего друга просьбой о присылке ему немалого количества книг.

Это общение было плодотворным для обоих. Н. К. Пиксанов находил, что знакомство с Одоевским оживило интерес Грибоедова к философии.⁴ Говоря словами В. Г. Белинского, Грибоедова в Одоевском привлекало «стремление к *идеальному*, в хорошем значении этого слова, как противоположность пошлой прозе жизни».⁵

Очень скоро Грибоедов стал доверенным лицом у Одоевского. Молодой человек делился с ним мыслями и событиями своей жизни. В сентябре 1826 г. Одоевский писал из Петербурга в Москву С. А. Соболевскому: «Уведомь меня, где и что Грибоедов, — останется ли он в Москве и поедет ли в Грузию или нет, как и когда к нему писать; обо всем уведомь обстоятельно <...> Скажи еще Грибоедову, что теперь не могу ничего писать к нему, но есть много писчего — оставлено до удобнейшего случая, поцелуй его от меня и от души — слышишь ли, сколько в тебе достанет; надобно же, чтобы судьба насмехалась так надо мною, — он выехал из Петербурга на другой день моего приезда. Расскажи ему о моей женитьбе <...> расскажи <...> все, что знаешь, вырази ему то, чего я сам словами не могу выразить. Грибоедов поймет этот немой язык — скажи ему, что я скоро ему все сам опишу».⁶

Чисто личная симпатия укреплялась общностью литературных интересов, выражалась и в творческом сотрудничестве. В первой книжке «Мнемозины» Грибоедов поместил своего «Давида».

«Почти наверно можно сказать, — считал Н. К. Пиксанов, — что Грибоедов читал Одоевскому готовые акты комедий».⁷ Это предположение подтверждается и косвенным указанием Одоевского на его знакомство с «Горем от ума» до публикации части комедии в «Русской Галии»: в книжке IV «Мнемозины» Одоевский назвал комедию Грибоедова «произведением, истинно делающим честь нашему времени, блистающим всею свежестию творческого

вымысла, произведением, заслуживающим уважение всех своих читателей, кроме некоторых привязчивых говорунов».⁸

Дружбе Одоевского с Грибоедовым суждено было выдержать нелёгкое испытание. Пробным камнем их отношений послужила война «Мнемозины» с болгаринским журналом.

2

Полемика между Одоевским и Булгариным внимательно изучена в фундаментальной монографии П. Н. Сакулина.⁹ Тем не менее нам придется восстановить некоторые ее основные эпизоды, исследуя их под определенным углом зрения.

В мартовской книжке «Литературных листков» за 1824 г. Булгарин откликнулся на выход первой части «Мнемозины» в целом положительно. С некоторыми оговорками он считает, что в основе повести Одоевского «Старики, или Остров Панхай» лежит «прекрасная идея». Одобрительно отозвался он и о произведениях Кюхельбекера. Булгаринский отзыв можно было бы назвать «сочувственным», если бы в нем «было менее покровительственного тона».¹⁰

В начале августа Булгарин рассмотрел и второй выпуск «Мнемозины». На сей раз критик был еще более щедр на похвалу. Так, статья Кюхельбекера «О направленности нашей поэзии...», писал Булгарин, «по великим истинам, в ней заключающимся, по откровенности душевной, с какою автор высказал все, что у него лежало на сердце, и, наконец, по благородной любви к отечеству, ко всему возвышенному заслуживает особенное внимание не только литераторов, но и всех патриотов».¹¹

Проза Одоевского (повесть «Эллады») также была одобрена Булгариным, хотя он и отмечает при этом, что автору недостает пока еще житейского опыта. Отдавая должное философским познаниям Одоевского, Булгарин констатировал, что систему его взглядов пока еще нельзя назвать законченной. Смягчая свое суждение, критик заявлял: Одоевский «обещает для России столь много, что перед ним совестно не быть откровенным».¹²

В № 16 «Литературных листков» были помещены одновременно фельетон Булгарина «Литературные призраки» и библиографическое обозрение текущих журнальных статей, окончание которого появилось затем в «Сыне отечества» (№ 38 от 20 сентября).

Рассмотрим несколько подробнее первую из названных работ. В «Литературных призраках» Булгарин выразил свое отношение к Грибоедову, с которым он был знаком около двух с половиной месяцев. Грибоедов выведен в болгаринском фельетоне под именем «истинного литератора» Талантина, противопоставленного Лентяеву, Неучинскому, Фиалкину и Борькину, которые считают, что поэту «науки вовсе не нужны». Архип Фаддеевич — alter ego

Булгарина — выступает с обличением их невежества. Талантин также декларирует целую программу образования, необходимого для того, «чтобы совершенно постигнуть дух русского языка».

Фельетон Булгарина прошел, казалось бы, совершенно незамеченным. Во всяком случае, никаких откликов в печати на него не появилось. Отреагировал на «Литературные призраки» лишь объект изображения — Грибоедов. Он направил Булгарину письмо настолько странное, что адресат написал на нем: «Грибоедов в минуту сумасшествия».¹³ Приведем это письмо полностью:

«Милостивый государь, Фаддей Венедиктович. Тон и содержание этого письма покажутся вам странны, что же делать?! Вы сами тому причиною. Я долго думал, не решался, наконец принял твердое намерение — объявить вам истину, *il vaut mieux tard, que jamais*.¹⁴ Признаюсь, мне самому жаль: потому что с первого дня нашего знакомства вы мне оказали столько ласковостей; хорошее мнение обо мне я в вас почитаю искренним. Но, не смотря на все это, не могу далее продолжать нашего знакомства. Лично не имею против вас ничего; знаю, что намерение ваше было чисто, когда вы меня, под именем Талантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тем оскорбить. Но мои правила, правила благопристойности и собственное к себе уважение не позволяют мне быть предметом похвалы незаслуженной или, во всяком случае, слишком предускоренной. Вы меня хвалили как автора, а я именно как автор ничего еще не произвел истинно изящного. Не думайте, чтобы какая-нибудь внешность, мнения других людей меня побудили к прерванию с вами знакомства. Верьте, что для меня моя совесть важнее чужих пересудов; и смешно бы было мне дорожить мнением людей, когда всемерно от них удаляюсь. Я просто в несогласии сам с собою: сближаясь с вами более и более, трудно самому увериться, что ваши похвалы были мне не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю ли я еще горсточку ладана!!

Расстанемтесь. Я бегать от вас не буду, но коли где встретимся: то без приязни и без вражды. Мы друг друга более не знаем. Вы, верно, поймете, что, поступая, как я теперь, не горячая, а по весьма долгом размышлении, не могу уже ни шагу назад отступить. Конечно, и вас чувство благородной гордости не допустит опять сойтись с человеком, который от вас отказывается. Гречу объясню это пространнее... а может быть, и нет, как случится. Прощайте. Я об вас всегда буду хороших мыслей, даже почитаю долгом отзываться о вас с благодарностию. Вы обо мне думайте как хотите. Милостивый государь, ваш всепокорнейший А. Грибоедов» (III, 160—161).

Несколько позднее мы рассмотрим это письмо подробнее. Пока отметим лишь одно обстоятельство: в полном собрании сочинений Грибоедова под редакцией Н. К. Пиксанова оно датируется началом сентября 1824 г.

20 сентября 1824 г. издатель «Сына отечества» Н. И. Греч так объяснял причину «перехода» части упоминавшегося выше библиографического обозрения из «Литературных листков» в его журнал: «Получив начало сей любопытной статьи, мы увидели, что не можем напечатать оной в нашем журнале: неизвестному г-ну сочинителю угодно было упомянуть о нас в таких выражениях, которых мы сами никак обнародовать не смеем. Мы отдали ее г-ну Булгарину, и она появилась в номере 16 „Литературных листков“. Сие продолжение отправлено нами было также к г-ну Булгарину, но он возвратил нам оное по той самой причине, которая воспрепятствовала нам поместить у себя начало».¹⁵

«Калужский корреспондент» (им оказался С. Д. Полторацкий), чья подпись стояла под библиографическим обозрением, спорил с «Благонамеренным» (№ 8), где высказывалось одобрительное мнение о «Мнемозине». В частности, в «Благонамеренном» удостоился похвалы «чистый, правильный язык, чуждый *уродливых существительных и уродливых прилагательных*». По мнению «Калужского корреспондента», сказать такое о «Мнемозине» можно было только иронически: «Вся библиографическая статья о „Мнемозине“ есть не что иное (мы так думаем к чести и спокойствию совести издателя), как эпиграмма».¹⁶

Одоевский и Кюхельбекер сочли автором статьи Булгарина. Кюхельбекер дал ему отпор в откровенно насмешливом «Разговоре с Ф. В. Булгариним». Отстаивая свои литературные позиции, он обвинил Булгарина в беспринципности, которая хотя и не дошла еще тогда до той последней степени, что позднее обнаружилась в «Северной пчеле», но уже давала о себе знать. «Ваш „Северный архив“, ваши „Литературные листки“, — писал Кюхельбекер, — читаю иногда с удовольствием: в них довольно занимательного, довольно даже полезного, иногда нечто похожее на желание быть или, по крайней мере, *казаться* беспристрастным».¹⁷

Одоевский со своей стороны также выражал обиду на пристрастного критика, причислившего «Мнемозину» к посредственным изданиям. Он был уверен в обратном уже потому, что в альманахе «помещаются суждения, которые, — смело можно сказать, — отроду в голову не приходили нашим журналистам».¹⁸ Очень прозрачно намекал Одоевский и на коммерческие расчеты рецензента, побуждающие его принижать все остальные журналы, дабы тем самым утверждать собственный.

Булгарин и Греч вынуждены были печатно доказывать, что калужский аноним существует в действительности и что статья написана им.¹⁹

Заметим, таким образом, что первыми допустили тактическую оплошность — перешли на «личности», отказавшись от спора в чисто литературной плоскости, — Кюхельбекер и Одоевский. По существу они были правы, но формально первыми нарушили «правила игры». Булгарин, не привыкший прощать обид, посвятил

ответу издателям «Мнемозины» почти половину двоянного ноябрьского номера «Литературных листков». Здесь были напечатаны сразу несколько «антикритик».

Первой шла «корреспонденция» «Господину издателю „Литературных листков“», принадлежавшая В. Ушакову. Ушаков в очень резких выражениях напал на «Мнемозину». В статье Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии...» он вообще не обнаружил никакой цели. Имя Одоевского Ушаковым хотя и не названо, но легко угадывается в выпаде против тех писателей, которые, «едва вышедши из университета, считают себя учеными, смело обо всем судят и рядят, и горе тому, кто дерзнет им противоречить».²⁰

Упрекая Булгарина за чрезмерный либерализм, проявленный им по отношению к «Мнемозине» в его предшествующих выступлениях, Ушаков обращался к нему с укором: «Вот та статья, м<илостивый> г<осударь>, в которой вы находите и *благородную цель*, и *великие истины*, и *любовь к отечеству*! Признаюсь, что ни я, ни многие ничего такого в ней не видят... Не думаю я, чтобы кто вздумал искать великих истин там, где видна излишняя самонадеянность, резкий тон и неправильные притязания!».²¹

Подготовив выступлением иногороднего корреспондента почву, Булгарин и сам обрушился на Кюхельбекера и Одоевского. Без тени смущения в самом начале «Ответа г-ну Кюхельбекеру» Булгарин заявлял, что его прежние положительные оценки вызваны единственно желанием «дать ход „Мнемозине“»: «Это желание заставило меня смотреть сквозь пальцы на недостатки сего издания и выставить перед публикою посредственное за изрядное, извиняя слабое добрыми намерениями одного издателя и юностью другого <...> Труд мой пропал без пользы. „Мнемозина“ с каждой книжкою становится слабее».²²

Теперь уже, по Булгарину, оказывается, что все журналы с самого начала не видели в московском альманахе ничего хорошего, а «Литературные листки» если и хвалили его, то лишь из сострадания, чтобы «вовсе не уронить книги, которую публика почтила полным равнодушием».²³

Больше всего внимания Булгарин в этой статье уделил Одоевскому. Журналист прошелся по философским идеалам князя-«любомудра», посмеялся над его болезненной реакцией на критику и закончил богоговорочным отрицанием в нем таланта вообще. Более того, Булгарин почти в открытую обвинил Одоевского в плагиате: «Романы ваши <...> не имеют ни связи, ни слога, ни характеров, а некоторые блестящие умы насчет общества взяты смелою рукою, как я теперь догадываюсь, *из известной рукописи*. Журнал вам не удался — доказательство „Мнемозина“ <...> Ради бога, не торопитесь писать!».²⁴

Оканчивался булгаринский «Ответ...» чуть ли не площадной руганью по адресу Одоевского. «Но мне пора кончить, — писал Булгарин. — Время для меня вещь дорогая, и я его определяю точно таким образом, как отец Метафизика в „Притче“ Хемни-

цера».²⁵ Оскорбительный смысл перифраза станет понятен, если мы вспомним «Метафизического ученика» И. И. Хемницера, в котором есть такие строки:

— А время что?
— А время вещь такая,
Которую с глупцом я не хочу терять.

Уже П. Н. Сакулин высказал предположение, что, заявляя о заимствовании из известной рукописи, Булгарин, «вероятно (<...> намекает на комедию „Горе от ума“».²⁶ В самом деле, к этому времени Булгарину удалось не только слышать пьесу в чтении автора. Он уже собирался печатать «Горе от ума» в своем альманахе «Русская Галия», который получил цензурное разрешение 15 ноября. Надо полагать, Булгарин был осведомлен и о дружбе Грибоедова с Одоевским.

Булгаринский намек больно задел Одоевского. В книжку IV «Мнемозины» он не преминул вставить «Короткий ответ кн. Одоевского г-ну Булгарину». Издатель «Мнемозины» отказывался в нем от дальнейших журнальных схваток. «Оканчиваю навсегда журнальные перебранки, — писал он, — они мне прискучили, постараюсь даже и вам не отвечать более, ибо время я *так же* определяю, как отец Хемницерова Метафизика. Вот вам мой ответ, г-н Булгарин; другой стал бы отвечать вам совсем иначе; но я — не хочу; я и так довольно унижал себя, по молодости входя в сношения с людьми, которые рассуждать не в состоянии, а шуток не понимают и не стоят».²⁷

В «Постскриптуме» к «Короткому ответу...» Одоевский все же остановился на самом колком из упреков противника — в плагиате: «Сверх того, прошу вас, г-н Булгарин, уведомить меня и моих читателей, из какой *известной рукописи*, по вашему мнению, взята моя повесть; этого не должно было оставлять на догадку; если вы хотели сказать, что мое сочинение взято из собственной моей рукописи, — в таком случае удивляюсь вашему остроумию».²⁸

Ответ Одоевского только подлил масла в огонь. Булгарин с еще большим ожесточением стал преследовать «Мнемозину» и ее издателей, особенно Одоевского.²⁹

Но в аспекте нашей темы дальнейший ход полемики не столь важен. Гораздо интереснее здесь та незримая роль, которую играл в этой журнальной битве Грибоедов. Роль же эта может быть понята лишь после анализа фельетона Одоевского «Последствия сатирической статьи» («Мнемозина», ч. III) и сопоставления его с уже упоминавшимся фельетоном Булгарина «Литературные призраки», появившимся тремя месяцами ранее.

Фельетон Одоевского был подан как «отрывок из романа, который скоро весь представится на суд публики». На самом деле фельетон являлся законченным литературным произведением. В «Предисловии» к нему Одоевский от имени вымышленного писателя, перу которого якобы принадлежал «отрывок», заявлял: «До сих пор я столько был несчастлив, что во всех моих сатирических сочинениях <...> люди злонамеренные хотели находить отношения к лицам, в самом деле существующим».³⁰ Поэтому сочинитель счел необходимым «торжественно объявить, что как в сем сочинении, так и в других не имел <...> ничего другого в виду, кроме обыкновенных материалов сатирика — страстей и пороков, общих всему человеческому».³¹

В литературном обиходе 1810—1820-х гг. подобные заявления обычно имели своей целью подчеркнуть, что речь идет именно о конкретном, реально существующем лице. Булгарин, например, также уведомлял в «Литературных призраках»: «Сочинитель сей статьи излишним почитает предуведомлять своих читателей, что в ней нет никаких личностей, что имена и разговор выдуманы и на самом деле никогда не существовали».³²

Точно так же и Одоевский, отрицая портретность изображаемых им характеров, тем самым лишь утверждал читателя в этой мысли. Одновременно автор предупреждал возможные упреки в забвении литературного этикета. У Одоевского на сей счет уже сложилось собственное твердое мнение, сформулированное им почти годом ранее в «Днях досад» так: «Могут за это сердиться только те <...> которых обличающее зеркало сатиры застало в самую минуту их преткновения. Пусть их маленькое самолюбие обижается, пусть уголовным преступником называют того, кто осмелился заметить их слабости; тем лучше! такие-то люди и не оценены для сатирика. Чем более они сердятся, открыто ли, скрывая ли свою ничтожную злобу под личиною презрения, тем более открывают свои слабые стороны».³³

Что Одоевский действительно метил в конкретных лиц, отчасти показал уже П. Н. Сакулин, определив, что под именем Ахалкина и Мусорина выведены князь Шаликов и А. Ф. Воейков.³⁴ Однако исследователь почему-то затруднился сказать, кого изображал журналист Вампиров.

Эта фигура также может быть прояснена. Стихотворец Вампиров фигурирует в очерке Булгарина «Талисман, или Средство жить без денег» (Литературные листки, 1824, № 9, 10). По всей вероятности, используя фамилию булгаринского персонажа, Одоевский давал понять, что метит в самого автора. Об этом прямо говорят выразительные детали характеристики Вампирова. Упомянуты и «корректирный листок журнала, бывший в кармане журналиста», и его «ярость», и известные по портретам и мемуарам зеленые очки.³⁵

В положительном герое «Последствий сатирической статьи» Ипполите Двинском Сакулин видел «тип, очевидно, автобиографический».³⁶ Однако в нем скорее угадываются черты не Одоевского, а Грибоедова.

Уже сама фамилия Двинский является косвенным указанием на автора «Горя от ума» — напоминает о его пребывании в Белоруссии в 1813—1814 гг. Именно Двина прочнее всего ассоциировалась в сознании читателя того времени с западным театром военных действий. Ведь здесь, на Двине, русские войска под командованием П. Х. Витгенштейна нанесли удар войскам Сен-Сира и Виктора и преградили им доступ к столице.

Имя героя — Ипполит — также относится к разряду «говорящих». В переводе с греческого оно означает «запрягающий коня». Как известно, Грибоедов был адъютантом генерала А. С. Кологривова, занимавшегося формированием кавалерийских резервов, и, таким образом, сам был причастен к делам конницы. Девятнадцатилетний Грибоедов даже напечатал в «Вестнике Европы» статью «О кавалерийских резервах» (1814).

Сочетание имени и фамилии определенно вело к Грибоедову. Правда, Одоевский пользуется довольно сложным «ребусом», разгадать который мог далеко не каждый читатель. Но издатель «Мнемозины» и не имел в этом нужды. Для него важно было, чтобы его понял лишь один человек — Грибоедов.

Разумеется, в литературе первой четверти XIX в. фамилии вроде Двинский, Минский, Брянский, Ленский и т. д. были довольно широко распространены, и то, что Одоевский выбрал фамилию такого типа, могло бы быть простой случайностью. Однако сочетание этой фамилии с данным именем случайностью назвать уже трудно, тем более что первоначально герой фельетона Одоевского именовался Порфирием Птурбидиным и, стало быть, изменение имени и фамилии было продиктовано какими-то соображениями.³⁷

Ипполит характеризуется автором как человек уже несколько известный «в ученом свете: некоторые его опыты были счастливо приняты публикою — и обруганы журналистами, другие были расхвалены в журналах — и остались на верхних полках книгопродавцев».³⁸ Упомянуто и безразличие Двинского к суждениям посторонних: Ипполит, «мало нуждаясь в брани или похвале журнальной, как равно и читающей черни (...) смеялся над тем и другим; писал — потому что писалось, и едва ли из всех судей-самозванцев — не был лучшим ценителем своих произведений».³⁹

Все это далеко не в полной мере может быть соотнесено с Одоевским. К нему подходит только первый пункт — некоторая литературная известность. Но ведь подобное определение может быть применено и ко многим другим лицам. Что касается реакции Одоевского на критику, то она всегда была бурной. Даже довольно сдержанные отклики на первую книжку «Мнемозины» в «Дамском журнале» и «Новостях литературы» раздражили его, и он, намере-

ваясь опровергнуть эти суждения, начал работать над статьей «О журнальных нападках на альманах „Мнемозина“», имевшей форму письма к В. К. Кюхельбекеру, но по каким-то причинам не довел ее до конца.⁴⁰

В большей степени сказанное может быть соотнесено с Грибоедовым. Его ранние опыты по-разному оценивались критиками, даже анализировались на заседаниях «Зеленой лампы» и были признаны подражательными.⁴¹ Не лишним будет вспомнить и то, как безразличен был Грибоедов к журнальной полемике вокруг «Горя от ума», как решительно отверг он даже дружеские суждения Катенина о своей комедии, отверг именно потому, что лучше любого критика мог оценить свое творение по достоинству.

Среди поступков Двинского упомянут и такой, не слишком, казалось бы, важный для его характеристики: «Он собрался с духом и в одном из периодических изданий напечатал статью, в которой, высказав свое беспристрастное мнение о русских писателях, порядочно посмеялся над слепыми их подражателями».⁴² Это почти прямое указание на Грибоедова. Его статья «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора“» (1816) в свое время, как известно, вызвала разноречивые толки в литературных кругах. У Одоевского до 1825 г. подобных работ не было. Конечно, мы помним и то, что в этой статье Грибоедов иронизировал не над подражателями, а над защитниками Жуковского, но не будем упускать из виду, что Одоевский все же говорил намеками.

Критическое выступление Грибоедова запомнилось не одному Одоевскому. А. С. Пушкин даже в 1833 г. ссылался на эту работу в рецензии на «Сочинения и переводы Павла Катенина».

Ироническое отношение к «туманному» романтизму, в частности к Жуковскому, Грибоедов выразил и в комедии «Студент». Один из ее героев — Беневольский — читает слуге стихи, содержание и лексика которых пародируют элегическую лирику Жуковского. Ирония по адресу тех, что «глаз не сводят с туманной дали»,⁴³ присутствует и в суждениях Двинского о различных «классах» московского общества. Одоевский едва ли читал «Студента» (комедия, как мы помним, не была напечатана и не ставилась на сцене), но в беседах, которые они вели с Грибоедовым, вопрос об отношении к романтизму, конечно же, не мог не присутствовать.

И еще намек на Грибоедова. У Одоевского среди беседующих литераторов заходит речь о Двинском: «Не слыхали ли чего-нибудь о Двинском?» — «Двинский не в Москве (...) и еще долго не будет».⁴⁴ Грибоедов к моменту выхода книжки III «Мнемозины» уже почти пять месяцев как жил в Петербурге. Правда, вскоре оказывается, что известие об отъезде Двинского ложно. Однако само употребление такого «хода» в сопоставлении с остальными подробностями характеристики Двинского весьма симптоматично.

Двинский разделяет московское общество на три «класса»: думающие самостоятельно и занимающиеся «своим совершенствованием в полном смысле этого слова»; поклоняющиеся идеям романтизма и благоговеющие перед «каждым листком, напечатанным французскими буквами», и те, кто, «покинув простоту прежних нравов (...) остановились на какой-то безобразной середине: ездят повсюду; повсюду скучны себе и скучны другим...».⁴⁵ Здесь напрашивается параллель с Грибоедовым, упоминающим в «Загородной поездке» «слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полужуропейцев, к которому я принадлежу» (III, 117). Правда, осуждение невежества и галломании светского общества — мотив, характерный и для Одоевского, но в данном случае следует учитывать не отдельные штрихи, а их совокупность.

Вызывает ассоциацию с комедией Грибоедова и такая деталь. После переполоха, вызванного неожиданным появлением Двинского, Мусорин, Ахалкин, Вампиров и Видефьер долго не могут прийти в себя. Наконец Видефьер «постарался по уезде Двинского отместить ему шуткою: „Эти люди, — сказал он по-французски с самодовольною улыбкою, — осмеливающиеся восставать против правил, освященных нашими великими учителями (имеются в виду теоретики классицизма, догмы которых Грибоедов не принимал уже в 1814 г., — В. М.), — настоящие карбонарии в литературе; они и тут так же вредны, как в политическом обществе...“».⁴⁶ Кличка «карбонарий» повторена в тексте несколько раз: «На другой же день она разнеслась в целом городе с различными прикрасами, и имя Двинского не иначе стало произноситься, как с прибавлением слова: *карбонарий*».⁴⁷

Это прямая перекличка с текстом комедии, в которой Фамусов называет Чацкого «карбонарием». Примечательно, что, когда Одоевский не собирався указывать на Грибоедова, почти в идентичной ситуации он употребил другое выражение. Так, в «Похвальном слове невежеству», где поествование ведется от первого лица; рассказчик, прогнавший воинствующих невежд, слышит от них: «Безбожник!».⁴⁸

В черновой рукописи рассматриваемого фельетона Одоевский зачеркнул фразу, тем не менее поддающуюся прочтению. Она относится к Двинскому: «Обманутый любовницей, обыгранный друзьями, оклеветанный дядей».⁴⁹ Здесь, похоже, содержится намек на сердечное увлечение Грибоедова, глухо упоминаемое им в письме к С. Н. Бегичеву от 4 января 1825 г. как чувство, от которого он «в грешной (...) жизни чернее угля выгорел» (III, 165). Дядя драматурга А. Ф. Грибоедов вполне мог совершить приписываемый ему поступок, так как, согласно характеристике племянника, он «как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил *сплетнями*» (III, 118, курсив мой, — В. М.). Не потому ли Одоевский и исключил данное предложение из печатного текста, что оно слишком уж прямо указывало на

Грибоедова? Таким образом, в Ипполите Двинском угадывается своего рода портрет Грибоедова. Остается ответить на вопрос: зачем понадобилось Одоевскому выступить с подобным произведением?

Импульсом в данном случае послужил фельетон Булгарина «Литературные призраки». Надо полагать, Булгарин был искренен, когда восхвалял Грибоедова как «истинного литератора», неизданное произведение которого может быть поставлено наравне с творениями Фонвизина. Но сам автор «Горя от ума» изображен Булгариным одномерно. Для него Грибоедов — Талантин прежде всего ученый, а не художник, причем ученый-педант, выступающий в совершенно не свойственной реальному Грибоедову роли ментора, поучающего бездарных сочинителей. О Грибоедове-писателе говорится очень коротко и с чужих слов.

Одоевский, разумеется, не мог согласиться с подобной трактовкой личности драматурга. Кроме того, Одоевский, до которого, по всей вероятности, доходили вести о сближении Булгарина с Грибоедовым, воспринял «Литературные призраки» как симптом «петербургской» переориентации Грибоедова.

Между выходом в свет № 16 «Литературных листков», где были напечатаны «Литературные призраки», и появлением книжки III «Мнемозины» с «Последствиями сатирической статьи» промежуток более месяца. В этот срок и был написан Одоевским данный фельетон, едва ли увидевший бы свет, если бы Булгарин не написал о Грибоедове — Талантине.

Двинский сложнее и глубже Талантина. Одоевский видит в Двинском наряду с мыслителем и художником человека с «твердым правдивым характером, который навлек на него хлопотливую злобу благородной черни и с которым везде худо».⁵⁰ Двинский у Одоевского не поучает членов затхлого литературного кружка, он противопоставлен *всему московскому обществу* как «карбонарий», чьи взгляды представляют опасность для «староверов».

4

Грибоедов, конечно же, следил за ходом борьбы «Мнемозины» с «Литературными листками». Надо полагать, что его симпатии были на стороне Одоевского. Запальчивость последнего во многом объяснялась молодостью, тогда как Булгарин имел за плечами немалый житейский опыт. С Одоевским Грибоедов был знаком дольше, чем с Булгариным. Оба они принадлежали к одному светскому кругу, даже считались в отдаленном родстве, а самое главное, придерживались близких взглядов в философии, науке, искусстве. Совершенно иной, далеко не равнозначной князю-«любомудру» фигурой был для драматурга Булгарин, человек с сомнительным прошлым, недавно укрепившийся в Петербурге, не имеющий четкой эстетической программы, превыше всего

ставящий интересы коммерции и знакомый Грибоедову лишь несколько месяцев.

Отрицательно относясь к журнальным битвам вообще, Грибоедов вскоре увидел, что полемика между «Литературными листками» и «Мнемозиной» вышла уже за рамки обмена литературными мнениями и превратилась в борьбу, конечной целью которой являлось полное уничтожение противника как писателя и человека.

И Грибоедов, до этого времени наблюдавший за полемикой со стороны, понял, что настало время как-то определить свою позицию, тем более что он сам, пусть неявно, оказался втянутым в сражение.

Надо полагать, что драматургу нелегко далось письмо к Булгарину, которое тот расценивал как симптом «сумасшествия». Булгарин не понял, что «сумасшествие» это имело свою логику.

Логика эта побуждает общепринятую датировку письма считать неверной.⁵¹ Заметим предварительно, что началом сентября (т. е. примерно первой неделей месяца) обозначать его во всяком случае не приходится, так как между цензурным разрешением и выходом в свет журнала проходило никак не менее недели, часто даже и более. Например, № 15 «Сына отечества» за тот же 1824 г. имеет цензурное разрешение от 7 апреля, напечатан же он 14 апреля. К этому следует прибавить еще несколько дней, необходимых для поступления журнала подписчикам или в книжные лавки. Даже если допустить, что Булгарин, надеясь порадовать Грибоедова своим фельетоном, прислал ему номер «Литературных листков» в самый день выхода журнала, то и тогда уже следует говорить о начале второй декады сентября или о еще более позднем сроке.⁵² Можно установить еще более точную дату, если попытаться объяснить концовку письма, где Грибоедов подчеркивает, что поступает так «не сгоряча, а по весьма долгом размышлении...» и «почтает долгом» отзыватьсь о Булгарине с благодарностью. Во-первых, едва ли, говоря о *весьма долгом* раздумье, Грибоедов подразумевал недельный срок. Во-вторых, неужели Грибоедов благодарит Булгарина за фельетон, являющийся причиной разрыва отношений? Надо полагать, имеется в виду что-то другое, более важное. Однако ничего такого в июне—августе Булгарин для Грибоедова не сделал. Между тем подразумевается, вероятно, довольно серьезная услуга, ибо адресат после этого письма вправе почесть Грибоедова неблагодарным («Вы обо мне думайте как хотите»). Видимо, драматург и сам чувствовал, что его позиция в свете изложенного мотивирована не слишком убедительно. Вот почему у него невольно вырывается: «Гречу объясню это пространнее <...> а может быть, и нет, как случится».

При всей своей правдивости Грибоедов по каким-то мотивам не смог назвать истинную причину своего разрыва с Булгариним. Стараясь отвести возможные упреки в подверженности постороннему влиянию, он отрицал, что здесь замешаны «какая-нибудь внешность, мнения других людей».

Это последнее обстоятельство не случайно. Чтобы разъяснить его, нужно отойти несколько в сторону.

В марте того же 1824 года К. Ф. Рылеев, чьего «Войнаровского» Булгарин панегирически оценил печатно, направил ему письмо, которое во многом предваряло содержание послания Грибоедова. «Знаю и верю, — писал Рылеев, — что ты сам убежден, что нам сойтись невозможно и даже бесчестно; мы слишком много наговорили друг другу грубостей <...> Прошу тебя также, любезный Булгарин, вперед самому не писать обо мне в похвалу ничего; ты можешь увлечься, как увлекся, говоря о „Войнаровском“, а я человек: могу на десятый раз и поверить, это повредит мне: я хочу прочной славы, не даром, но за дело».⁵³

Содержание и цель этих писем настолько близки, что вряд ли можно говорить о случайном совпадении. Скорее всего Грибоедов был ознакомлен с рылеевским письмом самим автором — не в интересах Булгарина было сообщать его кому бы то ни было. Видимо, Рылеев, у которого драматург бывал на «русских завтраках», узнал о его затруднительном положении и рассказал, как он сам поступил в аналогичной ситуации.

Грибоедов решил «скопировать» рылеевское письмо, тем самым усилив свою отповедь: звучание ее в унисон с первым посланием говорило о солидарности людей, мнением которых журналист очень дорожил, в их отношении к «искательству» Булгарина.

Но вернемся к датировке письма Грибоедова. Большинство недоуменных вопросов разрешается, если мы отодвинем дату его написания на конец ноября. Тогда становится понятным, что Грибоедов должен быть благодарен Булгарину за публикацию «Горя от ума» в «Русской Талии». Соответственно и срок размышления может рассматриваться как «весьма долгий». А главное, именно к этому времени относятся обстоятельства, которые в своей совокупности делают оправданным сам факт появления послания Грибоедова.

Если же к приведенным фактам присоединить еще одно высказывание Булгарина, на которое исследователи творчества Грибоедова обычно не обращают внимания, то реконструируемая нами «мозаика» обретет более четкие очертания. Булгарин в своих воспоминаниях о первом знакомстве с Грибоедовым («Как люди дружатся» — Северная пчела, 1837, № 47) писал: «Жесточайшие мои противники литературные были старые приятели, родственники или даже питомцы Грибоедова. Он даже хотел помирить меня с одним из них, воображая, что у этого человека душа Грибоедова <...> он ошибся. Все, что окружало Грибоедова, говорило ему противу меня, потому что я тогда занимался литературной критикой, я говорил резкие истины. За дружбу со мной Грибоедов приобрел даже литературных врагов; он хохотал и говорил только: хороши ребята! Грибоедова просили, чтобы он развязался со мною...» (ГВС, 47). «Жесточайшие противники» — несомненно Одоевский и Кюхельбекер. Речь идет о неизвестной биографам

Грибоедова попытке помирить с Булгариным Одоевского (не Кюхельбекера, так как он некоторое время сотрудничал в изданиях Булгарина и Греча).⁵⁴ Трудно сказать, чем руководствовался Грибоедов, предпринимая такую попытку. Ведь никаких точек соприкосновения между Одоевским и Булгариным не существовало. Немудрено, что примирение не состоялось.

Булгарин и позднее неоднократно нападал на Одоевского, но издателя «Мнемозины» сильнее всего задела вылазка 1824 г. Уже после выхода в свет последней книжки альманаха Одоевский все еще не терял надежды восстановить истину в борьбе с Булгариным и убедить публику в своей правоте.

В неопубликованных бумагах Одоевского сохранилось начало «Обозрения критик на „Мнемозину“, изданную кн. Одоевским и В. Кюхельбекером». В качестве эпиграфа к статье поставлены слова Чацкого: «Они тотчас: разбой! Пожар! И прослывешь у них мечтателем опасным!».⁵⁵ В этой статье Одоевский предлагал избрать своеобразного литературного «ревизора», независимого от мнений литературных кружков и журналов, который бы совершенно объективно изложил читателям ход событий.

«Чтобы более пояснить, как я представляю себе такого рода изображение литературных битв, — заявлял Одоевский, — я намерен описать одну из них. На сей раз избираю битву „Мнемозины“, изд(аваемой) кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером, с „Литературными листками“ и „Северною пчелою“ г-на Булгарина. Почитаю нужным сказать, что я не брат и не сват, ни даже знакомый никому из воюющих, избираю же эту битву потому, что она была из самых упорных и продолжительных, ибо неслыханные до того в нашей литературе мнения, проповеданные г-ном издателем „Мнемозины“, возбудили на них жесточайшее негодование в оставшихся на старых понятиях, и битва сия с обеих сторон и оборонительная и наступательная вместе...».⁵⁶

Насколько задела Одоевского нападки Булгарина, можно судить по тому, что и в 1831 г., когда этот эпизод уже давно всеми был забыт, в рассказе «Новый год» он счел уместным вспомнить: «Насмешки наших противников в тысячу раз сильнее действовали на толпу читателей, и потому что были грубее, и потому что менее касались литературы. <...> Стыдно признаться, глупые шутки наших критиков звенели у нас в ушах; мы чувствовали всю справедливость нашего дела — и тем досаднее была нам несправедливость общего голоса».⁵⁷

И все же Булгарину удалось сохранить знакомство с Грибоедовым. Не пострадала и дружба Грибоедова с Одоевским. 10 июня 1825 г. драматург отправил ему из Киева письмо, в котором, между прочим, высказал свое отношение к полемике вокруг собственной комедии и к участию в ней Одоевского: «Виноват, хотя ты за меня подвизаешься, а мне за тебя досадно. Охота же так ревностно препираться о нескольких стихах, о их гладкости, жесткости, плоскости; между тем тебе отвечать будут и самого вынудят

за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная» (III, 176). Грибоедов явно напоминает о недавней схватке с Булгариным, которая вынудила Одоевского «за брань отплатить бранью». Вполне возможно, что Одоевский не стал заканчивать «Обозрения критик...», руководствуясь советом Грибоедова. Да и сам он не мог не понимать, что в борьбе с Булгариным, который не стеснялся в средствах, перевес будет не на его стороне.

5

Не выразить своего отношения к грибоедовскому шедевр Одоевский, однако, не мог. Вначале он сделал это в той же потаенной форме, что была использована в «Последствиях сатирической статьи». Только теперь речь шла не о самом драматурге, а о его детище.

Одоевский «заимствует» центральную коллизию «Горя от ума», дабы продемонстрировать в художественной форме реальность и злободневность пьесы. В нравоописательной повести «Элладий» (Мнемозина, ч. II) разрабатывается та же ситуация, что и в комедии Грибоедова. Нравственная чистота Элладия, его стремление к наукам и искусству возвышают его над пошлостью и невежеством света, который мстит Элладию за духовное превосходство, оклеветав его, как и Чацкого. Юноша, не выдержав этого испытания, сходит с ума. Мотив сумасшествия героя еще более роднит «Элладия» с «Горем от ума».

В характере Элладия можно видеть некоторые черты и самого Грибоедова. «Он, — писал Одоевский, — принадлежал к числу тех людей, которые отталкивают от себя толпу, но зато, приобретая друзей или недругов, приобретают истинных и навеки».⁵⁸

Любопытно, что Белинский, не принявший «Горя от ума», высоко оценил его «отражение». В «Элладии», писал критик, «в первый раз блеснули идеи нравственности XIX века, нового гостя на Руси; в первый раз была сделана нападка на XVIII век, слишком загостившийся на святой Руси и получивший в ней свой собственный, еще безобразнейший характер».⁵⁹

Осенью 1825 г. Одоевский с присущим ему темпераментом выступил на защиту Грибоедова снова, уже открыто. В самом начале своей статьи он подчеркивал, что нападки М. А. Дмитриева объясняются «отношением к лицам», а вовсе не эстетической позицией. Одоевский показал себя проницательным критиком, судя о Чацком как о человеке умном и образованном, но вовсе не выражающем «идеала совершенства».

Одоевский указал на антагонистичность героя комедии и светского общества. «Он составляет совершенную противоположность с окружающими его лицами и (...) одна сторона оттеняет другую (...) в одной видна сила характера, презрение предрассудков, благородство, возвышенность мыслей, обширность

взгляда; в другой — слабость духа, совершенная преданность предрассудкам, низость мыслей, тесный круг суждений». ⁶⁰ Одоевский намекал на политическую ориентацию Чацкого, на его враждебность «старому веку».

Отвергал Одоевский и обвинения М. А. Дмитриева в подражательности комедии Грибоедова, в которой, как считал Дмитриев, просто перепеваются Виланд и Мольер. Суждение Одоевского о языке «Горя от ума» очень близко к пушкинскому: «... почти все стихи комедии Грибоедова сделались пословицами, и мне часто случалось слышать в обществе целые разговоры, которых бо́льшую часть составляли — стихи „Горя от ума“». ⁶¹

В сущности в статье Одоевского затрагивались те вопросы, которые русская критика в связи с «Горем от ума» решала с большей или меньшей глубиной на протяжении всего XIX в.

С годами Грибоедов все больше вырастал во мнении Одоевского. Автор «Горя от ума» в его глазах являлся «едва ли не единственным <...> писателем, который постиг тайну перевести на бумагу наш разговорный язык». ⁶² Ознакомившись с пьесой А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся!», называвшейся сначала «Банкрот», он сказал, что знает три русские замечательные пьесы: «Недоросль», «Горе от ума» и «Ревизор». «На „Банкруте“, — заключил Одоевский, — я поставил номер 4-й». ⁶³

Отдавая должное таланту Грибоедова как критик, Одоевский учился у него как писатель. Многие произведения Одоевского хранят следы тщательного чтения «Горя от ума».

Так, имена героинь его повестей «Княжна Мими» и «Княжна Зизи» заимствованы из комедии Грибоедова. Влияние грибоедовской комедии проявилось и в завязке «Княжны Мими»: как и в «Горе от ума», клевета определяет весь ход событий в повести. В числе посетителей светских гостиных писатель указывал и на те «лица, которым сам Грибоедов не мог приискать другого имени, как г-н N и г-н D». ⁶⁴ Лодовико в «Петербургских письмах (Психологические задачи Хартина)» наделен молчалинскими чертами, причем писатель даже указывает на это сходство. «В драме „Хорошее жалованье“ (1838) за кулисами действует высокопоставленный чиновник Максим Петрович. В неоконченном романе „Семейная переписка“ в числе действующих лиц намечался Горич Платон Михайлович, который рекомендуется читателям как „военный Хлестаков с примесью плантаторства“ и „Скалозуб, но в траншею не засядет“ <...> В „Письме к чулошному фабриканту“ <...> автор возмущается „индустриальным г-жи Хлестовой в «Горе от ума»“:

Я знаю, он мошенник, вор...

А мне подарочек, дай бог ему здоровья». ⁶⁵

Анализируя творчество Одоевского в этой плоскости, нельзя, конечно, ограничиться нахождением только прямых заимствований или цитаций из «Горя от ума». Гораздо важнее, что в своих

«светских» повестях Одоевский обращается к темам и проблемам, поднятым Грибоедовым, и решает их с тех же идейных позиций: обличает пошлость, клеймит низкопоклонство, бездушие, отсутствие умственных интересов, космополитизм знати. Одоевский, по определению П. Н. Сакулина, «как будто взял на себя задачу разработать психологию эпизодических лиц „Горя от ума“»,⁶⁶ оставаясь при этом оригинальным и глубоким писателем.

Разгадав универсальность конфликта Чацкого с фамусовским обществом, писатель соотносил его с жизненной драмой Бетховена, казалось бы, абсолютно далекого от русской действительности. Сходство Бетховена с Чацким он видел в том, что гениальный музыкант, как и грибоедовский герой, борется с «фамусовыми музыкального мира», которыми он «был почтен сумасшедшим».⁶⁷

Даже в 1860-е гг. Одоевский пользовался образами «Горя от ума», которые, считал он, остались столь же современными, как и в момент создания. В фельетоне «Перехваченные письма» для обличения ретроградства и закоснелого аристократического чванства писатель использовал маску Фамусова, выступающего против новых порядков в суде, негодующего по поводу распространения просвещения, возмущающегося тем, что народ стал фигурировать в искусстве в качестве положительного персонажа (выпады против постановки оперы А. Н. Серова «Рогнеда»). С этой целью Одоевский прибег к приему саморазоблачения героя, который не желает признавать никаких перемен. «Как теперь помню, — заявляет Фамусов у Одоевского, — тому лет двадцать заговорили, что хотят шлахтаумы снять; они-де ни на что не нужны; я так руками и всплеснул! Как! уж и шлахтаумы не нужны! „Помяните мое слово, — я говорил, — быть худу! Сперва шлахтаумы у застав снимут, а там и другие шлахтаумы начнут снимать“. Так и вышло по-моему».⁶⁸

Личность и творчество Грибоедова были и остались для Одоевского символом благородства и возвышенности. Князь-«любомудр» позаботился о том, чтобы память друга была по возможности точно увековечена в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара, и впоследствии оказал важную помощь исследователю биографии и творчества Грибоедова Д. А. Смирнову.

* * *

¹ Михайловская Н. М. Нравоописательные повести В. Ф. Одоевского. — В кн.: Вопросы истории и теории литературы. Челябинск, 1970, вып. VI, с. 8.

² Вестн. Еврпы, 1823, № 17, с. 27.

³ Рус. арх., 1864, стб. 808, примеч. 1.

⁴ См.: Пиксанов Н. К. А. С. Грибоедов. СПб., 1911, с. 114.

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. I—XIII. М., 1955, т. VIII, с. 304.

⁶ Цит. по: Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, с. 205.

⁷ Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума». М., 1971, с. 91.

⁸ Мнемозина. М., 1825, ч. IV, с. 232.

- ⁹ См.: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913, т. I, ч. 1, с. 276—292.
- ¹⁰ Там же, с. 276.
- ¹¹ Лит. листки, 1824, № 15, с. 77.
- ¹² Там же, с. 79.
- ¹³ См.: ИРЛИ, ф. 623, № 5.
- ¹⁴ лучше поздно, чем никогда (франц.).
- ¹⁵ Сын отечества, 1824, № 38, с. 205.
- ¹⁶ Там же, с. 208.
- ¹⁷ Мнемозина. М., 1824, ч. III, с. 175.
- ¹⁸ Там же, с. 187. — К данному выступлению Одоевского вполне могут быть отнесены слова Кюхельбекера (письмо от 23 марта 1825 г.), в которых он так оценил включенную в следующую, четвертую, книжку «Мнемозины» статью своего соратника «Несколько слов о „Мнемозине“ самих издателей»: «Ты все сделал, что я от тебя ожидал: и в заключение ты порядком себя похвалил, а других пожурил, ты был бы не Одоевский, если бы того не сделал» (Рус. старина, 1904, № 2, с. 378).
- ¹⁹ Подробнее об этом см.: Сакулин П. Н. Указ. соч., с. 280—281.
- ²⁰ Лит. листки, 1824, № 21—22, с. 93.
- ²¹ Там же, с. 98—99.
- ²² Там же, с. 110—111.
- ²³ Там же, с. 111.
- ²⁴ Там же, с. 115.
- ²⁵ Там же, с. 121.
- ²⁶ Сакулин П. Н. Указ. соч., с. 283, примеч. 1.
- ²⁷ Мнемозина, ч. IV, с. 288.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Подробнее об этом см.: Сакулин П. Н. Указ. соч., с. 286—293.
- ³⁰ Мнемозина, ч. III, с. 125.
- ³¹ Там же, с. 126.
- ³² Лит. листки, 1824, № 16, с. 93.
- ³³ Вестн. Европы, 1823, № 17, с. 27—28.
- ³⁴ Сакулин П. Н. Указ. соч., с. 260.
- ³⁵ В 1826 г. Н. И. Греч сообщал в одном из писем, что на Булгарина напало «периодическое иступление, в котором он лает на всех и грызется со всеми» (цит. по: Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978, с. 81).
- ³⁶ Сакулин П. Н. Указ. соч., с. 250.
- ³⁷ См.: ГПБ, ф. 539, оп. II, ед. хр. 35. — В сущности в этой фамилии скрыто то же значение, что и в имени Ипполит. Фамилия *Птурбидин* образована из двух французских слов: *tour* (поездка, прогулка) и *bidet* (лошадка). Однако звучала фамилия очень неуклюже, не по-русски, и Одоевский счел нужным отказаться от нее.
- ³⁸ Мнемозина, ч. III, с. 128.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ См.: ГПБ, ф. 539, оп. II, ед. хр. 30.
- ⁴¹ См.: Декабристы и их время. Л., 1928, т. I, с. 25.
- ⁴² Мнемозина, ч. III, с. 131.
- ⁴³ Там же, с. 129.
- ⁴⁴ Там же, с. 138, 139.
- ⁴⁵ Там же, с. 129—130.
- ⁴⁶ Там же, с. 144.
- ⁴⁷ Там же, с. 145.
- ⁴⁸ Вестн. Европы, 1822, № 20, с. 286.
- ⁴⁹ ГПБ, ф. 539, оп. II, ед. хр. 35, л. 2.
- ⁵⁰ Мнемозина, ч. III, с. 130.
- ⁵¹ Отметим попутно, что в правильности датировки данного письма, опубликованного впервые в 1874 г., уже в 1879 г. усомнился Д. И. Завалишин. В своих «Воспоминаниях о Грибоедове» он счел нужным остановиться на этом вопросе,

- указав: «Трудно также понять, к какому времени может относиться разрыв его с Булгариным за излишнюю похвалу...» (ГВС, 173).
- ⁵² Надо полагать, именно такими расчетами руководствовались В. Н. Орлов и М. П. Еремин, датировавшие это письмо началом октября (см.: *Грибоедов А. С.* Соч. М.; Л., 1959, с. 550—551; *Грибоедов А. С.* Соч. В 2-х т. М., 1971, т. II, с. 232—233).
- ⁵³ *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1934, с. 448.
- ⁵⁴ 18 мая 1825 г. Грибоедов сообщил С. Н. Бегичеву: «Журналисты (Булгарин и Греч, — В. М.) повысились в моих глазах 5 процентами, очень хлопочут за Кюхельбекера, приняли его в сотрудники, и, кажется, удастся определить его к казенному месту» (III, 173). Однако сработаться с «литературными торгашами» Кюхельбекер не смог, так как очень скоро убедился воочию, что они «имеют все достоинства, кроме чести».
- ⁵⁵ ИРЛИ, ф. 392, № 1, л. 6.
- ⁵⁶ Там же, л. 7—7 об. — Статья эта написана не ранее конца октября 1825 г., так как в ней упоминается «Северная пчела», где была помещена рецензия на часть IV «Мнемозины» (см.: Сев. пчела, 1825, 22 окт., № 127).
- ⁵⁷ *Одоевский В. Ф.* Соч. Ч. I—III. СПб., 1844, ч. II, с. 8.
- ⁵⁸ Мнемозина. М., 1824, ч. II, с. 105.
- ⁵⁹ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. I—XIII. М., 1953, т. I, с. 275.
- ⁶⁰ Московский телеграф, 1825, № 10, Прилож. «Антикритика», с. 7.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² *Одоевский В. Ф.* Соч., ч. II, с. 331.
- ⁶³ Рус. арх., 1879, № 4, с. 525.
- ⁶⁴ *Одоевский В. Ф.* Соч., ч. II, с. 311—312.
- ⁶⁵ *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913, т. I, ч. 2, с. 332—333.
- ⁶⁶ Там же, с. 332.
- ⁶⁷ *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие. М., 1956, с. 114.
- ⁶⁸ Совр. изв., 1868, № 99.

А. И. Одоевский

1

Александр Иванович Одоевский (1802—1839) — один из многих в окружении Грибоедова, кому драматург доверял как самому себе, и кого даже был склонен ставить выше себя. Только С. Н. Бегичева и А. И. Одоевского называл он «братом».

Знакомство Грибоедова с В. Ф. Одоевским предопределило и встречу с А. И. Одоевским, двоюродным братом князя-«любомудра». М. В. Нечкина считает, что А. И. Одоевский «должен быть упомянут в числе петербургских знакомств раннего периода (1814—1818 гг., — В. М.)»,¹ но это предположение остается чисто гипотетическим. Может быть, четырнадцатилетний подросток и был представлен Грибоедову в каком-то из домов, которые он посещал, но очень сомнительно, чтобы Одоевский мог заинтересовать Грибоедова — уж слишком значительна тогда была разница в возрасте.

Первое упоминание об А. И. Одоевском содержится в письме Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 10 июня 1824 г. Здесь он лишь указан в списке новых лиц, окружавших драматурга в период его триумфа. Однако уже к концу августа Грибоедов сблизился с Одоевским настолько, что переехал к нему на квартиру, «на Исаакиевской площади, в дом Булатова, угол Почтамтской улицы». Вначале Грибоедов жил здесь по нескольку дней, сохраняя за собой квартиру на Торговой улице. Окончательно перебраться к Одоевскому его заставило знаменитое наводнение 7 ноября, лишившее его крова. Вот как рассказывал о нем сам Грибоедов: «Подхожу к окошку и вижу быстрый проток; волны пришибают к возвышенным тротуарам; скоро их захлестнуло; еще несколько минут, и черные пристенные столбики исчезли в грозной новорожденной реке. Она посекудно прибывала. <...> И вот уже из-под полу выступают ручьи, в одно мгновение все мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, в приспешную, которая на полтора аршина выше остальных покоев; еще полчаса, и туда воды со всех сторон нахлынули; люди с частью вещей перебрались на чердак; сам я нашел убежище во втором ярусе... В окна вид ужасный: где за час пролегла оживленная проезжая улица, катились ярые

волны с ревом и с пеною, вихри не умолкали. <...> Водоворот сносил громады мостовых развалин; они плотно спиральсь, их с тротуаров вскоре отбивало; в самой отдаленности хаос, океан, смутное смешение хлябей, которые отовсюду обтекали видимую часть города, а в соседних дворах примечал я, как вода приступала к дровяным запасам, разбирала по частям, по кускам и их, и бочки, ушаты, повозки и уносила в общую пучину, где ветры не давали им запружать каналы: все изломанное в щепки неслось, влеклось неударжимым, неотразимым стремлением» (III, 106, 107).

Они стали неразлучны. Д. И. Завалишин вспоминал, что ему нередко «случалось, заходя по делам к Одоевскому, рано утром, и иногда притом и по два дня сряду, заставать за утренним чаем и Грибоедова, вовсе еще не одетого, а в утреннем костюме» (ГВС, 156). Они жили как члены одной семьи. Грибоедов писал Бегичеву без малейшей тени раздражения: «...комнатный товарищ Одоевский сейчас воротился с бала и шумит в передней, два часа ночи...» (III, 164). Когда летом 1825 г. Грибоедов покинул Петербург и письмо В. Ф. Одоевского к нему разминулось с адресатом, его распечатали «Александр с Вильгельмом», по словам Грибоедова, «уверенные, что нам с тобой от них таить нечего; сам брат твой мне это объявляет...» (III, 175).

Доверие Грибоедова к Одоевскому было полным и распространялось на все сферы его жизни. В октябре 1824 г. драматург хлопотал о пропуске своей комедии через цензуру, но его старания не увенчались успехом. И Грибоедов, раздраженный неудачей, «с помощью негодования своего и Одоевского изорвал в клочки не только эту статью, но даже всякий писанный листок моей руки, который под рукою случился» (III, 164).

Здесь же, на квартире Одоевского, Грибоедов писал ответ Катенину, ознакомив друга с его содержанием. Здесь посещавшие их декабристы переписывали «Горе от ума», чтобы распространять его в публике. Здесь чуть ли не каждый день встречались с Грибоедовым А. А. Бестужев и Кюхельбекер, впоследствии также поселившийся у Одоевского.

В присутствии Грибоедова велись острые политические разговоры. Наиболее пылкими были тирады Кюхельбекера, показавшего на следствии, что из «петербургских либералов» сильнее всего повлиял на него Одоевский, с которым рассуждали они о возможных и конкретных сроках установления в России республиканского правления.² Кюхельбекер не называл при этом имени Грибоедова, стараясь выгородить его, но нет сомнения, что остаться в стороне при обсуждении таких тем, если разговор шел в его присутствии, Грибоедов, конечно, не мог. Не исключено также, что Грибоедов при этом играл роль скептика, охлаждавшего слишком горячие головы собеседников.

Отголоском этих споров является фраза, произнесенная Одоевским на следствии. Стараясь представить свои действия в день восстания как можно более невинными, он утверждал, что заговор

не представлял реальной опасности для монархии, так как «тридцать или сорок человек, по большей части ребят, и пять или шесть мечтателей не могут произвести перемену», что «созвучно Грибоедовскому высказыванию о ста прапорщиках, собиравшихся перевернуть Россию».³

Грибоедов писал С. Н. Бегичеву: «Александр Одоевский будет в Москве; поручаю его твоему дружескому расположению, как самого себя. Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию, таков он совершенно. Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел» (III, 179). Подобная характеристика позволяет глубже проникнуть в натуру Грибоедова в молодости. «Сам Грибоедов, — говорит М. В. Нечкина, — уполномочил исследователя сравнить себя в 1818 году с этим обликом. Используем это полномочие самым осторожным образом, сделаем из него самые скупые выводы. Можно утверждать: уезжавший в 1818 г. на Восток Грибоедов отличался вольномыслием, свободолюбием, горячим патриотизмом, ему были близки политические интересы и конституционные увлечения; он жаждал какого-то действия, практической работы на пользу любимой родины».⁴

Но Грибоедов был старше, богаче опытом. Он тактично и ненавязчиво помогал Одоевскому разбираться в людях, предостерегал от ложных шагов. «Александр мой питомец, — писал Грибоедов В. Ф. Одоевскому 10 июня 1825 г., — *l'enfant de mon choix*,⁵ я обязан не оставлять его в заблуждении насчет людей, особенно ему близких» (III, 175). В то же время он старался скрывать от младшего друга собственные мрачные думы и настроения. Так, делаясь с Бегичевым помышлениями о самоубийстве, он счел нужным добавить: «Одоевскому я не пишу об этом: он меня страстно любит и пуше моего будет несчастлив, коли узнает» (III, 181).

Грибоедов настолько дорожил общением с Одоевским, что собирался «переманить» его на Восток. Одоевский в письме к отцу от 12 октября 1835 г. упоминает о своем проекте «отправиться в Персию вместе с добрым и дорогим Александром Грибоедовым» как о возможности довольно реальной, но не осуществившейся.⁶

Некоторые современники полагали, что и Одоевский имел большое влияние на Грибоедова. Это представление уточняется Д. И. Завалишиным, писавшим, что «Одоевский никак не мог быть ментором Грибоедова. В первую эпоху пребывания Грибоедова в Петербурге Одоевский был еще дитя: в последний же приезд Грибоедова в северную столицу, в 1824 году (ошибка мемуариста — в последний раз Грибоедов был в Петербурге в 1828 г., — В. М.), Грибоедов был вполне возмужалый человек, лет тридцати, достаточно уже опытный в жизни, тогда как Одоевский был все еще почти юношей, и притом едва только произведенным в корнеты из юнкеров, следовательно, ни в каком отношении не мог иметь опытности, необходимой для руководства других». Но, отмечает Завалишин, он предостерегал Грибоедова «от слишком интимных

сношений и политических разговоров» «с теми из членов тайного общества, которые не славились ни скромностью, ни твердостью характера, но с которыми Грибоедову приходилось часто видаться по литературным отношениям, как например с А. Бестужевым» (ГВС, 157, 158). Это замечание подтверждается и таким фактом: сам Грибоедов, возможно не без подсказки Одоевского, советовал С. Н. Бегичеву не входить в слишком приятельские отношения с тем же А. Бестужевым.

И, как всегда, друзья Грибоедова становились друзьями его друзей. В письме к А. А. Жандру и В. С. Миклашевич от 18 декабря 1825 г. он упоминает об Одоевском как о человеке, который близок им в равной с Грибоедовым степени: «У тебя я, я и я, а наш Александр Одоевский? И когда мы не вместе, есть о ком думать. Avec se cortège d'amis on ne s'ennuie pas, топ сœуг,⁷ в том и счастье, чтобы сердце не оставалось пусто. Да хотя бы у нас только и назначения было, чтобы тебе ко мне писать, а мне любоваться твоею эпистолией, так есть за что благодарить бога» (III, 187). Сердечное увлечение Одоевского немало беспокоит Грибоедова: «Сделай милость, объяви мне искренно, или вы лучше скажите мне, милый друг Варвара Семеновна, отчего наш Александр так страстно отзывается мне о В. Н. Т. ...⁸ Ночью сидит у ней и оттудова ко мне пишет, когда уже все дети спать улеглись... Не давайте ему слишком увлекаться этою дружбою, я по себе знаю, как оно бывает опасно. Но, может быть, я гадкими своими сомнениями оскорблю и ее, и Александра. Виноват, мне простительно в других предполагать несколько той слабости, которая испортила мне полжизни. Точно, это вздор, она его гораздо старше, ни с чем несообразно, и вы утаите эту статью от нашего друга, кстати, он теперь в Москве, по возвращении, ради бога, ему не показывайте» (III, 188).

В этом же письме содержатся и ранее цитировавшиеся строки: «Какое у вас движение в Петербурге!! А здесь ... Подождем». По этому поводу автор работы о Грибоедове А. А. Лебедев саркастически замечает: «Последняя фраза очень нравится тем из исследователей Грибоедова, которые полагают своей задачей доказательство несомненной причастности Грибоедова к декабристскому движению или хотя бы горячего сочувствия Грибоедова этому движению. При этом начало письма, которое мы привели, обязательно опускается. А ведь упомянутая фраза вообще не может быть верно истолкована вне определенного контекста, хотя бы контекста остального содержания письма и характерного высказывания относительно важности любования „эпистолией“. Да и что же сказано у Грибоедова в итоге всех рассуждений? „Подождем“».⁹

Здесь справедливо говорить о «контексте», в котором должна быть прочитана эта фраза. Только не стоит ограничиваться контекстом одного письма. А. А. Лебедев мог бы заметить, если бы захотел, что подавляющее большинство писем Грибоедова

написано так, что рядом с серьезными мыслями и важными замечаниями в них содержатся рассуждения о вещах не слишком значительных. Грибоедов словно боялся репутации «педанта» даже в письмах и поэтому постоянно перемежал «дело с бездельем». ¹⁰ Кроме того, А. А. Лебедев как будто забывает, что Грибоедов употребляет условную конструкцию: «Да хотя бы у нас только назначения было...». Можно ли видеть в таком предложении главный смысл письма, зачеркивающий все остальное? Не стоит упускать из виду и того, что мимолетность упоминания о петербургских ожидаемых событиях могла быть нарочитой. Грибоедов знал, что большинство писем перлюстрируется, и, естественно, побоялся доверить бумаге пространное откровенное высказывание о делах, которые классифицировались как государственное преступление. А. А. Лебедев считает, что «подождем» свидетельствует об уклонении Грибоедова от участия в заговоре. Но это по крайней мере натяжка. Что же иное мог сказать Грибоедов, удаленный на тысячу верст от столицы, в которой назревали события? Отвергать общепринятую точку зрения, противопоставляя одну часть письма другой и извлекая из последней смысл, которого там нет, не следует.

Пока мы по-прежнему имеем право говорить, что Грибоедову было известно о готовящемся восстании. За дальностью расстояния он не мог знать, что оно уже потерпело крах, что он теперь навсегда разлучен и с Одоевским, и с Кюхельбекером, и со многими другими. Первым, о ком вспомнил Грибоедов, сам выйдя из заключения, был Одоевский. В записке к С. А. Алексееву от 5 июля 1826 г. он счел нужным подчеркнуть: «...я к судьбе несчастного Одоевского не охладел в долговременном заключении...». ¹¹

Грибоедов, который после «Горя от ума» жаловался на отсутствие вдохновения, снова взялся за перо и излил свое настроение в двух стихотворениях (в одном из них Одоевский упоминается, другое целиком посвящено ему). В «Освобожденном», написанном под непосредственным впечатлением выхода из-под стражи, читаем:

Луг шелковый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!

Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?

Будто сладостно душистый ¹²
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.
Но где друг?.. Но я один!.. ¹³

(I, 17)

Второе стихотворение посвящено «А. О.». Оно интересно прежде всего тем, что в нем упоминаются и другие стихи Грибоедова, адресованные Одоевскому и не дошедшие до нас. Возможно, что они и до сих пор хранятся неопознанными в каком-нибудь архиве.

Я дружбу пел... когда струнам касался,
Твой гений над головой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил,
И призывал, и о тебе терзался!..
О мой творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла?..

(I, 18)

В связи с этим посланием необходимо вспомнить давно вошедшее в репертуар русской бесцензурной поэзии XIX в. стихотворение «К пчеле, прилетевшей к решетке окна моего каземата весною 1826 года», которое, как недавно установлено И. Т. Трофимовым, принадлежит перу Одоевского, и стихотворение Грибоедова «Прости, отечество».

Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь.
О! не обманывайся, сердце.
О! призраки, не увлекайте!..
Нас цель угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.
Когда же в уголок проник
Свет счастья на единый миг:
Как неожиданно! как дивно! —
Мы молоды и верим в рай, —
И гонимся и вслед, и вдаль
За слабо брезжущим виденьем.
Постой! и нет его! угасло! —
Обмануты, утомлены..
И что ж с тех пор? — Мы мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб
И в нем живых себя заклали.
Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу схоронить в могилу
И веру в собственную силу,
В отвагу, дружбу, честь, любовь!!!
Займемся былью стародавней,
Как люди весело шли в бой,
Когда пленяло их собой,
Что так обманчиво и славно.

(I, 19)

В образном строе трех этих стихотворений наблюдается ряд параллелей. В первом говорится о «едва расцветшем веке», безжалостно пресеченном судьбою, во втором — о прахе, сокрытом «под

хладным мрамором забвенья», в «Прости, отечество» — о молодости, гонящейся за «слабо брезжущим виденьем». Еще более очевидна перекличка между заключительными строками первого текста и «Прости, отечество», где образ могилы, гроба, в которых заживо — по собственной воле или насильно — погребаются человек и свобода, вера, употреблен дважды. Обычно «Прости, отечество» толкуют как произведение, в котором изливаются личные настроения Грибоедова, изверившегося в людях. Но едва ли правильно ограничиваться только этим планом. Здесь подразумевается и печальная судьба друзей-декабристов, несущих иго чужих законов. Чужих, поскольку собственные им ввести не удалось.

Близким по смыслу к заключительной строфе «Прости, отечество» являются и уже цитировавшиеся строки из письма к С. Н. Бегичеву от 9 декабря 1826 г.: «Ты удивишься, когда узнаешь, как мелки люди. Вспомни наш разговор в Екатерининском. Теперь выкинь себе все это из головы. Читай Плутарха и будь доволен тем, что было в древности. Ныне эти характеры более не повторяются».

Исходя из этих параллелей, можно предположить, что все три стихотворения связаны между собою не только тематически, но и во времени, причем первые два относятся к весне 1826 г., а последнее написано не ранее этого года.¹⁴ Одоевский, по-видимому, сумел переправить на волю стихотворение «К пчеле...», и оно попало к Грибоедову, ответившему ему посланием «А. О.»; не исключено, что и Одоевский мог откликнуться на послание драматурга.

Сохранилось всего одно письмо Грибоедова к Одоевскому. «Брат, Александр! Подкрепи тебя бог. Я сюда (в Петербург, — В. М.) прибыл на самое короткое время, прожил гораздо долее, чем полагал, но все-таки менее трех месяцев. Государь наградил меня щедро за мою службу. Бедный друг и брат! Зачем ты так несчастлив! Теперь бы ты порадовался, если бы видел меня гораздо в лучшем положении, нежели прежде, но я тебя знаю, ты не останешься равнодушным при получении этих строк, и там... вдали, в горе и в разлуке с ближними. Осмелюсь ли предложить утешение в нынешней судьбе твоей! Но есть оно для людей с умом и чувством. И в страдании заслуженном можно сделаться страдальцем почтенным. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая от внешней. Утвердиться размышлением в правилах неизменных и сделаться в узах и в заточении лучшим, нежели на самой свободе. Вот подвиг, который тебе предстоит. Но кому я это говорю? Я оставил тебя прежде твоей экзальтации в 1825 году. Она была мгновенна, и ты, верно, теперь тот же, мой кроткий, умный и прекрасный Александр, каким был в Стрельно и в Коломне, в доме Погодина. Помнишь, мой друг, во время наводнения, как ты плыл и тонул, чтобы добраться до меня и меня спасти. Кто тебя завлек в эту гибель!! Ты был хотя моложе, но основательнее прорих! Не тебе бы к ним примешаться, а им у тебя ума

и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе определила, довольно об этом. Слышу, что снисхождением высшего начальства тебе и товарищам твоим дозволится читать книги. Сейчас еду покупать тебе всякой всячины, реестр приложу возле» (III, 207—208).

Тон и выражения данного письма не оставляют сомнения: оно сочинялось заведомо в расчете на прочтение тем самым «высшим начальством», о котором упоминает Грибоедов. М. В. Нечкина интерпретирует это послание именно таким образом, тем более что и по свидетельству историков прошлого века письмо могло быть передано только через III Отделение.¹⁵ Действительно, «ясно чувствуется, что это письмо является одновременно и ходатайством властям за осужденного. Преступление осужденного — не что иное, как „экзальтация“ молодости, она была „мгновенна“, в настоящее же время страдалец предан благочестивому самоусовершенствованию, он „кроток“, „умен“, „прекрасен“».¹⁶

С такой трактовкой письма решительно не согласен В. И. Левин. Только циничный ханжа, считает он, мог бы так обращаться к соратнику. Но поскольку Грибоедова в ханжестве упрекнуть все же никак нельзя, Левин выдвигает иную гипотезу: «Невозможно предположить, что это камуфляж, рассчитанный на тех, кто прочтет письмо до Одоевского...», ибо оно «не могло <...> при перлюстрации облегчить и положение Одоевского,¹⁷ за которого в то время всячески хлопотал Грибоедов: действия Одоевского перед восстанием и в день его были достаточно активными...»; стало быть, «это письмо свидетельствует о том, что, несмотря на огромное доверие, которым пользовался Грибоедов у декабристов, он не только сам не принадлежал к ним, но даже и не ведал, что живущий с ним вместе Одоевский являлся членом этого общества».¹⁸ Это воистину странное утверждение подкрепляется развернутым сопоставлением политических позиций автора комедии «Горе от ума» и ее героя. Находя здесь сходство в «отрицательной» части, В. И. Левин показывает, что позитивные программы Чацкого и Грибоедова во многом расходятся. Но необоснованность таких построений, когда на основании взглядов героя стараются представить себе мировоззрение автора, очевидна.

Вернемся к письму Грибоедова. Зачем понадобилось ему величать «кротким» друга, вовсе не отличавшегося смиренностью нрава? Только в расчете на посторонний взгляд. И если допустить, что Одоевский, во всем доверявший Грибоедову, мог утаить от него самое главное, то получается, что ханжой был именно Одоевский, юноша, о котором Завалишин говорил, что «не много можно найти людей, способных так увлекаться, как увлекался Одоевский».

В версии Левина Грибоедов и Одоевский наделяются не свойственными им чертами характера. Одоевский оказывается дальновидным, хладнокровным и замкнутым, а Грибоедов — простодушным и близоруким. Иначе объяснить неведение драматурга

о замыслах заговорщиков, живущих с ним в одной квартире, невозможно. Однако факты и документы свидетельствуют об обратном. Гипотеза о том, что Грибоедов ничего не знал, не выдерживает критики; к тому же попытка отлучить его от декабристов приводит также к искажению характера Одоевского.

Мы располагаем и еще одним завуалированным свидетельством об отношениях Грибоедова и Одоевского, противоречащим точке зрения Левина. Это роман В. С. Миклашевич «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия», изданный уже после смерти писательницы, в 1864—1865 гг. Характер этих отношений запечатлен Миклашевич, хорошо знавшей обоих друзей, в духе «канонической версии».

Обстоятельный анализ произведения дан в работе В. Э. Вацура. В рамках данной книги нам достаточно лишь беглой характеристики той его части, в которой речь идет о Грибоедове и Одоевском. История Валерия Рузина в романе «постоянно соприкасается с грибоедовской биографией».¹⁹ Близко к «натуре» обрисованы отношения героя к матери, его юношеские проказы, скептическое отношение к религии, передан даже интонационно-синтаксический строй речи Грибоедова.

Действие приурочено ко времени конца царствования Екатерины II и начала правления Павла I. Друг Рузина Заринский, в котором угадываются черты Одоевского, обвинен в «вольнодумстве» и арестован по ложному навету. Так возникает ситуация, которую В. С. Миклашевич проецирует на эпоху последекабрьского террора. Воспоминания Миклашевич и Жандра об этом времени, а также рассказы Грибоедова и получили отражение в «Селе Михайловском».

Рузин вспоминает о том, как ему приходилось сидеть под арестом: «Денег у меня было довольно; сделал, братец, связи с тем, с другим; меня полюбили... Бывало, лежишь с трубкой да посмеиваешься над караульным офицером, который сторожит ни дать ни взять как...».²⁰ Чтобы еще более подчеркнуть сходство Рузина с Грибоедовым, Миклашевич заставляет Рузина употребить поговорку «тон делает музыку», которую любил драматург.

В почтительной влюбленности Заринского в Тигорскую, которая значительно старше его, можно усмотреть аналогичный эпизод из жизни Одоевского, увлеченного В. Н. Т.

Точно воссоздана в романе и та нравственная атмосфера взаимоотношений Рузина и Заринского, которую писательница наблюдала в действительности. Рузин, «по короткому знакомству» с тюремной стражей, но тем не менее подвергая себя риску, проникает в камеру к Заринскому и заменяет его, чтобы тот имел возможность повидаться с возлюбленной. Текст записки Рузина, адресованный Заринскому, аккумулирует в себе смысл и тон писем Грибоедова, в которых речь идет об Одоевском: «Любезный Заринский! Я столько узнал тебя в последнее время и столько почувствовал к тебе уважения и дружбы, что счел бы себя

счастливым, если бы мог заменить тебя собою и тем доставить спокойствие <...> милой твоей Оленьке».²¹ Заринский и Рузин «единомышленники, они составляют единый круг и по взгляду на социальную жизнь, и по своим этическим принципам».²² Со свидетельством В. С. Миклашевич, близко знавшей и Грибоедова, и Одоевского, нельзя не считаться.

По словам Н. И. Греча, «виновником» появления романа В. С. Миклашевич был сам Грибоедов, который «внимательно слушал рассказы о ее молодости, о тогдашнем быте и нравственно грустном состоянии ее родины в то время. Услышав же историю ужасного преступления одного помещика, он стал убедительно просить ее написать свой рассказ об этом необыкновенном происшествии. Варвара Семеновна решила исполнить его желание и в преклонных годах занялась трудом, который требовал бы сил юных и свежих. Грибоедов успел, перед последним выездом из Петербурга (в 1828 году), прочитать первые главы „Села Михайловского“ и именем дружбы убеждал Варвару Семеновну окончить начатое. Она исполнила свое обещание в 1836 году...».²³

В романе В. С. Миклашевич, как подчеркнул А. А. Жандр, на глазах которого создавалось произведение, «...нельзя искать *искусства* ни в создании лиц, ни в изображении происшествий; она ни первых не создавала, ни последних не вымышляла, даже духовные лица все списаны ею с натуры. И потому в ее книге ей принадлежит только форма романа и верность лиц, его представляющих. Только некоторые из них (Рылеев, князь Одоевский, Грибоедов) она заставила жить на несколько лет раньше (50 лет), но сохранила характер, физиономию, наружность и даже самую их речь в Ильмене, Заринском и молодом Рузине».²⁴

Эпизоды, в которых ретроспективно отразились впечатления 1825—1826 гг., для Миклашевич стали данью памяти Грибоедова и Одоевского. В общей цепи фактов они — еще одно звено доказательств, позволяющих опровергнуть утверждение В. И. Левина.

Дружба Грибоедова и Одоевского выдержала испытания в самое суровое время. Грибоедов, по словам П. А. Бестужева, «дерзнул говорить государю в пользу людей, при одном имени которых бледнел оскорбленный властелин». Правда, результатом было лишь новое удаление его из Петербурга. Остается только гадать, называл ли Грибоедов в разговоре с царем какие-либо имена или же ограничился общим упоминанием о «несчастных». Несомненно одно: ходатайствуя о смягчении участи декабристов, он прежде всего думал об Одоевском, Кюхельбекере и А. А. Бестужеве.

Об Одоевском он хлопотал особенно настойчиво. В письме к В. С. Миклашевич от 3 декабря 1828 г., написанном «в необыкновенном положении души» — «слезы градом льются», Грибоедов говорит о неосновательности упреков в том, что он ничего не сделал для облегчения судьбы Одоевского. «Александр наш что должен обо мне думать <...> — с болью восклицал Грибоедов. — Алек-

сандр мне в эту минуту душу раздирает. Сейчас пишу к Паскевичу; коли он и теперь ему не поможет, провались все его отличия, слава и гром побед, все это не стоит избавления от гибели одного несчастного, и кого!!! Боже мой! пути твои неисследимы!» (III, 237).

В тот же день было отослано и письмо Паскевичу. После отчета о делах службы Грибоедов в конце письма выделяет специальный абзац, названный «Главное». Если первая часть письма составлена человеком, хотя и подчиненным адресату по службе, но держащим себя с достоинством и даже позволяющим себе с ним шутиться как с равным, то в заключительной части тон резко меняется. Теперь пишет человек, одержимый одной мыслью — спасти во что бы то ни стало друга. Он непомерно возвышает Паскевича, взывает к его заслугам и религиозному чувству, лишь бы добиться желаемого. За себя Грибоедов никогда и никого бы не стал так просить. «Благодетель мой бесценный. Теперь, без дальних предисловий, просто бросаюсь к вам в ноги, и если бы с вами был вместе, сделал бы это и осыпал бы руки ваши слезами. Вспомните о ночи в Тюркменчае перед моим отъездом. Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского. Вспомните, на какую высокую степень поставил вас господь бог. Конечно, вы это заслужили, но кто вам дал способы для таких заслуг? Тот самый, для которого избавление одного несчастного от гибели гораздо важнее грома побед, штурмов и всей нашей человеческой тревоги. (...) Я видал, как вы усердно богу молитесь, тысячу раз видал, как вы добро делаете. Граф Иван Федорович, не пренебрегайте этими строками. Спасите страдальца» (III, 242).

Гибель Грибоедова и упорное сопротивление Николая I всяким попыткам облегчить положение ссыльных декабристов помешали тогда переводу Одоевского из Сибири на Кавказ. Только в августе 1837 г. Одоевский и несколько других его товарищей были определены рядовыми в Кавказский корпус. «Милость эта была довольно относительная, — отмечает М. А. Брикман. — Посылая своих „друзей 14 декабря“ (так царь иронически именовал декабристов, — В. М.) на Кавказ, Николай I рассчитывал не столько на облегчение их участи, сколько на скорую их гибель».²⁵

2

Мы не располагаем письмами Одоевского к Грибоедову или к другим лицам, в которых приводились бы какие-то сведения о драматурге. Но о восприятии Одоевским Грибоедова как человека и как художника мы можем судить по многим его произведениям.

Выше уже говорилось, что Одоевский откликнулся на жандровский перевод «Венцеслава» статьей «О трагедии „Венцеслав“, сочинение Ротру, переделанной г-ном Жандром». В особую заслугу

переводчику ставил критик «непринужденность» стиха: «В сем стихосложении поэзия может попеременно являться со всею простотою природы или скрывать себя под легкою и прозрачною пеленою. Оно в своей свободе имеет уже и то преимущество, что принуждает поэта не только к сладкозвучному падению периодов, но к музыкальной ответственности между смыслом и размером: правило истинного стихотворства, постигаемое одним только чувством и требующее в исполнении самых тонких оттенков». Поскольку Жандр использовал опыт грибоедовского свободного стихосложения, то мы, таким образом, вправе несколько расширительно толковать эти строки. Не называя первоисточника, Одоевский тем не менее пропагандирует завоевания Грибоедова, подержанные автором «Венцеслава». Прямо указать на Грибоедова помешали дружеские отношения.

Есть у Одоевского произведения, содержащие реминисценции из «Горя от ума». «Бал» (1825) справедливо интерпретируется В. Г. Базановым как произведение, предвосхищающее по своему идейно-эмоциональному строю и гневно-обличительной интонации лермонтовское обличение светской черни.²⁶ Однако при этом оставлен в стороне вопрос о генезисе «Бала». Между тем вполне вероятно, что тема стихотворения навеяна сценой из третьего действия «Горя от ума», в котором Чацкий, только что страстно обличавший пустоту светского общества, оглядывается и видит, что «все в вальсе кружатся с величайшим усердием». И Чацкий в этой ситуации вполне мог бы сказать, как и лирический герой «Бала»:

Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней;
Все были сходны, все смешались...
Плясало сборище костей.²⁷

На гибель Грибоедова Одоевский откликнулся элегией «На смерть А. С. Грибоедова» (1829):

Где он? Где друг? Кого спросить?
Где дух?.. Где прах?.. В краю далеком!
О, дайте горьких слез потоком
Его могилу оросить,
Согреть ее моим дыханьем!
Я с ненасытным состраданьем
Вопьюсь очами в прах его;
Исполнюсь весь моей утратой,
И горсть земли, с могилы взятой,
Прижму, как друга моего!
Как друга... Он смешался с нею,
И вся она, родная мне.
Я там один, с тоской моею,
В ненарушимой тишине,
Предался всей порывной силе
Моей любви, — любви святой,
И прирасту к его могиле,
Могилы памятник живой.

Но под иными небесами
 Он и погиб и погребен;
 А я — в темнице! Из-за стен
 Напрасно рвуся я мечтами:
 Они меня не унесут,
 И капли слез с горячей вежды
 К нему на дерн не упадут.
 Я в узах был; но тень надежды
 Взглянуть на взор его очей,
 Взглянуть, сжать руку, звук речей
 Услышать на одно мгновенье —
 Живила грудь, как вдохновенье,
 Восторгом наполнила меня!
 Но от надежд, как от огня,
 Остались только дым и тленье;
 Они — мне огонь: уже давно
 Все жгут, к чему не прикоснутся.
 Что год, что день, то связи рвуся,
 И мне, мне даже не дано
 В темнице призраки лелеять,
 Забыться миг веселым сном
 И грусть сердечную развеять
 Мечтанья радужным крылом.²⁸

«Элегия» явно ориентирована на стихотворение Грибоедова, посвященное Одоевскому. Образ, введенный в употребление драматургом (друг, живым сокрытый могилой-тюрьмой), у Одоевского переосмысливается. Поэт, скорбящий о безвременной кончине товарища, превращается в «могилы памятник живой». В обоих произведениях говорится о воздействии творчества друга на собственные создания. У Грибоедова: «Твой гений над главой моей парил...»; у Одоевского: надежда на свидание «живила грудь, как вдохновенье...».

Одоевский в «Элегии» дает понять, что ему было известно о хлопотах Грибоедова и он вначале надеялся на их благоприятный исход, но смерть друга убила эту надежду. Безусловно прав В. Г. Базанов, заметивший, что «хотя Одоевский говорит от своего имени, хотя он и оплакивает „своего друга“, но „я“ сливается со всеми великомучениками николаевской России, и от их лица в конечном итоге поэт обращается к могиле Грибоедова».²⁹

Стихотворение Одоевского «Недвижимы, как мертвые в гробах...» (1831) представляет собой в сущности прямой перифраз второго четверостишия грибоедовского произведения. У Грибоедова:

О мой творец! Едва расцветший век
 Ужели ты безжалостно пресек?
 Допустишь ли, чтобы его могила
 Живого от любви моей сокрыла?..

Одоевский использует тот же мотив, но развивает его несколько иначе:

Недвижимы, как мертвые в гробах,
 Невольно мы в болезненных сердцах
 Хороним чувств привычные порывы;

*
Но их объял еще не вечный сон,
Еще струна издаст бывалый звон,
Она дрожит ... еще мы живы!³⁰

Здесь же наблюдается и переключка с собственным «Ответом на послание А. С. Пушкина», в котором Одоевский заявляет о верности декабристов прежним идеалам. «Ответ...» начинается строфой:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

В стихотворении 1831 г. Одоевский, на первый взгляд, использует традиционные символы декабристской лирики — «струны», «оковы». Однако следует учитывать широчайшую известность «Ответа...». Привлечение в первых же двух строфах этих опорных слов:

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!³¹ —

и выдвижение на первый план перифраза из Грибоедова (см. выше), а также строка. «Все чувства вдруг в созвучие слились» дают право предположить, что Одоевский контаминировал стихи Грибоедова и свои собственные. Таким образом, имена самого Одоевского и неназванных, но подразумеваемых Пушкина и Грибоедова ставятся в один ряд как имена единомышленников.

И в «Элегии», посвященной сестре поэта В. И. Ланской (1829), Одоевский также вспомнил о Грибоедове, не называя его по имени:

Кто прелесть всю воспоминаний,
Святыню чувства, мир мечтаний,
Порывы всех душевных сил,
Всю жизнь в любимом взоре слил
И, небесам во всем покорной,
Просил в молитвах одного:
От друга вести животворной,
И кто узнал, что нет его, —
Тот мог спросить у провиденья:
Зачем земли он спутник был...³²

В «Элегии» 1829 г. снова использован грибоедовский образ похороненного заживо:

... с юных лет пил желчь мучений
И в гробе заживо лежал...³³

Есть у Одоевского еще одно стихотворение, в котором также фигурирует Грибоедов. Уже Н. И. Лорер, товарищ Одоевского

по заключению, в примечании к «Двум образам» (1830) указывал, что стихотворение это написано в Чите под впечатлением от смерти Грибоедова. Один из образов, вечно сопутствующих поэту, и есть Грибоедов. «Кого имел в виду Одоевский под вторым образом, — констатирует М. А. Брикман, — остается неустановленным... Можно подумать, что Одоевский имел в виду неизвестную нам любимую женщину».³⁴ В. Г. Базанову же представлялось «сомнительным», что в стихотворении подразумевался Грибоедов, хотя точка зрения Брикмана им никак не опровергается.³⁵

Скорее всего прав М. А. Брикман. Значение Грибоедова для Одоевского трудно переоценить. В жизни поэта-декабриста не было другого такого человека, кроме автора «Горя от ума», общение с которым столь много значило бы для него. По всей вероятности, может быть угадан и второй персонаж, хотя бы отчасти, поскольку полного его имени мы не знаем. Думается, что эта та В. Н. Т., о которой «так страстно отзывается» Одоевский в не дошедшем до нас письме к Грибоедову и от чрезмерного увлечения которой призывал драматург оберегать младшего друга.

И после смерти Грибоедова он по-прежнему оставался для Одоевского самой дорогой памятью прошлого. Первое, что он сделал, попав на Кавказ, — посетил могилу Грибоедова.

* * *

¹ Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977, с. 166.

² См.: Восстание декабристов. М.; Л., 1926, т. II, с. 158.

³ Стрельникова А. И. А. И. Одоевский и 14 декабря. — Учен. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та, 1964, вып. 46, с. 399, примеч. 6. — Впрочем, не исключено и обратное. Слова Одоевского впоследствии могли быть приписаны Грибоедову. С. А. Фомичев указывает еще на один возможный источник возникновения этой фразы — сатиру А. Г. Родзянко «Два века» (1822), отделившись от которой она со временем могла «прикрепиться» к имени Грибоедова (см.: Фомичев С. А. Автор «Горя от ума» и читатели комедии. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977, с. 20).

⁴ Нечкина М. В. Указ. соч., с. 189.

⁵ возлюбленное мое чадо (франц.).

⁶ Одоевский А. И. Полн. собр. стихотворений и писем. М.; Л., 1934, с. 443.

⁷ С такою вереницей друзей не скучают, душа моя (франц.).

⁸ Лицо неустановленное.

⁹ Лебедев А. А. Грибоедов. Факты и гипотезы. М., 1980, с. 52.

¹⁰ См., например, его письма к лицу вышестоящему, И. Ф. Паскевичу (Дела и дни, 1921, кн. 2, с. 63, 64).

¹¹ Грибоедов А. С. Соч. М.; Л., 1959, с. 582.

¹² Предложенный С. А. Фомичевым вариант «будто сладостью душистой», конечно, более точен (см.: Фомичев С. А. Спорные вопросы грибоедовской текстологии. — Рус. лит., 1977, № 21, с. 79).

¹³ Тот же исследователь считает «Освобожденного» не самостоятельным произведением, а фрагментом «Там, где вьется Алазань» и находит, что, вспоминая друга, поэт «имел в виду Кюхельбекера, конечно, а не А. Одоевского, как это полагают комментаторы», поскольку «более уместно было воспоминание на Кавказе о Кюхельбекере» (Спорные вопросы грибоедовской текстологии, с. 83). Но разве

воспоминания о конкретных лицах всегда приурочены к определенной местности? Кроме того, С. А. Фомичев в этом своем предположении исходит лишь из композиционно-строфической организации стихотворения, почти оставляя в стороне вопрос о его содержании. Между тем перед нами «лирический дневник», передающий остроту восприятия именно освобожденного из неволи («Мне ль возвращены назад...»). На наш взгляд, традиционное истолкование данного произведения как самостоятельного остается непоколебленным.

- ¹⁴ О стихотворении «К пчеле, прилетевшей к решетке окна моего каземата весною 1826 года» см.: *Трофимов И. Т.* Поиски и находки в московских архивах. М., 1982, с. 150. Стихотворение «Прости отечество» до сих пор относили к более раннему периоду творчества драматурга. Так, С. А. Фомичев считает его «вступлением к какому-то крупному произведению на героическую тему из исторического прошлого — может быть, к трагедии „Федор Рязанский”» (Спорные вопросы грибоедовской текстологии, с. 84). В. С. Бавевский в статье «„Прости, отечество“ Грибоедова — из Байрона (?)» руководствуется другими соображениями, но также находит нужным отнести его к 1819 г. (см.: Рус. лит., 1980, № 2). Нам представляются более весомыми доводы М. В. Строганова, который видит в данном произведении «историю декабристского поколения» и датирует его 1826—1828 гг. (см.: *Строганов М. В.* О стихотворении А. С. Грибоедова «Прости, отечество». — Рус. лит., 1978, № 2, с. 108—110). См.: Рус. старина, 1874, № 6, с. 294.

¹⁶ *Нечкина М. В.* Указ. соч., с. 606.

¹⁷ Облегчить не могло, но ухудшить — вполне. Грибоедов понимал, как дорога Одоевскому всякая весть с воли, и поэтому вынужден был лавировать между искренностью и официальным тоном.

¹⁸ Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1970, т. 29, вып. 1, с. 35.

¹⁹ *Вацуро В. Э.* Грибоедов в романе В. С. Миклашевич «Село Михайловское». — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции, с. 247.

²⁰ *Миклашевич В. С.* Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия. СПб., 1865, ч. III, с. 226.

²¹ Там же, ч. IV, с. 31.

²² *Вацуро В. Э.* Указ. соч., с. 250.

²³ Цит. по: *Миклашевич В. С.* Село Михайловское... СПб., 1864, ч. I, с. II.

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 2168, оп. 1, ед. хр. 71, л. 9. — Это и другие соображения по поводу «Села Михайловского» высказаны Жандром в письме к Е. Н. Фрибес, написавшей рецензию на роман и пославшей ее для ознакомления Жандру. Письмо последнего помечено 10 марта 1865 г.

²⁵ *Бриксман М. А.* А. И. Одоевский. — В кн.: Одоевский А. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1958, с. 16.

²⁶ См.: *Базанов В. Г.* Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.; Л., 1961, с. 385—386.

²⁷ *Одоевский А. И.* Полн. собр. стихотворений и писем, с. 109.

²⁸ Там же, с. 143—144.

²⁹ *Базанов В. Г.* Указ. соч., с. 388.

³⁰ *Одоевский А. И.* Полн. собр. стихотворений и писем, с. 199.

³¹ Там же (курсив мой, — В. М.).

³² Там же, с. 147—148.

³³ Там же, с. 146.

³⁴ *Бриксман М. А.* Указ. соч., с. 224.

³⁵ *Базанов В. Г.* Указ. соч., с. 391.

А. А. Бестужев

1

Литературный круг 1820-х гг. был довольно тесен, и имя Грибоедова, конечно, было известно молодому офицеру-критику Александру Александровичу Бестужеву.

Во «Взгляде на старую и новую словесность в России» (1823) А. А. Бестужев (1797—1837) так характеризовал драматурга: «Грибоедов весьма удачно переделал с французского комедию „Молодые супруги“ («Le secret du ménage»); стихи его живы; хороший их тон ручается за вкус его, и вообще в нем видно большое дарование для театра».¹

В этом кратком отзыве останавливает на себе внимание следующий момент. Грибоедов к тому времени был уже автором и «Своей семьи», и «Притворной неверности», и «Пробы интермедии», и «Студента», о котором Бестужев мог слышать. Упоминается, однако, лишь первый драматический опыт, причем не оригинальный, а переделка с французского.

Интерпретировать этот факт можно по-разному. Может быть, все объясняется простой неосведомленностью Бестужева? Едва ли. Статья, содержащая десятки приговоров хоть чем-то отличившимся отечественным писателям, свидетельствует о том, что ее автор хорошо знал современную словесность. Надо полагать, что «молодые супруги» названы Бестужевым потому, что это единственная вещь среди ранних произведений Грибоедова, написанная им самостоятельно. Кроме того, «светская комедия» критику и писателю, который тяготел к романтическому искусству, была более близка по духу.

В «Своей семье», как известно, Грибоедову принадлежали лишь несколько сцен второго действия. «Притворная неверность» также являлась плодом совместной деятельности Грибоедова и Жандра, причем большую часть труда выполнил Грибоедов.

Можно предположить, что Бестужев был не слишком высокого мнения о «Притворной неверности» и скорее всего именно по причине участия в переводе комедии Жандра. Недаром он указывал в том же обзоре, что Жандр «перевел с французского несколько трагедий и одну комедию, от чего многоручные переводы сии получили пестроту в слоге...».²

Литературные интересы и принадлежность к одному и тому же светскому кругу делали неминуемой встречу Грибоедова и Бестужева. Однако Бестужев сознательно избегал ее. «Я, — вспоминал он позднее, — был предубежден против Александра Сергеевича. Рассказы об известной дуэли, в которой он был секундантом, мне переданы были его противниками в черном виде. Он уже несколько месяцев был в Петербурге, а я не думал с ним сойтись, хотя имел к тому немало предлогов и много случаев» (ГВС, 133—134).

Действительно, слухи о неблагоприятной роли Грибоедова в дуэли Шереметева с Завадовским удерживались в обществе долго. Именно о них говорил Пушкин в «Путешествии в Арзрум», вспоминая Грибоедова: «Даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении».

Кроме того, настороженность Бестужева по отношению к Грибоедову имела и другие причины, о которых он не считал нужным распространяться в своих воспоминаниях и которые не рассматривались в научной литературе. Известно, что с 1819 по 1822 г. Бестужев несколько раз нападал в печати на Шаховского и Катенина. Рассматривая катенинский перевод «Эсфири», Бестужев не стеснял себя в выражениях. Прежде всего предметом едких насмешек критика стало увлечение Катенина старославянизмами, использование «самой неупотребительной заржавевшей славянщины, перемешанной весьма неосторожно с простейшими русскими словами».³ В дальнейшем именно различное отношение к архаике и положит начало охлаждению Грибоедова к Катенину. Но в 1824 г. Бестужев, который, конечно же, был осведомлен о дружбе Грибоедова с Катениным, имел основания быть сдержанным при встрече с драматургом. Не случайно в воспоминаниях о Грибоедове он воспроизвел свою реплику: «...не все мои друзья были вашими...» (ГВС, 138). Мы можем сказать и иначе: не все друзья Грибоедова были друзьями Бестужева.

Расшифруем эту понятную собеседникам фразу. Помимо Катенина Бестужев имел в виду и Жандра, о котором он писал во «Взгляде на старую и новую словесность в России» как об одном из авторов «многоручных переводов». В этой же статье Бестужев говорил о Жандре: «Трагические стихи его плавны, нередко сильны и часто заржавлены старинными выражениями».⁴ Другими словами, ближайшие друзья драматурга — Катенин и Жандр — оба расценивались Бестужевым как поборники устаревших, «заржавевших» взглядов.

Жандра задело замечание Бестужева. Он выступил в «Сыне отечества» с уточнениями и недоуменными вопросами. В статье «Разговор от „Полярной звезды“» Жандр указывал, что перевел только одно действие трагедии. Его удивляло, почему «Притворная неверность», переведенная им совместно с Грибоедовым, получила, «по мнению г-на Бестужева (...) *пестроту в слоге* и при этом *от многих рук*». «И как, — продолжал он, — г-н Бестужев мог за-

метить эту пестроту, когда те люди, которые пишут в наше время лучшие комические стихи, никогда не могли отгадать, которые сцены переводил Грибоедов и какие Жандр?».⁵ Подчеркивая таким образом свою солидарность с Грибоедовым, Жандр заранее воздвигал преграду между ним и Бестужевым, тем более что его соавтора в Петербурге не было и участвовать в споре он не мог.

За Бестужева вступился Я. И. Толстой, назвав жандровский «Разговор...» «длинным», «растянутым и странным...», а его доказательства неубедительными.⁶

В № 14 «Сына отечества» опять взял слово Жандр, почти в тех же выражениях повторивший прежние аргументы. Новыми здесь были только названия переводов, над которыми он трудился.

Начал повторяться и Я. И. Толстой, добавивший в следующем номере журнала: «...я отнюдь не *силится*; а, смею думать; успел доказать, что „Разговор от «Полярной звезды»“ скучен и забавен; скучен, потому что растянут, длинен и темен; забавен, потому что странности, каламбуры и даже иногда ложь бывают забавны».⁷

Жандр снова возражал, хотя и без прежней энергии. «Г-н Я. Т. полагает, — писал он, — что г-н Бестужев, говоря о *пестроте* слога *многоручных* переводов Жандра с товарищами, имел в виду прекрасную, по мнению г-на Я. Т., комедию „Притворная неверность“ (которая притом переведена в *две руки*) и что он, г-н Я. Т., не желал видеть ее в столь неприятной беседе. Спрашивается: где и в чем доказательства на пестроту слога? Как может быть комедия прекрасна с *пестрым* слогом? С кем в беседе боится или не желает г-н Я. Т. ее видеть?».⁸

Следует иметь в виду, что это было уже не первое столкновение Жандра и Бестужева. Годом ранее Жандр опубликовал в том же «Сыне отечества» «Письмо к издателю», в котором выражал возмущение тем, что «какой-то вовсе неизвестный мне г-н А. Бестужев в статье своей о критике П. А. Катенина объявляет, что какая-то молодежь благодарит г-на Катенина за *милостивое его покровительство*, т. е. за то, что он вам напомнил обо мне, об А. С. Грибоедове и еще о некоторых наших писателях. Узнав только в первый раз о существовании г-на Бестужева, я принужден, по содержанию его статьи, просить вас, милостивый государь мой, чрез это письмо объявить ему и всем, кто читает ваш журнал, что ни я, ни А. С. Грибоедов (который живет в Персии) не просили никогда г-на Бестужева ни о чем и, особенно, что я даже в лицо г-на Бестужева не знаю».⁹

Бестужева «Письмо» Жандра сильно задело. 4 июня 1822 г. он сочинил «Письмо к издателям „Сына отечества“», в котором просил известить Жандра о следующем: «1. Г-н Жандр, столь искусно умеющий пользоваться типографскими ошибками, напрасно думает, будто я поместил его в число авторской *молодежи*! Не зная лет г-на Жандра, я не мог объявлять его молодым человеком, так как не считал его и писателем, каковым г-н Жандр себя именует, в моих замечаниях на критику г-на Катенина я назвал

г-на Жандра только переводчиком (см. 22 книжку «С(ына) о(тчества)», стр. 83, строка 16 и 17). 2. Г-н Жандр берет напрасный труд уверять читателей „Сына отечества“, что он не поручал мне благодарить от своего лица г-на Катенина, я бы никогда не принял на себя сего поручения. 3. Неведение г-на Жандра о моем существовании несколько меня не трогает. Я не имею притязаний на известность писателя, ибо чувствую, что ни с какой стороны оной не заслужил, а если бы когда и заслужил, то, верно, не попросил бы утверждения одного частного лица. В заключение не лишним считаю сказать, что критик мой мог бы избавить читателей „С(ына) о(тчества)“ от статьи, по моему мнению, для них незанимательной, а для литературы бесполезной». ¹⁰

В цензуре сочли неуместным тон бестужевского заявления, и автору было предложено изложить все это в менее колких выражениях. Бестужев наотрез отказался, ответив так: «...я предаю забвению ответ мой, ибо не привык за грубости платить приветствиями, выражаясь несвойственным мне языком, и сообразно воле гг. членов (Цензурного комитета, — В. М.) признаю неприкосновенность г-на Жандра наравне с священными цыплятами Капитолия». ¹¹

П. А. Вяземский в письме к Бестужеву от 10 мая 1823 г. подвел итоги этого затянувшегося и бесплодного спора, единственным результатом которого было взаимное раздражение противников, увещевая его: «Ради бога, уймите Жандра, да, воля ваша, и своему рыцарю велите вложить перо в чернильницу. Их перья уже так притупились, что способа нет. Признаюсь, до сей поры не могу разобрать, в чем состоит их спор. Вот уж точно: спорь до слез! то есть до слез, извлекаемых зевотою». ¹²

Таким образом, у Бестужева были известные основания испытывать неприязнь к окружению Грибоедова, а стало быть, и к нему самому. Едва ли бы они захотели сблизиться, но «случай свел нас невзначай, — вспоминал Бестужев. — Я сидел у больного приятеля моего, гвардейского офицера, Н. А. М-ва, страшного любителя всего изящного. Это было утром, в августе 1824 года». ¹³ К нему зашел и Грибоедов.

Завязавшийся поначалу обыкновенный разговор вскоре перешел на предмет, всех живо заинтересовавший, — литературу. Грибоедов показал себя более зрелым мыслителем по сравнению с собеседниками. Бестужев, горячий поклонник романтизма и, разумеется, очень популярного тогда Байрона, заметил, что английский поэт недостаточно ценим современниками. Грибоедов же считал, что Байрон, напротив, перехвален, что он уступает по силе таланта Гёте. Автор «Фауста» «объясняет свою идею все человечество; Байрон со всем разнообразием мыслей — только человека» (ГВС, 136).

Критическое отношение к Байрону Грибоедова и его единомышленников Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского выражало новую фазу восприятия английского поэта русским читателем, тогда как

у Бестужева «увлечение Байроном только начиналось. Вот почему при первой же встрече с Грибоедовым Бестужев был поражен его замечанием, что в нынешний век произведения Байрона ценятся „много свыше достоинства“». ¹⁴

Когда же Бестужев продолжил сопоставление, вспомнив Шекспира, у которого каждая пьеса «сохраняет единство какой-нибудь великой мысли, важной для истории страстей человеческих...», Грибоедов закончил спор, заметив, что не признает суда, «где красоты ставятся в рекрутскую меру».

В этом разговоре довольно отчетливо выявляются взгляды Грибоедова на романтическое искусство. Ему уже была ясна односторонность романтического подхода к изображению сложной психологии современного человека. Шекспир и Гёте, ¹⁵ считал он, приближались к созданию типического характера, тогда как Байрон давал лишь одну из моделей мироощущения, причем индивидуалистическую.

Разумеется, первая встреча, во время которой собеседники, памятуя прошлое, прощупывали позиции и настроения друг друга, не могла выйти за пределы самых общих проблем, но лед уже был сломан.

Вскоре Бестужев ознакомился с комедией Грибоедова, рукописью которой располагал Булгарин, и пришел к выводу, что автор такого произведения «не может и не мог быть иначе, как благородное существо».

Это убеждение побудило его тотчас отправиться к Грибоедову и объяснить свое прежнее отношение к нему. «Александр Сергеевич, — сказал Бестужев, — я приехал просить вашего знакомства. Я бы давно это сделал, если б не был предубежден против вас... Все наветы, однако ж, упали пред немногими стихами вашей комедии. Сердце, которое их диктовало, не могло быть тускло и холодно» (ГВС, 137). Если учесть, что их литературные позиции были довольно несхожи, то станет ясно, что Бестужева в первую очередь могли увлечь политические взгляды Грибоедова.

Автору «Горя от ума» искренность Бестужева пришлась по душе. Драматург пригласил нового знакомого на чтение своего произведения, которое должно было состояться на другой день. Как вспоминал Бестужев, он оказался едва ли не единственным слушателем, сумевшим оценить комедию по достоинству и искренне восхитившимся ею. При этом Бестужев не присоединился к тем, кто расточал автору комплименты, которые Грибоедов принимал «очень сухо». «Я только сжал ему руку, и он отвечал мне тем же. С этих пор мы были уже не чужды друг другу» (ГВС, 139).

Ко времени создания мемуаров память Бестужева сгладила острые углы. На самом деле сближение произошло не столь быстро. Еще и осенью в отзыве критика о Грибоедове заметна некоторая настороженность. Он сообщал о новом знакомом П. А. Вяземскому

в конце сентября 1824 г.: «Я познакомился с Грибоедовым, но еще не сошелся с ним, во-первых, потому что то он, то я здесь не жил, а во-вторых, мне кажется, что он любит поклонение, и бог Аполлон ему судья за сведенье с ума Кюхельбекера: какую чуху, прости господи, он напорол в своей „Мнемозине“! Впрочем, в два или три свидания наши я видел в нем и любезного европейца, и просвещенного человека — две редкие вещи в одной особе, особенно на Руси. Мы говорили о вас, любезнейший князь, — и я помирился с человечеством и литературою...».¹⁶

Время способствовало их сближению. «Грибоедов вам кланяется, — писал Бестужев тому же Вяземскому 3 ноября, — я сегодня его видел... С тех пор как лучше его узнаю, я более и более уважаю его характер и снисхожу к его странностям».¹⁷ Грибоедов вместе с Бестужевым посещает ученические спектакли в театральном училище. Летом 1824 г., как вспоминал П. А. Каратыгин, Грибоедов привез Бестужева и Кюхельбекера на репетицию своей пьесы, которую Каратыгин и его товарищи собирались ставить на училищной сцене. Гости остались довольны увиденным. В ноябре того же года Грибоедов часто навещал О. М. Сомова только потому, что у него жил тогда А. А. Бестужев.

Взаимная симпатия подкреплялась прежде всего общностью политических взглядов. «С Грибоедовым, как с человеком свободомыслящим, — показывал Бестужев на следствии, — я нередко мечтал о желании преобразования России». Они обсуждали многие аспекты социального неблагополучия страны, в частности бедственное положение героев-ополченцев, вскоре после окончания войны оказавшихся снова под игом рабства.¹⁸

Грибоедов напечатал в «Полярной звезде», издававшейся Рылевым и Бестужевым, «Отрывок из Гёте» (Пролог «Фауста»). В этом же альманахе Бестужев дал восторженную оценку «Горя от ума». Характеризуя «дружину альманахов», критик отмечал, что в «Русской Талии» безусловное преимущество перед другими произведениями имеет действие III комедии «Горе от ума». Упомянув несколько пьес, вышедших в последнее время, Бестужев подробно остановился только на грибоедовской комедии. По словам критика, это «феномен, какого не видали мы от времен „Недоросля“. Толпа характеров, обрисованных смело и резко; живая картина московских нравов, душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах, невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах. Все это завлекает, поражает, привлекает внимание. Человек с сердцем не прочтет ее, не смеявшись, не тронувшись до слез. Люди, привычные даже забавляться по французской систематике или оскорбленные зеркальностью сцен, говорят, что в ней нет завязки, что автор не по правилам нравится; но пусть они говорят, что им угодно: предрассудки рассеются, и будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных».¹⁹

Восторженное восприятие «Горя от ума» и его автора нашло

свое выражение и в письмах Бестужева. Он писал П. А. Вяземскому в начале 1825 г.: «Грибоедов со мною сошелся — он преблагогородный человек; его комедия сводит здесь всех с ума — и по достоинству». ²⁰ И через несколько дней В. И. Туманскому почти в тех же выражениях: «Здесь шумит и по достоинству Грибоедова комедия. Это — диво, и он сам пресвежая душа». ²¹

Примечательно, что краткая оценка комедии Бестужевым сходилась в основных пунктах с суждением, которое высказал Пушкин о «Горе от ума» в письме к тому же Бестужеву. Бестужев, так же как и В. Ф. Одоевский, дал отпор московским «староверам», увидевшим в пьесе «карикуры» и «портреты».

Выступление Бестужева носило характер основополагающего документа, дополненного впоследствии сторонниками Грибоедова и поклонниками его произведения. Так, «в суждениях Сомова, близкого в то время к декабристским кругам, в частности к Бестужеву и Рылееву, была развита и конкретизирована та общая оценка грибоедовской пьесы, которую дал Бестужев в своем обзоре («Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года», — В. М.). С этой оценкой был солидарен и В. Ф. Одоевский...» ²²

Через Бестужева осуществлялись декабристские связи Грибоедова. Вместе с Бестужевым драматург посещал «русские завтраки» Рылеева, именно Бестужева просил он в одном из писем обнять Рылеева «по-республикански».

2

Общение Грибоедова и Бестужева было недолговременным. После 1825 г. им не пришлось больше увидеться. Но до конца жизни ссыльный декабрист сохранил о Грибоедове самые лучшие воспоминания.

Однако впоследствии на эту дружбу была наброшена тень. Д. И. Завалишин, проходивший по процессу декабристов, в «Воспоминаниях о Грибоедове» (1879) утверждал, что Бестужев на первом же допросе «написал целый список имен, включив в число членов тайного общества даже и таких лиц, которых считал членами только по догадке, хотя они и не были ими. По такому валовому списку и были именно арестованы и я, как сказал мне сам ген. Левашов (при первом арестовании меня), и Грибоедов; но относительно его А. Бестужев не мог ничего представить, кроме догадок» (ГВС, 158).

Обвинение, предъявленное Завалишиным, оказалось беспочвенным. В опубликованном П. Е. Щеголевым следственном деле Грибоедова содержатся прямые указания на то, что Бестужев назвал только тех членов тайного общества, которые, по точному определению исследователя, «и без того были бы взяты». ²³ Имя Грибоедова в этом списке отсутствует.

Напротив, в показаниях своих Бестужев сделал все, чтобы избавить Грибоедова от ареста. Он свидетельствовал: «С Грибоедовым, как с человеком свободомыслящим, я нередко мечтал о желании преобразования России. Говорил даже, что есть люди, которые стремятся к этому, — но прямо об обществе и его средствах никак не припомню, чтобы упоминал. Да и он как поэт желал этого для свободы книгопечатания и русского платья. В члены же его не принимал я, во-первых, потому, что он меня и старше и умнее, а во-вторых, потому, что жалел подвергнуть опасности такой талант; в чем и Рылеев был согласен. Притом же прошедшего 1825 г. зимою, в которое время я был знаком с ним (здесь Бестужев нарочито преуменьшает срок своего знакомства с Грибоедовым, — В. М.), ничего положительного у нас и не было. Уехал он в бытность мою в Москве, в начале мая, и Рылеев, говоря о нем, ни о каких поручениях не упоминал. Что же касается до распространения членов в корпусе генерала Ермолова, я весьма в том сомневаюсь, ибо оный, находясь вне круга действия, ни к чему бы нам служить не мог».²⁴

Грибоедов на следствии также всячески обелял друзей, доказывая, что Бестужев и остальные известные ему заговорщики относятся к «кругу людей кротких и благомыслящих». В ответ на один из пунктов обвинения Грибоедов писал: «Рылеев и Бестужев никогда мне о тайных политических замыслах ничего не открывали».

В воспоминаниях Е. П. Соковниной есть упоминание о том, что Грибоедов не хотел сближения С. Н. Бегичева с Бестужевым. «Бестужев, издатель альманаха „Полярная звезда“, — между прочим упоминает мемуаристка, — искал знакомства с С. Н. Бегичевым, но А. С. Грибоедов советовал ему избегать Бестужева, зная замыслы декабристов...» (ГВС, 19).

Эта фраза, несмотря на свою краткость, очень важна для уразумения подлинной осведомленности Грибоедова в делах декабристов. Соковнина говорит об этом как о факте несомненном и общеизвестном, и именно поэтому ее свидетельство подкрепляет предположение о причастности Грибоедова к движению декабристов.

Грибоедов пытался способствовать переводу Бестужева из Якутска на Кавказ с помощью И. Ф. Паскевича, который в 1826 г. сменил А. П. Ермолова. Результат, однако, был совсем иным, чем ожидалось. Сохранилось письмо Бестужева Н. А. Полевою от 4 февраля 1832 г., в котором он сообщал: «*Паскевич грыз меня особенно своими секретными. Казалось, он хотел выместить памяти Грибоедова за то, что тот взял с него слово мне благодетельствовать, даже выпросить меня из Сибири у государя. Я видел на сей счет сделанную покойником записку...*».²⁵

Это заступничество Бестужев ценил очень высоко и не раз вспоминал о благородном поступке Грибоедова. «Что этот человек хотел сделать для меня!.. — восклицал он в письме к Булгарину 15 марта 1832 г. — Он умер, и все пошло прахом».²⁶

Весть о смерти Грибоедова Бестужев воспринял с глубокой скорбью. Он хорошо понимал, что не только он потерял друга, но и Россия лишилась общественного деятеля большого масштаба. Он делился своими чувствами с матерью: «Не говорю уже, какую горесть почувствовал я о потере человека, которого приязнию имел счастье пользоваться, но просто как человек, но просто как русский могу ли не горевать о такой безвременной кончине человека, которому счастье обещало все в будущем и который столько обещал отечеству своими познаниями и талантами! Вот судьба; одного град пуль минует, другой поражен железом в лоне мира, под покровом народных прав и за стенами гостеприимства».²⁷

По прибытии на Кавказ Бестужев не замедлил посетить могилу Грибоедова, где «плакал как дитя...».²⁸

Русскую литературу олицетворяли для Бестужева в первую очередь Грибоедов и Пушкин. В феврале 1837 г., получив известие о смерти Пушкина, Бестужев «не сомкнул глаз в течение ночи, а на рассвете (...) был уже на крутой дороге, которая ведет к монастырю святого Давида, известного вам, — писал он брату Павлу из Тифлиса. — Прибыв туда, я позвал священника и приказал отслужить панихиду на могиле Грибоедова, могиле поэта, попираемой невежественными ногами, без надгробного камня, без надписи! Я плакал тогда, как я плачу теперь, горячими слезами, плакал о друге и о товарище по оружию, плакал о самом себе; и когда священник запел: „За убиенных боляр Александра и Александра“, рыдания сдавили мне грудь — эта фраза показалась мне не только воспоминанием, но и предзнаменованием... Да, я чувствую, что моя смерть также будет насильственной и необычайной, что она уже недалеко...».²⁹

Действительно, меньше чем через полгода, 7 июня 1837 г., Бестужев погиб в сражении при мысе Адлер.

3

Остановимся на творческих контактах Грибоедова и Бестужева, определявших общность взглядов на окружающую действительность.

В. Г. Базанов уже отмечал, что в героине «Вечера на бивуаке» (1823) «в самых общих чертах видится прообраз Софьи Фамусовой», а герой этого рассказа, Мечин, относится к «поколению Чацких» и «пережитая им драма напоминает грибоедовское „Горе от ума“».³⁰

В самом деле, встреча Мечина с Софьей после разлуки по своей тональности близка к тому эпизоду в пьесе Грибоедова, где Чацкий только что появляется в доме Фамусова: «Сердце мое билось новою жизнью: я мечтал о радостной встрече моей с Софией, о ее смущении, об объяснении, о супружестве, о первом дне его... Полный восторгов надежды взбегаю на лестницу, в переднюю

залу — громкий смех княжны в гостиной поражает слух мой. Признаюсь, это меня огорчило. Как! Та София, которая грустила, если не видала меня два дня, веселится теперь, когда я за нее слёг в смертную постелью! Я приостановился у зеркала: послышалось, будто упоминают мое имя, говорят о Дон-Кихоте; вхожу — молодой офицер, склонясь на спинку стула Софии, рассказывал ей что-то вполголоса и, как кажется, весьма дружески. Княжна несколько не смутилась: спросила меня с холодной заботливостью о здоровье, обошлась со мною как со старым знакомцем, но видимо отдавала преимущество своему соседу: не хотела понимать ни взглядов, ни намеков моих о прежнем. <...> Иногда она украдкой бросала на меня взгляды, но в них прочитал я одно любопытство. Гордость зажгла во мне кровь, ревность разорвала сердце. Я кипел, грыз себе губы и, боясь, чтобы чувства мои не вырвались речью, решил уехать. Не помню, где скакал я по полям и болотам, под проливным дождем, — в полночь воротился я домой без шляпы, без памяти».³¹

Марлинский словно дал абрис отношения Чацкого к девушке, которую он любит и которая равнодушна к нему. Совпадение, разумеется, случайное, но любопытное. Совпадают не только ситуации, но и имена героинь.

История неудачной любви Мечина у Бестужева доведена до конца. Софья выходит замуж за другого. Обманувшись в расчетах на богатое приданое, муж Софьи «измучил жену язвительными упреками, поведением вогнал ее в чахотку и наконец, проигравши и промотавши все, бросил ее, оставив в свете».³² Грибоедов оставляет зрителя в неведении о дальнейшей судьбе героини, но у него «подобная же история превращена в самостоятельный сюжет, в комедию-поэму, в гениальное обобщение».³³

Не приходится говорить о литературном влиянии Бестужева на Грибоедова. Налицо типическая для того времени и для той социальной среды, в которой вращались оба художника, ситуация и типический конфликт. И обнаружить его, решить с аналогичных позиций могли лишь писатели, близкие по мировоззрению, невзирая на различие художественных систем, с помощью которых они выражали свое видение мира.

Бестужев, восхищавшийся комедией Грибоедова, как и многие другие художники того времени, не мог миновать ее в своем творчестве. Так, в повести «Испытание» (1830), являвшейся своего рода «опровержением» онегинского типа («Евгения Онегина» Бестужев не принял), одновременно обнаруживается подспудная ориентация на «Горе от ума». Автор вводит в ткань повествования эпизодическое лицо по фамилии Репетилов, наделяя его той же, что и у Грибоедова, функцией разносчика новостей. Но здесь важны не открытое использование образов или выражений комедии, а близкая к сценическому действию резкая смена событий, придающая сюжету динамизм, и использование композиционных приемов «Горя от ума».

Романтический герой Бестужева-Марлинского олицетворял собой страсть и порыв. Поэтому писателю пылкость Чацкого понятнее и ближе, чем пресыщенная «рассудочность» Онегина. Образный строй повести, яркая, полная эпитетов и сравнений, тяготеющая к афористичности речь персонажей и автора свидетельствуют о том, что образцом Бестужеву служила комедия Грибоедова. В грибоедовском духе звучит и тирада Алины, направленная против «света», зараженного галломанией, общества, «где половина <...> не понимает, что сама говорит, а другая, что ей говорят: одна, поторопившись выучить привозное, как попугай, другая, опоздав учиться, от застарелых предрассудков».³⁴ Грибоедовская поэтика служит Бестужеву своеобразным «противовесом» поэтике пушкинской. Образы «Горя от ума» для него — явление реальное, жизненное, Онегин — лицо «сочиненное». К этому взгляду примкнет впоследствии и Герцен, считавший, что Чацкий выразил сущность декабризма гораздо яснее, чем Онегин.

Во «Фрегате „Надежда“» (1831) Бестужев ссылается на «Горе от ума», почти повторяя характеристику фамусовского общества, вложенную в уста Чацкого: «... нравственность одна в обеих столицах: посредственность и эгоизм! Никто не заботится о том, что подумают о нас добрые люди: у них лишь то на уме, что станет говорить княгиня Марья Алексевна! Во всех личность, все частность, везде расчет. Ничего общего, ничего высокого».³⁵ Эта сентенция прямо перекликается с известными словами из монолога Чацкого, рассуждающего о веке нынешнем и минувшем. Годы прошли, будто констатирует писатель, но атмосфера, запечатленная Грибоедовым, осталась неизменной: «... все нерусское, и в наречии и в приемах. Бары наши преважно рассуждают, каково Брюно играл Жокрисса, как была одета любовница Ротшильда на последнем рауте в Лондоне; получают телеграфические депеши о привозе свежих устриц, а спросите-ка вы их, чем живет Вологодская губерния? Они скажут <...> „У меня нет там поместьев“».³⁶

Перекличек с «Горем от ума» или прямых реминисценций из комедии у Бестужева-Марлинского немного. Но стремление декабриста-романтика к реалистическому изображению передовых тенденций национального развития, критика космополитических настроений дворянства, выдвижение на авансцену граждански мыслящего героя, у которого «ум с сердцем не в ладу», в определенной мере обусловлены примером Грибоедова. Недаром Бестужев был одним из самых пылких защитников и популяризаторов его комедии, которую он ставил в прямую связь с литературной программой декабризма.

* * *

¹ Бестужев-Марлинский А. А. Соч. В 2-х т. М., 1958, т. II, с. 535.

² Там же, с. 536.

³ Сын отечества, 1819, № 3, с. 119.

- ⁴ *Бестужев-Марлинский А. А. Соч.*, т. II, с. 536.
- ⁵ Сын отечества, 1823, № 9, с. 71—72.
- ⁶ Там же, № 12, с. 227.
- ⁷ Там же, № 15, с. 33.
- ⁸ Там же, № 16, с. 84—85.
- ⁹ Там же, 1822, № 22, с. 83.
- ¹⁰ Рус. старина, 1888, № 10—12, с. 167—168.
- ¹¹ Там же, с. 168.
- ¹² Там же, с. 316.
- ¹³ Здесь Бестужев несколько неточен. В своем дневнике 1824 г. он записал 5 июля: «Был у Титовых, вечером познакомился у Муханова с Грибоедовым» (Памяти декабристов. Л., 1926, т. I, с. 67).
- ¹⁴ *Мордовченко Н. И. А. А. Бестужев-Марлинский.* — В кн.: Бестужев-Марлинский А. Собр. стихотворений. М., 1948, с. XX (Б-ка поэта. Большая сер.).
- ¹⁵ У Гёте Грибоедова в первую очередь заинтересовал «Пролог в театре», содержащий в себе элементы сатиры. Русский драматург, вольно переводя Гёте, «широко развертывает сатирическое обозрение Директора, превращая его в сатиру на современное общество, каким оно является в театральных креслах, переосмысленную в духе обличительных монологов Чацкого» (*Жирмунский В. Гёте в русской литературе.* Л., 1937, с. 148—149).
- ¹⁶ Лит. наследство. М., 1956, т. 60, кн. I, с. 224.
- ¹⁷ Там же, с. 226.
- ¹⁸ Подробнее об этом см.: *Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы.* 3-е изд. М., 1977, с. 479—481; *Пиксанов Н. К. Грибоедов и А. А. Бестужев.* — Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Академии наук, 1906, т. XI, кн. 4, с. 14—19 (отдельный оттиск). — Для М. В. Нечкиной остается невыясненным вопрос, что недоговорил Бестужев в своих воспоминаниях о Грибоедове в том месте, где, перейдя от воспоминаний о беседах с драматургом к характеристике его, декабрист дал свою концепцию грибоедовских взглядов (*Нечкина М. В. Указ. соч.*, с. 469). Это место в первой публикации бестужевских мемуаров (Отечественные записки, 1860, № 10) и в последующем воспроизведении (ГВС) отделяется от последующего текста многоточием. «В указанном пропуске и многоточии первопечатного текста, — считает исследовательница, — нельзя не усмотреть косвенного опровержения показаний того же А. Бестужева на следствии; значит, о чем-то сам Бестужев не счел возможным говорить, когда писал воспоминания» (там же). Разумеется, Бестужев умолчал о многом, но многозначительное многоточие в тексте, как показал В. А. Архипов, отсутствует (см.: Лит. наследство, т. 60, кн. I, с. 505—506). Оно всего лишь следствие некачественной подготовки рукописи к печати.
- ¹⁹ *Бестужев-Марлинский А. А. Соч.*, т. II, с. 555.
- ²⁰ Там же, с. 625.
- ²¹ Киевская старина, 1899, № 3, с. 300.
- ²² *Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века.* М.; Л., 1959, с. 252.
- ²³ *Щеголев П. Е. А. С. Грибоедов и декабристы.* СПб., 1905, с. 22.
- ²⁴ Там же, с. 9.
- ²⁵ *Бестужев-Марлинский А. А. Соч.*, т. II, с. 641.
- ²⁶ Рус. старина, 1901, № 2, с. 401.
- ²⁷ Рус. вестн., 1870, № 5, с. 260—261.
- ²⁸ Рус. старина, 1901, № 2, с. 401.
- ²⁹ *Бестужев-Марлинский А. А. Соч.*, т. II, с. 674.
- ³⁰ *Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы.* Публицистика. Проза. Критика. М., 1953, с. 396.
- ³¹ Русские повести и рассказы А. Марлинского. СПб., 1838, ч. VIII, с. 170—171.
- ³² Там же, с. 175.
- ³³ *Базанов В. Г. Указ. соч.*, с. 397.
- ³⁴ Русские повести и рассказы А. Марлинского. СПб., 1838, ч. I, с. 83.
- ³⁵ Там же. СПб., 1838, ч. VII, с. 139.
- ³⁶ Там же.

Ф. В. Булгарин

Едва ли найдется в истории русской литературы XIX в. еще одно столь печально знаменитое имя, как имя Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859). Девятнадцатое столетие богато сильными характерами и яркими дарованиями, но даже рядом с Пушкиным, Грибоедовым, Рылеевым «Видок Фиглярин» отнюдь не выглядит незаметным, хотя известности его вряд ли кто позавидует.

Изучение литературно-общественных связей и деятельности редактора «Северной пчелы» проливает свет на многие подробности литературного процесса 1820—1850-х гг. Вот почему Белинский заметил по поводу мемуаров Булгарина: «Такой характер весьма интересен и стоил бы если не целой повести, то подробного физиологического очерка...».¹

Одна из самых загадочных страниц в жизни Булгарина — его отношения с Грибоедовым. Уже современники старались понять, что могло их связывать. К. А. Полевой, например, считал, что Грибоедов сошелся с Булгариным как с «умным, иногда смешным, капризным, но любезным человеком» (ГВС, 194). В. Н. Григорьев полагал, что Грибоедов, «живя в Грузии (...) делал Булгарину поручения и, таким образом, считал себя с ним связанным, хотя по образу мыслей и по взгляду на вещи и дела они во многом расходились друг с другом» (ГВС, 196). Н. И. Греч находил, что Булгарин, «почитал и уважал добрые стороны в людях, даже те, которых сам не имел. Таким образом постиг он всю благодать, все величие души Грибоедова, подружился с ним, был ему искренно верен до конца жизни...».² Наконец, Д. И. Завалишин был уверен, что ни о какой дружбе Грибоедова с Булгариным не может быть и речи. Драматург, отмечал он, очень болезненно реагировал на упреки друзей, считавших, что знакомство с Булгариным компрометирует Грибоедова (ГВС, 172—173).

Подлинные мотивы и характер взаимоотношений Грибоедова с Булгариным могут быть осмыслены только после изучения всей суммы фактов, относящихся к поставленной проблеме.

П. Н. Сакулин точно заметил, что жизнь Булгарина «похожа на авантюрный роман».³ У будущего журналиста и писателя, когда он в 1815 г. появился в Петербурге, за плечами были уже служба в русской и французской армиях, нищета, скитания.

В столице некому было оказать Булгарину материальную поддержку или продвинуть его по служебной лестнице. Перед ним встала проблема выбора: либо честным трудом добиваться успеха и благополучия, либо, подобно герою «Шагреновой кожи», убедить себя, что порок — это «мансарда, потертое платье, серая шляпа зимой и долги швейцару».⁴

В Петербурге Булгарин неожиданно повстречался с дядей, который давно и безуспешно хлопотал в суде о наследстве. Булгарин сумел расположить к себе родственника, и тот доверил ему ведение процесса. Бывший капитан наполеоновской армии быстро нашел верные ориентиры в незнакомой ранее сфере. Булгарин перезнакомился с судейскими чиновниками, стал делать им «подарки» и проигрывать в карты. Н. И. Греч проницательно заметил, что «занятия этим процессом, сопряженные с уловками и проделками, которые не всегда оправдываются законами чести и долга, имели вредное влияние на развитие его понятий и характера».⁵

В самом деле, Булгарин не раз обходил законы в борьбе за наследство. В письме к Я. И. Лобанову-Ростовскому от 9 июля 1823 г. (Лобанов-Ростовский занимал тогда пост председателя Департамента законов) он отводил от себя угрозу, исходящую от поверенных противной стороны. Булгарин, как он это утверждает, якобы переписал одну из деловых бумаг, фигурирующих в деле, механически скопировав и заключительную строку («переписывал Иванов»), вместо того чтобы поставить собственную фамилию. Едва ли дело было столь невинным. Видимо, для автора письма возникла реальная возможность «быть совершенно уничтоженным, преданным суду и лишенным средства продолжать тяжбу и защищать <...> семейство».⁶ Он обращался к сановнику: «Неужели сия неумышленная ошибка (которую я вам открываю чистосердечно, хотя бы и мог представить дело в другом виде) может сделать меня преступником! Нет! Я слишком полагаюсь на ваше правосудие и великодушие и надеюсь, что ваше сиятельство защитите меня невинного и не допустите торжествовать ябеды! Столь низкие средства не могут найти пути к благородной вашей душе, и я покорнейше прошу вас, правосудный министр, внять не уверениям притворства, употребляемым моими противниками, а защитить меня, несчастного».⁷

Дело решилось для Булгарина положительно. Дядя вознаграждал племянника четырьмя сотнями душ. Это состояние позволяло вести безбедную жизнь, однако спокойное существование Булгарина вовсе не привлекало.

Он поспешил обзавестись полезными знакомствами и вскоре

сблизился с Н. И. Гречем, который в это время пользовался немалой популярностью в демократических кругах как отстраненный от должности директор солдатских школ в связи с «бунтом» в Семеновском полку. Братья Бестужевы, Батеньков, Рылеев, Н. И. Тургенев оказывали явные знаки внимания «невинно пострадавшему» Гречу. Булгарин старался услужить новому знакомому усерднее всех. Он даже «сидел лицом к публике у ступенек кафедры, откуда Греч читал свои лекции о русском языке».⁸ Знакомство с Гречем дало Булгарину возможность общения со многими будущими декабристами.

Вращаясь в среде интеллигенции, причастной к литературе, Булгарин также решает попробовать свои силы на поприще журналистики, тем более что небольшой опыт сотрудничества в польской прессе у него уже был. Правда, он не обладал ни научным багажом, ни знанием современной словесности или искусства, не мог он похвалиться и безупречным знанием русского языка,⁹ но все это мало его смущало. «Отличительная черта характера Булгарина, — указывал Греч в 1833 г., — есть решительность и быстрое исполнение предпринятого намерения. Сказано и сделано — у него одно и то же».¹⁰

Булгарин очень точно оценил общественно-политическую ситуацию и свои возможности. Издательское дело в России начинало становиться на коммерческие рельсы. Деятельному и не слишком щепетильному организатору и поставщику идей оно сулило большие выгоды. Но надо признать, что Булгарина прельщала не только нажива. Далеко не последнее место в его устремлениях занимали тщеславие, жажда широкой известности. Эти чувства всегда жгли его душу. Даже на склоне лет, когда его имя воспринималось только как синоним рептильности, он самодовольно заявлял: «Могу сказать в глаза зависти и литературной вражде, что все грамотные люди в России знают о моем существовании! Много сказано — но это сушая правда!».¹¹

Вначале Булгарин издавал отдельные книги (перевод «Избранных од» Горация, компилятивное сочинение «Россия» и т. д.); но в скором времени переключился на журналистику, стал владельцем журнала «Северный архив» (с 1822 г.).

Он оказался очень предприимчивым журналистом. «При начале журнала, — свидетельствовал К. А. Полевой, — имя издателя его было совершенно неизвестно, но через год или два имя Ф. В. Булгарина заслужило громкую известность».¹² Уже во «Взгляде на русскую словесность в течение 1823 года» А. А. Бестужев писал: «„Северный архив“ (в С.-Петербурге), издатель оного г-н Булгарин, с фонарем археологии спускался в не разработанные еще рудники нашей старины и сбиранием важных материалов оказал большую услугу русской истории. Все новейшие путешествия, наши и чужестранные, являлись там впервые».¹³

Булгарин раньше других понял, что в издательской практике выгоднее ориентироваться не на «просвещенного», а на мас-

сового читателя. Принципу этому он с каждым годом следовал все неукоснительнее. В 1850-х гг. он так сформулировал свое издательское credo: «Публика наша любит только тогда политику, когда в политике таскают друг друга за волосы и бьют по рылу. Абстрактивной политики публика не любит и не понимает».¹⁴

Если учесть, что предприимчивый и энергичный журналист был в начале 1820-х гг. «малый умный, любезный, веселый, гостеприимный, способный к дружбе и искавший дружбы людей порядочных»,¹⁵ то становится понятным, почему он вскоре стал вхож в дома многих известных писателей. О «горячности нежной дружбы» к Булгарину писал Рылеев.¹⁶ А. А. Бестужев стал специально учиться польскому языку, чтобы вместе с Булгариным читать варшавские журналы.¹⁷

Правда, уже и тогда проскальзывали в характере Булгарина отталкивающие черты. «Гордец», — аттестовал его тот же Рылеев.¹⁸ Он изначально был склонен к авантюрам, интригам. В своих мемуарах Булгарин проговорился, что ему часто нелегко было совладать со своим нравом: «Что ни шаг, то искушение; на каждом крутом повороте — пропасть!».¹⁹ Проницательнее других современников оказался П. А. Вяземский, писавший в начале мая 1824 г. А. И. Тургеневу: «Булгарин и в литературе то, что в народах заяц, который бежит между двух неприятельских станов».²⁰

Стоило хоть чем-то задеть Булгарина (особенно если обидчиком был человек незаметный и невлиятельный, хотя, впрочем, он и вышестоящим ничего не прощал и при удобном случае мстил), как он затевал скандал, а иной раз и драку.²¹

Таким был жизненный опыт и нравственные устои Булгарина к моменту встречи его с Грибоедовым.

2

Булгарин общался со множеством людей. Но, как бы ни складывались первоначальные отношения с любым, рано или поздно все знакомые превращались во врагов. В этом плане особенно показательна многолетняя «дружба» с Гречем, закончившаяся, как известно, полным разрывом и тяжбой.

Лишь с Грибоедовым Булгарин не успел поссориться. В этом случае Булгарин, можно сказать, изменил себе. Правда, нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что знакомство это продолжалось всего около пяти лет, причем четыре года Булгарин с Грибоедовым только переписывался. Н. И. Греч скорее всего был близок к истине, когда говорил: «Не знаю, осталась ли бы эта дружба в своей силе, если бы Грибоедов вздумал издавать журнал и тем стал угрожать „Пчеле“, то есть увеличению числа ее подписчиков».²²

Анализируя причины сближения Грибоедова с Булгариным, большинство исследователей приходят к выводу, что оно объясня-

ется прагматизмом обеих сторон: удаленному от культурных центров дипломату нужен был поверенный в частных делах, который мог бы исполнять его многочисленные поручения. Доверие знаменитости было крайне приятно Булгарину, и он во всеуслышание заявлял о своей близости с драматургом, что способствовало и его собственной известности.

Думается, что и Грибоедов, и Булгарин были побуждаемы не столь примитивными мотивами, что они не искали только выгоды от общения друг с другом. Хотя журналисту, конечно же, льстило близкое знакомство с гениальным писателем, он в эти годы мог еще испытывать и другие чувства. В своих воспоминаниях о Грибоедове он отмечал, что «внимание, искренность, светлые чистые мысли, высокие чувствования» драматурга «переливались в душу и зарождали ощущение новой, сладостной жизни» (ГВС, 24).

Булгарина к Грибоедову привлекало то, чего не было в нем самом, — «высокие чувствования» и «светлые мысли». Он тянулся к нему той частью своего существа, которая еще не успела окончательно опошлиться и огрубеть. Похоже, что Булгарин был искренен, когда говорил, что был «совершенно счастлив», дружа с Грибоедовым, так как рядом с ним «жил новую жизнью в другом лучшем мире...» (ГВС, 24—25).

Но что заставило сблизиться с Булгариним Грибоедова, который был чуток к малейшей фальши и неискренности? Почему, как подчеркивал Булгарин, «в первую четверть часа» после первого свидания они «стали называть друг друга ты...»? (ГВС, 46).

Повод для этого существовал довольно веский. О своей первой встрече с Грибоедовым Булгарин рассказал в очерке «Как люди дружатся».²³ Булгарин вспоминал в нем, как в 1817 г., он, находясь в Варшаве, приютил у себя больного юнкера Иркутского гусарского полка. Несмотря на заботу и внимание Булгарина, юноша через три месяца скончался.

Юнкер, рассказывая о себе, «с восторгом говорил об одном молодом офицере своего полка, которого он знал в Москве, еще будучи в пансионе. Из дружбы к этому офицеру он пошел в военную службу и ему обязан был всем своим образованием, любовью к изящному, высокому, к поэзии природы» (ГВС, 46). Офицером этим был Грибоедов.

Юноша, которого приютил Булгарин, писал Грибоедову о благородном поступке своего хозяина. Грибоедову этот случай врезался в память, и к моменту встречи с Булгариним у него уже сложилось определенное мнение о душевных качествах нового знакомого.

Недавними разысканиями П. С. Краснова установлена личность больного юнкера, фамилия которого была Булгариним обозначена не полностью — «Генис...». Это соученик Грибоедова по пансиону и сослуживец по Иркутскому полку Петр Иванович Гениссьен.²⁴

Грибоедов сразу произвел на Булгарина сильное впечатление. Впервые они виделись в начале июня 1824 г., а уже в августе журналист дал публичный «отчет» о своем отношении к драматургу (фельетон «Литературные призраки»). Помимо оценки личности Грибоедова фельетон преследовал еще и цель внести раздор в лагерь сторонников Кюхельбекера (его единомышленники Дельвиг и Баратынский были выведены Булгариным под именами Неучинского и Лентяева). Угадывается здесь и литературный портрет Б. М. Федорова.

В самом начале фельетона Грибоедов (в «Литературных призраках» он фигурирует под именем Талантина) охарактеризован в крайне лестных выражениях: «Я слышал от одного знатока, что у вас есть <...> комедия в рукописи; которая воскресит у нас на сцене память Фонвизина» (ГВС, 50).

Основное место в фельетоне отведено словоизлияниям Архипа Фаддеевича (alter ego Булгарина), в которых ощутимо влияние мнений Грибоедова, и заключительной пространной речи Талантина. Последний излагает позитивную научно-литературную программу, выполнение которой, по мнению автора, дает право на высокую миссию писателя.

Талантин — Грибоедов отвергает устаревшие авторитеты: «Подражание Парни и Ламартину есть диплом на безвкусию, а познание литературы, почерпнутое из Лагарпа, возбуждает сожаление. Вы именно учитесь по тому, что надлежало бы забыть» (ГВС, 50—51). Отрицание Лагарпа не было монополией Грибоедова. Кюхельбекер за год до этого (возможно, впрочем, что он пришел к этой мысли не без влияния Грибоедова) писал: русская литература обязана Жуковскому тем, что он помог свергнуть «иго» Лагарпа и Батте.²⁵ «Если вы хотите учиться у иностранцев, — продолжает Талантин, — то читайте, по крайней мере, Блера, Бутервека, Шлегелей, Сульцера и т. п.» (ГВС, 51).

Поскольку Булгарин ничего не выдумывает, а лишь фиксирует слышанное от Грибоедова, нельзя не заметить несколько странного объединения в одном ряду имен, которое кажется по меньшей мере противоречивым. Так оно и было. Определенная противоречивость эстетики Грибоедова «была обусловлена тем сложным национальным литературным процессом, участником которого был Грибоедов».²⁶ Не случайно в «Горе от ума» реалистическое начало уживается с нормативами классицизма.

Что же касается порядка перечисления имен, то он безусловно произволен, предложен Булгариным, для которого и Блер, и А. и Ф. Шлегели были одинаково туманны. Для Грибоедова же братья Шлегели стояли на первом месте. Учитель Грибоедова, профессор Московского университета И.-Т. Буле, в своих лекциях подробно останавливался на содержании эстетических деклараций романтиков Шлегелей, из которых Грибоедовым «в основном и прежде всего была воспринята идея свободы творчества».²⁷

Остальные имена, названные Талантиным, также укладываются в русло романтического направления. И. Зульцер создал «Всеобщую теорию изящных искусств», в известной степени подготовившую некоторые аспекты романтического мировосприятия. Ф. Бутервек являлся автором многотомной «Истории новейшей поэзии», оказавшей влияние на формирование эстетики романтизма. Г. Блер выступил в защиту макферсоновских «Песен Оссиана». Этот список — наглядное свидетельство того, что Грибоедов внимательно следил за успехами и развитием романтизма.

Каждый факт и фамилия в «Литературных призраках» могут быть документированы. Так, Талантин заявляет, что настоящему поэту необходимо в совершенстве овладеть родным языком практически и знать его теорию, а также усвоить историю и географию отечества, изучить летописи, «священные и духовные книги». «Это первое и необходимое условие». Талантин называет имена древних и современных историков: Тацита, Фукидида, Юма, Робертсона, Миллера, Гиббона. На этих исторических трудах воспитывалось поколение декабристов. Тацит, Плутарх и Фукидид были их настольными книгами. Блестяще образованный Грибоедов также хорошо сознавал, что история стала представлять собой «центр всех познаний, науку наук, единственное условие всякого развития: направление историческое обнимает все...».²⁸

В круг обязательного для самообразования чтения Талантин включает также древнюю и современную поэзию и описание различных путешествий. Напомним, что Грибоедов ранее других обратил внимание на необходимость знакомства с восточной поэзией: «Восток, неисчерпаемый источник для освежения пиитического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями оного» (ГВС, 55).

Заслуживает быть отмеченным и краткое упоминание о пользе знакомства с журналами «по части физических наук», которыми в это время почти никто из русских писателей не интересовался.

В передаче слышанного от Грибоедова Булгарин весьма точен. Он не называет ни одного автора, с которым Грибоедов не был бы знаком. Интересы Грибоедова были действительно очень широки. Нам известны его «Замечания на „Русскую грамматику“» Греча, «Замечания, касающиеся истории Петра I» и его мысли о проблемах древней и новой отечественной истории («Desiderata»). Сохранился список книг, отобранных у Грибоедова при аресте в Грозной. В нем числятся: словарь Российской академии наук, сербский словарь, сочинения Державина, народные сербские и украинские песни, географическое и статистическое описание Кавказа и Грузии, описание Киево-Печерской лавры, святцы и «одна греческая книга» (ГВС, 149). А ведь это были самые необходимые, рабочие книги, сопровождавшие Грибоедова в походах. В. Ф. Одоевского в 1823 г. Грибоедов просил прислать «Калайдо-

вича, Памятники древн(ей) росск(ийской) словесности, и Арцыбашева; да(..) не найдется ли Гесс де Кальве, теория музыки, и Успенский, Русск(ие) древности из частной жизни россиян...» (III, 150). Он читал и Плано Карпини, и «Дифференциальное исчисление» Франкера, и многое другое.

Знания и ум Грибоедова позволяют приравнять его к кругу профессиональных ученых 1820-х гг. Так, изучивший заметки драматурга по вопросам медиевистики Ф. Я. Прийма называет его «эрудированным и проницательным комментатором „Слова о полку Игореве“». ²⁹

Таким образом, «Литературные призраки» необходимо отнести к важным источникам документального характера в грибоедоведении. Булгарин в своем фельетоне столь же точно фиксирует научные и литературные интересы Грибоедова, как семью годами ранее это сделал Загоскин.

Однако сам Грибоедов, как мы знаем, отнесся к «Литературным призракам» крайне неодобрительно.

Булгарин всячески старался быть полезным Грибоедову. Он взял на себя хлопоты по напечатанию «Горя от ума». Грибоедов, отлично сознавая, что цензура не пропустит многие социально острые моменты в пьесе, возлагал надежды на содействие влиятельных знакомых и родни. Но не привыкший лавировать и кланяться драматург вскоре убедился, что его старания ни к чему не ведут. Уже 21 июня 1824 г. он писал П. А. Вяземскому: «...на мою комедию не надейтесь, ей нет пропуска; хорошо, что я к этому готов был и, следовательно, судьба лишнего ропота от меня не услышит». ³⁰ В октябре он окончательно уверился в недостижимости поставленной цели и в отчаянии писал Н. И. Гречу: «Напрасно, брат, все напрасно. Я что приехал от Фока, то с помощью негодования своего и Одоевского изорвал в клочки не только эту статью, но даже всякий писанный листок моей руки, который под рукой случился» (III, 164).

В этой ситуации Булгарин оказался очень нужным человеком. Еще до приезда Грибоедова в Петербург он, как это явствует из журнала входящих бумаг Петербургского цензурного комитета, подал прошение о дозволении ему издавать «Пантеон драматической поэзии», впоследствии переименованный в «Русскую Талию». Для будущего альманаха пьеса Грибоедова, уже в рукописи заслужившая широкую известность, была ценнейшим материалом, гарантией успеха.

И все же издателю «Русской Талии» при всей его изворотливости ³¹ не удалось получить разрешение на печатание всей комедии. Булгарин добился, чтобы цензурование альманаха было изъято из ведения Особой канцелярии, уже отказавшей Грибоедову, и передано в качестве исключения в Министерство народного просвещения. Не будет преувеличением сказать, что именно Булгарину Грибоедов был обязан тем, что увидел свое детище, пусть не полностью, в печати.

Грибоедов умел быть благодарным. «После того как Булгарин провел в своем альманахе половину комедии, Грибоедов очень сблизился с ним», — констатировал Н. К. Пиксанов.³²

Отношения еще более упрочились в 1826 г., когда арестованный по делу декабристов драматург был привезен в Петербург и помещен на гауптвахту Главного штаба. Над Грибоедовым нависла серьезная угроза.

Немало знакомых и родных отшатнулось от «государственных преступников», причем в основном это были люди высшего круга, обладающие влиятельным родством и связями. Булгарин же ничьей протекцией в это время не пользовался. Он писал П. А. Муханову 19 января 1825 г.: «...меня не поддержит какое-нибудь сословие — а сам же как силою высшего держуся».³³

Знакомый почти со всеми декабристами, Булгарин мог быть привлечен к следствию в любую минуту. Так и случилось.

В самом начале следствия давний недоброжелатель Булгарина и конкурент его на издательском поприще А. Ф. Воейков сыграл с ним злую шутку. У Воейкова, рассказывает Греч, «хранилась на всякий случай записка, полученная им в 1820 г. от Булгарина, проигравшего дело свое в Сенате: „Все пропало. Я погиб. Злодеи меня сгубили. Проклинаю день и час, когда я приехал в Россию. Не знаю, что делать и на что решиться, чтобы выпутаться из ужасного моего положения. Ф. Булгарин“». Воейков прибавил к этому только число: „15-го декабря 1825 г.“ — и представил в полицию».³⁴ Правда, дело вскоре разъяснилось. Булгарин сумел доказать, что в заговоре не принимал ни малейшего участия, но все же он был «оставлен в подозрении», ибо 9 мая 1826 г. генерал-адъютант А. Н. Потапов писал столичному военному генерал-губернатору: «Государь император высочайше соизволил, чтобы ваше превосходительство имели под строгим присмотром Булгарина, известного издателя журналов».³⁵

Таким образом, у Булгарина в эти дни были основания для паники, но тем не менее связей с Грибоедовым он не прерывал. Не кто иной, как Булгарин, первым проведал заключенного. Пока арестованный содержался еще строго, Булгарин вынужден был ограничиваться записками. В присущем ему велеречиво-чувствительном стиле Булгарин убеждал: «Любезный друг! Береги свое здоровье, не мучься и не терзайся напрасно. Ты невинен, следственно, будешь освобожден в самом скорейшем времени, и одна только печальная церемония (подготовка к отпеванию и похоронам Александра I, — В. М.) могла удержат течение дел. Почтеннейший Михайла Петрович расскажет тебе, что твое освобождение — вещь верная. Целый город знает, с какою радостью государь освобождает невинных; за что ж тебя, ангела, стали бы держать? Пожалуйста, успокойся! Ум и твердость познаются в противностях судьбы. Ты подвергся только кроткому опыту. Перенеси с твердостью и верь, что я в сердце более мучусь твоею мукою, нежели ты своим заключением. Теперь я успокоился, и ты

успокойся. Познай руку провидения, которое спасло тебя от клеветы» (III, 338).

Нетрудно заметить в этом письме явную ориентацию на «читателя»-перлюстратора, к которому оно вполне могло попасть: недаром здесь так выпячиваются «ангельская» невинность подозреваемого и «правосудность» царя. Одновременно Булгарин акцентирует и собственную причастность к хлопотам об освобождении заключенного, и свою «убежденность» в торжестве законности и справедливости.

Булгарин и в самом деле писал их общему с Грибоедовым знакомому Я. И. Ростовцеву, который незадолго до 14 декабря донес о готовящемся восстании и в связи с этим находился «в слухае». К голосу Ростовцева, пожелай он заступить за автора «Горя от ума», несомненно прислушались бы. В надежде на протекцию Ростовцева Булгарин в письме к нему громоздит один на другой самые разноречивые аргументы: «Почтеннейший Яков Иванович! Представьте, кому следует и кому можно, что Грибоедов осмел в своей комедии и либералов, и тайные сборища, о которых, вероятно, по слуху только знал. Он даже не хотел вступать в Общество любителей российской словесности, опасаясь, нет ли какой политической цели. Во время бытности Грибоедова в Петербурге он избегал знакомства с Рылеевым, говорил, что он порет вздор и рассуждает о политике, как князь Енгальчев в своем лечебнике о медицине, и проч. и проч. Что Грибоедов ненавидел Якубовича и стрелялся с ним».³⁶

Булгарин взял на себя снабжение арестованного книгами, журналами, газетами и т. д. Все это было сопряжено с известным риском, и Булгарин постоянно нервничал. Даже на расстоянии Грибоедов чувствовал, сколь сильно поддался Булгарин панике. «Сделай одолжение, не пугайся, — увещевал его арестант. — Бояться людей — значит баловать их» (III, 190). И еще раз: «Да не будь трус, напиши мне, я записку твою сожгу...» (III, 192).

Как ни трусил Булгарин, он все же находил в себе силы многое делать для Грибоедова. Во всяком случае, любая его просьба тут же исполнялась. Грибоедов просил съездить к А. А. Ивановскому (делопроизводителю Следственного комитета) и узнать, по какой причине задерживается его освобождение, считавшееся уже решенным. Булгарин тотчас же посылает записку Ивановскому с просьбой о свидании. По ее просительного-заискивающему тону и по тому, что в волнении он путает имя адресата — вместо Андрея называет его Александром (Грибоедов нейдет у него из ума), — видно, как близко к сердцу принял Булгарин все, что касалось Грибоедова. Вот текст этой записки: «М(илоственный) г(осударь) Александр Андреевич! Зная многотрудные ваши занятия, я не смею вас беспокоить моими посещениями в минуты вашего отдохновения. Но если бы, проезжая по Офицерской улице, заехали ко мне на две минуты, вы бы крайне меня обязали.

С беспредельною преданностью и душевным истинным уважением емь на всю жизнь и проч. Ф. Булгарин». ³⁷

Дабы поддержать бодрость духа в томившемся от неизвестности Грибоедове, Булгарин предпринял ход, не лишенный остроумия. Он сочинил и поместил в «Северной пчеле» (1826, № 34) «восточный аполог» «Человек и мысль». Содержание аполога могло быть понятным кроме автора только Грибоедову да еще двум-трем друзьям. ³⁸ Булгарин поведал о некоем Абдалле, человеке умном и добродетельном, без боязни насмехающемся над глупцами, вследствие чего «злые и невежды морщились <...> и как хищные враны каркали над головою Абдаллы, выжидая случая растерзать его когтями». По навету врагов Абдалла был ввергнут в темницу, но правда в конце концов восторжествовала, и друзья, оплакивавшие участь невинно пострадавшего, вновь радостно приветствовали его.

Грибоедову аполог несомненно доставил несколько веселых минут, но он опасался, не повредит ли его публикация автору. «Где ты вчера, душа моя, набрался необыкновенного вдохновения? Эй, берегись», — писал он Булгарину (III, 172). ³⁹ Однако все обошлось. По-видимому, никто из сановников, имевших отношение к следствию, не догадался связать булгаринское сочинение с Грибоедовым.

Переписка Грибоедова с Булгариним обрывается 18 апреля. Но эта лакуна в корреспонденции еще не дает оснований утверждать, как это делает С. А. Фомичев, что «в апреле и мае 1826 г. Булгарин Грибоедову не помогал...». ⁴⁰ На этот счет, говорит исследователь, нет никаких документов. Но ведь они могли просто не сохраниться, а к тому же их скорее всего просто и не было. Известно, что в конце своего заключения Грибоедов предпринимал тайные прогулки в кондитерскую Лореды, располагавшуюся на углу Невского и Дворцовой площади, навещал Жандра, который проживал на углу Мойки и Фонарного переулка, и Муханова, остановившегося в Демутовом трактире. Выходил Грибоедов и в Летний сад. Офицерская улица, где квартировал Булгарин, была не намного дальше, чем указанные адреса.

Следует отвести и соображение С. А. Фомичева о том, что перепуганный неожиданной отсрочкой освобождения Грибоедова Булгарин как раз в тот момент, когда исход дела стал сомнителен, просто уехал из Петербурга. «С.-Петербургские ведомости» свидетельствуют, что издатель «Северной пчелы» города не покидал. Выехали из столицы на лето только «Елена Ивановна Булгарина, жена отставного капитана, с теткою Еленою Ивановною Видеман; при них служитель, дворовый человек графа Воронцова, Ефим Егоров...». ⁴¹

Сразу же после освобождения Грибоедов поселился вместе с Булгариним на даче, «в уединенном домике на Выборгской стороне» (ГВС, 29), ⁴² ограничившись общением с кругом испытанных друзей. Он проводил дни в занятиях музыкой и прогулках

по окрестностям. Время, по словам Грибоедова, протекало «дружно и мирно» (III, 197).

В эти дни им был написан очерк «Загородная поездка», увидевший свет в «Северной пчеле» (1826, № 7) с подзаголовком «Отрывок из письма южного жителя» без указания имени автора. Остановимся на нем несколько подробнее.

3

Без какой-либо аргументации, как факт аксиоматический, «Загородная поездка» была включена в собрание сочинений Грибоедова в 1853 г. Е. Н. Серчевским. Затем очерк автоматически перешел в новое собрание сочинений драматурга, издававшееся И. А. Шляпкиным (1889); не был он также отвергнут и Н. К. Пиксановым (1917). Исходя из этой традиции, «Загородная поездка» перепечатывалась во всех последующих собраниях сочинений писателя. Только в 1977 г. С. А. Фомичев задался вопросом, можно ли считать «Загородную поездку» принадлежащей перу Грибоедова.⁴³ При этом им выдвинуто несколько соображений.

Прежде всего С. А. Фомичев считает неоправданным наличие в подзаголовке очерка эпитета «южный». «...более уместными были бы здесь, — замечает исследователь, — по крайней мере определения „кавказский“ и „восточный“, так как под югом русские люди начала XIX века подразумевали Новороссийскую губернию и Крым».⁴⁴

В тексте очерка говорится: «В полдень 21-го июня мы пустились по известной дороге из Выборгской заставы» (III, 115). С. А. Фомичев, установив, что 21 июня 1826 г. приходилось на понедельник («Очевидно, что в будничные дни народное гулянье невероятно», — справедливо указывает он), делает вывод: описываемое событие могло происходить 21 июня 1825 г., но тогда «следует решительно отвести Грибоедова в качестве возможного автора „Загородной поездки“. 21 июня 1825 г. автора „Горя от ума“ не было в Петербурге — он находился в это время в Крыму».⁴⁵

Против принадлежности очерка Грибоедову, по мнению С. А. Фомичева, свидетельствует также «Девятое письмо с Каменного острова 29 июля» Н. И. Греча, в котором он приурочивает факт поездки драматурга в Парголово к 1825 г. (1830, № 92).

И наконец, обстоятельство, не отмеченное С. А. Фомичевым в его работе, но в известной мере подкрепляющее его позицию. В воспоминаниях о Грибоедове Булгарин упоминает почти все сочинения драматурга. Здесь и «Молодые супруги», и «Своя семья», и «Притворная неверность» (с указанием на то, что в двух последних пьесах Грибоедов выступает как соавтор), и «несколько театральных статей», и «прекрасное стихотворение на балет „Руслан и Людмила“, и «пролог к Гетеву „Фаусту“, и «Хищники на Чегеме» (ГВС, 25, 29). Однако «Загородная поездка» Булгариным почему-то не названа.

Попытаемся найти ответы на вопросы, поставленные С. А. Фомичевым. Почему Булгарин, перечисливший почти все произведения Грибоедова и даже упомянувший несохранившуюся «Грузинскую ночь», пропустил «Загородную поездку»? Объяснить это можно только так: Булгарин называет *художественные* произведения Грибоедова, но не считает нужным говорить о *публицистических*. Последние охарактеризованы суммарно, как «несколько театралный статей». Что же касается названной в тексте очерка даты, то она могла возникнуть как в результате ошибки памяти автора, так и в результате небрежности наборщика. Однако все вышесказанное не выходит за рамки предположений. Поэтому обратимся к свидетельствам, прямо указывающим на то, что «Загородная поездка» принадлежит Грибоедову.

В 1842 г. Булгарин, публиковавший в «Северной пчеле» «Письма Ф. Б. из Лифляндии к А. Н. Гр-чу» под рубрикой «Tutti Frutti», упомянул в одном из них: «От Кипени до Нарвы природа, по словам бессмертного Грибоедова, производит с величайшим усилием одни веники!» (1842, № 178). По-видимому, для «красоты слога» Булгарин перефразирует здесь одно из предложений второго абзаца «Загородной поездки»: «Природа с великим усилием в болоте насадила печальные ели...» (III, 115). Возможно также, что Булгарин употребил выражение, которое он слышал от Грибоедова (подробнее об этом см. ниже) в устной беседе.

Кроме этого «скрытого» указания Булгарина на принадлежность «Загородной поездки» Грибоедову имеется еще несколько прямых подтверждений, принадлежащих ему и А. Н. Гречу. Так, в 1844 г. Булгарин заявил, что очерк был написан именно автором «Горя от ума». В разделе «Смесь. Журнальная всякая всячина», который долгое время вел Булгарин, читаем: «Хотя Грибоедов в поездку свою в Парголово (см. «Сев. пчела» 1826 года) и сказал, что „петербургская природа с величайшими усилиями производит одни веники“...» (1844, № 84). Еще раз к той же теме Булгарин вернулся в 1849 г. В разделе «Пчелка. Журнальная всякая всячина» он сообщал: «Когда мы с покойным А. С. Грибоедовым ехали в Парголово летом 1826 года, грусть овладела им при виде бесплодной дикости петербургских окрестностей, и он, передавая в „Северной пчеле“ свои впечатления, написал тогда о петербургской природе, что она с величайшим усилием производит веники» (1849, № 111). К последней фразе сделано примечание: «Фельетон № 107 „СПб. ведомостей“ уверяет, что *покойник* Грибоедов говорил это. Во-первых, Грибоедов бессмертен и заслужил другой эпитет, а не *покойника*; во-вторых, он этого не говорил, а напечатал в „Сев. пчеле“».

Действительно, в «С.-Петербургских ведомостях» («Петербургская летопись») И. М. (псевдоним И. А. Манна) писал: «Спрашивается теперь, чем же вознаграждает петербургская природа своих поклонников? Сыростью, пылью, холодом, болотными испарениями, а иногда, к концу *дачного сезона*, и снегом...

Природа, которая с трудом производит веники, как говорил покойник Грибоедов». ⁴⁶

Может быть, слова журналиста «С.-Петербургских ведомостей» указывают на то, что афоризм Грибоедова имел распространение в литературных кругах и был известен не только Булгарину, хотя, с другой стороны, И. А. Манн мог просто взять его из «Северной пчелы».

И наконец, о принадлежности «Загородной поездки» Грибоедову печатно высказался и А. Н. Греч (сын Н. И. Греча). В 1848 г. на страницах «Северной пчелы» («Парголово. (В ответ из Заманиловки Ф. В. Булгарину в Карлово близ Дерпта)») он говорил: «Я хорошо помню, что были в двадцать пятых годах Парголово и дорога туда, ⁴⁷ и вспоминаю о том еще живее каждый раз, что проезжаю по этой дороге, некогда пустынной, а теперь почти сплошь и рядом застроенной и заселенной. Дорога эта в прежнем виде своем подала бессмертному Грибоедову повод высказать резкий приговор петербургской природе. Он писал в 1826 году в статье „Загородная поездка“, отрывок из письма южного жителя, напечатанной в „Сев. пчеле“: „На высоты! на высоты! Подальше от шума и пыли, от душного однообразия наших площадей и улиц. Куда-нибудь, где воздух реже, откуда груды зданий в неясной дали слились бы в одну точку, весь бы город представил из себя центр отменно мелкой, ничтожной деятельности, кипящий муравейник. Но куда же вознестись так высоко, так свободно из Петербурга? — в Парголово. В полдень, 21-го июня, мы пустились по известной дороге из Выборгской заставы. Не роскошные окрестности! Природа с великим усилием в болоте насадила печальные ели; жители их выжигают. Дымный запах, бледное небо, скрипучий песок, все это не располагает странников к приятным впечатлениям. Подымаемся на пригорок, и на другой (кажется, на шестой версте); лошадям тяжело, но душе легче, просторнее. Отсюда взор блуждает по бесконечной поверхности лесной чащи“.

Кто узнает в этом описании нынешнюю парголовскую дорогу?

В то время и версты считались иначе: теперь их счет начинается от Адмиралтейской башни, а тогда он начинался с заставы. Вот почему Грибоедов помещает Поклонную гору на шестой версте, тогда как теперь она на одиннадцатой, от Адмиралтейства до старой заставы считается пять с половиною верст, которые должно прилагать к прежним расстояниям» (1848, № 174).

Что же касается упомянутого выше «Девятого письма с Каменного острова 29 июля» Н. И. Греча, то этот довод С. А. Фомичева представляется необидительным. Н. И. Греч писал: «...не мог я не вспомнить о нашем Грибоедове, как он лет за пять перед сим, приехав в Парголово (<...> дышал сухим воздухом...» (1830, № 92). Здесь употреблена такая форма выражения, которая свидетельствует о неуверенности автора в точности даты: «лет за пять перед сим».

Представляется очевидным, что Е. Н. Серчевскому, снабдившему свое издание Грибоедова приложением, в котором он впервые собрал важнейшие печатные отклики в газетах и журналах на «Горе от ума» за 32 года (с 1825 по 1857 г.), были известны высказывания Булгарина и А. Н. Греча о «Загородной поездке» в «Северной пчеле». Но поскольку перед издателем не вставала проблема научного обоснования и комментирования текстов, он не счел нужным как-либо документировать включение «Загородной поездки» в корпус сочинений Грибоедова.

Таким образом, приведенные выше материалы отвергают какие-либо сомнения в том, что «Загородная поездка» написана Грибоедовым.

4

Покинув столицу, Грибоедов неоднократно писал Булгарину. Письма эти в основном наполнены просьбами о присылке денег, книг, различных вещей, напоминаниями увидеться с разными людьми и уладить дела. «Ты дал мне возможность докучать тебе моими делами. Терпи и одолжай меня, — писал Грибоедов «любезному сармату» 12 июня 1828 г., — это не первая твоя дружеская услуга тому, кто тебя ценить умеет» (III, 210). 24 июля того же года: «Любезный друг, пишу к тебе под открытым небом, и благодарность водит моим пером, иначе никак бы не принялся за эту работу после трудного дневного перехода. Очень, очень знаю, как дела мои должны докучать. Покупать, заказывать, отсылать!!» (III, 219).

Любопытно, что Грибоедов доверял Булгарину больше, чем тот ему. Прошедший нелегкую жизненную школу журналист о некоторых деталях своей биографии (в частности, о ревельском периоде, когда он «ввиду плохой аттестации» был уволен из армии и вынужден был нищенствовать) молчал, опасаясь, что это может уронить его в глазах Грибоедова. Грибоедов же обо всем этом был осведомлен. В письме к Булгарину от 16 апреля 1826 г. он говорил: «1-я глава твоей „Сиротки“ так с природы списана, что (прости, душа моя) невольно подумаешь, что ты сам когда-нибудь валялся с кудлашкой». Здесь драматург дает понять, что слышан о бедственном периоде жизни автора «Ивана Выжигина».

Из дальнейших строк письма ясно, что, будучи расположен к Булгарину как к человеку, Грибоедов невысоко ставил его как писателя. Явная ирония ощущается в упоминании о популярности «Выжигина» в самых «демократических» кругах: «Я несколько раз заставлял моего Александра (слугу, — В. М.), когда он это читал вслух своим приятелям». Адресат понял скрытый смысл этих строк. Включив письмо в текст воспоминаний о Грибоедове, данную фразу Булгарин опустил, оставив следующую за ней: «Многие

просят, чтобы ты непременно продолжал и окончил эту повесть» (III, 199). Булгарин не заметил, что и здесь заключена совершенно определенная оценка этого романа. «Многие» просят, однако себя в это число Грибоедов не включает.

Отмеченная фраза была исключена Булгариным потому, что напоминала читателям об аналогичной оценке «Выжигина», всего год назад сделанной С. Т. Аксаковым, подчеркивавшим, что настоящее место романа Булгарина «в передней».⁴⁸

Грибоедов не оставил других суждений о «Выжигине», хотя он несомненно прочитал первую часть романа, печатавшуюся в 1827—1828 гг. в «Сыне отечества». Общественная позиция Булгарина была для него безусловно неприемлема, так как Булгарин доказывал неизбежность всех социальных институтов, внушал читателю мысль о необходимости во всяком испытании верить в правосудие царя, надеяться на помощь бога.

Булгарин быстро и безболезненно расстался с теми идеями, которые он поддерживал до 14 декабря 1825 г. Издатель официозной «Северной пчелы» хорошо чувствовал политическую атмосферу и понимал, что теперь литературный герой, добывающийся места под солнцем в борьбе с моралью и правом властью имущих, не может укрепить политическую репутацию писателя. Поэтому в «Выжигине», сконструированном по образцу «плутовского романа», сознательно устранены все черты, которые хоть отчасти могли бы напомнить о персонажах декабристской литературы. Выжигин охарактеризован как полнейшая противоположность герою типа Чацкого. Булгарин, отмечает Г. М. Фридлиндер, «лишил Выжигина остроумия, практической энергии, свободного и независимого отношения к жизни, чувства превосходства над знатной верхушкой общества».⁴⁹ Вместо этого Выжигин наделяется молчалинской осмотрительностью и внешним благоуравием.

Расхождение во взглядах не мешало Булгарину во всеуслышание заявлять о преклонении перед Грибоедовым и его наследием. В этом преклонении содержалась и немалая доля тщеславия. Булгарин прекрасно понимал, что сияние славы Грибоедова высвечивает и его фигуру. Он первым поторопился запечатлеть для потомства облик драматурга. Булгаринские «Воспоминания о незабвенном А. С. Грибоедове» демонстрируют хорошую осведомленность их автора в биографии Грибоедова. Но при этом Булгарин сказал меньше, чем мог, и, кроме того, говорил лишь то, что было «нужно». М. В. Нечкина указывает, что в своих мемуарах Булгарин создал нарочитый, «совершенно в духе III Отделения, политический и нравственный» портрет Грибоедова.⁵⁰

Булгарин выразил свое отношение к Грибоедову и в художественной форме, выведя его под именем Световидова в романе «Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни» (1835). В данном случае он мог не опасаться, что повредит себе и покойному, и, стало быть, имел возможность развернуть свою концепцию личности Грибоедова

так, как она ему представлялась. Но снова, как и в мемуарах, вырисовывается благостный, чуть ли не иконописный облик. Мятежная молодость героя представляется автору тяжелым заблуждением пылкой натуры. О молодости Световидова сказано: «В юности (...) пример родителей и недостаток нравственного образования едва не увлекли его на стезю порока и едва не свергнули в бездну разврата, если б сила ума и характера не удержали его».⁵¹

В. Ф. Одоевский, прочитав болгаринский роман, сразу же отметил авторскую тенденцию «выпрямить» характер. Свои впечатления он выразил так: «Дашков, Грибоедов просто представляются глупцами, хотя я узнал несколько поговорок Грибоедова, которые, вероятно, записал Булгарин».⁵²

С годами Булгарин лишился и тех немногих положительных качеств, которые отпустила ему природа, и окончательно превратился в «цепного пса самодержавия». Скандальная репутация издателя «Северной пчелы» надолго пережила его и спустя столетие бросила тень и на Грибоедова.

Ю. Н. Тынянов в «Смерти Вазир-Мухтара» сделал Грибоедова любовником жены Булгарина. Разумеется, нельзя лишать писателя права на художественный вымысел, тем более что Тынянов имел для своей версии некоторые основания. По словам Д. И. Завалишина, Грибоедов в молодости имел славу «отъявленного и счастливого волокиты, наполнявшего столицу рассказами о своих любовных похождениях (...) даже за чужими женами» (ГВС, 170—171). К тому же существует письмо Грибоедова к Е. И. Булгариной от 5 июня 1828 г., в котором он именует ее «милой Леночкой». Письмо это свидетельствует о том, что драматург делился с адресатом своими заботами и печальями (нежелание возвращаться в Персию).

Однако здесь случай особый. Ведь, по определению Б. М. Эйхенбаума, тыняновский роман «следует назвать научным романом, содержащим новую концепцию и разгадку личности Грибоедова и его судьбы...»,⁵³ в силу чего каждый факт должен быть обоснован особенно тщательно.

Тынянов придавал этому эпизоду важное значение. Он специально вернулся к данному вопросу в статье «Как мы пишем» (1930), где дал своей гипотезе документальное обоснование. Прочитируем место, относящееся к Булгарину и Грибоедову: «Насчет жены Булгарина и Грибоедова нет документов. Есть намек у Пушкина о Фаддее Булгарине:

Что ж он в семье своей почтенной?
Он?... Он в Мещанской дворянин.

Мещанская была неблагополучная улица: на ней помещались веселые дома. Есть еще мелочи, но ничего существенного. Но тон какой-то, сама дружба такая. И много времени после того, как я написал роман, я просматривал замечательный альбом худож-

ника-карикатуриста Н. Степанова. Альбом этот (нигде, к сожалению, не воспроизведенный) шаг за шагом изображает жизнь и деятельность Фаддея.

Розовый, маленький, с обнаженными веками стоит он перед своей женой (которую пощадил карикатурист). Он смотрит на портрет. На портрете резкое, сухое лицо (обведенное — для приличия? — черным мазком бакенов). Под рисунком подпись: „Вот портрет моего усопшего друга! Он боготворил жену мою как собственную свою и был настоящим отцом детей моих...“

А на другом рисунке Фаддей представлен со всей своей семьей. Склерозная розовая пышка катится впереди всех. За ним — жена. Позади, и как-то особо, худощавый черноволосый юноша в шинели и треуголке. Он нарисован с очевидным намерением напомнить о Грибоедове — красивый, осанка аристократична.

Я не порадовался, потому что я ведь не думал о детях: как невесело быть сыном Грибоедова и носить всю жизнь фамилию Булгарина.

Все это, разумеется, мелочи. Но я должен быть уверенным, что знаю людей. В споре Катенина с Пушкиным по поводу „Мозарта и Сальери“, что нельзя так, здорово живешь, обвинять исторического человека в убийстве, я на стороне Катенина.⁵⁴

Сказано, как видим, вполне категорично. Тем не менее гипотеза Тынянова не соответствует исторической истине. Более того. «В петербургских главах романа Тынянова, — справедливо замечает С. А. Фомичев, — Булгарин получает значение едва ли не большее, чем то, на которое претендовал он сам».⁵⁵

Обратимся к упомянутому альбому Н. А. Степанова. В настоящее время он хранится в Литературном музее Института русской литературы АН СССР. Пять листов из него были воспроизведены в том же 1930 г. в «Записках...» Н. И. Греча. Правда, упомянутых рисунков в этом издании нет.

Ученый описывал рисунки Н. А. Степанова явно по памяти, так как некоторые детали им опущены или неверны. Так, Тынянов указывает, что у Н. А. Степанова Булгарин нарисован вместе с женой. На самом деле Булгарин изображен стоящим перед портретом одн.⁵⁶ В передаче Тынянова лицо на портрете «резкое, сухое». В действительности оно довольно расплывчато, с кислым выражением, подчеркнутым опущенными уголками рта. И самому исследователю показалось странным, что физиономия на портрете обведена «черным мазком бакенов». «Для приличия?» — задал он риторический вопрос. Не обратил внимания Тынянов и на возраст человека, изображенного на портрете. Ему не менее пятидесяти или, во всяком случае, около того, что не соответствует годам Грибоедова. А главное — в портрете отсутствуют очки. Грибоедов же без очков немислим.

Это же лицо (правда, в ином ракурсе, но сходство весьма ощутимо) возникает буквально на следующем же листе альбома. Здесь Булгарин изображен почти обнаженным. Он вышел «деза-

билье» после купания и без стеснения расхаживает перед домашними. Слева от него, со шляпой в руке, сидит тот самый господин, что ранее предстал перед зрителем на портрете. Совпадает все: возраст, прическа, бакенбарды, рот. Справа от главы семейства, лицом к зрителю, сидит Елена Ивановна Булгарина. В самом деле, как пишет Тынянов (он, видимо, и имел в виду этот лист); ее «поощади карикатурист». В ее облике нет ничего шаржированного. У нее усталое, отмеченное какой-то тайной грустью лицо. За ее стулом стоит старший сын, очень похожий на мать юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Под рисунком подписано: «Конечно, я не могу сравниться красотой с Аполлоном, но форм своих не стыжусь и каждый день, выходя из купального шкафа, люблю в этом виде провести несколько приятных минут в кругу моего семейства». ⁵⁷ Стало быть, мужчина этот входит в число «членов семьи».

Инкогнито раскрывается в мемуарах Н. И. Греча. Хорошо информированный обо всех подробностях семейной жизни Булгарина, его компаньон упоминает некоего Леонарда Викентьевича Ордынского, которого Булгарин устроил секретарем к Бенкендорфу, надеясь получить от него необходимую информацию по издательским делам. Однако Ордынский не оправдал надежд своего патрона, ответив ему: «Ничего тебе не скажу, ибо не хочу осрамить твоей рекомендации, и ни в коем случае не нарушу моих обязанностей ни для кого». «Булгарин опешил, испугался неожиданной честности своего бывшего друга и клиента и даже стал его бояться. Ордынский не только не прекращал с ним дружбы, но сблизился с ним еще более, *водворился у него в доме и стал хозяйничать и командовать, как у себя*. Булгарин не смел пикнуть и предоставил ему делать что угодно. *До каких пределов простиралась эта уступчивость, по совести, сказать не могу*». ⁵⁸ Заключительный намек мемуариста, без сомнения, касается семейной жизни Булгарина. Булгарин писал об Ордынском в «Северной пчеле»: «Друг мой, которого я любил *тридцать два года сряду*, который был предан мне безусловно, Леонард Викентьевич Ордынский, умер внезапно» (1852, № 133). ⁵⁹ По свидетельству журналиста, Ордынский, родившийся в 1799 г., приехал в Петербург в 1820 г. и тогда же сошелся с Булгариным. Булгарин даже словно намекает на особое положение Ордынского в его семье: «Ордынский был холост, и в моем только доме он был *свой*, более нежели *родной*» (там же, примеч.; курсив Булгарина).

Третий рисунок также описан Тыняновым неточно. Булгарин на нем не «катится впереди всех». Жена на рисунке вообще отсутствует. Первой поднимается на ступеньки кондитерского магазина знаменитая «танга», тетка жены Булгарина. ⁶⁰ В центре листа сам редактор «Северной пчелы». Он держит за руки девочку и мальчика с корзинами. Завершают шествие два молодых человека, один из которых изображен в профиль. Именно он облачен в шинель и треуголку. Говорить о его сходстве с Грибоедовым не прихо-

дится. У юноши большой горбатый нос, совсем не похожий на прямой аккуратный нос Грибоедова. Если же сравнить изображение молодого человека с портретом женщины на л. 24, становится ясно: это мать и сын. Сходство очень заметно.

Наконец, эпизод этот в романе недостоверно мотивирован хронологически. «Описанное во второй главе романа „Смерть Вазир-Мухтара“ послетеатральное приключение, — констатирует С. А. Фомичев, — не могло произойти уже хотя бы потому, что до первых чисел апреля спектаклей в Петербурге не было: они начинались лишь после пасхи (пасхальная неделя в 1828 году падала на 25—31 марта)».⁶¹

Подводя итоги личных взаимоотношений Грибоедова с Булгариным, хочется оспорить и еще одно суждение, принадлежащее А. А. Лебедеву. «Устойчивое примирение Грибоедова с дружбой Булгарина, — говорит он, — вскрывает для нас и свидетельствует объективно о некоей социально-психологической *предрасположенности* его к позициям и решениям, не имеющим *бесспорного* общественного смысла и характера...».⁶² Мысль продолжается: «...устойчивая дружба Грибоедова с Булгариным свидетельствовала о том, что в интересах „пользы дела“ Грибоедов мог идти значительно дальше (...) его современников, преступая при этом существенные моральные барьеры».⁶³

Другими словами, Грибоедов мирился с присутствием Булгарина потому, что это было выгодно, избавляло от необходимости заниматься «прозой жизни»⁶⁴ (ведь не мог же Грибоедов с его умением разбираться в людях не видеть, что такое на самом деле был Булгарин). Стало быть, он ради не слишком значительных жизненных удобств поступался не только мнением друзей, но и прежде всего уважением к самому себе. Говорить о том, что Грибоедов преступал «моральные барьеры», то же самое, что ставить знак равенства между автором «Горя от ума» и Булгариным, расценивать нравственный потенциал Грибоедова по меньшей мере как сомнительный.

Видимо, А. А. Лебедев и сам чувствует шаткость своих утверждений, потому что считает нужным несколько смягчить их: «...порой в голову приходит мысль о том, что правы, пожалуй, были те из современников Грибоедова, которые считали его редкостно простодушным и доверчивым человеком».⁶⁵ Напомним, что «простодушие» Грибоедова в данном случае питалось его доверчивостью. Однажды поверив в высокие человеческие качества Булгарина (случай с Гениссьеном) и встретив поддержку с его стороны во время ареста, Грибоедов в дальнейшем виделся с ним не так уж часто, с большими перерывами, что делало для Грибоедова постепенную эволюцию редактора «Северной пчелы» не слишком явной (понятно, что во время непродолжительных встреч Булгарин тщился представить себя с лучшей стороны). Нельзя также скидывать со счетов и нежелание Грибоедова подчиняться советам тех, кто указывал ему на несовместимость его

с Булгариным. Это Грибоедовым воспринималось как стремление управлять им, что было для него абсолютно неприемлемо.

5

Издание газеты, в которой на протяжении более чем трех десятков лет популяризировалось на все лады творчество одного писателя, вероятно, является беспрецедентным в истории мировой литературы. Начиная с первых же номеров «Северной пчелы» и почти до самой смерти ее хозяина, в газете постоянно по поводу и без повода цитировалось «Горе от ума», упоминался его автор. Вообще в «Северной пчеле» литературе отводилось немало страниц, но творчество Грибоедова при этом всегда стояло на первом месте. О Грибоедове Булгарин неоднократно писал и во многих других изданиях.

Сравнение Грибоедова с Фонвизиным впервые возникло у Булгарина в фельетоне «Литературные призраки». В дальнейшем оно превратилось в его излюбленный тезис, которым он пользовался множество раз. Еще до выхода в свет «Русской Талии» он писал Н. А. Полевому 27 октября 1824 г.: «Что это за человек Грибоедов! Что за комедия! После Мольера и Фон Визина он у нас первый — вот человек попал на путь национальной комедии. У него не французские маркизы и дюкессы, а Русь святая, со всей злобой и добротой — чудо и человек и его комедия».⁶⁶

Та же параллель проводится им и в статье «Междудействие, или Разговор в театре о драматическом искусстве». В литературоведении уже отмечалось, что «в суждениях Булгарина 1824—1825 годов отражались взгляды и мнения декабристов».⁶⁷ Еще точнее будет сказать, что Булгарин вторил Грибоедову. Так, вслед за ним он утверждал, что во французской комедии «действие<...> обращается в весьма тесных пределах, сжато излишними приличиями, из которых французы составили себе мнимые законы».⁶⁸

Отзвуки мыслей Грибоедова прослеживаются и в рассуждении о достоинствах русских летописей, которые «дышат красноречием, высокими чувствованиями» и являются неисчерпаемым источником для отечественной трагедии. Но тут же Булгарин допускает фальшивую ноту, заявляя, что Шекспир, Шиллер, Гёте, Расин, Корнель и Вольтер, несмотря на «великие свои дарования», «всегда будут чужды для России», в силу чего они «не могут и не должны быть законодателями нашего вкуса, наслаждений и учителями в прославлении наших предков».⁶⁹

Спустя четверть века, вспоминая сказанное Грибоедовым по поводу национального и общечеловеческого, Булгарин отмечал: Грибоедов, «образец высшего европейского просвещения, не подразумевал в своем негодовании противу нелепого подражания наук, художеств и всех полезных открытий...» (1850, № 207).

В «Междудействии...» же он, выступая как бы от своего имени, искажает грибоедовскую мысль, придает ей шовинистический оттенок.

В конце статьи он опять не удержался от намека на Грибоедова, но теперь, помня о неожиданной реакции драматурга на «Литературные призраки», высказывается очень осторожно. «Мне кажется, — писал Булгарин, — что (...) никто поныне не превзошел Молиера и Фонвизина». ⁷⁰ Однако это предложение снабжается примечанием: «Умалчиваю о современниках, чтоб не показаться пристрастным». Рядом же с этими именами Булгарин всегда ставил имя Грибоедова.

В своей характеристике ожидаемой образцовой русской комедии Булгарин исходил из содержания и идейного замысла «Горя от ума»: «Многие думают, что страстные любовники, легковверные отцы или опекуны, пронирыливые слуги суть необходимая принадлежность комедии, а я полагаю, что первоклассная характерная комедия может существовать без этих заржавленных пружин и произведет желаемое действие одним резким очертанием характеров и удачною развязкою какого-нибудь комического происшествия, которого цель будет осмеяние недостатков общества и, следовательно, общая польза и нравственность». ⁷¹

И снова, исходя как будто бы из новаторского принципа построения современной комедии, Булгарин дополняет верное наблюдение собственными умозаключениями и тем самым обедняет его. По Булгарину получается, что цель комедии всего лишь — «общая польза и нравственность».

Принято считать, что Булгарин не принимал участия в полемике вокруг «Горя от ума» в 1825 г. Обычно полагали, что под псевдонимом Д. Р. К. в «Северной пчеле» и «Сыне отечества» выступал Н. И. Греч. Один лишь Н. И. Мордовченко мимоходом заметил, что этот псевдоним принадлежал Булгарину, но не развернул свое наблюдение. Ниже мы постараемся доказать его правоту.

Оценка «Горя от ума» была дана уже в первых номерах «Северной пчелы» за 1825 г. В обзоре современной литературы («Петербургские записки») говорилось: «Из рукописных произведений все истинные знатоки и любители отечественного слова восхищаются комедиею А. С. Грибоедова „Горе от ума“. Ее читают даже в позлащенных гостиных. Из напечатанного отрывка в „Русской Галии“ никак нельзя судить о прелести целого. Прекрасные стихи, верное изображение характеров и странностей общества, высокие чувствования любви к отечеству, занимательность комических положений — все соединяется в этой пьесе. Безо всякого сомнения, после „Недоросля“ у нас не было ничего подобного» (1825, № 15).

Заметка была подписана псевдонимом Д. Р. К., которым прежде пользовался Греч. Однако трудно допустить, чтобы последний «списывал» у Булгарина то, что он сказал в «Литературных

призраках», где фигурируют «живость мыслей, плавность стихов и занимательность положений действующих лиц» и дается ссылка на мнение «знатока». Современники также считали, что в этом случае под псевдонимом Д. Р. К. укрылся Булгарин. В частности, в этом не сомневался Н. А. Полевой. Булгарин, правда, поспешил его заверить, что ничего общего с Д. Р. К. не имеет. «Прошу не принимать меня за Д. Р. К., — писал он Полевому, — ниже за автора кавк<азских> писем — я всегда Ф. Б. или Архип Фаддеевич Зеров». ⁷² Ясно одно. Булгарину по каким-то соображениям было нежелательно, чтобы его считали автором отзова о «Горе от ума». И всего вероятнее потому, что он не забыл о той реакции, которую вызвал у Грибоедова его фельетон «Литературные призраки».

Гречу приписывался и ответ Ж. К. (псевдоним, который прежде действительно использовался им) Н. А. Полевому, помещенный в «Сыне отечества». ⁷³ Но хотя в «Третьем письме на Кавказ», в котором Ж. К. спорил с Полевым, Греч указан в примечании как автор статьи, ⁷⁴ в самом ее начале сказано, что она сочинялась двумя лицами — Гречем и Булгариным: «Приписки моего неугомонного Д. Р. К. причиною, что я не успел кончить начатого во втором письме моего отчета об альманахах...». ⁷⁵

Далее следуют подробные возражения Полевому по поводу его оценки «Русской Талии». И хотя здесь содержится подчеркнутое указание на то, что статья написана Гречем («о сатирических статьях г-на Булгарина спорить не стану: это дело вкуса; только вряд ли он заимствовался из Паннара»), ⁷⁶ но, на наш взгляд, именно этот пассаж и доказывает авторство Булгарина. Не в его правилах было передоверять кому бы то ни было отвечать на выпады по своему адресу. Кроме того, вспомним, что именно Булгарин «специализировался» на «Горе от ума». Греч к творчеству Грибоедова после 1825 г. не обращался. Можно допустить, что ему в данной статье принадлежит лишь рассуждение о грамматических ошибках московского критика. Первые же два пункта возражений скорее всего написаны Булгариным. Не случайно замечание о свободе поэтического слога по смыслу повторяет соответствующее место в «Междудействии...».

Ж. К. писал: «1) Если в критике приводим чьи слова, то не должно их искажать: в комедии напечатано: *глаз мигом не прищуря*, а в „Телеграфе“ совсем не так. 2) Из приведенных критиком примеров только сокращение к *прикмахеру* может назваться непозволительным в хороших стихах; все прочие слова, употребленные в обыкновенном светском разговоре, некоторые в шутках, ничуть не противны ни правилам, ни слуху, ни пристойности театральной. У нас еще, как видно, не все понимают свободу слога поэтического: и в комедиях требуют размеренных стихов, шестистопных сентенций, гладких фраз. Г-н Грибоедов именно тем, в отношении к слогу, и заслуживает внимание и похвалу, что умел переложить в неправильные рифмы язык разговорный». ⁷⁷

Через некоторое время Булгарин (снова под псевдонимом Д. Р. К.) вернулся к комедии Грибоедова в «Четвертом письме на Кавказ». Он опять повторил сопоставление с Мольером и Фонвизинным и отметил замечательное мастерство автора в передаче индивидуального языка персонажей. Д. Р. К. писал: «Разговорный слог г-на Грибоедова (не во гнев московскому рецензенту) есть образцовый в полном смысле сего слова. Искусство необыкновенное подвести обыкновенный разговорный язык со всеми его изысканиями под правила поэзии таким образом, что рифма, кажется, есть натуральное окончание каждого речения. Ты читал всю комедию „Горе от ума“, итак, нам нечего спорить. Ты удивляешься, что нашлись люди, которые утверждают, что слог Грибоедова нехорош и комедия написана не по правилам. Прочти первый том записок г-жи Кампан: ты увидишь, что придворные просили Людовика XVI, чтоб не играли в Фонтенбло комедий Мольера, потому что в них *нет вкуса* и истины. А на Фонвизина разве не гневались? Мы даже не хотим знать имен противников Молиера и Фонвизина, а творения их живут и утешают нас — то же будет и с критиками г-на Грибоедова».⁷⁸

После полемики 1825 г. критика почти пять лет не упоминала о комедии Грибоедова, которая за это время так и не появилась ни на сцене, ни в печати. Только в 1829 г. в связи с постановкой третьего действия «Горя от ума» московская и петербургская пресса вновь заговорила о пьесе.

Одним из первых снова был Булгарин. В «Северной пчеле» (1830, № 18) в рубрике «Русский театр» он поместил рецензию на постановку третьего действия «Горя от ума» в Большом театре в бенефис М. А. Каратыгиной. Рецензия подписана инициалами Т. В., представляющими собой начальные буквы польской транскрипции имени и фамилии автора — Тадеуш Булгарин. Автор статьи угадывается тем более легко, что примечание к ней подписано: «Изд(атель)».

Рецензия Булгарина в основном касается актерской игры, причем автор ее большей частью ограничивается однообразными эмоциональными приговорами, которые, впрочем, довольно типичны для рядовой театральной рецензии тех лет. Так, по мнению рецензента, в изображении характера Чацкого Каратыгин-старший «успел (...) совершенно»; «Г-жа Каратыгина в роли Натальи Дмитриевны достигла *возможной степени совершенства*»; «Г-н Сосницкий (...) не удвоил нашего ожиданию в роли Загорецкого»; «Г-жа Ежова, представлявшая Хлестову, некоторые стихи сказала хорошо, но вообще удалилась от характера роли»; «Г-жа Величкина в маленькой роли княгини Тугоуховской была чрезвычайно хороша...»; Семенова (Софья) «играла очень хорошо»; «Брянский в роли беспечного Платона Михайловича был весьма хорош». Но, несмотря на комплименты по адресу отдельных актеров, Булгарин «по существу не согласился с трактовкой всех главных ролей».⁷⁹

Саму пьесу Булгарин, как и всегда, оценивает очень высоко, называя ее «современной народной русской комедией», в которой «все резкое извлечено из наших нравов и обычаев». Но о социальном смысле произведения, об антагонизме между Чацким и фамусовским обществом Булгарин даже и не вспоминает, сводя весь конфликт к незначительному «недоразумению». Чацкий в его трактовке всего лишь «гневаётся на высшее общество за излишнее пристрастие к чужеземным обычаям, а на своих знакомых за их бесхарактерность».

Булгарин тем не менее дает довольно точные психологические характеристики действующих лиц. Критик не приемлет Загорецкого, представленного в спектакле каким-то «подьячим», напоминает, что Загорецкий, по словам Платона Михайловича, человек света. Суждение о Софье в известной мере предвосхищает мнение о ней Гончарова. Софья, писал Булгарин, «взрослая девица при вдовом отце...». Привыкнув к роли распорядительницы в доме, она «должна была выказать более светскости. Положение ее среднее, между девицею и замужнею: она хозяйка, полная властительница своей воли. В ее обхождении должно быть более смелости».⁸⁰

Через четыре месяца Булгарин снова писал о третьем и четвертом действиях «Горя от ума», поставленных в бенефис Григорьева-старшего и Каратыгина-младшего (1830, № 75). Однако ничего нового к первому отзыву его статья не добавляет как по причине краткости, так и потому, что из двух неполных колонок текста одна почти целиком отведена под цитаты.

На фоне выступлений В. А. Ушакова (Московский телеграф, 1830, № 11 и 12), Н. И. Надеждина (Телескоп, 1830, № 20) и И. В. Киреевского (Европеец, 1832, № 1), где делались попытки выявить идейное содержание комедии, аморфность суждений Булгарина особенно заметна.

В связи с первым представлением «Горя от ума» Булгарин опубликовал пространную статью, занявшую два подвала «Северной пчелы» (1831, № 31, 32). И снова каких-либо принципиально новых или оригинальных соображений им высказано не было. Булгарин еще раз напомнил об огромной популярности грибоедовской пьесы, которой в России, по подсчету одного из его знакомых, насчитывается около 40 тысяч списков (число, конечно, преувеличенное). Причины столь широкого распространения он видел в типических характерах пьесы, в языке персонажей, неотделимом от подлинно литературного языка, в «чувстве пламенной любви к отечеству», которым одушевлено произведение (№ 31).

Новым для Булгарина здесь является лишь утверждение, что комедия Грибоедова может показаться несценичной. Она «не может столько нравиться на сцене — так, как дают ее ныне, — сколько нравится в чтении». Оценить все достоинства «Горя от ума» можно только при наличии игры, конгениальной авторскому замыслу. Булгарина не удовлетворило исполнение центральных ролей Рязанцевой, Семеновой, Каратыгиным-старшим и Сос-

нищим. Аргументы и ход рассуждений автора в последнем случае во многом повторяют его прошлогоднюю статью. Несколько углублена характеристика фамусовского лагеря, где Чацкий «видит странности и пороки, которые пред ним хотя и представляют добродетелями, по силе господствующих предрассудков...» (№ 31).

Интересна болгаринская оценка образа Репетилова, которого на сцене изображали полупьяным мотом, раскаивающимся в своих поступках: «Не то, совсем не то! Репетилов есть лжец, который, чтоб только занять человека, выдумывает небылицы на себя и на других» (№ 31).

Первый раз позволяет себе Булгарин заметить какие-либо недостатки в «Горе от ума», соглашаясь с теми «учениками Лагарпа», которые считают, что в пьесе «мало завязки, мало интриги» (№ 32).⁸¹ Иначе, писал он, и быть не может; так как «при нашей *регулярной* жизни невозможно написать комедию с такой завязкой, как французские комедии» (там же).

Снова и снова утверждал Булгарин, что в «Горе от ума» «автор желал только представить картину нравов — и выполнил это в совершенстве» (там же).

В очередной раз повторил он, что пьеса Грибоедова, «эта живая картина нравов, страдает недостатками формы», в обширной статье «Взгляд на русскую сцену», где о Грибоедове говорится лишь мимоходом (1836, № 46—48). Упорно повторяя это заключение, Булгарин тем самым сводил произведение гениального драматурга до уровня своих «нравоописательных» романов и очерков.

В 1833 г. вышло в свет первое отдельное издание «Горя от ума», сопровождавшееся рядом откликов в печати. Наиболее заметным было выступление О. И. Сенковского, указавшего на общественное значение комедии: «Подобно „Свадьбе Фигаро“, это комедия политическая: Бомарше и Грибоедов с одинаковыми дарованиями и равной колкостью сатиры вывели на сцену политические понятия и привычки обществ, в которых они жили, меряя гордым взглядом народную нравственность своих отечеств».⁸²

Отклик же Булгарина на такое событие был до странности краток. Упомянув в одном абзаце об огромной популярности «Горя от ума» во всех уголках отечества, он говорил далее: «Читатели „Северной пчелы“ и „Сына отечества“⁸³ уже знают мнение наше насчет „Горя от ума“, а потому излишним почитаем повторять похвалы сему единственному сочинению. Некоторые из образованных любителей словесности не согласны с нами в мнении о сей комедии, утверждая, что „Горе от ума“ имеет более достоинства сатирического, нежели политического и драматического.⁸⁴ Не станем спорить. Однако ж, смотря на „Горе от ума“ и с сей точки зрения, нельзя не согласиться, что сие творение есть самое удачное, или, лучше сказать, *первая* сатира на русском языке. Лучшей оригинальной комедии мы не знаем, а потому и не можем сравнивать „Горе от ума“ с другими произведениями в отношении драматическом» (1833, № 289).

Не вступая в полемику со своими оппонентами, Булгарин тем не менее предпринял в дальнейшем обходной маневр, задачей которого была переоценка грибоедовской комедии. В 1837 г. страницы «Северной пчелы» были предоставлены В. А. Ушакову, уже не раз выступавшему со статьями о «Горе от ума», причем одна из них (Московский телеграф, 1830, № 11, 12), по словам Н. К. Пиксанова, намечала «ту задачу, которую впоследствии выполнил с таким блеском и глубиной Гончаров» (II, 313).

Однако на сей раз Ушаков выступил с позиций совершенно противоположных. Он доказывал, что в «Горе от ума» речь идет не о предрассудках Фамусова и его сторонников. «Это карикатуры, выдуманные для смеха. Это фарсы и ошибки автора». Грибоедов, полагал Ушаков, обличал не только Фамусовых, но и Чацких. Эти Чацкие, «глядя на своих сверстников, которые, служа более или менее, были более или менее полезны отечеству <...> иногда вздыхают не потому, чтобы их мучил демон запоздалого честолюбия, а потому, что они сами, *чересчур* вперяя в науки ум, алчущий познаний, не нашли, чего желали, и <...> убежденные в той истине, что науки гораздо ограниченнее, нежели как они воображали, и не даются с помощью одних *высших взглядов*, без основательного учения и без определенной цели <...> вздыхают о потерянном времени, о молодости, проведенной без пользы для себя и для других!...» (1837, № 119).

«Горе от ума» к этому времени давно стало «монополией» Булгарина на страницах «Северной пчелы», и если бы он не был согласен с каким-то суждением о пьесе, то статья никогда не появилась бы в газете.

И по поводу второго издания комедии (1839) Булгарин (в который уже раз!) повторил весь набор своих штампов. Здесь и параллель с Фонвизиним и Мольером, и указания на то, что многие стихи превратились в пословицу (со множеством цитат). Заклучалась статья подробнейшим пересказом вступительной статьи К. А. Полевого к новому изданию «Горя от ума» (1839, № 190).

Статья о бенефисе «актера-режиссера г-на Куликова» (1839, № 156) не подписана, но некоторые ее положения дают основания вновь предполагать авторство Булгарина. «Рецензент, — формулировал автор, — есть не что иное, как таможенный пристав критики: обязанность его — не пропускать никакой контрабанды на сцену и налагать пошлину на все запрещенное искусством и приличием». Сходные соображения частенько мелькают в критических статьях Булгарина. Кроме того, здесь говорится и о необходимости акцентирования в образе Фамусова «чопорной важности, самодовольства» в соединении с «московским добродушием», о чем Булгарин упоминал каждый раз, как только речь заходила о Фамусове. Характерной для Булгарина деталью является и подмена анализа идеи произведения тягучими рассуждениями о несоответствии манер действующих лиц подлинным манерам

светских людей и интерьера дома Фамусова убранству настоящего московского особняка. Обычна для него и брошенная словно мимоходом фраза о том, что Грибоедов хотел изобразить московское общество совсем не с той точки зрения, с которой представлено оно в спектакле Александринского театра.

Но странно! Булгарин, с годами привыкший считать свое мнение о «Горе от ума» непогрешимым, почти не отреагировал на статью в «Отечественных записках» (1840), в которой неизвестный критик (Белинский) «чернил» комедию Грибоедова. Издатель «Северной пчелы» должен был бы возмутиться сопоставлением «Горя от ума» и «Ревизора», пьесы, которую Булгарин считал «грязной». И тем не менее Булгарин ограничился лишь краткой репликой по адресу «Отечественных записок». Бегло упомянув, что «Горе от ума» подвергается «большой критике» (1840, № 5), он в дальнейшем сказал только: «Мы не соглашаемся с теми, которые признают г-на Гоголя *первым русским прозаиком*, ставят „Ревизора“ выше „Горя от ума“...» (1842, № 130). Поскольку это было сказано через два года после выступления Белинского, можно считать, что его статья была оставлена Булгариным без ответа. Может быть, он хотел передоверить ответ А. А. Жандру, который, как мы знаем, был возмущен критикой «Отечественных записок». Не случайно жандровский «Опыт...» дошел до нас в составе архива Булгарина.

Булгаринская «грибоедовиана» не исчерпывается рассмотренными статьями. Булгарин несчетное число раз цитировал по самым разнообразным поводам произведение Грибоедова. Именно к нему в первую очередь следует отнести гончаровское замечание о той «грамотной массе», которая «испестрила грибоедовскими поговорками разговор» и «буквально истаскала комедию до пресыщения».⁸⁵

Сам Булгарин уже в 1825 г. посчитал необходимым сделать оговорку в примечании к своему очерку «Нравы. Хладнокровное путешествие по гостиным (Литературная гостиная)»: «Читатели извинят меня, что я так часто ссылаюсь на эту превосходную комедию. Чем более вчитываюсь, тем более нахожу достоинств в сем единственном произведении, живой картине нравов нашего времени» (1825, № 126). С тем же «откровением» обратился он к читателям и в 1830 г.: «Удивительное дело: видясь ежедневно, можно примешивать к разговорам стихи из сей комедии, и они всегда будут кстати, о чем бы вы ни говорили...» (1830, № 18). С годами цитирование «Горя от ума» вошло у Булгарина в привычку: «Комедия Грибоедова, — писал он в 1850 г., — для меня то же, что в древнем Риме были книги Сибиллы: во всем я советуюсь с „Горю от ума“ и все нахожу в ней» (1850, № 100). Всего за три с лишним десятилетия Булгарин процитировал в «Северной пчеле» 80 текстов из «Горя от ума», при этом общее количество цитат переходит за 300. Например, рецензия на «Песни русского народа» Сахарова заканчивалась строками из «Горя от ума»: «Вот наши

строгие ценители и судьи!» (1838, № 104). Этот стих Булгарин приводил чаще других. Не менее охотно обращался он к другим выражениям: «Есть отчего в отчаянье прийти...», «Зови меня вандалом...», «Не пишет он, то есть в том пользы не находит...», «О Бейроне и о матерьях важных...», «Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!», «Смесь французского с нижегородским...», «Времен очаковских и покоренья Крыма...», «С чувством, с толком, с расстановкой», «Вам сна нет от французских книг...», «Числом поболее, ценою подешевле...», «Умеренность и аккуратность...» и т. д.

Использовал Булгарин цитаты из «Горя от ума» и в качестве эпиграфов к своим очеркам и фельетонам. К особому разряду цитат необходимо отнести те стихи «Горя от ума», которые были опубликованы Булгариным до 1833 г., т. е. до того, как вышел из печати полный текст комедии. Булгарин слегка рисковал, приводя в своих работах стихи, запрещенные цензурой, но желание щегольнуть своим фрондерством и продемонстрировать его автору комедии превалировало у него над боязнью возможных неприятностей. К таким цитатам относятся: «Кто наши строгие ценители и судьи?» (1825, № 119); «Он славно пишет, переводит...» (1825, № 125); «О Бейроне и о предметах важных...» (1825, № 126); «Когда о честности высокой говорит, Каким-то демоном внушаем; Глаза в крови, лицо горит, Он плачет — и мы все рыдаем» (1826, № 102); «Куда как чуден создан свет! Пофилософствуй — ум вскружится; То бережешься, то обед: Ешь три часа, и в три дни не сварится!» (1827, № 25); «Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!» (1828, № 18).

Преувеличивать смелость Булгарина не стоит. В 1831 г. в печати промелькнуло сообщение, что цитирование не разрешенных цензурой стихов из «Горя от ума» для русских журналов и газет было довольно обыкновенным делом: «Некто, вырезывая встречавшиеся ему в печати выписки и эпиграфы из „Горя от ума“, собирал лоскутки по порядку, в котором находятся они в комедии. Сверив их с имеющимся у него списком, он удостоверился, что ему надобно еще найти только 128 стихов, чтобы составить печатный экземпляр комедии».⁸⁶

Очень характерно, что со смертью Грибоедова цитирование запрещенных стихов из «Горя от ума» в «Северной пчеле» тотчас прекратилось, — Булгарин не любил напрасного риска. Только в 1830 г. критик, укрывшийся под инициалами А. В. С. (Булгарин?), привел следующий текст: «В журналах можете, однако, отыскать Его отрывок, взгляд и нечто. Об чем бишь нечто? — обо всем» (1830, № 4).

Примечательной особенностью цитирования является употребление тех стихов из комедии, которые вне контекста выглядят совершенно нейтральными. Ни разу не воспользовался Булгарин строками, где фигурировали профессора, упражняющиеся «в расколах и безверье», или «карбонарии», не признающие властей.

Строка из монолога Чацкого «Кто наши строгие ценители и судьи?» употреблялась множество раз, но только однажды Булгарин продолжил эту цитату: «Не эти ли, грабительством богаты? Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве, Великолепные соорудя палаты, Где разливаются в пирах и мотовстве...» (1847, № 294). Симптоматично, что сделано это было во времена довольно либеральные и с тех пор ни разу не повторялось.

Порой Булгарин цитировал слова Грибоедова таким образом, что превращал его в сторонника реакции. Особенно наглядно проявилось это во время революционных событий во Франции. «Возблагодарим бога, — писал Булгарин, — что мы русские, и выметем помелом из России все завиральные идеи (как называл их бессмертный Грибоедов)» (1848, № 114). И по аналогичному поводу: «Кстати вспомнить стих бессмертного Грибоедова: „Что радикальные потребны тут лекарства“. Эти радикальные лекарства известны и с величайшею пользою были употреблены в Париже генералом Кавеньяком в прошлом году» (1849, № 141). И в том же духе: «Шиллер жил во время первой французской революции и списывал с натуры, а мы видели, как этот змей снова поднял голову в 1848—1849 годах. Скажем с Грибоедовым: „Подалее от этих хватов“» (1851, № 189). Или: «Мы пережили удивительное время, и если из него не извлечем спасительных уроков, то к нам можно будет применить стихи из бессмертного творения Грибоедова: „Полечат, вылечат авось, А ты, мой батюшка, неизлечим, хоть брось!“» (1848, № 274). Не желая признавать каких-либо достоинств за драматургией А. Н. Островского, Булгарин подкрепляет свое суждение словами из «Горя от ума»: «Я пошlostей не чтец, а пуще ... образцовых!» (1854, № 158).

«Горе от ума», о высоких поэтических достоинствах которого он так любил распространяться, то и дело профанировалось Булгариным: «Кто раз надел сапоги Пеля, тот от него не отстанет: „Вкус, батюшка, особая манера, На все свои манеры есть!“» (1846, № 181) — или: «Многие любители табакокурения поблагодарят меня за указание этого *лакомства* нашего времени. Дешевизна необыкновенная! Вот и сбылась древняя римская поговорка: „И дым отечества нам сладок и приятен!“» (1856, № 31).

Критикам его фельетонной манеры Булгарин отвечал цитатой из «Горя от ума»: «Некоторые из противников наших упрекают „Пчелку“, что она говорит о магазинах, ремесленниках и общественных заведениях, требуя, чтобы „Пчелка“ не говорила ни о чем другом, как: „О камерах, присяжных, О Бейроне... Ну, словом, о предметах важных!“» (1850, № 234).

Наиболее ценной частью булгаринских упоминаний о Грибоедове и его творении несомненно являются приводимые им различные факты биографии и творческой деятельности драматурга. Так, в «Северной пчеле» впервые были опубликованы такие произведения Грибоедова, как «Хищники на Чегеме» и «Лубочный театр». В «Сыне отечества» Булгарин напечатал «Воспоминания

о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове», а в «Северной пчеле» дополнение к ним «Как люди дружатся». В газете сообщалось также и о приезде Грибоедова-посла из Персии, о гибели его и похоронах.

В различных фельетонах и статьях, принадлежащих перу Булгарина, рассыпаны штрихи, характеризующие вкусы, привычки драматурга, указаны некоторые подробности его жизни. «Грибоедов, — писал Булгарин, — страстно любил колокольный звон, потому что он припоминал ему глубокую древность...» (1842, № 152). Или: «„Уложение“ царя Алексея Михайловича написано было выходцем из Литвы (<...> Грибовским, принявшим впоследствии прозвание Грибоедова» (1852, № 87). В статье «Александра Михайловна Каратыгина, урожденная Колосова» Булгарин сообщал: «Бессмертный автор „Горя от ума“ А. С. Грибоедов уговорил А. М. Колосову сыграть в комедии, где натуре дана была полная воля и где артист мог действовать свободно, по внушению собственного таланта. В первый раз А. М. Колосова появилась в комедии сочинения А. С. Грибоедова „Молодые супруги“, и русская публика в первый раз увидела на сцене даму высшего общества» (1844, № 230).

Вот еще одно любопытное свидетельство: «Приходит нам на память превосходное сочинение бессмертного Грибоедова „Кавказская ночь“, сочинение, погибшее вместе с автором, который во время последнего своего пребывания в Петербурге читал в дружеском кругу отрывки из этой поэмы. Бывшая кормилица одного из полудиких князей Закавказья, упрекая его в том, что он променял сына ее, своего молочного брата, на лошадь, говорит между прочим: „Я человек — я мать!“. Когда Грибоедов читал этот стих, произнося его с чувством отчаяния, он приводил слушателей в содрогание. Где эта поэма? Не осталось ли хоть несколько отрывков из нее? Она гораздо выше „Горя от ума“, а эта комедия на самой высоте» (1847, № 45).

Булгарин рассказал в «Северной пчеле» и такой эпизод общения с Грибоедовым: «Когда в 1826 году незабвенный Александр Сергеевич Грибоедов (автор «Горя от ума») жил со мною на даче, он привез однажды из города „Дух законов“, соч. Монтескье в русском переводе. Я удивился... „Если ты хочешь прочесть эту книгу, то мне кажется, что лучше было бы, если б ты прочел ее в подлиннике“, — сказал я. „Я читал ее несколько раз в подлиннике, — отвечал Грибоедов, — но мне весьма любопытно знать, в каком виде представлено содержание этой книги русскому читателю, не знающему французского языка, и как русский человек будет понимать это сочинение“» (1848, № 226).

Все, что так или иначе касалось «Горя от ума» и его создателя, тотчас находило отражение на страницах «Северной пчелы». Читатели газеты извещались, что в Пензе на любительской сцене «в пользу бедных» состоялась постановка комедии Грибоедова (1834, № 28), а также, что «артист-любитель г-н Степанов

продолжает свою коллекцию русских бюстов в малом размере. <...> Вскоре выйдет в свет бюст А. С. Грибоедова, бессмертного автора „Горя от ума“ (1852, № 34). Даже всевозможные спекулятивные «продолжения» пьесы и подражания ей не проходили мимо внимания Булгарина (см.: 1827, № 3; 1839, № 53; 1840, № 67; 1844, № 120 и 277 и др.).

Булгарин многое знал о Грибоедове-человеке, писателе и политическом деятеле, причем его «показания <...> часто точны и подтверждаются документами».⁸⁷ Разнообразные свидетельства его поэтому представляют немалую ценность для литературоведов и историков.

Другое дело его оценки «Горя от ума». Автору плоско-морализаторского «Выжигина» не дано было понять всю глубину и идейное богатство творения Грибоедова, которого он пытался даже сделать союзником обскурантизма и реакции. Разумеется, это оказалось свыше его сил.

* * *

¹ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. I—XIII. М., 1955, т. IX, с. 653.

² *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930, с. 688—689.

³ *Сакулин П. Н.* Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. М., 1926, с. 482.

⁴ *Бальзак О.* Собр. соч. В 24-х т. М., 1960, т. VII, с. 378.

⁵ *Греч Н. И.* Указ. соч., с. 688.

⁶ ИРЛИ, ф. 1, оп. 2, № 374, л. 20.

⁷ Там же, л. 21.

⁸ Цит. по: *Кулешов В. И.* «Отечественные записки» и литература 40-х годов. М., 1958, с. 357.

⁹ Н. И. Греч вспоминал, что в начале литературной деятельности Булгарина он иногда исправлял слог будущего автора «Выжигина» (см.: *Греч Н. И.* Указ соч., с. 693).

¹⁰ Здесь цитируется биография Булгарина, сочиненная Гречем. Однако начало ее написано рукой самого Булгарина, так что данная фраза является автохарактеристикой (см.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 352).

¹¹ Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1846, ч. I, с. VIII—IX.

¹² Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., 1888, с. 85.

¹³ *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. В 2-х т. М., 1958, т. II, с. 545.

¹⁴ Ист. вестн., 1883, т. XIII, с. 289.

¹⁵ *Греч Н. И.* Указ. соч., с. 687.

¹⁶ Соч. и переписка Кондратия Федоровича Рылеева. СПб., 1872, с. 246.

¹⁷ См.: Рус. старина, 1871, № 11, с. 493.

¹⁸ Соч. и переписка Кондратия Федоровича Рылеева, с. 246.

¹⁹ Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1849, ч. VI, с. 148.

²⁰ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899, т. III, с. 41.

²¹ См., например: Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого, с. 554.

²² *Греч Н. И.* Указ. соч., с. 691.

²³ Сев. пчела, 1837, № 47. — В дальнейшем ссылки на «Северную пчелу» будут даваться в тексте с указанием года и номера.

²⁴ См.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 394, примеч. 21.

²⁵ См.: Мнемозина. М., 1824, ч. II, с. 36.

²⁶ *Фомичев С. А.* Новое издание произведений А. С. Грибоедова. — Рус. лит., 1968, № 3, с. 224.

²⁷ *Медведева Н. И.* Творчество Грибоедова. — В кн.: Грибоедов А. С. Соч. в стихах. Л., 1967, с. 17 (Б-ка поэта. Большая сер.).

- ²⁸ *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. Т. I—II. М., 1911, т. I, с. 19 (статья 1829 г.).
- ²⁹ *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980, с. 238.
- ³⁰ Лит. наследство. М., 1946, т. 47—48, с. 228.
- ³¹ Именно в это время В. И. Туманский в письме к Булгарину счел возможным подчеркнуть такие его качества, как «гибкость» ума и «уменье заводить связи с людьми сведущими» (Рус. старина, 1905, № 4—6, с. 211).
- ³² *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». М., 1971, с. 150.
- ³³ Рус. лит., 1971, № 2, с. 114.
- ³⁴ *Греч Н. И.* Указ. соч., с. 659.
- ³⁵ Рус. старина, 1900, № 9, с. 577.
- ³⁶ Принадлежность данного письма Булгарину (ранее его автором считался Д. Н. Бегичев) установлена С. А. Фомичевым в его статье «Он ненавидел слово „раб“...» (Звезда, 1975, № 12, с. 83).
- ³⁷ Рус. старина, 1889, № 7—9, с. 111.
- ³⁸ Подспудный смысл аполога расшифрован С. А. Фомичевым (см.: Звезда, 1975, № 12, с. 84).
- ³⁹ Теперь можно установить точную дату этого письма — 26 марта 1826 г.
- ⁴⁰ *Фомичев С. А.* Автор «Горя от ума» и читатели комедии. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977, с. 26.
- ⁴¹ См.: Прибавления к С.-Петербургским ведомостям, 1826, 13 апр., № 30, с. 346 и два повторения данного объявления (там же, № 31, с. 356, и № 32, с. 365).
- ⁴² Память Булгарина сохранила и точный адрес этого дома. Он писал: «Какие приятные минуты провели мы летом 1826 года, когда Грибоедов жил у меня на даче в последнее свое пребывание в Петербурге (на Петербургской стороне, на берегу Невы, в доме г-на Коссова). В. А. Каратыгин иногда декламировал нам, и Грибоедову особенно нравились сцены из „Эдипа-царя“» (1853, № 64).
- ⁴³ Впервые эта проблема поставлена С. А. Фомичевым в статье «Спорные вопросы грибоедовской текстологии» (Рус. лит., 1977, № 2). Тот же тезис в развернутом виде выдвинут им в статье «Заметки о грибоедовской текстологии», на которую мы ссылаемся ниже.
- ⁴⁴ *Фомичев С. А.* Заметки о грибоедовской текстологии. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции, с. 202.
- ⁴⁵ Там же, с. 205.
- ⁴⁶ С.-Петербургские ведомости, 1849, № 107.
- ⁴⁷ В 1826 г. А. Н. Гречу было 12 лет.
- ⁴⁸ *Аксаков С. Т.* Собр. соч. В 3-х т. М., 1956, т. III, с. 477, примеч. 1.
- ⁴⁹ *Фридлиндер Г. М.* Нравоописательный роман. Жанр романа в творчестве романтиков 30-х годов. — В кн.: История русского романа. В 2-х т. М.; Л., 1962, т. I, с. 259.
- ⁵⁰ *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977, с. 117.
- ⁵¹ *Булгарин Ф. В.* Полн. собр. соч. Т. I—VII. СПб., 1843, т. III, с. 28.
- ⁵² Цит. по: *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913, т. I, ч. 2, с. 398.
- ⁵³ Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания, размышления, встречи. М., 1966, с. 84.
- ⁵⁴ Там же, с. 198—199.
- ⁵⁵ *Фомичев С. А.* Автор «Горя от ума» и читатели комедии, с. 27.
- ⁵⁶ Лит. музей ИРЛИ, № 6147, л. 23.
- ⁵⁷ Там же, л. 24.
- ⁵⁸ *Греч Н. И.* Указ. соч., с. 714—715 (курсив мой, — В. М.).
- ⁵⁹ В комментариях к книге «*Dziennik Mikołaja Malinowskiego*» (Wilno, 1914, s. 44). Ордынский ошибочно назван Леопольдом. Эту же ошибку повторила и С. В. Свердлина (см.: *Свердлина С. В.* Грибоедов и ссыльные поляки. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. с. 223).
- ⁶⁰ Лит. музей ИРЛИ, № 6147, л. 26. — Под рисунком подписано: «Привыкнув с детства к военной дисциплине, я и теперь наблюдаю очень строго, чтоб в моем доме не отступали от заведенного мною порядка (<...> На этом основании перед каждым большим праздником танта моя и я со всеми детьми запасаемся корзинами и совершаем прогулку по кондитерским магазинам».

- ⁶¹ *Фомичев С. А.* Автор «Горя от ума» и читатели комедии, с. 26, примеч. 49.
- ⁶² *Лебедев А. А.* Грибоедов. Факты и гипотезы. М., 1980, с. 266.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Мнение, уже высказывавшееся В. Н. Григорьевым более ста лет назад (см. выше, с. 152), а затем повторенное во многих научных работах.
- ⁶⁵ *Лебедев А. А.* Указ. соч., с. 265—266.
- ⁶⁶ ГБЛ, ф. 178. 8566. 14, л. 6.
- ⁶⁷ См.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959, с. 249, а также: *Лалкина Г. А.* Театральная критика в 1830-е годы. — В кн.: Очерки истории русской театральной критики. Л., 1975, с. 151; *Флоринская Ю. Ф.* Чацкий и Гамлет. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции, с. 33, примеч. 26.
- ⁶⁸ Русская Талия... на 1825 год. СПб., 1825, с. 336.
- ⁶⁹ Там же, с. 350.
- ⁷⁰ Там же, с. 352.
- ⁷¹ Там же, с. 353.
- ⁷² ГБЛ, ф. 178. 8566. 14, л. 3.
- ⁷³ См.: Очерки истории русской театральной критики, с. 85.
- ⁷⁴ Сын отечества, 1825, № 5, с. 61.
- ⁷⁵ Там же, с. 57.
- ⁷⁶ Там же, с. 62.
- ⁷⁷ Там же, с. 64—65.
- ⁷⁸ Там же, № 10, с. 200.
- ⁷⁹ Очерки истории русской театральной критики, с. 150. —
- ⁸⁰ Ср. с «Мильоном терзаний», где также отмечаются «бойкость» Софьи и ее «умение владеть собой».
- ⁸¹ В статье «Панорамический взгляд на современное состояние театров в Санкт-Петербурге, или Характеристические очерки театральной публики, драматических артистов и писателей» Булгарин вновь подтвердил, что в «Горе от ума» не хватает «завязки и движения». «Но как верная картина нравов и как живой снимок с характеров — это совершенство!» (Пантеон русского и всех европейских театров, 1840, № 3, с. 2).
- ⁸² Б-ка для чтения, 1834, № 1, отд. VI, с. 44.
- ⁸³ Это заявление лишний раз подтверждает наши предположения о том, что реплики в «Сыне отечества» принадлежали Булгарину.
- ⁸⁴ Имеются в виду статьи Н. И. Надеждина, утверждавшего, что «„Горе от ума“ не есть комедия, но живая сатирическая картина» (Телескоп, 1830, № 20, с. 589), и Н. А. Полевого, придерживавшегося сходного с Надеждиным мнения (Московский телеграф, 1833, № 18).
- ⁸⁵ *Гончаров И. А.* Собр. соч. В 8-ми т. М., 1955, т. VIII, с. 8.
- ⁸⁶ Сев. Меркурий, 1831, № 6, с. 28.
- ⁸⁷ *Пиксанов Н. К.* Указ. соч., с. 87.

В. К. Кюхельбекер

1

О влиянии Грибоедова на Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797—1846) говорится в любой работе, посвященной биографии и творчеству декабриста. И все же это влияние глубже, чем принято считать.

Их первая встреча состоялась летом 1817 г., когда Кюхельбекер, только что вышедший из Лицея, его соученик Пушкин и Грибоедов поступили на службу в Главный архив иностранной коллегии. Но первое знакомство было мимолетным и укрепилось лишь через четыре года.

В августе 1821 г., рассорившись с А. Л. Нарышкиным, при котором он исполнял роль секретаря во время путешествия в Европу, без денег и определенных занятий, вдобавок ко всему заподозренный в «вольномудстве» (в лекциях о русской литературе, читанных в Париже, он позволил себе критику царизма), Кюхельбекер возвратился в Петербург. В его судьбе принял участие А. И. Тургенев, определивший опального поэта на Кавказ, в штат Ермолова.

Перед отъездом в Тифлис Кюхельбекер решил посетить Москву. Здесь он встретил Грибоедова. В письме к сестре от 10 декабря 1821 г. он первый раз упоминает о драматурге, не называя его, впрочем, по имени: «Мои настоящие обстоятельства самые затруднительные. Больной, без копейки, одолжаемый человеком, который сам в затруднительном положении».¹

Через неделю он пишет о Грибоедове более подробно: «Я встретил здесь моего милого петербургского знакомого: Грибоедова. Он был около двух лет секретарем посольства в Персии; сломал себе руку и будет теперь в Тифлисе до своего выздоровления. Он очень талантливый поэт, и его творения в подлинном, чистом персидском тоне доставляют мне бесконечное наслаждение».²

Грибоедов сумел восстановить в Кюхельбекере надежды на лучшее будущее. Вскоре легко воодушевлявшийся поэт извещал сестру, что его, возможно, определят в посольство в Персии. Надо полагать, что Грибоедов действительно хлопотал об этом, но

дипломатический пост, конечно же, не мог быть отдан политически неблагонадежному лицу. Не обретя служебного положения, Кюхельбекер нашел друга, чья помощь и советы были чрезвычайно необходимы и полезны непрактичному и вспыльчивому молодому человеку.

«Между ними, — писал Ю. Н. Тынянов, — оказалось полное единство взглядов: тот же патриотизм, то же сознание мелочности лирической поэзии, не соответствовавшей великим задачам, и, наконец, тот же интерес к драматической поэзии. Грибоедов углубил эти взгляды и помог собрать их в единое целое».³ Одинаково высоко ставили они Шекспира и Гёте, в равной мере были не удовлетворены «унылой» лирикой Жуковского, внимательно вчитывались в поэтические красоты Библии. Грибоедов с его мыслями о необходимости «народности» в искусстве и обращения к возвышенным гражданским идеям и темам нашел благодарного слушателя. До конца своих дней Кюхельбекер остался пропагандистом «пророческого» назначения поэзии.

Старые друзья Кюхельбекера А. А. Дельвиг и В. И. Туманский, которыми он рассказывал в письмах о дружбе с Грибоедовым, идеалам, от которых они сами не отступали. Дельвиг в конце 1822 г. сетовал: «Ах, Кюхельбекер! Сколько перемен с тобою в два-три года! <...> так и быть! Грибоедов соблазнил тебя, на его душе грех! Напиши ему и Шихматову (Шихматов тоже был одним из пристрастий Кюхельбекера, — В. М.) проклятия, но прежними стихами, а не новыми. Плюнь и дунь и вытребуй от Плетнева старую тетрадь своих стихов, читай ее внимательнее и по лучшим местам учись слогу и обработке...».⁴

Особенное неудовольствие Дельвига вызвало стихотворение «Грибоедову», в котором Кюхельбекер превозносил нового друга:

Но ты, ты взлетишь над песнями толпы!
Певец, тебе даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье тихое и светлая любовь,
Святые таинства высокого искусства
И резво скачущая кровь!⁵

Стихотворение пришлось не по вкусу не только Дельвигу. Пушкин даже спустя три года иронизировал над выражением «резво скачущая кровь» в «Оде его сиятельству гр. Хвостову» (1825).

В декабре 1823 г. Туманский повторил упреки Дельвига: «Страшусь раздражить самолюбие приятеля; но, право, и вкус твой несколько *очеченился!* Охота же тебе читать Шихматова и Библию. Первый — карикатура Юнга; вторая, несмотря на бесчисленные красоты, может превратить муз в церковных певчих. Какой злой дух в виде Грибоедова удаляет тебя в одно время и от наслаждений истинной поэзии и от первоначальных друзей своих... Умоляю тебя, мой благородный друг, отстать от

литературных мнений, которые погубят твой талант и разрушат наши надежды на твои произведения».⁶

Однако Кюхельбекер только еще больше укреплялся в своих новых взглядах, и мнения Грибоедова сыграли в этом очень важную роль. Они читали друг другу свои новые произведения. Кюхельбекер был первым, кто слушал в исполнении автора незавершенные сцены «Горя от ума». После отъезда Кюхельбекера из Тифлиса Грибоедов писал ему: «Теперь в поэтических моих занятиях доверяюсь одним стенам. Им кое-что читаю изредка свое или чужое; а людям — ничего; некому» (III, 146).

Грибоедов видел в Кюхельбекере единомышленника, который его хорошо понимал и сочувствовал всем его идеям. Не случайно грибоедовское переложение 151 псалма Библии «Давид» было опубликовано в «Мнемозине».⁷ Не случайна и созвучность «Пророчества» Кюхельбекера «Давиду». Их роднит и тема поэтического подвига — служения отчизне, и обращение к богу как к творцу истории, и торжественная архаическая лексика.

Грибоедов же посоветовал Кюхельбекеру разработать образ Давида в поэме. Кюхельбекера увлекла фигура бойца, избавляющего отечество от притеснителей, и он приступил к созданию монументальной поэмы «Давид», оконченной 13 декабря 1829 г. в Динабургской крепости.

В стихотворении «А. С. Грибоедову, при отсылке к нему в Тифлис моих „Аргивян“» (1823) Кюхельбекер прямо указывал на ту роль, какую сыграл драматург в его поэтической эволюции:

Поэту я вручу Камен Ахейских дар:
Не он ли воспитал во мне их чистый жар?
Они его: моя прелестная Аглая,
Мой пылкий Протоген, мой гордый Тимофан,
Им был мне новый пламень дан.

И се — под светлым небосклоном
Мне вдруг явилась их воздушная семья!
С любимцем дум моих, с моим Тимолоном,⁸
Как мать нежная, носился долго я:
Но не исторгнутый, о милый друг, тобою,
Он был бы подавлен враждебной мне судьбою!

(I, 65—66)

Личное воздействие Грибоедова было глубоким, но непродолжительным. Уже в конце апреля 1822 г. Кюхельбекер вынужден был покинуть Тифлис, где его «обогревали (...) дружбою» (III, 146). По не выясненной до конца причине Кюхельбекер имел дуэль с Н. Н. Похвисневым. Вот что сказано об этом в дневнике довольно неприязненно относившегося к Грибоедову Н. Н. Муравьева: «16 апреля я ходил ввечеру в собрание и узнал там от Грибоедова происшествие, недавно случившееся между Кюхельбекером и Похвисневым. На днях они поссорились у Алексея Петровича (Ермолова, — В. М.), и как Похвиснев не соглашался

выйти с ним на поединок, то он ему дал две пощечины, <...> Грибоедов причиною всего, и Кюхельбекер действовал по его совету» (ГВС, 73—74).

Нельзя не согласиться с Ю. Н. Тыняновым, что «только крайняя необходимость могла заставить Грибоедова советовать Кюхельбекеру дуэль с Похвисневым». ⁹ Грибоедов, еще живо помнивший, как участие в поединке повлияло на его личную судьбу и бережно относившийся к порывистому Кюхельбекеру, не преминул бы уладить этот инцидент, если бы дело не представлялось слишком серьезным.

В итоге Кюхельбекер вынужден был покинуть Кавказ и снова очутился на перепутье. Из Петербурга он отправился к сестре в ее имение Закупа в Смоленской губернии. Сюда и было адресовано одно из двух дошедших до нас писем Грибоедова к Кюхельбекеру. В первом из них (1 октября 1822 г.) он извещал друга о смерти некоторых общих знакомых и сообщал о напавшей на него «необъяснимой мрачности», сменившей ту «спокойную ясность», что господствовала в его душе при Кюхельбекере.

Очень показательно в этом письме признание Грибоедова, что он близко к сердцу принимает все несчастья ближних. «Трезвые умы <...>, — пишет он, — обвиняют меня в малодушии, как будто я сам боюсь в землю лечь, других жаль сторично пуще себя! Ах эти избалованные дети тучности и пищеварения, которые заботятся только о разогретых кастрюлях etc., etc. Переселил бы я их в сокровенность моей души: для нее ничего нет чужого, — страдает болезнию ближнего, кипит при слухе о чьем-нибудь бедствии; чтоб раз потрясло их сильно, не от одних только собственных зол» (III, 147).

Грибоедов глубоко постиг натуру Кюхельбекера, пылкость характера и повышенная чувствительность которого постоянно обрекали его на гонения. В трудные минуты, когда друг падал духом, Грибоедов утешал и его близких. Так, он писал Ю. К. Глинке 26 января 1823 г.: «Что он поделявает, наш добрый Вильгельм, подвергшийся несчастью, прежде нежели успел воспользоваться теми немногими истинными удовольствиями, которые нам доставляет общество; мучимый, непонятый людьми, между тем как сам он отдается каждому встречному с непринужденной искренностью, чистосердечием и любовью <...> Убедите вашего брата покориться судьбе и смотреть на наши страдания как на нравственные испытания, из которых мы выйдем менее пылкими, более хладнокровными, запасшимися твердостью, внушающей почтение и уверенность в том, будто мы всю жизнь благоденствовали...» (III, 318; подлинник по-французски).

Из Закупа Кюхельбекер писал Грибоедову и его старым друзьям, с которыми он также сошелся довольно близко, — С. Н. Бегичеву и В. Ф. Одоевскому. Здесь же он начал и оставшуюся незаконченной поэму, главным действующим лицом которой должен был стать Грибоедов.

Как отметил Ю. Н. Тынянов, поэма эта создавалась «под прямым влиянием не дошедшей до нас поэмы Грибоедова „Путник“ (или «Странник»)». ¹⁰ Она прерывается как раз там, где повествователь Абаз начинает передавать исповедь Исадера — Грибоедова.

Кюхельбекеру очень хотелось снова увидеться с Грибоедовым, который летом 1823 г. приехал в Москву. 30 июля прибыл туда и Кюхельбекер, специально для встречи с другом, но разминулся с ним всего на один день — Грибоедов уехал в деревню под Тулой, к С. Н. Бегичеву.

В «Мнемозине» Кюхельбекер поместил программную статью «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». В ней отчетливо дают себя знать те беседы, которые он вел с Грибоедовым в Тифлисе. Под этой статьей могло бы стоять и имя Грибоедова.

Кюхельбекер иронизировал над романтизмом элегического толка, в котором «все мечта и призрак, все мнится и кажется и чудится, все только *будто бы, как бы, нечто, что-то*». ¹¹ Эта фраза как будто взята из грибоедовской статьи «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора“». Как и Грибоедов, Кюхельбекер решительно отвергает поэзию «для немногих» и ратует за оду, которая «тем превосходнее, чем более возвышается над событиями ежедневными...». Рассуждая об оде, он, собственно, говорит о гражданском назначении поэзии вообще: «Ода, увлекающаяся предметами высокими, передавая векам подвиги героев и славу отечества, воспаряя к престолу неизреченного и пророчествуя пред благоговеющим народом, парит, гремит, блещет, поработывает слух и душу читателя. Сверх того, в оде поэт бескорыстен; он не ничтожным событиям собственной жизни радуется, не об их сетует; он вещает правду и суд промысла, торжествует о величии родного края, мечет перуны в сопостатов, блажит праведника, клянет изверга». ¹²

С таких позиций написаны «Давид» Грибоедова, оды Кюхельбекера, воспевавшие восстание в Греции, смерть Байрона, а также его послания, обращенные к Грибоедову и Ермолову.

Идентичен у Грибоедова и Кюхельбекера даже выбор имен, которые, по мнению критика, определяют ведущие тенденции современной литературы. Это «великий» Гёте; «огромный», Шекспир; Фирдоуси, Гафиз, Саади, Джами, которые «ждут русских читателей». ¹³ Вслед за Грибоедовым Кюхельбекер относит Байрона к числу «однообразных художников», а Шиллера дерзает назвать «недозревшим». В 1832 г. он специально подчеркнул, что понятие претенциозность «чайльд-гарольдовских» манер помог ему автор «Горя от ума»: «Грибоедов и в этом отношении принес мне величайшую пользу; он заставил меня почувствовать, как все это смешно, как недостойно истинного мужа». ¹⁴

Весной 1825 г. Кюхельбекер проводил Грибоедова в Грузию. Разлуку с ним Кюхельбекер переживал очень тяжело, словно чув-

ствую, что второго такого друга в его жизни больше не будет. В последнее время между ними установилось полное доверие.

Перед отъездом Грибоедов постарался как-то устроить материальные дела Кюхельбекера, который опять бедствовал. Только Грибоедов мог определить Кюхельбекера, недавно ожесточенно полемизировавшего в «Мнемозине» с «Литературными листками» и «Сыном отечества» Булгарина и Греча, в сотрудники этих изданий. Правда, предприятие это нельзя отнести к числу удачных. Сотрудничество Кюхельбекера с «грачами-разбойниками» не могло не окончиться плачевно. Благородный и болезненно честный Кюхельбекер не смог ужиться с Гречем и Булгариным и скоро опять оказался не у дел.

Общение с Грибоедовым имело для Кюхельбекера и неблагоприятные последствия. После отъезда друга он пытался заручиться поддержкой Жуковского, но Жуковский перенес на него свое нерасположение к Грибоедову и ничего для Кюхельбекера не сделал. Сам Кюхельбекер об этом не догадывался. Поистине влюбленный в Грибоедова, он не в состоянии был даже подумать, что к такому человеку кто-то может быть холоден. Кюхельбекер, исключительно под влиянием Грибоедова находивший, что русская национальная одежда гораздо удобнее и практичнее европейской, первым появился в обществе в простонародном костюме.

Грибоедов, сам недавно освободившийся из-под ареста, принял горячее участие в судьбе Кюхельбекера-узника. 29 августа 1826 г. Н. П. Шульц писала сестре Кюхельбекера: «Меня уверяли, что господин Грибоедов, который был тесно связан с Вильгельмом Карловичем и о котором вы, без сомнения, слышали, собрал при помощи своих друзей сумму в 3000 рублей, которую послал вашему брату; можно надеяться, что он в настоящее время не нуждается в необходимом и что ему очень приятно быть этим обязанным своему самому дорогому другу».¹⁵

Кюхельбекер не мог выразить другу свою благодарность, так как был лишен права переписки. Только весной 1828 г. узник воспользовался тем, что его соседа по заключению в Динабурге князя С. С. Оболенского переводили в Грузию, и попытался передать с ним письмо Грибоедову. Письмо не дошло до адресата, так как было изъято у Оболенского в дороге.

В своем послании Кюхельбекер предельно лаконичен, и не столько по-конспиративным соображениям (это было не в его характере), сколько в силу иных причин. За полтора года, проведенных за решеткой, он успел отрешиться от прошлого образа жизни. Новости из внешнего мира доходили редко и скупо. Поэтому он пишет только о самом главном, о том, что поддерживало в нем силы, — о вере в дружбу и благородство Грибоедова.

Вот полный текст этого письма: «Я долго колебался, писать ли к тебе. Но, может быть, в жизни мне не представится уже другой случай уведомить тебя, что я еще не умер, что люблю тебя по-прежнему: и не ты ли был моим лучшим другом? Хочу

верить в человечество, не сомневаюсь, что ты — ты, тот же, что мое письмо будет тебе приятно: ответа не требую — к чему? Прошу тебя, мой друг, быть, если можешь, полезным вручителю: он был верным, добрым товарищем твоего В <ильгельма>. <...> в продолжение шести почти месяцев; он утешал меня, когда мне нужно было утешение. Он тебя уведомит, где я и в каких обстоятельствах. Прости! До свидания в том мире, в который ты первый вновь заставил меня веровать. В. К.».¹⁶

Из Динабурга он написал еще раз, адресуясь к «двум Александрам» — Пушкину и Грибоедову: «Любезные друзья и братья, поэты Александры. Пишу к вам вместе с тем, чтобы вас друг другу сосводничать. <...> Получил ли Грибоедов мои волосы? Если желаешь, друг, прочесть отрывки из моей поэмы, пиши к С. Бегичеву: я на днях переслал ему их несколько».¹⁷

Дошедший до нас дневник Кюхельбекера начинается с конца 1831 г., поэтому непосредственных свидетельств о его реакции на смерть Грибоедова нет. Есть только косвенные. Кюхельбекер писал В. Ф. Одоевскому 3 мая 1843 г.: «Я постепенно — не оплакал (слезы что-то ныне не даются мне), а болезненно, с мучением пережил и моего единственного Грибоедова...».¹⁸

О Грибоедове он всегда вспоминал с болью и благоговением. «Гениальный, набожный, благородный, единственный мой Грибоедов», — восклицал он в дневнике 26 мая 1840 г.¹⁹ Тень друга много раз предстала в его снах. Кюхельбекер записал 16 января 1843 г.: «Сегодня я видел во сне Грибоедова: в последний раз, кажется, я его видел в конце 31 года. Этот раз я с ним и еще двумя мне близкими людьми пировал, как бывало в Москве. Между прочим, помню его пронзительный взгляд и очки и что я пел какую-то французскую песню. Не зовет ли он меня? Давно не расстается со мною мысль, что и я отправлюсь в январе месяце, когда умерли мои друзья: он, и Дельвиг, и Пушкин».²⁰ Предчувствие не сбывлось. Кюхельбекер скончался 11 августа 1846 г.

Дневник Кюхельбекера наполнен множеством упоминаний о Грибоедове. Фиксируются мнения драматурга по различным вопросам: Кюхельбекер указывает, что Грибоедов верил в заговаривание крови, что он отмечал «мастерское» владение александрийским стихом у Кострова, что стихотворение Жуковского «Отчет о луне» (1820) можно, пользуясь выражением Грибоедова, назвать «мозаичной работой». Грибоедов сопоставляется Кюхельбекером с различными отечественными и зарубежными писателями, причем не только выдерживает сравнение с любым из европейских классиков, но, по мнению Кюхельбекера, многих и превосходит.

Кюхельбекер перечитывал журналы 1820-х гг. и в связи с этим заново переживал полемику вокруг «Горя от ума». Он подчеркивает — в грибоедовской комедии не было портретных изображений, как старались доказать «староверы». Грибоедов «никогда не был намерен писать подобные портреты: его прекрасная душа была выше таких мелочей».²¹ В дневнике проницательно анализируется

«Горе от ума». Одним из первых в критике Кюхельбекер отметил, что завязка пьесы «состоит в противоположности Чацкого прочим лицам... <...> Это очень просто: но в сей-то именно простоте новость, смелость, величие того поэтического соображения, которого не поняли ни противники Грибоедова, ни его неловкие защитники».²²

Столь же часто присутствует образ Грибоедова и в поэтических произведениях Кюхельбекера. Выше уже упоминались стихи «Грибоедову» и «А. С. Грибоедову, при отсылке к нему в Тифлис моих „Аргивян“». На гибель друга Кюхельбекер откликнулся стихотворением «Памяти Грибоедова» (1829):

Твои светлее были очи,
Чем среди смеха и забав
В чертогах суеты и шума,
Где свой покров нередко дума
Бросала на чело твое,
Где ты прикрыть желал ее
Улыбкой, шуткой, разговором...
Но дружбе взор орлиный дан:
Великодушный твой обман
Орлиным открывался взорам...

(I, 120)

Скорбя о смерти Пушкина, Кюхельбекер вспоминает и Грибоедова:

Он воспарил к заоблачным друзьям!
Он ныне с нашим Дельвигом пирует,
Он ныне с Грибоедовым моим...

(I, 179)

Тот же мотив повторен и в стихотворении «Три тени» (1840):

Вскричал и произнес любезных имена:
«Ты, брат мой Александр? Ты, Дельвиг? Пушкин, — вы ли?»

(I, 199)

Уже на склоне лет в стихотворении «Участь русских поэтов» (1845) Кюхельбекер снова вспоминает о Грибоедове, погибшем от руки «глухой черни». И в другом произведении того же года («До смерти мне грозила смерти тьма...») вновь возникает образ драматурга, причем благоговейное отношение к таланту и личности Грибоедова остается неизменным:

Вот первый: он насмешливый, угрюмый,
С язвительной улыбкой на устах,
С челом высоким под завесой думы,
Со скорбью во взоре и чертах!
В его груди, восторгами томимой,
Не тот же ли огонь неодолимый
Пылал, который некогда горел
В сердцах метателей господних стрел, —
Объятых духом высшего пророков?

И что ж? неумолимый враг пороков
Растерзан чернью в варварском краю...
А этот край он воспевал когда-то,
Восток роскошный, нам, сынам заката,
И с ним отчизну примирил свою!

(I, 206)

В восприятии Кюхельбекером Грибоедова обращает на себя внимание такая черта, как устойчивость настроения драматурга: саркастичность, уныние, скорбь постоянны в его облике, рисуемом его другом и единомышленником. Очень важно и то, что Кюхельбекер намекает на солидарность Грибоедова с идеями декабристов.²³

Все эти мотивы Кюхельбекер более подробно развернет в «Ижорском», в драматургическое обрамление которого вставлен потаенный литературный портрет Грибоедова.

Работа над мистерией «Ижорский» на первых порах шла параллельно с написанием «Русского декамерона 1831 года», начатого летом 1830 г. «Русский декамерон...» являлся цементирующей прозаической частью масштабного произведения, которое должно было включить несколько имеющих самостоятельное значение поэм. Как установила Е. П. Мстиславская, «в прозаическую часть „Декамерона“ введены многие реалии эпохи и ее литературного быта. Но подлинные лица скрыты под псевдонимами. В образе Чинарского, „автора“ поэмы „Зоровавель“, легко угадываются черты Грибоедова, барон Освальд весьма напоминает своими взглядами самого Кюхельбекера. <...> Теоретический и историко-литературный комментарий к поэме „Зоровавель“ <...> развивает представления А. С. Грибоедова о восточной поэме».²⁴

2

Мистерия «Ижорский» писалась долго и трудно и еще труднее пробивалась к читателю. Первая сцена ее появилась в первой книжке «Сына отечества» за 1827 г. Две сцены действия I увидели свет в альманахе «Подснежник» в 1829 г. Сочинение второй части продолжалось до начала 1831 г. В 1835 г. две первые части были напечатаны отдельным изданием благодаря личному ходатайству Пушкина перед царем. В этом издании имени крамольного автора не значилось. Работа над третьей частью «Ижорского» велась с 1833 по 1842 г., причем наиболее интенсивно Кюхельбекер трудился над ней в 1840—1842 гг.

Поэт очень дорожил этим произведением. Желая точнее информировать читателя о своих намерениях, он снабдил «Ижорского» предисловием. В нем, в частности, указывалось, что автор намеренно сделал Поэзию «служанкой Нравоучения». В индифферентной форме Кюхельбекер давал понять, что в «Ижорском» содержатся «личности»: «Заметим, однако же, для

любителей литературы классической, что она оказала свое могущественное влияние и на нас грешных. В Аристофановых хорах и даже в монологах действующих лиц его комедий много выходов, в которых он прямо говорит публике, в которых найдутся насмешки и над современными ему писателями и героев над самими собою и даже над искусством драматическим. (...) Мы обрадовались сей погрешности невежи Аристофана и ею воспользовались» (II, 474—475).

Кюхельбекеровские аллюзии отчасти были восприняты современниками. Так, П. А. Катенин увидел в страшном чудовище Буке (огромная обезьяна в мантии и с пучком розог в лапе) намек на Николая Я. О. И. Сенковский писал в «Библиотеке для чтения»: «Воздерживаясь от суждения о достоинстве целого до появления конца этой поэмы, не можем, однако, не признаться, что выходы против журналиста, худо принявшего первые отрывки из „Ижорского“, кажутся нам излишними, неуместными в драме и, что всего пагубнее, неостроумными. Не все знают и помнят прежних критиков, — многие даже рады не знать их: какой же интерес читать или слушать про вещи, давным-давно забытые?».²⁵ Реплика Сенковского касалась журналиста Фирюлина, кратко, но ядовито охарактеризованного в «Ижорском». К этому образу мы еще вернемся.

Помимо реалий, угаданных современниками, в «Ижорском» сильно ощутимы многочисленные реминисценции из произведений различных писателей (Крылов, Пушкин) и прежде всего из «Горя от ума». «Грибоедовско-, чацкие» и грибоедовско-, «фамусовские» напомнимания ощущаются в стихе и в слоге драмы, из них можно было бы составить целую колонку цитат...», — указывает В. Г. Базанов.²⁶

«...В пьесе упоминается „прокурор *Хватайко*“, явно перекочевавший сюда из „Ябеды“ Капниста; „*Воров*“, квартальный надзиратель“, возможно ведущий свое происхождение из романа А. Измайлова „Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества“; чета *Ханжеевских*, Фалалей Кузьмич *Подлипало* и др.», — отмечает Ю. В. Манн.²⁷

Таким образом, мистерия Кюхельбекера обильно насыщена реальным и литературным материалом. Однако осталось незамеченным то обстоятельство, что, описывая центрального героя и двух других персонажей «Ижорского» (Веснова и Фирюлина), Кюхельбекер отразил наиболее существенные моменты биографии реально существовавших лиц.

Суммируем сведения о жизни, образе мыслей и привычках Ижорского, вкрапленные в текст пьесы.

1. Управитель Ижорского Честнов вспоминает:

Мы вами мальчиком прекрасным любовались:
Какие пылкие в вас чувства разгорались!

Какой живой и чистый жар,
Какое рвение к делам всем благородным!

...В службу вы вступили; за границу
Отправились — и наконец
К нам возвратились...

(II, 157)

2. В пьесе, как указывал автор в предисловии к полному (не осуществленному при жизни Кюхельбекера) изданию «Ижорского», ему «около 30 лет» (II, 477). В начале пьесы Ижорский сообщает о себе:

...я не жду отца: давно уж мой старик
Покоится за Охтой на кладбище.
А мать, родя меня,
Терзаясь и стена,
От сей земли ушла в бесемнное жилище.
Я матери своей, приятель, не знавал,
На родине любовью не сгорал;
С невестой мы не расставались...
Не отгадаю я,
Чему веселые друзья
Со мной бы, встретясь, посмеялись.

(II, 67)

3. Ижорский, как говорит Графиня, провел в путешествиях пять лет (II, 76). По сведениям Веснова, он побывал в Италии, в Греции, в Египте. Сам Ижорский упоминает, что он «счастия в странах роскошного Востока искал, в Аравии, в Иране золотом, Под небом Индии чудесной...» (II, 64). Иран фигурирует здесь чаще других стран.

4. Графиня характеризует Ижорского как «путешественника, философа, филантропа» (II, 93).

5. Князь добавляет, что у него большая родня и множество связей, что он «проигрывает куши» (II, 94), но тут же оговаривается, что Ижорский «не игрок, не любит он играть, Играет так, со скуки» (там же). Один из соседей Ижорского, Подлипало, говорит, что Ижорский «на отца теперь походит: Такой же стал, как был покойник, хлебосол...» (II, 150).

6. В волнении, в смятении чувств Ижорский бросается к фортепьяно (II, 90).

7. О дружеских связях Ижорского в пьесе сообщаются такие подробности:

К нему, как волны ко скале кремнистой,
Толпа текла из города всего;
Но только юношу с душою чистой
Из всей толпы Ижорский одного
Встречал когда-то взором несуровым;
И душу за Ижорского Веснов
Был в это время положить готов.

(II, 140)

Сам Ижорский, говоривший вначале, что его никто не ждет на родине, вдруг, в финале действия I, вспоминает о каких-то «незабвенных друзьях», чьих мыслей он прежде не разделял полностью:

К высоким чувствам, к энтузиазму я
Надменное являл пренебреженье...
Всегда ли прав я был? — Опроверженье
Вы, незабвенные мои друзья,
Вы, полные неколебимой веры,
Вы, чистые до двери гробовой,
Господь свидетель! — вы не лицемеры;
И не безумцы вы...

(II, 200)

И под влиянием этого воспоминания восклицает:

...Кровь
И жизнь отдать, принять крещение муки
Мне что-то хочется за веру, за любовь,
За правду и свободу...

(там же)

Эти слова противоречат монологу Лидии, в котором она упоминает, что Ижорского «везде встречал и взор <...> и слух Предательство» (II, 139). Разочарованность, тоска, скука, испытываемые Ижорским, постоянны.

8. Кикимора сообщает, что Ижорский

Жалеет о своих минувших сечах,
О странствиях своих былых,
О тех пустынях, грозных и немых,
Где он скучал, как здесь скучает...

(II, 87)

Герой рассказывает эпизод из своей скитальческой жизни:

От шайки бедуинов караван
Я с горстью храбрых спас в глухой пустыне
(Все это помню, будто вижу ныне),
Тогда-то, насмерть раненным, мне дан
Дервишем этот дивный талисман...

(II, 81)

Не раз приходит ему на ум то время, когда он «бросался в дикий бой, В неистовую оргию сраженья» (II, 215).

9. Ижорский пережил в прошлом тяжелую любовную драму. «Я был игрушкой для нее... Я ей бытие, Дыханье каждое ей посвящал я! больно!» (II, 96).

10. Его духовный облик определяет один принцип:

Ценою счастья и покоя
От роковых, от грозных сил,
Ценою дорогою я купил

Единственный мой дар. Дар этот что? Свобода.
Да! После многих тягостных побед
Не святы для меня ни одного народа
Обычи, предрассудки, бред.
Единый мой закон, единый бог — природа.

(II, 173)

Ижорский «дорожит своим мнением» (II, 148). Ему противны «питомцы похоти, тщеславья и желудка» (II, 200). Он «витийствует, поет иеремиады; Не хуже, чем покойник Ювенал, Ругает дураков, злодеев наповал...» (II, 147).

Душа Ижорского «пугается, бежит» «всех вялых скорбей, пошлых наслаждений» (II, 83).

Ему случилось быть близким к самоубийству:

Когда-нибудь и тот же пистолет,
Или вода, или кинжал надежный...
А если то конец мой неизбежный,
Что медлить? но зачем же и спешить?

(II, 80)

Ижорский религиозен. Он цитирует Священное писание:

Я старику Давиду
Уныло вторю, я, дрожа, шепчу:
«На небо ли я взыду, — в ад ли сниду,
Он здесь, он там, на небе и в аду».

(II, 192)

Ему свойственна и некоторая суеверность. Он обличает род людской, бездумно увлекшийся атеизмом, и сам, правда колеблясь и смущаясь, решается испытать силу волшебных чар:

О люди, люди, странные создания!
К чудесному во всех возникла страсть.
Давно ль? кричали: «Ад и небо бредни!»,
Не верили ни в бога, ни в чертей;
Все просвещалось; самые передни —
Теперь — взгляните на своих детей,
Ученики, поклонники Вольтера!
Конечно, суеверие не вера:
Но где же, где хваленый ваш успех?
Что ваша мудрость? и подумать — смех!
На чем же я остановлюсь? и веря
И вместе и не веря, что начну?
Что будет — будет! — перстень поверну,
Пусть ошибусь — не велика потеря!

(II, 81)

Пройдя через многие беды и несчастья, герой испытывает приступ раскаяния и обращается к богу:

И вот, когда душа моя
Вся тает, вся дрожит, а детски верю я
Святому таинству Христова заступленья.

(II, 227)

11. Погибает герой у стен монастыря, в котором он надеется обрести примирение с богом, от кинжала религиозного фанатика Сеида.

12. Особо стоит остановиться на ближайшем друге Ижорского, Веснове, и их взаимоотношениях. Веснов представлен пылким, восторженным юношей, видящим в Ижорском совершенство, своего рода кумир. Веснов жертвует собою ради счастья друга. Интересно заметить, что в явлении I действия II (часть вторая) Кикимора, представляя Веснова публике, считает нужным подчеркнуть: «Взгляните, вот Веснов сидит, читает — что? *Два дворянина веронские...*» (II, 142).

Ижорский так характеризует Веснова:

Как молод он, как пламенен, как свеж!
Да, были и во мне когда-то чувства те ж...
Зачем же я отцвел и почерствел так скоро?
Давно я позабыл свою весну.
Но от его сокрою зора
Души моей убитой глубину:
Холодный мой язык счастливица не встревожит.
Он, впрочем, и понять меня не может...

(II, 79)

Ижорский не хочет причинять страданий другу. В споре с Шишиморой он утверждает, что не даст ему «напиться крови» Веснова:

...да! спасу Веснова я.
Глупый ли, смешной ли,
Какой бы ни был я, мне все равно:
Отказ на просьбу — решено:
Он не погибнет!

(II, 161)

Несмотря на заступничество Ижорского, силы зла побеждают и Веснов гибнет.

13. И последнее. Ижорский упоминает о журналисте Трофиме Михайловиче Фирюлине:

Фирюлин! Вестника Австралии издатель!
Не он ли всякого, кому Создатель
Хоть несколько ума и дарований дал,
Лишь в силу, лишь бы мог, схватил бы и сожрал?

(II, 111)

3

Сопоставление перечисленных сведений об Ижорском с данными о жизненном пути Грибоедова показывает, что во многом биографии драматурга и литературного персонажа совпадают. Разумеется, некоторые подробности жизни героя приложимы не к одному Грибоедову, но в целом они удивительно после-

довательно накладываются на детали биографии драматурга.

1. Как известно, автор «Горя от ума» с юных лет отличался блестящими способностями. «Пылкие чувства» любви к отечеству побудили юного студента вступить корнетом в Иркутский гусарский полк. Эти же чувства отразились и в «Письме к издателю „Вестника Европы“» (1814).

Слова Честнова: «...В службу вы вступили; за границу Отправились...» — могут быть истолкованы двояко. Возможно, что речь идет о военном походе, но не исключено, что подразумевается и штатская служба, начавшаяся для Грибоедова в 1818 г. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов включение в рассказ об Ижорском момента биографии Чацкого, на сходство с которым Ижорского указывалось выше.

2. Совпадают возраст Ижорского и Грибоедова и то, что у них нет ни отца, ни невесты. Правда, у Ижорского нет и матери.

3. Как и Ижорский, Грибоедов провел в странствиях почти пять лет (сентябрь 1818—февраль 1823 г.). Грибоедов не бывал ни в Греции, ни в Риме, ни в Египте, ни в Индии. Но известно, что он дважды собирался путешествовать по Европе. Не случайно также, что при перечислении стран, по которым скитался Ижорский, неоднократно называется именно Иран.

4. Если сравнить принадлежащую Графине характеристику Ижорского как путешественника, философа, филантропа с обстоятельствами биографии Грибоедова, то первый момент в ней не нуждается в пояснении. Интерес Грибоедова к философии также общеизвестен. Его можно было бы назвать и филантропом: сколько раз он предпринимал попытки облегчить участь ссыльных друзей-декабристов — А. И. Одоевского, А. А. Бестужева, А. А. Добринского, автора «Ижорского».

5. Тщательно изучивший родственные связи Грибоедовых Н. К. Писанов писал, что «богатое, знатное смоленское дворянство» являлось «как бы одной большой семьей, разбросанной по всей губернии. Но не только в Хмелите, Дорогобуже, Смоленске сидели члены этой семьи. И в Москве, и в Петербурге, во Владимире, в Костроме, везде, куда ни приезжал смоленский дворянин, он всюду находил родственные связи, гостеприимство, поддержку», причем «резиденция Грибоедовых — Хмелита — была <...> одним из главных средоточий „избранного общества“ в Смоленской губернии».²⁸ Тот же исследователь отмечает и барственное гостеприимство отца Грибоедова, жившего на широкую ногу и растратившего значительное состояние.

6. Музыка была для Грибоедова «живой и глубокой потребностью души, средством в звуках выразить то, чего, может быть, нельзя было доверить слову не по неясности и расплывчатости настроения, а, напротив, по резкости и остроте вполне определенного чувства...».²⁹

7. Упоминание о толпе, текущей к Ижорскому «из города всего», также имеет аналогию в грибоедовской биографии: здесь

угадывается лето 1824 г., когда драматург и его произведение находились в центре внимания литературного Петербурга. В письме к Бегичеву (июль 1824 г.) Грибоедов упоминал, что он двенадцать раз читал комедию в различных домах «и еще слово дал на три в различных закоулках. Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет» (III, 156). А месяцем ранее он писал, что у него перед глазами «сотни лиц».

«Незабвенные друзья» Ижорского никак не охарактеризованы. Не упоминается ни одного их имени.

Приведем пространную выдержку из «Памятных записок» П. А. Бестужева, где он следующим образом отзывается о Грибоедове в последекабрьский период: «*А. С. Грибоедов*. До рокового происшествия я знал в нем только творца чудной картины современных нравов, уважал чувство патриотизма и талант поэтический. Узнавши, что я приехал в Тифлис, он с видом братского участия старался сблизиться со мною. Слезы негодования и сожаления дрожали в глазах благородного; сердце его обливалось кровью при воспоминании о поражении и муках близких ему по душе, и, как патриот и отец, сострадал о положений нашем. Невзирая на опасность знакомства с гонимыми, он явно и тайно старался быть полезным. Благородство и возвышенность характера обнаружились вполне, когда он дерзнул говорить государю в пользу людей, при одном имени коих бледнел оскорбленный властелин!.. Единственный человек сей кажется выше всякой критики, и жало клеветы притупляется на нем. Ум от природы обильный, обогащенный глубокими познаниями, жажда к коим и теперь не оставляет его, душа, чувствительная ко всему высокому, благородному, геройскому. Правила чести, коими б гордились оба Катона; характер живой, уклончивый, кроткий, неподражаемая манера приятного, заманчивого обращения, без примеси надменности; дар слова в высокой степени; приятный талант в музыке; наконец, познание людей делает его кумиром и украшением лучших обществ. Одним словом, Грибоедов — один из тех людей, на кого бестрепетно указал бы я, ежели б из урны жребия народов какое-нибудь благодетельное существо выдернуло билет, не увенчанный короною, для начертания необходимых преобразований... Разбирая его политически, строгий стоицизм и найдет, может быть, многое, достойное укоризны; многое, на что решился он с пожертвованием чести; но да знают строгие моралисты, современные и будущие, что в нынешнем шатком веке в сей бесконечной трагедии первую ролю играют *обстоятельства* и что умные люди, чувствуя себя не в силах пренебречь или сломить оные, по необходимости несут их иго. От сего-то, думаю, происходит в нем болезнь, весьма на сплин похожая... Имея тонкие, нежные чувства и крайне раздраженную чувствительность, при рассматривании своего политического поведения он, гнушаясь самим собою, боясь самого себя, помышлял, что когда он, (по оценке беспристрастия) лучший из людей, сделав поползновение, дал право на укоризны потомства,

то что должны быть все его окружающие? — в сии минуты благородная душа его терпит ужасные мучения. Чтоб не быть бременем для других, запирается он дома. Вид человека терзает его сердце...»³⁰

Грибоедов, таким образом, не только не отрекся от друзей-декабристов, но и тяжело переживал их поражение, обвиняя себя в том, что не разделил их судьбы. Все это очень близко к тому, что сообщается о настроениях и чувствах Ижорского. В этой связи становится понятным, почему Ижорский вдруг начинает «донкихотствовать», заявляет, что хочет отдать жизнь «за веру, любовь, правду и свободу».

Поддается толкованию и глухое упоминание Лидии о предательстве, везде окружавшем Ижорского. В уже рассматривавшейся черновой рукописи фельетона В. Ф. Одоевского «Последствия сатирической статьи», где под именем Двинского фигурирует Грибоедов, упоминается, что он был обманут любовницей, обыгран друзьями и оклеветан дядей.³¹ Кроме того, Грибоедов, привлеченный к следствию по делу декабристов, конечно же, слышал многое о том, как предавали друзей и родственников.

Неоднократно признавался Грибоедов и в том, что на чужбине им владеет «ипохондрия».³²

8. Ижорский вспоминает; как он в былые времена бросался в «оргию сраженья». В воспоминаниях К. А. Полевого приводится рассказ Грибоедова о том, как он научился преодолевать страх. «Я, — говорил драматург, — хотел не дрожать перед ядрами, в виду смерти, и при первом случае стал в таком месте, куда доставали ядра с неприятельской батареи. Там сосчитал я назначенное мною самим число выстрелов и потом, тихо поворотив лошадь, спокойно отъехал прочь, <...> После я не робел ни от какой военной опасности» (ГВС, 188—189).

9. В биографии Грибоедова есть до сих пор не проясненный эпизод — его несчастливая любовь, которая, по его словам, «испортила мне полжизни» (III, 188).

10. Мы знаем, как дорожил Грибоедов независимостью суждений, — это нашло отражение и в «Горе от ума». Знаем и то, что он, по словам А. А. Бестужева, «не мог и не хотел скрывать насмешки над подслащенной и самодовольною глупостью, ни презрения к низкой искательности, ни негодования при виде счастливого порока. <...> Твердость, с которою он обличал порочные привычки, несмотря на знатность особы, показалась бы иным катоновскою суровостью, даже дерзостью; но так как видно было при этом, что он хотел только извинить, а не уколоть, то нравование его если не производило исправления, по крайней мере, не возбуждало и гнева» (ГВС, 140). Нет сомнения, что в последних словах мемуарист смягчает характеристику Грибоедова. П. А. Бестужев в этом отношении оказался объективнее, да и по другим источникам известно, что Грибоедову порой был присущ и «высокомерный дендизм».³³

Как и большинство людей его круга, Грибоедов весьма высоко ставил личную независимость. «Я сам слишком привязан к свободе, чтобы осмелиться стеснять ее в ком бы то ни было...» — начинает он в мае 1824 г. записку к П. А. Вяземскому (III, 153).

Но вот сказать, что Грибоедов не уважал обычаи и «предрасудки» «ни одного народа», никак нельзя. Напротив, из дневника Кюхельбекера (запись от 15 июля 1832 г.) известно, что именно Грибоедов научил его терпимости по отношению к обрядам, мнениям и вероисповеданиям других народов.³⁴ О том же писали и другие современники (ГВС, 33).

Здесь явное отклонение от «прототипа». Скорее всего Кюхельбекер ввел этот штрих в моральный «портрет» героя для того, чтобы указать на его эгоизм. Ведь во всех остальных случаях Ижорский совершает неблагоприятные поступки, подчиняясь влиянию злых inferнальных сил, а этого недостаточно, чтобы развенчать героя, и Кюхельбекер «приписал» ему качество, которое должно было подчеркивать его крайний эгоцентризм.

Признание Ижорского: «Всех вялых скорбей, пошлых наслаждений Пугается, бежит душа моя» — почти дословное повторение грибоедовских слов: «В обыкновенные времена никуда не гоюсь: и не моя вина; люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, раскусод затмевается, и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща» (III, 199). Упоминание о «питомцах похоти, тщеславия и желудка» — откровенный перифраз из письма Грибоедова к Кюхельбекеру, в котором драматург говорит об «избалованных детях тучности и пищеварения...» (III, 147).

Были в жизни Грибоедова и моменты, когда он помышлял о самоубийстве. Так в сентябре 1825 г. он делился с С. Н. Бегичевым своими мрачными настроениями и предчувствиями (III, 181).

В представлении Кюхельбекера Грибоедов был, «без всякого сомнения, смиренный и строгий христианин и беспрекословно верил учению св. (ятой) церкви...».³⁵ О религиозности драматурга неоднократно упоминал и Булгарин.³⁶ Цитирование «старика Давида» невольно ассоциируется с программным стихотворением Грибоедова «Давид», помещенным в первой книжке «Мнемозины». А. А. Жандр рассказывал Д. А. Смирнову, что Грибоедов «был порядочно суеверен, и это объясняется (...) его живой поэтической натурой» (ГВС, 260, 261).

11. Гибель Ижорского в финале мистерии недвусмысленно напоминает о тегеранской катастрофе.

12. В Веснове проглядывают черты самого автора мистерии. Он дал это понять «просвещенному читателю», определенному кругу лиц, знавших о его литературных пристрастиях, отметив в монологе Кикиморы (сцена I, действие II второй части), что Веснов читает комедию Шекспира «Два дворянина веронские» (ср. упоминания об этом произведении в дневнике Кюхельбекера от 23 января и 19 апреля 1833 г., в особенности последнюю запись:

«Никак не понимаю, как я мог, когда тому два года назад читал в Ревеле „Двух дворян веронских“, отметить в дневнике, что это одна из слабых пьес Шекспира. Помню, что прежде эта комедия была одна из тех, которые мне преимущественно нравились; и теперь прочел я три первых действия с несказанным удовольствием»³⁷).

Характер отношений Веснова к Ижорскому и последнего к нему также полностью совпадает с реальными взаимоотношениями Грибоедова и Кюхельбекера, для которого автор «Горя от ума» всегда и во всем был существом высшего порядка. Ижорский оберегает младшего друга от преждевременного охлаждения души и дает клятву спасти его от гибели.

Правда, финал этой дружбы совсем иной, чем в действительности. Веснов (сцена I, действие III второй части) заявляет о своем полном разочаровании в Ижорском:

Растерзана душа моя:
Как! он ли, кто умом и пламенным и смелым,
Избытком чувств, избытком сил
Меня потряс, мне душу поразил?
Его ль своим летам незрелым
Избрал я в образец?
Я на него ль взирал, исполнен удивленья,
И думал: «Наконец
Тебя нашел я, доблестный боец,
Исшедший с честью из сраженья
С огромной ратницей-судьбой!»
Воскресли для меня в его лице те мужи,
Прелестной греческой священной старины
Могучие и дивные сыны,
На коих среди битв и Рока и оружий
Взирали юноши и вместе с жизнью кровь
За их высокую любовь
Из ста смертельных ран с любовью изливали.
Отныне ж для меня велики имена —
Пустые буквы лишь на суетной скрижали:
Очнулся я от сладостного сна;
Пал идол мой и все, с ним все кумиры пали!

(II, 168)

Но как совместить этот приговор с оставшимся неизменным до конца дней Кюхельбекера пиететом перед именем и делами Грибоедова? Противоречие гораздо серьезнее, чем те, которые уже были отмечены в пунктах 2, 3, 10. Думается, что оно также может быть объяснено. К этому мы вернемся ниже.

13. В журналисте Трофиме Михайловиче Фирюлине, издателе «Вестника Австралии», Ю. В. Манн склонен видеть «пародийный образ Михаила Трофимовича Каченовского».³⁸ Нам представляется, что вернее будет трактовать этот образ как собирательный. Наряду с выпадами по адресу Каченовского здесь явно содержится и намек на Ф. В. Булгарина (Фирюлин — «Видок Фиглярин»), которого, как мы знаем, у Кюхельбекера было немало причин не любить. Это тем более вероятно, что о нем говорится

как о журналисте, «прожужжавшем уши свету» про свою любовь к наукам, но на самом деле поносящем «безумный бред наук» и за деньги готовом «унижать Пушкина» (II, 85—86). Это, конечно, характеристика Булгарина, а не Каченовского.

Заметим, что большинство фактов биографии героя, зашифрованных в тексте мистерии, относится к периоду, который завершается 1825 г., т. е. ко времени непосредственного общения поэта с Грибоедовым.

Установить, что в «Ижорском» налицо использование подробностей жизни Грибоедова, нетрудно. Но, уяснив это, мы сталкиваемся с рядом новых проблем.

Почему никто из людей, общавшихся с Кюхельбекером (Пушкин, Пущин, Жуковский), ни словом не обмолвился о том, что увидел в Ижорском черты Грибоедова? Почему нет тому свидетельств в письмах или дневнике Кюхельбекера, где он фиксирует ход работы над многими своими произведениями? И, главное, как совместить развенчание героя с тем обстоятельством, что в реальном Грибоедове поэт и не думал разочаровываться?

Каких-либо документов, помогающих раскрыть тайну, в настоящее время нет. Поэтому мы поневоле встаем на почву догадок и предположений, причем единственным ключом здесь может служить дневник Кюхельбекера, в котором, однако, прямые ответы на поставленные вопросы отсутствуют.

Знакомство с поденными записками узника позволяет установить, что, лишенный возможности интеллектуального общения, отрезанный от литературной жизни, ограниченный в переписке и тяжело переживающий изоляцию, Кюхельбекер все чаще обращался за утешением к религии. Его поддерживали беседы с посещавшим его пастором, чтение проповедей, сочинение и переложение духовных стихов. Эти настроения нашли выражение и в «Ижорском». Идея третьей части мистерии, уже намеченная в первых двух, — история рациональной, эгоистической души, уязвляемой собственной гордыней, преследуемой кознями нечистой силы и находящей спасение только в боге, — логически обуславливается мироощущением Кюхельбекера периода ссылки.

Но все же почему Кюхельбекер наделил Ижорского именно грибоедовскими чертами? Мы знаем, что автор «Горя от ума» много для него значил и что влияние его нашло отражение в ряде произведений Кюхельбекера. В ссылке круг впечатлений поэта-декабриста был поневоле ограничен, и его мысль то и дело возвращалась к прошлому, в котором Грибоедов, чей образ был дорог Кюхельбекеру во всех отношениях, непроизвольно выдвигался на авансцену.

Работа над «Ижорским» растянулась на многие годы, и его создатель за это время не мог не измениться. Трансформировался и образ героя мистерии. Литературный персонаж отделился от своего реального прототипа и в процессе эволюции постепенно приобрел новые черты и новую заданность, тем более что с самого

начала авторская установка предполагала полную свободу замысла и средств его воплощения.

В записи от 8 февраля 1832 г., которая неоднократно цитировалась во многих работах, но никогда не ставилась в связь с интересующим нас вопросом, Кюхельбекер отчасти дает ключ к его решению. Он размышляет над тем, что такое юмор, чем он отличается от иронии и сатиры. Писатель-юморист в его представлении «доступен для *всех* возможных чувств; но он не раб их; не они им, он ими властвует, он *играет* ими (...) Юморист вовсе не пугается мгновенного порыва; напротив, он охотно за ним следует, только не теряет из глаз своей над ним власти, своей самобытности, личной свободы. Нитог может входить во все роды поэзии: самая трагедия не исключает его; она даже может служить началом, стихиею трагической басни; в доказательство приведу Гётева „Фауста“ и столь худо понятого нашими критиками „Ижорского“: „Ижорский“ весь основан на юморе; автор смотрит и на героя своего и на событие, которое изображает, и на самые *средства*, которыми оно изображает (чего никак не вобьешь в премудрые головы наших Аристархов), как на игру, и только *смысл* игры сей для него истинно важен; вот отчего во всей этой мистерии от первого стиха до последнего господствует равнодушие к самому искусству и условным законам его: поэт не боится разочаровать читателя, потому что не хотел и не думал его очаровывать...».³⁹

Итак, сам Кюхельбекер свидетельствует: «Ижорский» — произведение экспериментальное, главное в нем — «игра»; правила которой определены автором таким образом, что поставленное в центре событий конкретное лицо действует в экстремальных условиях, способствующих проявлению всех черт данного характера с новой, неожиданной стороны. Грибоедов становится объектом подобного эксперимента и потому, что он постоянно владел воображением поэта, и потому, что он как личность более, чем кто-либо из знакомых Кюхельбекера, отвечал представлениям о романтическом герое, и, наконец, потому, что Грибоедова уже не было в живых.

И еще одно. На наш взгляд, есть прямая связь между «проходным» образом журналиста Фирюлина (упомянут мельком дважды) и такой трактовкой образа Ижорского — Грибоедова, при которой на первом плане оказывались его неприятие общепринятой морали и даже эгоцентризм.

Подобная характеристика несомненно была полемически заостренной и возникла как реакция на тот нравственно и политически «благонамеренный» портрет Грибоедова, который был нарисован Булгариным в его «Воспоминаниях о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове». Они появились в первом (январском) номере «Сына отечества» за 1830 г. Напомним, что весь этот год, а также и начало следующего, 1831 года, Кюхельбекер работал над второй частью «Ижорского». К сожалению, дневник поэта, который мог бы пролить свет на историю возникно-

вения образа Ижорского — Грибоедова, дошел до нас в записях, начинающихся только с 15 декабря 1831 г.

Кюхельбекер не имел возможности вступить за Грибоедова публично. Но и оставить писания Булгарина без ответа было свыше его сил. Вот почему он прибег к потаенному способу полемики в надежде, что хотя бы близкие к Грибоедову люди разгадают эту тайнопись. Однако это не осуществилось.

Свою версию характера Грибоедова Кюхельбекер как бы запер в шкатулку с двойным дном. Сведения о драматурге рассеяны по всему тексту значительной по объему мистерии. Основная масса биографических данных (с. 67, 68, 79, 80, 81, 83, 87, 90, 94 — почти половина из общего числа) приходится на первую часть произведения, которая писалась тогда, когда память о Грибоедове была еще совсем свежа. Факты этой части еще могли быть восприняты как обычные, типовые приметы биографии романтического героя. Во второй части биографических сведений *шесть* (с. 140, 142, 147, 149, 150, 157), в третьей — только *четыре* (с. 192, 200, 225, 227), но именно они окончательно дают возможность понять, что речь идет о Грибоедове. Однако эти факты как раз и остались неизвестными тем, кто мог бы «расшифровать ребус»: ведь при жизни автора последняя часть «Ижорского» не была опубликована.

Несправедливо было бы видеть в образе Ижорского только портрет реального лица. Это прежде всего романтический персонаж, чья несостоятельность была продемонстрирована Пушкиным и Лермонтовым.⁴⁰ Кроме того, мистерия учитывала и западноевропейские образцы философской драмы («Фауст» Гёте, «Манфред» Байрона). Таким образом, Кюхельбекер, почти оторванный от литературной жизни, самостоятельно проделал тот же путь, что и передовые русские художники.

* * *

¹ Цит. по: Тынянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер. — В кн.: Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы. Л., 1939, т. I, с. XXVII.

² Цит. по: Тынянов Ю. Н. Указ. соч., с. XXVIII.

³ Лит. современник, 1938, № 10, с. 183.

⁴ Соч. бар. А. А. Дельвига. СПб., 1903, с. 149.

⁵ Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы, т. I, с. 60. — Далее ссылки на это издание (при цитировании стихотворных текстов и предисловий к ним) даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁶ Цит. по: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л., 1937, т. XIII, с. 81—82.

⁷ Дату создания «Давида», которая до сих пор была неизвестной, позволяет установить копия этого стихотворения в альбоме В. И. Ланской (урожденной Одоевской). Здесь «Давид» помечен 17 декабря 1823 г. (см.: ЦГАЛИ, ф. 1336, оп. 1, ед. хр. 33, л. 32 об.).

⁸ Аглая, Протоген, Тимофан, Тимолеон — действующие лица «Аргиван».

⁹ Тынянов Ю. Н. Указ. соч., с. XXX.

¹⁰ Там же, с. XXXII.

¹¹ Мнемозина. М., 1824, ч. II, с. 36.

¹² Там же, с. 31.

¹³ Там же, с. 41, 42.

- ¹⁴ Лит. наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 349.
- ¹⁵ Лит. современник, 1938, № 10, с. 198 (подлинник по-французски).
- ¹⁶ Ист. вестн., 1902, № 5, с. 599.
- ¹⁷ Цит. по: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М., 1941, т. XIV, с. 22.
- ¹⁸ Отчеты императорской публичной библиотеки за 1893 год. СПб., 1896, Прилож., с. 70.
- ¹⁹ *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 380.
- ²⁰ Там же, с. 412.
- ²¹ Там же, с. 227.
- ²² Там же, с. 228.
- ²³ Отметим попутно, что более раннее стихотворение Кюхельбекера «К Ахатесу» (1821) не адресовано Грибоедову, как полагает М. В. Нечкина, считающая, что оно «является зеркалом, в котором отражается уже не только тематика разговоров с другом, но и политические настроения Грибоедова, относящиеся к периоду интенсивной творческой работы над „Горем от ума“» (*Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977, с. 250—251). На самом деле автограф этого произведения снабжен подзаголовком «К Туманскому» (см.: *Кюхельбекер В. К.* Избр. произв. В 2-х т. М.; Л., 1967, т. I (Б-ка поэта. Большая сер., с. 620)).
- ²⁴ *Мстиславская Е. П.* Творческие рукописи В. К. Кюхельбекера. — В кн.: Зап. отд. рукописей Государственной б-ки им. В. И. Ленина. М., 1975, вып. 36, с. 17—18.
- ²⁵ Б-ка для чтения, 1835, т. X, отд. VI, с. 7.
- ²⁶ *Базанов В. Г.* Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.; Л., 1961, с. 323—325.
- ²⁷ *Манн Ю. В.* Поэтика русского романтизма. М., 1976, с. 365.
- ²⁸ *Пиксанов Н. К.* Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934, с. 71, 72.
- ²⁹ *Булич С.* Грибоедов-музыкант (I, 319).
- ³⁰ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951, с. 361—364.
- ³¹ Подробнее об этом см. в главе VI, с. 114.
- ³² См.: III, 51, 137, 140, 177, 181, 318 и др.
- ³³ См.: *Пиксанов Н. К.* Указ. соч., с. 71.
- ³⁴ *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи, с. 145.
- ³⁵ Там же, с. 145.
- ³⁶ М. В. Нечкина считает, что в религиозности Грибоедова «нет и тени клерикального налета и консервативной православной ортодоксальности, юношеские же годы ясно отмечены печатью вольнодумства» (*Нечкина М. В.* Указ. соч., с. 118). В романе В. С. Миклашевич он также охарактеризован как «большой вольнодумец». Подробнее об этом см.: *Вацулло В. Э.* Грибоедов в романе В. С. Миклашевич «Село Михайловское». — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977, с. 249—250.
- ³⁷ *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи, с. 246.
- ³⁸ *Манн Ю. В.* Указ. соч., с. 365, примеч. 42. — Такого же мнения придерживаются авторы примечаний к цитируемому «Дневнику» Кюхельбекера (см.: с. 667, примеч. 39).
- ³⁹ Там же, с. 95—96. — В комментарии к этой фразе говорится, что Кюхельбекер, по всей вероятности, имел в виду отзыв В. Т. Плаксина (Сын отечества, 1829, № 33, с. 404). Но из дневниковой записи от 23 января 1834 г. явствует, что статью Плаксина Кюхельбекер в этот день прочел впервые, причем суждения критика он на свой счет не принимает (см. с. 294). Речь идет здесь о выступлении И. В. Киреевского, который в «Обзрении русской словесности за 1829 год» охарактеризовал «дух „Ижорского“ как преимущественно немецкий» (Деница. М., 1830, с. XLIII).
- ⁴⁰ Однако это вовсе не означает, что Кюхельбекер «не только фиксирует болезненное начало в психике героя, но отмечает прогрессирующий характер болезни, которая может вылиться в ряд уродливых поступков. Душа Ижорского уже требует „почти болезненных потрясений“; по патологической линии он — предок Ставрогина» (*Погорельцев В. Ф.* Изображение «лишнего человека» в поэме В. К. Кюхельбекера «Ижорский» (1835—1841 гг.). — В кн.: Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах... М., 1972, с. 77; в заглавии статьи указаны ошибочные даты).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Комедия «Горе от ума» и ее автор в литературном сознании XIX—начала XX в.

В русской литературе XIX—начала XX в. едва ли найдется другое произведение, которое оставило бы столь глубокий след в сознании последующих поколений. К комедии Грибоедова обращались художники самых различных масштабов и направлений, преследуя при этом самые разные цели. Гончаров в «Мильоне терзаний» предсказывал: «...литература не выбьется из магического круга, начертанного Грибоедовым, как только художник коснется борьбы понятий, смены поколений. Он или даст тип крайних, несозревших передовых личностей, едва намекающих на будущее, и потому недолговечных, каких мы уже пережили немало в жизни и в искусстве, или создаст видоизмененный образ Чацкого, как после сервантесовского Дон-Кихота и шекспировского Гамлета являлись и являются бесконечные их подобия».¹ И это предсказание сбылось. Современный исследователь также подчеркивает, что «Горе от ума» «стало реальным фактом духовной жизни общества, явлением, развивающимся во времени...».²

Разнообразны были и цели использования идей, образов и сюжетных положений грибоедовской пьесы, и способы их освоения. Одни писатели просто заимствовали фамилии героев «Горя от ума», снабжая тем самым собственных персонажей «опознавательным знаком», который сразу определял действующее лицо; другие, не мудрствуя лукаво, пытались присочинить к пьесе новые сцены, пролог или финал; третьи почти полностью или частично сохраняли ее сюжет, лишь оснащая его приметами своей эпохи; четвертые переосмысливали идеи и характеры «Горя от ума», искали в них ответы на «проклятые вопросы» времени; пятые делали героем повестей и романов самого Грибоедова...

1

Первым по времени литературным откликом на «Горе от ума» явилась повесть в письмах М. А. Бестужева-Рюмина «Следствия комедии „Горе от ума“», появившаяся вскоре после публикации

песны Грибоедова в «Русской Талии». Бестужев-Рюмин поместил свою повесть в изданном им альманахе «Сириус» (ценз. разр. — 7 июля 1826 г.). Она состоит из пяти писем. В первом из них Фамусов излагает своему петербургскому другу Простомыслову события, описанные в комедии Грибоедова, которые закончились изгнанием Молчалина и удалением Софьи к саратовской сестре Фамусова.

Софья уведомляет подругу о своем стыде и раскаянии. В ответном письме та сообщает, что ее двоюродный брат Лестов, старый друг Чацкого, передал последнему копию с письма Софьи.

Наиболее интересно письмо Чацкого к Лестову. Чацкий уверяет друга, что больше не испытывает никаких чувств к Софье и постепенно привыкает к деревенскому уединению, находя в нем даже некоторую прелесть. Обращает на себя внимание следующее место письма: «...утомленный печалью, исполненный какою-то особенного предчувствия, с каким-то особенным нетерпением я жду чего-то лучшего.

Нетерпеливою душой
Я жду, с томленьем упованья,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.

Не думай, чтоб я сделался и стихотворцем, если в сих прекрасных стихах П. заменен мною роковой заветный стих³ собственным, незначащим. Это только для рифмы».⁴

Строфа взята из стихотворения Пушкина «К Чаадаеву» (1818). В 1825 г. оно еще не появлялось в печати, но широко было известно по рукописным копиям. Пропущенная «роковая» строка читалась так: «Минуты вольности святой». Стихотворение впервые было опубликовано тем же Бестужевым-Рюминым в 1829 г. в альманахе «Северная звезда», причем вместо процитированного стиха издатель в целях конспирации поставил: «Подруги, сердцу дорогой».

Но вернемся к Чацкому. Заставляя его «с каким-то особенным нетерпением» ожидать «чего-то лучшего» («просвещенный читатель», разумеется, легко восстанавливал подлинный текст пушкинского стихотворения), Бестужев-Рюмин тем самым зачислял его в разряд людей, близких к тем, кто полгода назад посмел восстать против монархии.

В литературном отношении труд Бестужева-Рюмина оставляет желать лучшего. Рецензент «Северной пчелы» имел все основания заметить: «...этот Чацкий, страстно любящий все отечественное, особливо язык русский, Чацкий, который, по словам даже Фамусова, „говорит, как пишет“, — теперь пишет не лучше самого Фамусова...».⁵

Вообще Бестужев-Рюмин долгое время уделял комедии Грибоедова пристальное внимание. На страницах издаваемой им газеты «Северный Меркурий» в 1831 г. в новогоднем фельетоне В. Бурнашева среди различных лиц, представляющих петербургский свет,

фигурируют и герои «Горя от ума». «Видел я, — писал фельетонист, — Загорецкого, видел почтенного Фамусова, видел Чацкого, видел Скалозуба, видел княгиню Тугоуховскую с ее полком невест...».⁶

В том же издании был напечатан отрывок из комедии Платона Волкова «Ум не помога», по поводу которой издатель счел нужным заметить в примечании: «Комедия сия, по моему мнению, есть самое близкое, но довольно удачное подражание незабвенному произведению Грибоедова».⁷

Говоря так, Бестужев-Рюмин, видимо, имел в виду полный текст произведения. Отрывок, опубликованный в «Северном Меркурии», представляет собой диалог двух старых знакомых. Речь одного из них, Ленского, заставляет вспомнить горячность и благородное негодование Чацкого, наблюдающего поругание человеческих прав в крепостническом государстве. Ленской восклицает:

...Прав не вижу я
И у своих крестьян вытапывать поля
Крестьянин — человек...⁸

Надо заметить, что 1830-е годы — время наиболее интенсивного освоения комедии Грибоедова в самых различных аспектах. Так, В. А. Ушаков, неоднократно выступавший с критическими статьями о «Горе от ума» и его постановках на сцене, в 1830 г. опубликовал роман «Киргиз-кайсак», где грибоедовская пьеса играет роль связующего звена между влюбленными. Юная героиня романа (названная, как и дочь Фамусова, Софьей Павловной) с жадным интересом вчитывается в рукописный экземпляр «Горя от ума», переписанный рукой офицера, к которому она питает сердечную склонность. В ее суждении о Чацком угадывается общее мнение женщин, принадлежащих к светскому обществу: «Рукописная комедия в богатом сафьянном переплете доставлена на другой день со слугою. (...) Комедия прочитана с восхищением. Ах, Чацкий, Чацкий! Как пламенно любил он Софью Павловну, так жестоко с ним поступившую. Что, если бы... Ничего! Это совсем другое дело!.. Только мосье Чацкий сам виноват. Характер его слишком тяжел. Он так заносчив, так нетерпелив, так желчен, словом, это мизантроп XIX столетия, столько же несносный, сколько и Альцест!».⁹

Критика сочла возможным сблизить и самого Славина с Чацким: «Г-н Ушаков, сравнивая Чацкого, героя комедии Грибоедова, с Альцестом Мольерова „Мизантропа“, дает и нам право заметить сходство характера Славина с Чацким».¹⁰ Но это, конечно, поверхностное сближение. Кроме благородства (но кто из романтических героев не был благороден?), никаких других общих черт с Чацким у романтически таинственного Славина нет.

Особенно часто стали обращаться к комедии Грибоедова после весны 1831 г., когда на сцене Московского театра впер-

вые был поставлен третий акт «Горя от ума». Пьеса «тогда только что сделалась известною в Москве...»,¹¹ а затем постепенно и в различных провинциальных городах. Конечно, «Горе от ума» и прежде расходилось по России во множестве списков, но известность пьесы все же не была такой широкой, так как она принадлежала к разряду полулегальной литературы.

В качестве «пробного камня», посредством которого выясняется общественная позиция действующих лиц, фигурирует «Горе от ума» в романе Н. А. Мельгунова «Кто же он?» (1831). Ультраромантическое произведение это построено на истории жениха-призрака, колдовскими чарами увлекающего девушку в свои адские сети. Однако большинство эпизодов романа развертывается в самом обыкновенном, прозаическом дворянском кругу средней руки.

В семье Линдиных ставят любительский спектакль, для которого выбрано «Горе от ума». И здесь автор дает живую сценку, взятую несомненно с натуры, сценку, которая позволяет судить о характере восприятия комедии в начале 1830-х гг. Линдина-мать заявляет: «Не правда ли, что мой Петр Андреич счастливо выбрал „Горе от ума“? Все говорят об этой комедии, и между тем она так мало известна. Не правда ли, что довольно оригинально выставлять перед нашей публикой ее же предрассудки?»¹² Но у большинства этот выбор вызывает иную реакцию.

«„Что тебе за охота, Петр Андреич, — сказал один пожилой родственник, — выбрать такую вольнодумную пьесу для своего представления?“ „А почему ж не так?“ — спросил озадаченный Линдин. „И это ты у меня спрашиваешь? Прошу покорно! Уже и ты заражен просвещением!“ „Что мне до вашего просвещения, — прибавила старая тетушка, — не в том сила: в этой комедии, прости господи, нет ни христианских нравов, ни приличия!“ „А только злая сатира на Москву, — подхватила другая дама, помоложе. — Пусть представляют ее в Петербурге, согласна, но не здесь, где всякой может узнать себя“. „*Tant pis celui qui s'y gessoipait*,¹³ — сказал какой-то русский литератор в очках. — Да это бы куда ни шло, *ça serait même assez piquant*;¹⁴ но какое оскорбление вкуса! Вопреки всем правилам, комедия в четырех действиях! Не говорю уже о том, что она написана вольными стихами; сам Мольер...“ „Вольные б стихи ничего, — возразил первый мужчина, — только бы в ней не было вольных мыслей!“ „Но почему им и не быть?“ — спросил один молодой человек, племянник Линдина. Почтенный враг вольных мыслей вымерил глазами дерзкого юношу. „А позвольте спросить, господин умник, — сказал он, — что разумеете вы под этими словами?“ „Я разумею, — отвечал, покраснев и заикаясь, наш юный оратор, — я разумею, что вольные мысли позволительны и что без этой свободы говорить, что думаешь...“ „Мы избавились бы от многих глупостей? Не то ли вы хотели сказать?“».¹⁵

В 1833 г. вышла в свет комедия Э. П. Перцова «Андрей Бичев, или Смешны мне люди». В «Предисловии», подписанном «Издатель», говорится: «Комедия, которой завязка основана не на любви, не на женитьбе, даже не на волокитстве, комедия без запутанной интриги, без театральных эффектов, — словом, комедия, в которой нет ни одного из принятых привычных условий для сочинений такого рода, — может показаться странною. Но тем не менее она есть уже новость, по крайней мере замечательная своею оригинальностью, если других похвальных эпитетов не заслуживает; а желание быть оригинальным в какой бы то ни было литературе, не только в нашей, ужели достойно упрека?»¹⁶

В этом предисловии, написанном, конечно же, самим автором, речь идет об оригинальности замысла его пьесы, хотя по существу здесь перечислены все завоевания Грибоедова. Э. Перцов заимствует из «Горя от ума» и стихотворный размер, и разговорную интонацию, и характеры. Даже в имени «вольнодумца» Андрея Аггеевича Бичева, сочинившего комедию, где он высмеивает, «бичует» родных и знакомых, есть намек на его литературного «прототипа». В тетке героя в равной мере уживаются черты Хлестовой и Фамусова. Образы Крахмалина и Сквознина явно восходят к репетитовскому характеру.

Своей комедией Перцов предвосхищает сюжетную ситуацию пьесы А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», но при этом опирается на «Горе от ума». Однако, кроме дешевого фрондерства, в Бичеве ничего нет от Чацкого: перцовский герой претенциозен, поверхностен, между ним и обществом, которое он «бичует», глубокого антагонизма нет и не было. Эта комедия — всего лишь один из многочисленных примеров того, как «Горе от ума» порождало на протяжении многих лет эпигонские подражания, «продолжения», «переделки» и т. д.

К тому же разряду относится и комедия М. Н. Загоскина «Недовольные» (первое представление — 2 декабря 1835 г.). Критика тотчас же уловила ее несомненное сходство с «Горем от ума»: «..., Недовольные», по складу, по ладу, по манере, верное продолжение комедии Грибоедова...»¹⁷ Еще определеннее высказался В. А. Ушаков: «Из нелицеприятного уважения к известному романисту, — писал он в «Северной пчеле», — не скажем {...} что многие положения взяты из Грибоедова с неизвинительною неосторожностью...» (1836, № 39).

Критики, однако, говорили меньше, чем знали. «Недовольные» были не просто вариацией на темы «Горя от ума», а тонко исполненным заказом, продиктованным самим императором. «Недовольные», «смутьяны», которые подвергаются в пьесе бичеванию, были лицами конкретными. Это в первую очередь декабрист М. Ф. Орлов и «вольнодумный» П. Я. Чаадаев. Орлов выведен под фамилией Турухтанова, что уже само по себе сообщало герою карикатурный характер (турухтан — род кулика).¹⁸

Ориентация на «Горе от ума» должна была усиливать ироническое звучание комедии. Грибоедов был как бы сделан «союзником» Загоскина. Воскрешая при помощи прямых цитат, заимствований и близкого к грибоедовской пьесе стихотворного строя атмосферу 1825 г. в памяти зрителей, Загоскин пытался доказать им, что то, что десять лет назад могло казаться достойным сочувствия и уважения, теперь, благодаря мудрому правлению Николая I, обнаружило свое бессилие и вредоносность.

Положительный персонаж «Недовольных» Глинский сперва почти «по Чацкому» обличает дворянский космополитизм, а затем с еще большим пылом обрушивается на отечественных «нигилистов»:

О господи! Когда избавишь нас
От этих вздорных фраз,
От этих выходцев из чужеземных краев,
Полуфранцузских сорванцов,
Да от затянутых в шнуровки попугаев,
А пуще и того от юных мудрецов,
Которые в сужденьях так свободны,
За веком вслед идут, смеются надо всем,
Зовут негодным все — затем,
Что сами ни к чему не годны;
И этих птиц зловещий род
Всегда злословит свой народ,
И отвратительным встречает криком
В своем отечестве великом
Прекрасный солнечный восход! ¹⁹

Растущая популярность «Горя от ума» соблазняла все новых подражателей. Анонимный автор, опубликовавший в 1839 г. отрывок из романа «Отставная губернаторша», собственно говоря, заимствовал у Грибоедова только имена персонажей. Сюжет данного фрагмента скорее напоминает гоголевского «Ревизора», нежели «Горе от ума». Сатирический характер произведения ²⁰ подчеркнут тем, что подписан отрывок именем Натальи Горичевой, жены губернатора по имени Платон Михайлович.

Куда более бесцеремонно обошелся с «Горем от ума» М. И. Воскресенский, присочинивший к пьесе ряд новых сцен. Его изделие так и называлось: «Утро после бала Фамусова, или Все старые знакомцы» (М., 1844). Белинский по заслугам оценил сочинение Воскресенского, сказав: «Ему показалось, что „Горе от ума“ не кончено, потому что в нем никто не женится и не выходит замуж. Стих Грибоедова — этот удивительный стих, которому подобного доселе еще ничего не являлось в русской драматической литературе, несколько не испугал г-на В* и не охладил его сочинительской отваги. Исказив все характеры „Горя от ума“, он смело состязается со стихом Грибоедова собственными стихами топорной работы...». ²¹

Один из элементов сюжета «Горя от ума», сохранив и основной конфликт комедии, разработал только что вступивший

- на литературное поприще А. М. Жемчужников в своей стихотворной комедии «Сумасшедший» (1852). В этом произведении сказались пристальное чтение комедии и размышление над ней, что нашло отражение не столько в стихе, сколько в трактовке образов, в заимствовании у Грибоедова мотивов, которыми руководствуются действующие лица «Сумасшедшего».

Как и Грибоедов, Жемчужников отказывается от традиционной последовательно развивающейся интриги; мотив сумасшествия героя взят им из «Горя от ума». Графиня влюблена в Валунина, а в нее в свою очередь влюблен князь Порецкий. Последний предостерегает, что среди гостей ее салона сегодня вечером появится настоящий сумасшедший, и предлагает угадать его. Ничего экстраординарного в пьесе Жемчужникова не происходит. Каждый из приглашенных (Скуратов — ярый поклонник ancien régime, англоман граф Касимов, селадон барон фон Блуменбах, эпикуреец Калязин), как и обычно, не выходит из своего амплуа, но возмущенный их речами Валунин, не выдержав, обличает бездушие, нищету рассудка и чувств своих собеседников. Для Валунина они сумасшедшие, тогда как они в свою очередь считают, что Валунин сошел с ума.

Сходство Валунина с Чацким не только не скрывается, но, напротив, подчеркивается самими персонажами пьесы:

Как Чацкий, хочет он давать уроки свету.
Что ж! Пусть его! Что нам безумный говорит,
Не надо принимать за чистую монету.²²

Однако Валунину с его обличительным пафосом, неприятием рабского подражания иноземному и юношеской пылкостью нрава, при всем желании автора поставить героя на одном уровне с Чацким, далеко до своего литературного предшественника. Валунин витийствует только в нравственной сфере, не касаясь политических проблем. Печать незрелости поэтического таланта автора «Сумасшедшего» сказывается прежде всего в образе центрального героя.

Романтические черты в характере Валунина весьма ощутимы. Очевидно, что, помимо влияния Грибоедова, Жемчужников находился и под воздействием лермонтовского «Маскарада».

В рецензии на пьесу Жемчужникова, сохранившейся в архиве Булгарина, которому она была послана для напечатания в «Северной пчеле», утверждалось: «Валунин схож с Чацким; на сходство их ролей указывает сам сочинитель. Кто же прав, Грибоедов ли, изобразивший Чацкого оклеветанным в сумасшествии, или г-н Жемчужников, представивший своего Валунина действительно помешанным? По-моему, г-н Жемчужников. <...> Самовольно брать на себя роль проповедника в гостиной или на бале, присваивать себе право учить всех и каждого, гласно смеяться надо всеми,

гласно презирать всех может только сумасшедший, и г-н Жемчужников совершенно прав, сделав таковым своего Валушина».²³

Булгарин отказался печатать статью, так как она была слишком велика для газеты, а по поводу сопоставления Жемчужникова с Грибоедовым сказал: «Если нынешнее поколение почитает речь его устарелою, сожалею об учителях нынешнего поколения — но „Горе от ума“ *chef d'œuvre во всех отношениях!*».²⁴

Е. П. Ростопчина использовала «Горе от ума» в полемических целях, сочинив «Возврат Чацкого в Москву, продолжение комедии Грибоедова „Горе от ума“» (написано в 1856 г., опубликовано в 1865 г.). Грибоедовская пьеса явилась для нее средством выразить свое отношение к литературно-политическому движению 1850-х гг., прежде всего к западникам и славянофилам, а также к демократам-разночинцам. Сама поэтесса пыталась отмежеваться от всех направлений, хотя на деле приближалась к защите официальной идеологии.

В «Возврате Чацкого...» Ростопчина доказывала нелепость крайнего славянофильства и западничества. Славянофильский вития Элейкин, глашатай «святых идей» Цурмайер и все их приверженцы и оппоненты, по словам княгини Цветковой, рупора авторских идей, — «все личности пустые»:

В них капли искренности нет!..

Они морочат целый свет,

Да и самих себя морочат...

Чтоб только роль играть! Чтоб свет заметил их;

Чтоб дальше разнеслась молва про них,

И чтоб про них Россия говорила!..²⁵

Ростопчина ввела в свою пьесу карикатуры на Погодина и Хомякова (их черты слиты в образе Элейкина) и демократов-разночинцев, которых она хоть и плохо знала, но сильно недолюбливала (Петров, Феологинский, Цурмайер), а также ядовитые намеки на «тлетворное влияние» Герцена. Правда, в письме к В. А. Долгорукову Ростопчина отрицала портретность своего произведения: «...Элейкин не более поэт X, чем поэт Y, в нем одном сосредоточены мысли и направление обоих».²⁶ Свою задачу поэтесса видела в том, чтобы высмеять недалеких людей, подпавших под влияние злоумышленной «либеральной моды», под влияние «недоучившихся студентов, чиновников без мест, учителей без учеников, людей низких сословий, плебеев рождением, мыслями, воспитанием и направлением».²⁷ Чацкий вслед за автором обличает заблуждения обоих лагерей, а затем призывает их прийти к общему согласию:

С терпимостью, с взаимным снисхождением
Нельзя нам разве в мире жить?²⁸

Начиная с середины 1850-х гг. количество откровенных переделок, продолжений пьесы Грибоедова и подражаний ей идет на убыль. Но в 1860-е гг. в связи с усилением сатирического начала в литературе «Горе от ума» было вновь взято на вооружение боевой журналистикой «Искры». В 1862 г. в журнале появился фельетон В. С. Курочкина «Семейная встреча 1862 года в области литературного вымысла». Перед читателем предстала галерея литературных персонажей, чьи имена уже стали нарицательными: Простаковы, Скотинины, Ноздрев, Чичиков, Манилов, Коробочка, Хлестаков и другие; в их числе и герои «Горя от ума»:

С Петрушкою знакомится Молчалин,
На чай дает.

< . . . . . >

Свои стихи
Тряпичкины читают Скалозубам
За их грехи.

Как человек вполне великосветский,
Мильоном глаз
Везде Антон Антоныч Загорецкий
Глядит на нас.
От Шпекинных усердьем в службе пышет
И болтовней, —
И Фамусов, как прежде, все подпишет,
И с плеч долой.²⁹

«Полемизируя с разглагольствованиями о „великих реформах“, якобы покончивших со всеми основами крепостнического строя, — пишет И. Г. Ямпольский, — Курочкин показывает живучесть этих основ и то, что, несколько изменив свою форму, приспособившись к новым условиям, они продолжают благополучно существовать».³⁰

В сценах «Цепочка и грязная шея» (1862) Курочкин ядовито высмеял мелочность и убожество реакционных и либеральных публицистов, нападавших на Чернышевского за его «неприличное поведение» на публичной лекции о Добролюбове, где критик позволил себе играть на кафедре цепочкой от часов. Поэт-сатирик вновь использует образы-маски из «Горя от ума». Реплики графинь — бабушки и внучки, Хлестовой, княжен Тугоуховских являются сатирической конденсацией смысла статей «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения». Достается здесь не только Чернышевскому, но и покойному Добролюбову:

Вот, видишь ли, читал он про кого-то,
Должно быть, умника такого же, как сам,
Пьянчужку, ветреника, мота...
Вдруг... Я не верила глазам!
Забылся до того... Ты рассуди, ведь дочку
На эти зрелища смотреть приводит мать —
*Цепочку в руки взял и начал с ней играть!*³¹

Защитники «благопристойности» обрушиваются и на самого Курочкина, читавшего на этом вечере свой перевод стихотворения Беранже «Безумцы», и на Достоевского:

...выходят вольнодумцы,
Читают — кто про что... один кричал: безумцы!
Ей-богу, обозвал безумцами нас всех.
Другой... другого-то и слушать я не стала...
Но хлопали — чуть-чуть не обвалилась зала...
Другой расписывал какой-то мертвый дом,
Про каторжников все...³²

К началу 1880-х гг. со дня создания «Горя от ума» минуло более чем полвека. И все же комедия не исчезла со сцены политической и литературной борьбы. Новый период усиленного интереса к произведению Грибоедова возник в связи с обострением политической обстановки. Появились новые «обработки» «Горя от ума».

Еще раз «воскресло» «Горе от ума» в переделке известного автора многочисленных фарсов и оперетт М. Ярона в 1881 г. В его пьесе во многом сохранено содержание грибоедовского произведения, почти дословно использован и ряд реплик персонажей «архетипа». Ярон обличает тлетворный дух своего времени: всеобщую страсть к наживе, беззастенчивость в выборе средств.

Софья говорит о Скалозубе:

Богатством и делами только дорожит
И на уме всегда железные дороги!
Чтобы нажить бесчестно капитал,
Готов приобретать он и гнилые шпалы
И безобразно строить все готов...³³

Тетушка-«Минерва» и та, по словам Чацкого,

Мечтает о любви, на капитал в надежде,
Твердя, что с деньгами добьешься и любви.³⁴

Во всеобщей атмосфере безнаказанности преобразается и Молчалин. Он дерзко заявляет Софье после того, как она застигла его с Лизой:

К чему кричать! Не стоит горячиться!
Я с Лизой пошутил, и нечего сердиться.
Все это пустяки, и верить мне должна
Ты как любовница, нет, больше, как жена.³⁵

Чацкий у Ярона демонстрирует весьма умеренную либеральную программу. В нем не осталось и тени революционности. Он выступает с проповедью «малых дел»:

...Думать смею,
Что не пойду на мерзость никогда;
Не стану избегать тяжелого труда,
И никогда не буду гнуть я шею,

Не буду подличать, чтоб после отдыхать
На лаврах, обобрав несчастных;
Скорее землю стану я пахать
И жить в занятиях трудных, но прекрасных,
Жить добросовестно, не зная лени...³⁶

Пьеска Ярона — резкий, но неглубокий «моментальный снимок» с московских нравов конца 1870—начала 1880-х гг. Следует отдать должное профессиональному умению автора: яроновское «Горе от ума», изобиловавшее многочисленными намеками на известных московских «тузов» и общественных деятелей, пользовалось определенным успехом у публики, с удовольствием встречавшей на сцене знакомых лиц.

Пример Ярона вдохновил В. Куницкого, в 1883 г. напечатавшего «Горе от ума через пятьдесят лет после Грибоедова. Комедия в 4-х действиях. С заимствованиями у Грибоедова» (СПб., 1883). От комедии Ярона сочинение В. Куницкого отличается прежде всего увеличением числа имеющих довольно грубый характер выпадов против современников. По-видимому сознавая слабость своего сочинения, Куницкий в предисловии пытался прикрыться именем и авторитетом Грибоедова:

...Хлопотал о том я только,
Чтоб твой критерий приложить
К иному времени, нисколько
Его не силясь изменить.³⁷

Критика по достоинству оценила пьесу Куницкого, отозвавшись о ней так: «В наше „просвещенное“ время нашелся (...) „сочинитель“, который (...) без всякого зазрения совести „заимствовал“ из „Горя от ума“ добрые три четверти стихов, а остальную четверть переделал на свой лад и дополнил строчками собственной фабрикации. (...) Это не стихи, а какие-то „шесты, которыми впору только голубей гонять“, как говорит одно действующее лицо в рассказе Глеба Успенского. И на этих-то „шестах“ развешаны клочки бессмертной комедии, которую новейший „сочинитель“ не постыдился растерзать и исковеркать, доказавши этим, что „Горе от ума“ — не его горе».³⁸

Делались и другие попытки «улучшить» и «дополнить» «Горе от ума». Так, в 1892 г. в научно-литературном сборнике «Помощь голодающим» Н. М. Городецкий поместил «Пролог к „Горю от ума“», по его мнению, принадлежавший перу Грибоедова, который по каким-то соображениям не счел нужным включить его в текст своего произведения. «Пролог» представлял собой разговор Чацкого с Лизой, уверяющей героя, что Софья любит его. Однако уже Н. К. Пиксанов доказал, что «подлинность „Пролога“ совершенно сомнительна».³⁹

В. П. Буренин, обратившись к грибоедовскому наследию, использовал «опыт» Ростопчиной, Ярона и Куницкого. В его пар-

дийном «Горе от глупости» (1905) дается ряд злобных карикатур на современных общественных деятелей. Давно и прочно связанный сотрудничеством с реакционным «Новым временем», Буренин озлобленно поливает грязью и «левых», и «правых». От него достается и Стасову, и Струве, и Гапону, и Толстому, и Короленко, причем большую часть нападок Буренин доверяет... Чацкому. Неудивительно, что даже фамусовское общество объявляет его «ретроградом». Чацкий, по Буренину, решительный противник всевозможных социальных движений, уверенный в незыблемости существующих порядков:

Пройдет весь гам, что общество тревожит,
Истерика «протестов» надоест,
И в близком будущем, коль бог поможет,
Русь революции свинья не съест.⁴⁰

Не столь мракобесными, но все же отчасти примыкающими к сочинению Буренина по взглядам на «старые добрые времена» явились монологи Б. А. Садовского «Репетиллов в Москве» и «Репетиллов в Петербурге». ⁴¹ Сопоставляя прошедшее и настоящее, Репетиллов у Садовского скорбит о былом. Его отношение к современности близко «точке зрения самого Садовского, тоскующего по ушедшей дворянской культуре и враждебно отчужденного от современности, от всего нового, что принесла с собой еще разночинская эпоха». ⁴²

Показательно, что во всех рассмотренных выше произведениях, с какой бы целью они ни были написаны, фамусовское общество в основной своей массе или остается на старых позициях, или «прогрессирует» в сторону еще большего мракобесия. Никто из писателей, бравших себе в «соавторы» Грибоедова, не решился преобразить Скалозуба или Молчалина, наделив их какими-то положительными чертами. «Наибольший интерес, — отмечает М. Лурье, — представляет весьма разнообразная интерпретация образа Чацкого, в максимальной мере использованной авторами (...) в качестве рупора их политических взглядов». ⁴³

Перечисленные здесь произведения обладают незначительной художественной ценностью и интересны прежде всего как свидетельство неуываваемости тем, идей и образов Грибоедова на протяжении целого столетия.

2

Гораздо важнее проследить, что именно черпали из сокровищницы «Горя от ума» писатели последующего времени, как создание Грибоедова осмысливалось и трансформировалось в творчестве виднейших представителей русской литературы XIX—начала XX в.

Отчасти эта проблема уже освещалась в предыдущих главах. В настоящем разделе дается краткий очерк восприятия «Горя от ума» и личности его автора литературно-общественным сознанием указанного периода, причем на первом месте здесь должен быть поставлен, конечно, А. С. Пушкин.

Пушкин входил в литературу несколько позднее Грибоедова, но его талант развивался с такой быстротой, что уже первые опыты юного поэта приковали к себе внимание многих, в том числе и Грибоедова. Несмотря на то что в 1815—1818 гг. — период их первоначального общения — Грибоедов и его друзья относились к поэту-лицеисту как к младшему, Пушкин, по словам А. М. Каратыгиной, «дорожил их мнением и как бы гордился их приязнью». Однако это отношение не было снисходительным, ибо Пушкин уже тогда обнаруживал «тонкий эстетический вкус и далеко не юношескую наблюдательность» (ГВС, 105).

Во взаимоотношениях Пушкина с Грибоедовым в эту пору не было полного единства. Их сближал живой интерес к театру, но разделяла литературная ориентация. Учителем Пушкина был Жуковский. Юный поэт был частым гостем Шаховского, но к драматургии его относился с немалой долей скептицизма. Уже в 1815 г. (т. е. в период самых бурных споров вокруг имени Шаховского) Пушкин определил «русского Аристофана» как «посредственного стихотворца», наделенного живым умом, но не обладающего особенным вкусом. Грибоедов стал думать почти так же десятью годами позже. Разумеется, тут дело не в отсутствии принципиальности у автора «Горя от ума». Просто для него Шаховской в середине 1810-х гг. был застрельщиком борьбы с «унылым романтизмом» Жуковского и первым профессиональным писателем, у которого многому можно было научиться. Отсюда и литературный антагонизм Пушкина и Грибоедова в первый период их общения.

В «Студенте» наряду с выпадами против Карамзина и Батюшкова встречается и намек на Пушкина, в котором Грибоедов видит последователя Жуковского. Беневольский в «Студенте» упоминает о «пленительных мелодиях певцов своей печали». Последние три слова взяты из пушкинского «Певца», опубликованного в самом начале 1817 г. Сближение имени юного поэта с именами знаменитых современников — Жуковского, Батюшкова и Карамзина — тогда было весьма почетным для Пушкина, пусть в этом сближении и присутствовала легкая насмешка над подражателями Жуковского. Позднее, пройдя этап ученичества, Пушкин и сам подвергнет осмеянию в «Евгении Онегине» сентиментальный «обольстительный обман».

Одновременно с этим Грибоедов и Пушкин имели и общих друзей (Каверин, Чаадаев, Кюхельбекер, Жандр, Н. Всеволожский и другие). Почти равную степень приязни проявляли они к Катенину, которому Грибоедов был обязан «зрелостью <...> и даже оригинальностью дарования», а Пушкин, по его словам, избавлением от односторонности мнений.

Чем более мужал талант Пушкина, тем более сближался он в литературных понятиях с Грибоедовым. Достаточно вспомнить полемику Грибоедова с Гнедичем в 1816 г. по поводу баллад. В 1833 г. Пушкин признает правоту автора «Горя от ума» в отклике на «Сочинения в стихах Павла Катенина».

Большинство печатных произведений Грибоедова было известно Пушкину. Так, Ю. Н. Тынянов отметил несомненную ориентированность пушкинской эпиграммы, адресованной Воронцову, на грибоедовского «Давида»:

Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал,
И положеньем выше графа.⁴⁴

«Это, — писал Тынянов, — чуть ли не единственный у Пушкина „библейский“ образ в эпиграммах, где он обычно использует античный материал. Этим еще более подчеркивается связь эпиграммы со стихотворением Грибоедова. Этот образ поэта-пророка несомненно повлиял на пушкинского „Пророка“, который является самостоятельным углублением и дальнейшим развитием образа, причем черты грибоедовского пророка-бойца, поющего богу сил, сражающегося с иноплеменниками, сменены у Пушкина чертами пророка-проповедника».⁴⁵

Почти до конца 1820-х гг. Пушкин и Грибоедов не встречались. Поэт сначала находился в южной ссылке, а затем в Михайловском. Они увиделись снова только в марте 1828 г. Но и в этот промежуток времени Пушкин, пристально следивший за движением литературы, не выпускал из поля зрения и Грибоедова. В письме к Вяземскому от 1—8 декабря 1823 г. он просит подтвердить, справедливо ли слух, что Грибоедов в «Горе от ума» вывел Чаадаева.

Доходили до Пушкина и некоторые подробности трудного приближения комедии Грибоедова к зрителю и читателю. Поэт просит того же Вяземского: «Пришли мне эпиграмму Грибоедова»;⁴⁶ адресуется к брату с просьбой снабдить его экземпляром «Русской Галии». Интерес к грибоедовской эпиграмме (на М. А. Дмитриева и А. И. Писарева) не случаен. Противники Грибоедова были и недругами Пушкина. Они не раз выступали против него и Вяземского на страницах «Вестника Европы», в частности против статьи Вяземского «Разговор между издателем и классиком», предпосланной первому изданию «Бахчисарайского фонтана». В глазах поэта, грибоедовская эпиграмма на «холопов» «Вестника Европы», таким образом, была сатирой на противников всего нового в искусстве вообще.

И Грибоедов был внимательным читателем Пушкина. Так, находясь под арестом, он писал Булгарину: «Пришли мне *Пушкина стихотворения* на одни сутки» (III, 190). Судя по краткости срока пользования, томик стихов понадобился Грибоедову не для первого ознакомления. Он, вероятно, лишь хотел уточнить что-то

в хорошо известных ему произведениях, проверить свою память. В свете этой детали предположение Г. А. Гуковского о том, что Грибоедов читал пушкинскую «Песнь о вещем Олеге» («Северные цветы на 1825 год»), заслуживает самого пристального внимания.⁴⁷

Г. А. Гуковский сопоставляет «Хищников на Чегеме» Грибоедова (написано в конце 1825 г.) с пушкинскими «Подражаниями Корану», созданными в ноябре 1824 г. Это произведение мог сообщить Грибоедову Кюхельбекер уже в апреле 1825 г. «Грибоедов, — говорит исследователь, — понял, как и Пушкин, что самая мораль, самая психика горцев иная, ибо и жизнь этого народа иная, чем жизнь, породившая психику его, Грибоедова. И он не осуждает горцев — он *объясняет* их. Отсюда и характернейшие черты его стихотворения, преодолевающие романтическую идеализацию постольку, поскольку Грибоедов преодолевает романтический субъективизм...».⁴⁸

Пушкин познакомился с «Горем от ума» в то время, когда он работал над созданием «Бориса Годунова» и проблемы драматургии особенно интересовали его. Оценка комедии Грибоедова содержится в известных письмах Пушкина к Вяземскому и А. Бестужеву (оба конца января 1825 г.), которые многократно рассматривались в научной литературе.⁴⁹

Восстановим ход мысли Пушкина. Он писал Бестужеву, что ни план, ни завязка пьесы не вызывают у него возражений, поскольку «драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным». Так говорить мог только писатель, глубоко проникший в сущность поэтики Грибоедова, утверждавшего в письме к Катенину, что он пишет, как и живет, «свободно и свободно». В 1830 г. в своих заметках о драме и Пушкин придет к выводу, что драматическому писателю необходимо отрешиться от «предрассудка любимой мысли»; наряду с «философией, бесстрашием, государственными мыслями историка, догадливостью, живостью воображения...» нужна «свобода». Поэт подчеркивал также: «Заметим, что высокая комедия не основана единственно на смехе, но на развитии характеров, — и что нередко (она) близко подходит к трагедии».⁵⁰ Под этой эстетической декларацией мог бы подписаться и Грибоедов.

Пушкин приемлет «характеры и резкую картину нравов», начертанные в пьесе. Фамусов и Скалозуб «превосходны». Репетилов и Загорецкий отмечены «чертами истинного комического гения».

Софья оставляет желать большего: ее образ начертан «неясно». Большой определенности хотел бы Пушкин и в Молчалине («Молчалин не довольно резко подл...»). В том же ключе оценивается и Репетилов, в нем, как он дан у Грибоедова, «2, 3, 10 характеров»: «Зачем делать его гадким? довольно, что он ветрен и глуп с таким простодушием; довольно, чтоб он признавался в своей глупости, а не мерзостях».⁵¹ Сразу же вслед за этим сказано: «Это смиренное чрезвычайно ново на театре».

Пушкин оценил новаторство Грибоедова, но в момент чтения, которое, по-видимому, было беглым, судил о пьесе отчасти еще исходя из традиционных представлений о «светской комедии». Вот почему, по его мнению, «10 характеров» Репетилова придают образу неопределенность, тогда как устоявшиеся законы комедии предписывают выделять в характере героя ведущую черту. При этом в суждениях поэта не было той категоричности, с которой Катенин упрекал создателя «Горя от ума» в том, что он отошел от принятых законов развертывания действия и обрисовки персонажей. Мы присоединяемся к точке зрения, согласно которой «Пушкин не был ни защитником, ни разрушителем норм, критериев, правил поэтики вне зависимости от их целесообразности. (...) Он демонстрировал и отстаивал свободу пользования „правилами“ перенесения принципов одного жанра на другой, активность восприятия различных художественных традиций, чуткость к современным новшествам и коррективам».⁵²

Отношение к Чацкому также высказано дважды: сначала в письме к Вяземскому, затем — к Бестужеву. Вяземскому Пушкин писал: «Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен».⁵³ В письме к Бестужеву это заключение обосновывается более подробно. Чацкий, считал поэт, говорит умно. Но кому предназначены его речи? «Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми и тому под.»⁵⁴

В драматургии до Грибоедова не было героев, характеры которых по воле автора отклонялись бы от привычного амплуа. А Чацкий именно и демонстрирует постоянно, что у него «ум с сердцем не в ладу». При этом интересно отметить, что сам Пушкин в одесской ссылке не раз ораторствовал перед аудиторией, которая не могла его понять. У Пушкина есть и стихотворение 1822 г., где «отношение самого Пушкина к ситуации Чацкого выражено еще до ознакомления с „Горем от ума“...», — «В. Ф. Раевскому»:⁵⁵

Я говорил пред хладною толпой
Языком Истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.⁵⁶

При этом Пушкиным не замечено (здесь, по-видимому, опять сказалась беглость чтения), что и Чацкий в финале «с горечью и болью осознал, что мир нельзя исправить одними, пусть даже гневными, словами и горячими убеждениями»⁵⁷ («Мечтанья с глаз долой — и спала пелена»).

Письмо к Бестужеву несколько корригирует сказанное чуть раньше Вяземскому. Вяземскому Пушкин писал, что не видит в комедии Грибоедова «ни плана, ни мысли главной, ни истины». Когда первое впечатление улеглось и оформилось, Пушкин уже не отрицает достоинств комедии и даже замечает, что он в чем-то

мог и ошибаться. Во всяком случае, чтение Грибоедовской пьесы доставило ему наслаждение.

Пушкин в письме к Бестужеву не только обозначил свое отношение к «Горю от ума» — значение этого документа намного шире. В нем намечено осознание необходимости отказаться от традиционных литературных форм, признание творческой свободы художника. Эти свои мысли поэт воплотил на практике при создании «Бориса Годунова», в котором он, как и Грибоедов, ломал устоявшиеся каноны, сочетая трагедийное и комическое.

К сожалению, других развернутых пушкинских оценок «Горя от ума» мы не знаем; известно лишь, что его мнение о пьесе постепенно становилось все более благоприятным. В 1827 г. он писал, что комедия Грибоедова является «лучшей из всего русского театра». В «Путешествии в Арзрум» это же суждение повторено в несколько иных выражениях: «Его рукописная комедия „Горе от ума“ произвела неожиданное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами».⁵⁸

Косвенным образом отношение Пушкина к «Горю от ума» выявляется и при рассмотрении попыток поэта создать собственную комедию. Еще в середине 1821 г. он замыслил написать комедию об игроке и набрасывает план ее. На протяжении ряда лет возвращается Пушкин к своему замыслу, но так и не завершает начатое.

Что же помешало Пушкину осуществить задуманное? Большинство исследователей считают, что главное препятствие, встреченное здесь поэтом, сводилось к тому, что ему в области комедии не удалось выйти за пределы привычных нормативов комедийного светского жанра. Эта задача была решена Грибоедовым, разрушившим традиционную схему (однозначность образов, контрастное противопоставление добродетели пороку), отказавшимся от морализирования, поместившим на сцену новый собирательный образ, «народ действующих лиц» (Вяземский). Несколько позднее Пушкин самостоятельно придет к аналогичным открытиям в трагедии («Борис Годунов», «Маленькие трагедии»).

В 1827 г. Пушкин делает набросок первых сцен незавершенной комедии («Насилу выехать решились из Москвы»), восходящей к традиции французского комедийного театра. Одно из действующих лиц пушкинского наброска, мастерски намеченный образ, — служанка, которая, «как и грибоедовская Лиза, сочетает черты французской субретки и русской горничной».⁵⁹ Комедия не была завершена. «Мастерство пушкинского наброска доказывает, что при дальнейших опытах в этом роде он, действительно, мог бы стать рядом с Грибоедовым...», — констатирует театровед М. Загорский.⁶⁰ Мог бы, но не захотел, ибо Пушкин сознавал, что после «Горя от ума» любая «светская» комедия уже будет сиять отраженным светом.

Образ «субретки», созданный Грибоедовым, видимо, вспоминался Пушкину и во время работы над «Борисом Годуновым».

Во всяком случае, в сцене «Уборная Марины» разговор служанки с госпожой отчасти напоминает диалог Лизы с Софьей. Не потому ли Пушкин и исключил эту сцену из печатного текста трагедии, что она наводила на мысль о «заимствовании» из «Горя от ума», хорошо уже известного по множеству списков?

В Грибоедове Пушкин видел не только гениального художника, но и яркую личность большого масштаба. Единственный среди всех современников, знавших автора «Горя от ума», Пушкин нашел точные и проникновенные слова для характеристики Грибоедова в «Путешествии в Арзрум». По краткости эта блестящая и глубокая характеристика сводится почти к формуле, но какой емкой и живой она оказывается, несмотря на некоторую недоговоренность (о дуэли Грибоедова и причинах его гибели Пушкин еще не мог говорить). Пушкин писал: «Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго он был опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был непризнан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном».⁶¹

Заговор молчания вокруг гибели Грибоедова еще не был нарушен. Поэтому так важно, что Пушкин дает понять: никаких компрометирующих память русского посланника обстоятельств тегеранской катастрофы не существовало. Он писал: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна».⁶²

Завершается воспоминание о драматурге горькой нотой сожаления о том, что в России не заботятся об увековечении памяти выдающихся деятелей: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...».⁶³

В статье 1830 г. «О записках Видока» Пушкин дал понять, как он относится к деятельности Булгарина, и, в частности, высказал свое отношение к мемуарам редактора «Северной пчелы» о Грибоедове: «Он нагло хвастается дружбою умерших известных людей, находившихся в сношении с ним (кто молод не бывал? а Видок человек услужливый, деловой)».⁶⁴

История жизни Грибоедова, видимо, послужила Пушкину исходным материалом для некоторых его произведений. М. О. Гершензон в письме к Н. К. Пиксанову (октябрь 1910 г.) высказал предположение о том, что сюжет пушкинского «Выстрела» восхо-

дит к истории реальных дуэлей Шереметева с Завадовским и Грибоедова с Якубовичем, вызвавшим драматурга на поединок, но отложившим свой выстрел после смерти Шереметева, секундантом которого был Якубович. Общее между настоящим поединком и пушкинской повестью, по мнению Гершензона, — «именно момент *выстрела, отсроченного* и потребованного в исключительно важную минуту жизни противника. Кажется мне также, что в характере Сильвио есть черты Якубовича, которым Пушкин, как вы знаете, интересовался».⁶⁵

А. Л. Гришунин считает, что и «описание ареста Гринева по предписанию следственной комиссии в XIII главе „Капитанской дочки“ также могло быть навеяно рассказами, возможно, самого Грибоедова, об его аресте Ермоловым в феврале 1826 года в крепости Грозной».⁶⁶

Размышляя над судьбой Грибоедова, Пушкин намеревался и прямо описать некоторые эпизоды его жизни в романе «Русский Пелам» (1834—1835). В нем должны были фигурировать Грибоедов, Истомина и Завадовский. В сохранившемся отрывке «Les deux danseuses» (начало 1830-х гг.), который, по-видимому, является одним из фрагментов «Пелама», упоминаются имена Завадовского и Истомина.

И собственное будущее Пушкин был склонен проецировать на судьбу Грибоедова. На полях черновика «Евгения Онегина» в 1826 г. набросаны портреты декабристов, автопортрет поэта и профиль Грибоедова. Очевидна пушкинская мысль об общности жизненных путей его и Грибоедова. В мае 1828 г. Пушкин, размышляя о будущем, написал «Предчувствие», пронизанное ожиданием беды, которую ему готовит «Рок». И вновь на том же листке возник портрет Грибоедова. Поэт как бы связывал свой жребий с драмой автора «Горя от ума».⁶⁷

Почти одновременно с этим Пушкин написал стихотворение «Не пой, красавица, при мне», положенное М. И. Глинкой на музыку, тема которой была предложена композитору Грибоедовым.⁶⁸

Цитаты и образы из произведений «колкого Грибоедова»⁶⁹ присутствуют во многих произведениях Пушкина и в его переписке. Иногда это всего лишь фамилия, заимствованная из «Горя от ума». Судя по ранним рукописям, героем «Медного всадника» поэт вначале хотел сделать молодого богатого дворянина. Подыскивая для него фамилию, Пушкин долго не решался остановить свой выбор на каком-либо варианте. Среди других возникала и фамилия Чацкий. «Она, как и другие, исчезла из окончательного текста, и сам герой преобразился в бедного чиновника».⁷⁰ В одном из незавершенных поэтических произведений Пушкина мелькает Вера Чацкая: «Женись! — На ком? — На Вере Чацкой».

Строки из «Горя от ума» вводятся в повествование в «Метели», в «Евгении Онегине», в «Путешествии из Москвы в Петербург», причем чаще всего они выполняют ту же функцию, что и цитаты из Шаховского и других авторов в «Горе от ума», — дают чита-

телю априорную ориентацию относительно характера и поступков героя и служат материалом для дополнительного размышления над образом.⁷¹

Вслед за Грибоедовым Пушкин в своем романе в стихах изображает персонажей второго плана как «собирательный образ» социальной среды.

И «Горе от ума», и «Евгений Онегин» представляют собой страстный призыв к разумному развитию индивидуальности, благодаря чему могут и должны идти вперед общество, нация.

Постоянно стоявший «на страже интересов» Грибоедова и его пьесы Булгарин после опубликования главы VII «Евгения Онегина» поспешил заявить, что при описании московского быта Пушкин «взял обильную дань из „Горя от ума“...» (Сев. пчела, 1830, № 39). Скользя по поверхности, Булгарин заметил, что внимание Грибоедова и Пушкина привлекают одни и те же, наиболее резкие черты московского общества (застойность, неподвижность быта, косность морали «допожарной» Москвы), но не разглядел при этом, что пафос «Горя от ума» и «Евгения Онегина» совершенно различен. У Пушкина — легкая усмешка, у Грибоедова — резкое негодование, сатира.⁷²

Прямая перекличка с комедией Грибоедова может быть отмечена в «Путешествии из Москвы в Петербург». По наблюдению Ю. П. Фесенко, здесь Пушкин, с одной стороны, «как будто бы хочет доказать, что „Горе от ума“ устарело. С другой стороны, он утверждает жизненность основных мотивов комедии. Смысл такого построения становится понятным, если учесть статью И. В. Киреевского о „Горе от ума“ (1832), в которой под предлогом несоответствия изменившейся московской жизни грибоедовскому тексту производилась ревизия декабристского содержания комедии».⁷³

Сопоставляя значение Пушкина и Грибоедова, Гончаров писал в «Мильоне терзаний»: «Пушкин занял собою всю свою эпоху, сам создал другую, породил школы художников — взял себе в эпоху все, кроме того, что успел взять Грибоедов и до чего не договорился Пушкин».⁷⁴ Более того, даже и Пушкин, величайший художник своей эпохи, объяввший в своем творчестве самые разнообразные стороны действительности и испробовавший себя в различных жанрах, не смог избежать влияния Грибоедова.

3

Заступивший место Пушкина в русской поэзии Лермонтов словно унаследовал от него интерес к творчеству Грибоедова. Находясь на Кавказе, Лермонтов подружился с А. И. Одоевским, в беседах с которым не могла не идти речь о драматурге, занимавшем столь важное место в жизни ссыльного декабриста. По всей

вероятности, в эту пору у Лермонтова в результате общения с Одоевским и родилась мысль написать роман «из кавказской жизни», действующими лицами которого должны были стать Грибоедов и Ермолов. Все, что было связано с Грибоедовым, Лермонтова интересовало очень живо. «О гибели Грибоедова Лермонтов знал и от Нины Александровны Грибоедовой, и от Ахвердовой, и от Чавчавадзе, и от всех тех, кто помнил Грибоедова по Тифлису и мог добавить от себя несколько драгоценных подробностей». ⁷⁵ Как считает И. Л. Андроников — и с ним трудно не согласиться, — поэт в 1837 г. «не мог не побывать у могилы, которая была местом паломничества передовых русских людей, и прежде всего русских писателей». ⁷⁶

Не лишено вероятности предположение, высказанное Н. И. Мордовченко, что стихотворение Лермонтова «Великий муж, здесь нет награды...» (датируется предположительно 1836 г.) адресовано Грибоедову. ⁷⁷ Окончательно доказанной считать эту гипотезу нельзя, ибо стихотворение лишено каких-либо реалий, дающих возможность установить, кого именно имел в виду Лермонтов, но судьба Грибоедова безусловно могла привлечь его внимание.

В ряде произведений поэта, как это неоднократно отмечалось в научной литературе, отчетливо проявляются следы влияния «Горя от ума». Уже в 1831 г. в драме «Станный человек» Лермонтов использует грибоедовскую тему сумасшествия героя и вводит в реплику Арбенина цитату из критической статьи М. А. Дмитриева о «Горе от ума». Арбенин говорит: «Со мною случится скоро горе, не от ума, но от глупости». В числе гостей на балу у графа Пронского присутствует и Чацкий. «...По мысли Лермонтова, Арбенин принадлежит к тому же московскому обществу, что и Чацкий. Этим самым молодой драматург давал понять, что у него показано общество, осмеянное Грибоедовым». ⁷⁸

Еще заметнее точки соприкосновения с «Горем от ума» в «Маскараде». В обеих пьесах светское общество подвергнуто критике: в первом случае московское, петербургское — во втором. Разумеется, здесь не столько важна географическая разница, сколько разница позиций, с которых ведется критика, — ведь за десять лет многое изменилось. Чацкий еще мог надеяться на перемены к лучшему, он еще позволял себе бросать в лицо единомышленникам Фамусова слова, облитые «горечью и злостью». Лермонтову уже было ясно, что молодое поколение, наделенное деятельной и пылкой душой, живым умом, обречено на бездействие. В «Монолог» (1829) он писал:

К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем? ⁷⁹

К 1835 г., времени создания «Маскарада», эти настроения у Лермонтова лишь окрепли.

Конечно, Арбенин не Чацкий. Чацкий ничего общего с фамусовским кругом не имеет. Арбенин, внутренне не приемлющий морали света, тем не менее живет в нем и подчиняется его законам. Собственно говоря, личное его крушение вызвано тем, что Арбенин не сумел стать выше светских законов. Различны у Лермонтова и Грибоедова и принципы типизации героев. «Чацкий, — отмечает К. Н. Ломунов, — изображен реалистически. В портрете Арбенина сильны романтические краски».⁸⁰

И все-таки трудно отрешиться от мысли, что Арбенин и есть Чацкий, только уже совсем разуверившийся в людях, замкнувшийся в себе. Он еще сохраняет веру в высшую ценность на земле — в любовь, но и здесь ему предстоит пережить крах.

Близость «Маскарада» и «Горя от ума» проявляется и в сходстве персонажей второго плана. Н. О. Лернер подметил несомненное родство образов Загорецкого и Шприха, которое «объясняется не только влиянием „Горя от ума“ на Лермонтова, но и тем, что оба писали с Элькана».⁸¹ Б. В. Нейман отметил, что даже реакции персонажей на одно и то же известие аналогичны. И Загорецкий, и Шприх, являющиеся профессиональными «вестовщиками», впервые услышав о «сумасшествии» главного героя, не хотят признаться, что ничего не знают, и делают вид, будто осведомлены об этом ранее других.⁸²

Блестящие афоризмы пьесы Лермонтова берут начало в стилистике комедии Грибоедова. Герои Лермонтова, как и грибоедовские персонажи, не только склонны к афористичности, но и «выхватывают» друг у друга окончания реплик, придавая им тем самым новый, неожиданный смысл.

Сатирическая направленность «Горя от ума» была близка и Гоголю. Художника, создавшего «Мертвые души», в первую очередь интересовал «замечательный тип» Молчалина. «Метко схвачено это лицо, — писал он, — безмолвное, низкое, покамест тихомолком пробирающееся в люди, но в котором, по словам Чацкого, готовится будущий Загорецкий <...> лгун, плут, но в то же время мастер угодить всякому сколько-нибудь значительному или сильному лицу <...> готовый в случае надобности сделаться патриотом и раторборцем нравственности...».⁸³

Последнюю мысль, по наблюдению И. Н. Медведевой, Гоголь реализовал в «Мертвых душах». «В прогнозе Гоголя, — пишет она, — относительно будущего Молчалина есть одна черточка, которая только угадывается в характере, но никак не отмечена Грибоедовым, — черта готовности не только подличать, но стать „раторборцем нравственности“. Кажется, „раторборцем нравственности“ при случае <...> стал уже не сам Молчалин, а его двойник и собрат Павел Иванович Чичиков».⁸⁴

На примере Чичикова предоставляется возможность проследить, как складывалась психология молчалинства. Павел Ивано-

вич, как известно, уже в школе отличался необыкновенной прилежностью и аккуратностью. К числу этих добродетелей, сохраненных им и позднее, следует прибавить и умеренность, которая также способствовала его продвижению. Вспомним, как Павлуша копил свои завтраки, чтобы уже в школьные годы приобрести капиталец (не случайно и все другие писатели — интерпретаторы молчалинского образа — единодушно рисуют его человеком денежным), как выгодно отличались его ученические принадлежности от товарищеских, как осторожно, но настойчиво шел молодой Чичиков к поставленной цели («обхаживание» повытчиқа, рвение на службе в таможене и т. д.).

Одним, казалось бы, Чичиков решительно отличается от Молчалина. Трудно представить грибоедовского героя ринувшимся в аферу с мертвыми душами. Да, Молчалин 1820-х гг., твердо знающий, что в обществе без поддержки знатной родни он ничто, на такую авантюру не решился бы. Двадцать лет спустя, когда запахло капитализмом, Молчалин — Чичиков уже был подготовлен к подобным деяниям.

Насколько верно Гоголь угадал потенции молчалинского типа, свидетельствуют «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863) Достоевского, в которых тот словно подытоживал эволюцию этого типа людей. В 1860-е гг. Молчалин «посвятил себя отечеству, так сказать, родине... Теперь до него рукой не достанешь; Фамусова он и в переднюю теперь к себе не пустит: „деревенские, дескать, соседи: в городе с ними не кланяются“. Он при делах и нашел себе дело. Он в Петербурге и... и успел. „Он знает Русь, и Русь его знает“. Да, уж его-то крепко знает и долго не забудет. Он даже и не молчит теперь, напротив, только он и говорит. Ему и книги в руки...».⁸⁵

Цену «нравственности» молчалиных Гоголь вскрыл в «Мертвых душах». О «нравственности» Чичиков вспомнил тогда только, когда перед ним возник весьма отчетливо призрак тюрьмы. Проповедь Муразова наставляет Павла Ивановича на «путь истинный». Полный раскаяния, он обещает начать жизнь сначала, посвятить все силы «добру», «доброму влиянию на других». Но фортуна и на сей раз выручает своего баловня, и Чичиков тут же забывает о своих добродетельных намерениях, покаянных мыслях, вновь становится весел и оживлен. Перед читателем то самое преобразование Молчалина в Загорецкого, на которое указал Гоголь, анализируя «Горе от ума». Превращение это было неотвратимым. Молчалин — Чичиков, вступивший на опасный путь авантюры, уже не мог оставаться лишь «умеренным» и «аккуратным» исполнителем чужой воли. Опасность, скользкость этого пути, то и дело возникавшие на нем непредсказуемые препятствия с железной необходимостью требовали таких средств, как ложь, наглость, умение пустить пыль в глаза, с пафосом порассуждать о «добродетели».

В «Мертвых душах» встречается и своеобразная тень Чацкого: «Черты его в лице Тентетникова даны, однако, столь бегло и

незавершенно, что не стоило бы об этом говорить, если бы Тентетников не представлял собой все же важный вариант развития характера беспокойно-взыскующего, каким он определился в русской литературе».⁸⁶ Герой гоголевской поэмы, действительно, почти повторяет все этапы биографии Чацкого. Как и Чацкий, Тентетников, наделенный живым умом, получивший хорошее образование, помышляет о службе на пользу России. Однако косность чиновничьей петербургской среды, мелкие интриги и происки, посредством которых создавались карьеры, отвращение к служению *лицам* привели негодующего героя к бегству в родовую деревню.

Деревня Тентетникову, как и Чацкому, представляется вначале тем уголком, где человек, преисполненный намерений улучшить жизнь народа, без помех может осуществить свои нравственные и социальные идеалы. Однако ко времени создания «Мертвых душ» уже начала обнаруживаться несостоятельность подобных опытов в самой жизни.

На сцену выходило новое поколение — разночинцы. Но Гоголь сделал Тентетникова «байбаком» не потому, что осознавал историческую обреченность Чацких. Ведь и Герцен, в социальном отношении более прозорливый, все же демонстрирует превосходство Бельтова над Круциферским. Гоголь подчеркивал, что Чацкий «показывает только стремление чем-то сделаться, выражает только негодование противу того, что презрено и низко в обществе, но не дает в себе образца обществу».⁸⁷ Однако эта характеристика должна быть отнесена не столько к Чацкому, сколько к Тентетникову. Именно гоголевский герой ничего не сделал, чтобы хоть немного приблизиться к «образцу», не пошел дальше начинаний. Грибоедов же и не помышлял делать Чацкого идеалом, хотя показал (несколькими штрихами, насколько позволяли рамки драматургии) практические возможности своего героя и его единомышленников.

На причины гоголевской тенденциозности в истолковании образа Чацкого и трактовке Тентетникова указывает И. Н. Медведева: «Будучи по тогдашним убеждениям противником всякого сопротивления и политической оппозиции, — говорит исследовательница, — Гоголь в тех, кто сопротивлялся рутине и злу русской действительности, обнаруживал лишь черты нетерпимости, нетерпения и отсутствия воли, а потому обрек своего героя на участь ленивца, байбака».⁸⁸

«Натуральная школа», шедшая по стопам Гоголя, подхватила и развила многие его идеи и образы. А. Г. Цейтлин, исследовавший сюжеттику «натуральной школы», пришел к заключению, что некоторые характеры, а также элементы сюжета, типичные для писателей «натуральной школы», ведут свое происхождение от «Горя от ума». По его мнению, образ карьериста, встречающийся во множестве рассказов и повестей 1840—начала 1850-х гг., генетически должен быть возведен к Молчалину. Из «Горя от ума» пришел

и образ «значительного лица» (Фамусов, «пригревший» Молчалина), фигурирующий во многих произведениях И. И. Панаева, Ф. М. Достоевского, Д. В. Григоровича, Н. Ф. Павлова, Н. А. Некрасова. Оттуда же взят и мотив неожиданной и важной находки, заставляющей действие пойти в неожиданном направлении («Хорошее место» Я. П. Буткова, «Букеты, или Петербургское цветобесие» В. А. Соллогуба, «Нахлебник» И. С. Тургенева и др.).⁸⁹ Впрочем, влияние «Горя от ума» едва ли следует преувеличивать. Ведь подобные ситуации и типы выдвигались прежде всего самой действительностью.

И все же «Горе от ума» имело непосредственное отношение к виднейшим представителям литературы 1840-х гг. Д. Н. Овсяннико-Куликовский находил возможным утверждать, что жизненный путь «молодых идеалистов» этого времени (Киреевского, Бакунина, Станкевича, братьев Аксаковых, Герцена, Огарева, Белинского) повторял путь Чацкого. И пусть они, «по молодости, чувствительности и восторженности своей, еще не могли или не умели стать на точку зрения Чацкого, не догадывались, что им подобаet и предстоит разыграть в самой жизни роль героя грибоедовской комедии»,⁹⁰ но наиболее трезво и глубоко мыслящие из них вскоре извели то *горе*, которое им принес их *ум*. Раньше и отчетливее других осознали это Герцен и Огарев. И это не просто образная параллель. Влияние «Горя от ума» на творчество Герцена действительно было очень глубоким и продолжительным.

Грибоедов был близок и дорог Герцену прежде всего потому, что никто из русских писателей — предшественников автора «Былого и дум» — не сумел с такой силой поставить на службу искусству иронию и насмешку. Сам Герцен, считавший, что «смех имеет в себе нечто революционное», особенно охотно и уверенно пользовался этим оружием.

По свидетельству Т. П. Пассек, Герцен вопреки распространенному мнению о том, что Онегин является наиболее типичным героем первой трети XIX в., считал, что гораздо сильнее дух этого времени выразился в Чацком.⁹¹

О своем отношении к комедии Грибоедова Герцен говорил уже в «Записках одного молодого человека» (1840). «„Горе от ума“, — указывал рассказчик в повести, — наделало более шума в Москве, нежели все книги, написанные по-русски...». В «Записках...» многое свидетельствует, что Герцен был внимательнейшим читателем комедии. В характеристике повествователя и персонажей Герцен использует грибоедовские краски и приемы: лаконичные, емкие портреты жителей Малинова, в которых изображение конкретного лица возводится к целому общественному типу, близки к тем портрeтам, что набрасывает язвительный Чацкий. Порой автор прямо вспоминает действующих лиц комедии Грибоедова, сопоставляет их с персонажами «Записок...» («Не люблю я скромных, чопорных, образцовых молодых людей, они мне напоминают Алексея Степановича Молчалина»).

Герцен-писатель несколько раз обращался к произведшей на него сильное впечатление коллизии «Горя от ума» — объявлению сумасшедшим единственного нравственно здорового человека в мире фамусовых, переосмысляя ее. В «Сороке-воровке»: «...кругом сумасшедшие — их называют судьи...». Та же ситуация лежит и в основе повествования в «Докторе Крупове»: многое повывавший на своем веку провинциальный врач, создав теорию, которая хоть как-то объясняет неразумие окружающего, начинает видеть во всем человечестве «повально поврежденных». В «Докторе Крупове» проявляется и идущее от Грибоедова умение, как позднее говорил сам Герцен, находить «комический бортик к трагическим событиям».

В «Былом и думах» Герцен считал нужным отметить то влияние, которое оказало на него и его поколение произведение Грибоедова. Вспоминая о «Философическом письме» Чаадаева, мемуарист говорил о резонансе, который произвело оно в русском обществе: «После „Горя от ума“ не было ни одного литературного произведения, которое сделало бы такое сильное впечатление».⁹²

«Горе от ума» цитируется в «Былом и думах» множество раз. Цитаты из комедии Грибоедова вплавлены в текст очень многих литературно-критических и публицистических статей Герцена. А. С. Долинин отмечает, что афористическая четкость, лаконичность, сверкающее остроумие и меткость словесных оборотов, поражающих часто своей неожиданностью, явно роднят стиль Герцена со стилем Грибоедова.⁹³

В Грибоедове Герцен находил те качества, которые создавали тип художника, близкий ему самому. В статье «Новая фаза в русской литературе» (1864—1865) он, характеризуя место и значение Грибоедова в литературе, считал нужным особо выделить его революционную художественную мысль, взбудоражившую стоячее болото «староверов» и призвавшую к действию молодое поколение: «Пронеслась мысль, и то, чего она коснулась своим дыханием, стало уже не тем, чем было. (...) У автора есть задняя мысль, и герой комедии представляет лишь воплощение этой задней мысли».⁹⁴ «Задняя мысль», мучившая Герцена и не имевшая возможности в условиях самодержавной России заявить о себе открыто, и являлась одним из важнейших отличительных признаков Герцена-художника. Это было отмечено еще Белинским.

Духовное родство с Грибоедовым и его героем было для Герцена безусловным фактом. «Чацкий, — писал он в статье «Еще раз Базаров» (1868), — если б пережил первое поколение, шедшее за 14 декабря, в страхе и трепете, сплюснутое террором, выросшее пониженное, задавленное, — через них протянул бы горячую руку нам. С нами Чацкий возвращался на *свою* почву».⁹⁵

Очень устойчивым был интерес к творчеству Грибоедова и у Гончарова. Еще будучи студентом Московского университета, Гончаров (об этом он сам вспоминал в «Мильоне терзаний») не раз посещал представления «Горя от ума». До старости со-

хранились у него живые воспоминания об игре Щепкина, Мочалова, Ленского. На этих спектаклях в монологах Чацкого — Мочалова, писал Н. К. Пиксанов, он «получал свое раннее гражданское воспитание».⁹⁶

Цитаты из «Горя от ума» пронизывают ранние произведения писателя. В «Счастливой ошибке» (1839) автор дает характеристику своему герою совсем в грибоедовском духе, даже со ссылкой на комедию: «Молодой человек, путешествуя с пользой для ума и сердца, нагляделся на людей, посмотрел на жизнь во всем ее просторе, со всех сторон, видел свет в широкой рамке Европы, испытал много; но опыт принес ему горькие плоды — недоверчивость к людям и иронический взгляд на жизнь... У него было нечто вроде „горя от ума“ <...> его тяготило мертвое спокойствие, без тревог и бурь, потрясающих душу».⁹⁷

Прямые и скрытые цитаты из «Горя от ума» встречаются и в «Иване Саввиче Поджабрине», и в «Обыкновенной истории» (в речах Александра Адуева). Нередко появляются они и в письмах Гончарова, которые он посылал друзьям и знакомым из Восточной Сибири и Японии.

А. Г. Цейтлин указывает и на случай переключки «Обломова» с комедией Грибоедова. «„Ну, конечно, — говорит Обломову Судьбинский, — с таким человеком, как Фома Фомич, приятно служить: без наград не оставляет; кто и ничего не делает, и тех не забудет“». Нам припоминается здесь грибоедовский „Фома Фомич, начальник отделения“, — совпадение имени и отчества, быть может, не случайное».⁹⁸

Герой «Обрыва» (1849—1868) Райский не только не содрогается от мысли, что «молчалины блаженствуют на свете», не только не восстает против них, но даже находится в приятельских отношениях с одним из племени молчалиных — Аяновым. Всю свою жизнь Аянов умело приспособлялся к окружающему, извлекая выгоду из любых обстоятельств. Карьера его в точности соответствует той программе, какую намечал себе Молчалин. Аянов «тонко угадывал мысль начальника, разделял его взгляд на дело и ловко излагал на бумаге разные проекты. Менялся начальник, а с ним и взгляд на проект: Аянов работал так же умно и ловко и с новым начальником, над новым проектом — и докладные записки его нравились всем министрам, при которых он служил. Теперь он состоял при одном из них по особым поручениям. По утрам являлся к нему в кабинет, потом к жене его в гостиную и действительно исполнял некоторые ее поручения, а по вечерам в положенные дни непременно составлял партию, с кем попросят. У него был довольно крупный чин и оклад — и никакого дела».⁹⁹

Именно Аянов, думающий только о себе, опошляя былые монологи Чацкого, внушает Райскому идею *пользы*: «„Труд — вот одно лекарство от пустоты: дело...“ — „Какое дело, скажи, пожалуйста: это любопытно!“ — „Как какое? Служи“. — „Разве это

дело?“». Здесь Гончаров трактует Аянова — Молчалина почти по Гоголю, как «ратоборца нравственности».

Не просто намечено, а обозначено совершенно определенно сходство самого Райского с Чацким. Только это Чацкий, которого не изменило время. Беловодова, перед которой Райский произносит свои тирады, сразу же охлаждает его порыв, говоря: «„Я вижу сцену... И знаете, кого вы напоминаете мне? Чацкого...“». Он задумался, и сам мысленно глядел на себя, и улыбнулся. „Это правда, я глуп и смешон...“». ¹⁰⁰

Райский, как и Чацкий, презирает службу, с тем отличием, что у Чацкого все же было желание делать настоящее дело и намечался круг единомышленников. У Райского же нет ничего, кроме дилетантского тяготения к искусству, которым он прикрывает свою лень, и *донжуанизма*, являющегося, по его словам, тем же «в людском роде, что донкихотство». ¹⁰¹ Он так и остался юношей, что-то обещавшим, но так и не созревшим для настоящей серьезной деятельности.

Когда Райский начинает говорить о необходимости знакомства для каждого мыслящего человека с реальной жизнью народа, то сам спохватившись, ловит себя на мысли, что все это «общие места», и кончает совсем в минорном тоне: «Я не проповедую коммунизма... будьте покойны. Я только... хочу доказать, что никто не имеет права не знать жизни...». Но что делать с этим знанием, какую конкретную пользу можно извлечь из него для себя и других, ему неизвестно, и Райский признается: «Научить, „что делать“, — я тоже не могу, не умею...». ¹⁰²

Значит ли это все, что Гончаров считал Чацкого в новых условиях только смешным и глупым? В связи с этим нельзя не заметить, что в Райском проглядывают и черты Адуева-младшего. Но в «Обыкновенной истории» романтический отрыв от действительности и восторженность подвергались решительному осуждению. В «Обрыве» же «идеальность» Райского при сравнении с грубым материализмом Марка Волохова вызывает и определенную симпатию автора. Правда, симпатии этой недостаточно, чтобы сделать Райского современным героем. Недаром «Обрыв» оказался романом без героя, по крайней мере без героя-мужчины. Тем не менее у Гончарова нашлись в этом плане сторонники. И Достоевскому, и Салтыкову-Щедрину Чацкий с его горячностью и устремлением к «высоким материям» казался характером пусть устаревшим, но все же более человеческим, чем деловые, сухие рационалисты.

«Гончаров, — пишет А. А. Лебедев, — не „дегероизирует“ Чацкого в своем Райском, а показывает, что Райский, этот Чацкий в донжуанской сфере, не Чацкий, не герой. И все-таки в Райском есть нечто и от Чацкого...». ¹⁰³

В «Миллионе терзаний» Гончаров подчеркивал, что в разные времена Чацкие появляются в разных обликах: «Положение Чацких на общественной лестнице разнообразно, но роль и участь

все одна, от крупных государственных и политических личностей, управляющих судьбами масс, до скромной доли в тесном кругу. Всеми ими управляет одно: раздражение при различных мотивах. У кого, как у Грибоедовского Чацкого, любовь, у других самолюбие и славолубие, — но всем им достается в удел свой „мильон терзаний“...».¹⁰⁴

В Райском автор «Обрыва» оставил только славолубие и «раздражительность», продемонстрировав, что диктат этих эмоций при отсутствии четкой деловой программы приводит к измельчанию чувств, делает человека смешным, лишает «ума».

Таким образом, Гончаров, пользуясь увеличительным стеклом своего дарования, высветил и подчеркнул сильные и слабые места старого героя в новых условиях. Хотя он и понимал, что будущее не за Райским, он все же не отверг его полностью, ибо видел в нем, пусть и измельчавшую, «душу живу».

Гончаровское отношение к деятелю прежних времен, пересаженному на новую почву, отчасти разделял в раннем периоде творчества и Тургенев. В его «Рудине» могут быть отмечены и грибоедовский подход к проблемам, и связанные с грибоедовской традицией отдельные образы. Так, секретарь Дарьи Михайловны Ласунской, персонаж второго плана, наделен повадками Молчалина. В главном же герое, Рудине, заметно известное сходство с Чацким. В общем аналогичны, например, сцена, в которой Рудин ораторствует в салоне Ласунской, и подобная же сцена в «Горе от ума». Однако Тургенев не ограничивается повторением: «...и грибоедовский герой обращался со своим возвышенным словом не к фамусовым и скалозубам, а к молодежи, собравшейся в зале Фамусова; и Рудин выступает не только перед Ласунской, Пигасовым и Пандалевским, но и перед Наташей и Басистовым. Все же время было иное: призывов Чацкого никто не услышал, а речи Рудина пробудили ум и сердце Наташи Ласунской, до глубины души потрясли молодого разночинца Басистова».¹⁰⁵

Как мы знаем, А. А. Жандр подчеркивал, что комическое начало было сознательно введено Грибоедовым, чтобы избежать идеализации центрального персонажа. Комизм положения Рудина с его горячей, проникновенной проповедью в светском салоне подчеркнут у Тургенева сильнее. Но это не упрощает образ, поскольку остальные герои тургеневского романа воспринимают Рудина по-разному. Для одних он чудак, для других предмет поклонения, для третьих опасный вольнодумец. Демократический читатель того времени понимал, что, несмотря на все свои слабости, люди рудинского типа «имели большое значение, оставили по себе глубокие и плодотворные следы, их нельзя не уважать, несмотря на все их смешные или слабые стороны».¹⁰⁶

Начиная с 1850-х гг. в творчестве Тургенева особенно явны традиции русской классики, и в первую очередь Грибоедова и Пушкина. «Преемственные связи романа Тургенева с творчест-

вом Пушкина и Грибоедова, — отмечает А. И. Батюто, — ощущаются в его языке и стиле, сказываются на приемах изображения характеров, придают нередко пушкинско-грибоедовскую окраску самому строю художественного мышления Тургенев-романиста». ¹⁰⁷ Ограничимся лишь одним примером. Так, разговор Базарова с Кукшиной (глава XIII «Отцов и детей») заставляет вспомнить обмен репликами о Татьяне Юрьевне в «Горе от ума» (действие III, явление 3).

Переключки с «Горем от ума» наблюдаются и в «Дыме». Уже современники (О. Миллер, А. Скабичевский) усматривали в персонажах «заграничного кружка» Губарева все приметы репетитовщины. А. Н. Плещеев в одном из писем 1867 г. отмечал стилистическую близость тургеневского романа и комедии Грибоедова: «Меткость и язвительность некоторых выражений не уступят грибоедовским и не умрут, как они». ¹⁰⁸

Нет сомнения, что, работая над «Дымом», Тургенев часто вспоминал «Горе от ума». Бамбаев почти дословно воспроизводит речь Репетилова, Ворошилов напоминает Ипполита Удушьева, в Тите Биндасове есть нечто от «ночного разбойника и дуэлиста».

Но, как указывает А. И. Батюто, «сфера влияния» Грибоедова в этом тургеневском романе не ограничивается только сатирой и отрицанием: «Есть достаточно серьезные основания для постановки вопроса о подспудной идейно-художественной связи замысла образа Потугина с образом Чацкого». ¹⁰⁹

Несмотря на внешнее несходство персонажей, между ними прослеживается несомненное типологическое родство. Тургенев традиции Грибоедова использует с тем, чтобы «создать в лице Потугина некую исторически обусловленную разновидность Чацкого, впечатляющий образ новой оригинальной формации — что-то вроде Чацкого шестидесятих годов, поднимающего руку уже не только на московское барство, а на социально-экономический уклад целой России, подвергающего на свой лад «нигилистическому» опровержению заодно с правой и „слишком левую“ тенденцию в идейно-политическом развитии русского пореформенного общества». ¹¹⁰

Есть некоторые основания предполагать, что Тургенев интересовался и сам автор «Горя от ума», и близкие к нему люди. Можно назвать одно произведение Тургенева, в котором, как считал Н. К. Пиксанов, прототипом рассказчика послужил С. Н. Бегичев. ¹¹¹ Речь идет о Петре Федоровиче Лучинове в «Трех портретах» (1846). Гипотеза Н. К. Пиксанова пока не находит документального подтверждения, но тем не менее не лишена смысла. Самое уязвимое ее звено — отсутствие каких-либо свидетельств в переписке Тургенева или в других связанных с его именем документах о том, что Тургенев знал Бегичева. Не исключается полностью, однако, и то, что писатель мог с ним встречаться в Москве (в доме Бегичева бывали многие) или слышать чьи-то рассказы о друге Грибоедова.

В самом деле, некоторые моменты биографии С. Н. Бегичева и Лучинова сходны. Оба служили в армии, оба богаты и славятся своими обедами, оба рождены «для жизни мирной, для деревенской тишины». Разумеется, только на этом основании утверждать, что Бегичев был прототипом Лучинова, не приходится. Людей с такой биографией в дворянской среде можно было найти много. Однако в характеристике Лучинова есть психологическая подробность, позволяющая сблизить его с Бегичевым. Лучинов «принадлежал к числу тех людей, которые возбуждают в вас мысль, что они сами себе не знают цены, что под их наружным равнодушием скрываются сильные и великие страсти; но он рассмеялся бы вам в нос, если б мог догадаться, что вы питаете о нем подобное мнение; да и, признаться сказать, я сам думаю, что если и водилось за моим приятелем в молодости какое-нибудь хотя неясное, но сильное стремление к тому, что весьма мило названо „чем-то высшим“, то это стремление давным-давно в нем угомонилось и *зачичкало*».¹¹²

В художественном произведении не обязательно строгое соответствие реальности. Многое зависит от субъективного восприятия художника. Но все же думается, что если Тургенев, изображая Лучинова, имел в виду Бегичева, то он, как это явствует из рассказа, либо далеко отошел от прототипа, либо знал его довольно поверхностно, ибо счел нужным заметить, что Лучинов ограничивался чтением только французских книг и «тешился малейшей безделицей».¹¹³ С. Н. Бегичев был, как мы знаем, куда глубже.

Не прошел мимо грибоедовского наследия и Островский. Драматург был не просто знатоком и почитателем творчества автора «Горя от ума»,¹¹⁴ но и открыто заявлял, что продолжает прежде всего традиции Грибоедова. Как вспоминал один из современников Островского, он говорил: «Напрасно считают меня, Писемского и Гончарова последователями и продолжателями гоголевской школы. Достоевский — другое дело: этот весь вышел из „Шинели“ Гоголя. Гоголь не может быть назван и первым комическим писателем: до него было уже „Горе от ума“, бытовая комедия, отличающаяся высокими литературными достоинствами».¹¹⁵

«Несомненно, — замечает С. А. Фомичев, — что именно развитие грибоедовских традиций привело Островского к созданию нового качества драматизма («пьес жизни»), отмеченного Добролюбовым в статье „Луч света в темном царстве“. В данном случае Островский воспринял от Грибоедова, развил и передал в наследство последующим драматургам одно из основных качеств, определивших национальное своеобразие русской драматургии».¹¹⁶

Однако грибоедовское начало дает о себе знать в произведениях Островского не сразу, а начиная с пьесы «Доходное место» (1856), написанной в атмосфере общественного подъема и знаменовавшей разрыв драматурга со славянофильскими иллюзиями.

Реакция современников на «Доходное место» подтвердила «зависимость» пьесы от «Горя от ума».

Не случайно критика сразу же провела параллель между Чацким и Жадовым.¹¹⁷ Были замечены и другие следы влияния «Горя от ума» в пьесе Островского, в частности речь Юсова в конце акта I, звучащая в унисон с монологом Фамусова, который призывал «учиться у старших». В Жадове зритель увидел «потомка» Чацкого, не проповедующего, однако, новую, созвучную времени мораль, а отстаивающего хорошо известные, но преданные забвению и попираемые правила чести и благородства. Жадов и сам сознает, что не годится на роль пророка и витии. «Я не герой, — говорит он, — я обыкновенный слабый человек; у меня мало воли, как почти у всех нас».¹¹⁸

От Чацкого Жадов унаследовал бескорыстную любовь к просвещению, добру и правде. И если Грибоедов оставил своего героя на распутье, лишь намекнув, что устои фамусовского общества уже шатаются, то Островский идет дальше. «Негерой» Жадов чуть было не сдался под натиском житейских неурядиц, но сами эти обстоятельства в новых условиях (хотелось верить Островскому) уже работают на него. Крушение «значительного лица», Вышневецкого, — это не продиктованный вкусами публики или условностями драматургии счастливый конец, а закономерный финал, подготовленный «проповедями», убеждениями и делами духовных наследников Чацкого.

Тип правдолюбца, находящегося в разладе со средой, которого с такой силой изобразил Грибоедов, появился у Островского еще в 1853 г. («Бедность не порок»), а после «Доходного места» занял в его драматургии одно из центральных мест («Гроза», 1859; «Тяжелые дни», 1863; «Пучина», 1865; «Горячее сердце», 1868; «Лес», 1870).

Наиболее открыто и ярко использовано Островским наследие Грибоедова в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты» (1868). Само действие происходит в тех же московских салонах, что и у Грибоедова, хотя за протекшие годы здесь многое изменилось. Но изменения эти только внешние, глубинной сути явлений они не коснулись.

В «аттестаты» Мамаева, Крутицкого, Городулина, Голутвина драматург вводит «приметы» Фамусова, Скалозуба, Репетилова, Загорецкого.¹¹⁹

В Глумове уживается несколько характеров. Он много раз пользуется слегка трансформированными цитатами из комедии Грибоедова, имеющими прямое отношение к Чацкому («Служил, теперь не служу, да и не имею никакой охоты»; «Уменья не дал бог»; «Я сумасшедший» и т. д.). В той сцене, где Глумова представляют Мамаевой, он идет на откровенный «плагиат», заимствуя для автохарактеристики слова Чацкого, который упоминает о «талантах» Молчалина вовремя погладить собачку или проиграть в карты. Глумов заявляет Мамаевой: «Если б вы были

старуха... Я бы ей носил собачку, подвигал под ноги скамейку, целовал постоянно руки, поздравлял со всеми праздниками и со всем, с чем только можно поздравить».¹²⁰

Он и в самом деле неоднократно поступает по примеру Молчалина, хотя это характер гораздо более сложный и глубокий. Не сумев до конца разыграть молчалинскую роль, в финале пьесы Глумов обличает Мамаевых, Крутицких и их присных почти в духе Чацкого: «Глумов повторяет Чацкого своим неуважением к окружающему обществу, гордым сознанием, что он выше тех людей, от которых зависит и с кем по необходимости должен знаться».¹²¹

При всей одаренности Глумова в нем нельзя не увидеть нравственного цинизма, духовной опустошенности. Прибегнув к молчалинским средствам, герой растерял все свои лучшие качества. Истошив свой ум и дарования в мелких желчных карикатурах, он незаметно для себя изжил прежние идеалы. Островский использует ситуацию грибоедовской пьесы (разлад героя с обществом), но при этом акцентирует иные ее возможности: он рисует не трагедию одиночества в человеческой «пустыне», а трагедийный фарс духовного перерождения, объясняющегося как личными качествами Глумова, так и растлевающим влиянием пореформенного безвременья.

В этом смысле Глумов — антитеза Чацкого. Если справедлива гипотеза М. Д. Эльзона¹²² и фамилия Чацкий происходит от слова «чаять» (надеяться), то Глумов *глумится* над тем, что некогда составляло дорогие сердцу грибоедовского героя убеждения.

Островский не сомневался, что ценой приспособленчества можно добиться материального преуспевания, но стать «явлением» общественной жизни невозможно. Глумов пока еще надеется, что, одурочив своих покровителей, он возвысится над ними и сам станет вершителем человеческих судеб, но ему предстоит убедиться, что все это не более чем самообольщение. Вторично Глумов появляется в «Бешеных деньгах» (1869). Он постарел и потрепан жизнью, в своей карьере не пошел дальше «интимного секретаря» пожилой дамы. Молчалинское в нем окончательно заглохло то, что шло от Чацкого.

Симптоматично, что и «Бешеные деньги», как и «На всякого мудреца довольно простоты», наполнены скрытыми цитатами из «Горя от ума». «Островский постоянно обращался мысленно к грибоедовской комедии — не ради отдельных реплик, конечно (созвучие их с грибоедовскими, возможно, автором четко и не сознавалось), а в силу творческого воспроизведения сходного конфликта».¹²³

Используя уже освященные временем и традицией мотивы и образы Грибоедова, Островский переосмыслил их, поверял новой действительностью, наполнял новым содержанием и превращал в элементы новаторской формы.

Постановка темы «Грибоедов и Л. Толстой», казалось бы, напрашивается сама собою: ведь автор «Войны и мира» шел по пути, уже проторенному создателем «Горя от ума». Но Н. К. Пиксанов был прав в своем недоумении, когда не находил у Толстого, взявшегося за описание того же быта и эпохи, никаких параллелей с комедией Грибоедова.¹²⁴

Действительно, хотя Толстой и высоко ставил талант Грибоедова (среди восьми, по его мнению, наиболее значительных русских писателей он называет и Грибоедова),¹²⁵ но каких-либо следов влияния «Горя от ума» в «Войне и мире» нет. Вот почему А. Л. Гришунин, тщательнейшим образом проанализировавший исторические источники толстовского романа-эпопеи и сравнивший реальных исторических лиц, послуживших прототипами и Грибоедову, и Толстому, с литературными героями этих писателей вынужден был ограничиться довольно скромным выводом: «То же общество, та же среда изображены в „Войне и мире“ иначе, чем у Грибоедова; персонажи Толстого похожи и в то же время не похожи на грибоедовских».¹²⁶ И это различие, верно подмечает исследователь, проистекает прежде всего из способа изображения действительности: сатира у Грибоедова и объективно-спокойное изображение у Толстого, который лишь изредка прибегает к сатире.

Несовместим вроде бы с Грибоедовым и Некрасов. Это писатели не просто разного времени, но и разных интересов и школ. В переписке, статьях и произведениях Некрасова нет оценок творчества Грибоедова. Изредка встречаются лишь прямые или перефразированные цитаты из «Горя от ума», но у кого их не было.

«Грибоедов Некрасовым, — пишет А. Л. Гришунин, — не столько отражен прямо, сколько усвоен органически, реализован как художественное открытие, постоянно присутствует в растворенном и преобразованном виде. А это, конечно, ценнее прямых цитаций или повторений буквальных, которые свойственны эпигонам. Именно только органическое усвоение традиции движет вперед литературу».¹²⁷

В самом деле, «озлобленный ум» Некрасова близок сатирическому дарованию автора «Горя от ума». Как показал А. Л. Гришунин, у Некрасова можно найти реминисценции грибоедовских мотивов: упоминание «смешения французского с нижегородским», образ «восторженного поэта» (стихотворный фельетон «Новости», 1845), вызывающий в памяти Ипполита Удушьева. На перекличках с «Горем от ума» построено стихотворение Некрасова «Деловой разговор» (1851). Умозрительную программу Скалозуба о превращении гимназий и лицеев в казарму реализует у Некрасова генерал-лейтенант Рудометов 2-й («Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году», 1863):

Тогда закон не разбирал —
Военный или статский;
Дабы соединить с умом
Проворство и сноровку,
Пофилософствуй, а потом
Иди на маршировку!¹²⁸

В стихотворении «Газетная» (1865) и в сценах из лирической комедии «Медвежья охота» (1867) поэт, словно продолжая монолог Чацкого, обличающего «чужевластье мод», также ратует за распространение и утверждение русской национальной культуры.¹²⁹ В первом из этих произведений Некрасов прямосылается на своего знаменитого предшественника:

Прав донныне старик Грибоедов —
С русской книгой мы вечно уснем.
Мы не любим словесности русской
И донныне, предвидя досуг,
Запасаемся книгой французской.¹³⁰

И наконец, в сатирической поэме «Современники» (1875) Некрасов проводит перед читателем галерею хищников, близких по духу к представителям фамусовского общества. Князь Иван, например, напоминает князя Григория, Эдуард Иванович Грош — Загорецкого и т. д. Таким образом, «Горе от ума» «постоянно присутствует в творческом сознании Некрасова, но по большей части — подспудно...».¹³¹

А вот для Достоевского мотивы и характеры «Горя от ума» на протяжении многих лет были предметом углубленного размышления.

Его интересовали и личность Грибоедова, и его творчество. Вполне вероятно, что в рассказе Аркадия — героя романа «Подросток» — об исполнении Версиловым роли Чацкого в любительском спектакле отразились личные впечатления писателя. А незадолго до смерти, думая о программе нового журнала, который он намеревался издавать, Достоевский собирался поместить там специальную статью о Грибоедове.¹³²

Во многих своих произведениях Достоевский вкладывает в уста героев и вводит в авторскую речь цитаты из «Горя от ума» (см., например: «Ползунков», «Бобок», «Записки из Мертвого дома», «Униженные и оскорбленные», «Подросток», «Идиот», черновые рукописи «Бесов» и др.).

Естественно, что Достоевского, для которого политические и нравственные вопросы времени всегда были личными проблемами, в первую очередь должен был привлечь Чацкий, воспринимавшийся писателем как вполне современный тип героя. Развернутая характеристика Чацкого содержится в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863). Чацкий, в оценке писателя, «это совершенно особый тип нашей русской Европы, это тип милый,

восторженный, страдающий, взывающий и к России, и к почве, а между тем все-таки уехавший опять в Европу...».¹³³

Достоевский судит о Чацком почти как Писарев об Онегине, только что без писаревского сарказма. Писатель не может представить себе, как мыслящий, образованный человек не сумел найти применения своим способностям, как он оказался без «дела». Достоевский считал, что причина этого в «белоручничестве» Чацкого и всего поколения 1820-х гг.: «Трудов мы не любим, по одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо одним шагом пролететь до цели или попасть в Регулы».¹³⁴ Но вместе с тем Достоевский признавал, что во времена Грибоедова «слово» было «делом» или хотя бы воспринималось так «охранителями устоев»: «Однако ж Чацкий очень хорошо сделал, что улизнул опять за границу: промешкал бы маленько — и отправился бы на восток, а не на запад».¹³⁵

Почти та же оценка Чацкого доверена писателем Шатову (в первоначальных набросках к «Бесам» он назывался Шапошниковым). Здесь Достоевский близок к Добролюбову и Чернышевскому, которые с излишней резкостью отрицали какие-либо заслуги «лишних людей», причисляя к ним и Чацкого.¹³⁶ И в «Подростке» (черновые рукописи) Чацкий вновь характеризуется как «крепостник», далекий от нужд народа.¹³⁷

Для Шатова, героя, близкого романисту, Чацкий прежде всего «барин и помещик»; «народ русский он проглядел...»; «об народе русском, об его вере, истории, обычае, значении и громадном его количестве — он думал только как об оброчной статье».¹³⁸ И позднее, в записях 1876 г., Достоевский остается при том же мнении: Чацкий «сущности зла не понимает».¹³⁹

Однако это лишь одна, пусть и устойчивая, сторона суждений писателя о Чацком. Одновременно с неприятием возникает и притяжение. Чацкий «оказывается человеком чем-то милым и близким Достоевскому. Объяснение этого следует искать в субъективных свойствах мирозерцания Достоевского: его привлекала, как ему казалось, неприспособленность Чацкого к жизни и неумение найти свое место в жизни, которое свойственно и многим героям Достоевского, и более всего, по-видимому, князю Мышкину».¹⁴⁰

Достоевскому, как и Герцену и Огареву,¹⁴¹ Чацкий дорог тем, что «у него сердце доброе», а «мысль его все-таки оригинальна».¹⁴² Именно по этой причине он «остался в памяти» у героев «Подростка».¹⁴³ Характерно и то, что писатель относил Чацкого к декабристам, движение которых в целом он осуждал.

«Горе от ума», считал писатель, «только и сильно своими яркими художественными типами и характерами, и лишь один художественный труд дает все внутреннее содержание этому произведению <...> Нравоучения Чацкого несравненно ниже самой комедии <...> Вся глубина, все содержание художественного произведения заключается, стало быть, только в типах и характерах».¹⁴⁴

Двойственность позиции писателя отчетливо выразилась в редакторском примечании к статье Д. В. Аверкиева «Значение Островского в нашей литературе». Аверкиев, выступавший против мнений А. А. Григорьева, между прочим, считал: «...сам же Григорьев так прекрасно доказал, что Чацкий — единственное истинно героическое лицо (хотя и не русское) во всей нашей литературе».¹⁴⁵

Достоевский с этим не согласился: «Почему же не *русское*? — спрашивал он. — Или все, что у нас есть оторванного цивилизацией от народного быта, — уже не русское? Напротив, тип Чацкого только и дорог нам тем, что это изображение *русского*, оторванного от народного быта. Иначе что ж бы для нас он значил? Это доказывается отчасти уже симпатичностью для нас этого типа и непрерывною его повторяемостью в нашей литературе».¹⁴⁶

Достоевский не ограничился прямыми и косвенными оценками персонажей «Горя от ума» и его автора. Он вводит фигуры комедии, чаще всего переосмысливая их, в ткань своих художественных произведений. В «Униженных и оскорбленных», например, всплывает упоминание о кружке «Левинки и Бореньки» и фигурирует напоминающий Ипполита Удушьева Безмыгин. Параллели между комедией Грибоедова и «Подростком» прослежены А. Л. Гришуниним.¹⁴⁷ Особенно интересно его наблюдение о том, что Достоевский привнес в роман «литератора-поэта, из немцев, но русского поэта», в котором угадывается намек на Булгарина и его отношения к Грибоедову.

Центральный персонаж «Подростка» в рукописных редакциях сближался с Чацким. В подготовительных материалах к роману Достоевский записал: «От Я. Жизнь его детства разместить по частям романа в следующем виде: в вагоне — Чацкий...».¹⁴⁸

Много размышлял писатель и над образом Молчалина, дав его оригинальную трактовку еще в «Зимних заметках о летних впечатлениях». Однако он считал, что только после беседы «с одним из наших писателей (большим художником)» понял этот характер до конца: «Я именно заметил ему перед этим, что я, чуть не сорок лет знающий „Горе от ума“, только в этом году понял как следует один из самых ярких типов этой комедии, Молчалина, и понял именно когда он же, т. е. этот самый писатель, с которым я говорил, разъяснил мне Молчалина, вдруг выведя его в одном из своих сатирических очерков».¹⁴⁹

Писателем, заставившим Достоевского пересмотреть свои взгляды на Молчалина, был М. Е. Салтыков-Щедрин.

Щедрин неоднократно обращался к образам «Горя от ума». Уже в конце 1850-х гг. в его произведениях возникают персонажи, в которых подчеркивается родство с героями грибоедовской комедии (Семен Семенович Зубатов — Скалозуб; статский советник Удодов — Удушьев). Эти же действующие лица, а вместе с ними и Татьяна Юрьевна, появляются на страницах «Сатиры в прозе» и «Невинных рассказов».¹⁵⁰

Второй аспект исследования Щедриным грибоедовских типов представляет собой реакцию на гончаровскую трактовку Молчалина. Гончаров в «Мильоне терзаний», уповая на благотворное воздействие постепенного преобразования общества в духе либерализма, находил возможным, что тем самым у молчалиных будет выбита из-под ног почва.

Скептически трезвый Щедрин видел эфемерность этих надежд. В первом очерке из цикла «Экскурсии в область умеренности и аккуратности» (1874) он доказывал, что современные молчалины вовсе не думают сходить со сцены: они по-прежнему «очень деятельные части того громадного собирательного, которое, под разными формами и наименованиями, оказывает очень решительное тяготение над общим строем жизни». По Щедрину, Молчалин, может быть, самая важная фигура в том обществе, которое процветает благодаря всеобщей привычке к рабьей покорности, конформизму. Все преступления творятся именно их руками, ибо молчалины без рассуждений и колебаний исполняют любую волю начальства, заботясь только о собственной карьере.

И не только в сфере «вещественных отношений» они опасны. Вторая ипостась Молчалина — Молчалин литературный, издающий газету «Чего изволите?». Образ этот настолько ярок, что выражением «Чего изволите?» воспользовался В. И. Ленин, заклеивший нравы продажной журналистики. Для таких молчалиных политика, философия, эстетика — только предмет купли-продажи: их конечная цель — все та же забота о личном благополучии, «из стыдливости» подернутая флером пышных слов. Молчалин литературный даже позволит себе в минуту благодушия «взгрустнуть» о «бедной Руси православной», но стоит в этот момент напомнить о «предостережении», как грусть моментально улетучивается, ибо «своя рубашка ближе к телу».¹⁵¹

Щедринская интерпретация образа Чацкого также связана с полемическим неприятием его трактовки Гончаровым.¹⁵² Для автора «Мильона терзаний» несомненна параллель Чацкий—Белинский—Герцен. По его убеждению, «горячие импровизации» Белинского отличают те же мотивы и тот же тон, что и тирады грибоедовского героя. Примечательно, что, по мнению Гончарова, Белинский после реформы был бы вполне удовлетворен переменами и счел бы свою миссию законченной. Сторонником либеральных реформ представлял себе Гончаров и Герцена: «Оставя политические заблуждения Герцена, где он вышел из роли нормального героя (т. е. либерала, — В. М.), из роли Чацкого, этого с головы до ног русского человека, — вспомним его стрелы, бросаемые в разные темные, отдаленные углы России, где они находили виноватого. В его сарказмах слышится эхо грибоедовского смеха и бесконечное развитие острот Чацкого».¹⁵³

С. А. Фомичев считает, что в намерения Щедрина полемика с Гончаровым не входила. «...Трудно представить, — пишет он, — что, вступая в спор с Гончаровым, сатирик ни одним словом,

ни одним намеком в своем произведении не обмолвился об этом — никаких текстовых соответствий „Миллион терзаний“ и „Господа Молчалины“ не имеют». ¹⁵⁴ Но ничего труднопредставимого здесь нет.

Статья Гончарова являлась как бы квинтэссенцией подобных мнений. И Салтыкову-Щедрину, выступавшему против такой отчетливо заявленной, но лишь однажды зафиксированной в печати оценки, не было нужды специально опровергать Гончарова, тем более что сатирик, по-видимому, мог высказываться на этот счет в каких-то беседах в литературных и общественных кругах. Сознательно не возражая только Гончарову, Щедрин тем самым давал понять, что адрес его полемики несравненно шире. Именно об этом говорит и А. С. Бушмин: «Мысль о полезности деятельности Чацких-чиновников — на крупных государственных должностях и в скромных канцелярских кабинетах — принадлежит не только Гончарову, она выражает чаяния всех более или менее либеральных деятелей». ¹⁵⁵ В качестве примера ученый ссылается на книгу М. П. Погодина «Простая речь о мудрых вещах», в которой в духе соллогубовского «Чиновника» отдавалось предпочтение «честному служению», осуждалось 14 декабря.

У предшественников Щедрина, интерпретировавших образы «Горя от ума» в художественных произведениях, они в первую очередь рассматриваются в их социальных аспектах. Щедрин интересуется и человеческие качества этих персонажей.

Но человеческое в его понимании прямо вытекает из социального. Умеренность и аккуратность, показывает сатирик, вознаграждаются доходами и чинами. Вместе с тем бездумное исполнение вышестоящей воли и забота лишь о собственном благополучии с течением времени — ничто не проходит даром — могут обернуться утратами в сфере, совершенно неожиданной: «Дети... ах эти дети! Хорошо, как они по натеренной молчалинской дорожке пойдут, а вдруг очутятся совсем не там? Как их старческими-то руками удержать? Как старческими думами уследить за ними? Как старческими словами урезонить их?».

В характеристике молчалиных обращение к моральным категориям служит разоблачению тех, кто променял первородство на чечевичную похлебку. Иное дело Чацкий. Отношение к нему автора двойственное. С одной стороны, Чацкий — директор департамента «государственных упомощений», в котором то науки в чести, а то молодых людей просвещают посредством сонников. Женившийся на Софье и обзаведшийся семьей, он воспринял освобождение крестьян без былой восторженности («Хороша, говорит, свобода, но во благовремени»). С другой стороны, есть в щедринском Чацком и черточки, говорящие о симпатии к нему писателя. В «Современной идиллии» Чацкий у Щедрина стоит наособицу от фамусовых, молчалиных, репетитовых. ¹⁵⁶

Чацкий в интерпретации Щедрина сохранил в себе юношескую наивность, которая в человеке зрелых лет, может быть, и несколько

комична, но все же симпатичнее, чем бездушный практицизм молчалиных и растерянное недоумение, подстерегающее их в конце жизни. Молчалиным перед смертью нечего и некому сказать. Чацкий же, «и умирая, все твердил:

Будь человек благороден!
Будь сострадателен, добр! —

да и ей, жене-то, не переставаячи говорил: „Верь людям, друг мой Сонечка! Человек — венец созданий божиих“». Правда, напутствие Чацкого вряд ли будет услышано и воспринято, ибо Софья меньше всего думает о предназначении человека. Но самому сатирику, оставшемуся верным просветительским идеалам, этот призыв был дорог.

Таким образом, щедринское толкование характеров главных героев «Горя от ума» является самым глубоким в русской литературе XIX в. Не случайно Достоевский говорил, что именно Салтыков-Щедрин помог ему понять Молчалина. Не случайно уже в наши дни его трактовка образов комедии Грибоедова породила столь много литературоведческих выступлений.

Но как бы глубоко ни проникали в сущность грибоедовских образов писатели одного поколения, идущие вослед за ними снова размышляли над характерами и идеями шедевра Грибоедова.

Даже наиболее видный представитель русского «натурализма» П. Д. Боборыкин, далекий от традиций литературы 1820-х гг., не остался в этом смысле в стороне. Журнальные и газетные рецензенты сразу же отметили в его романе «Ходок» (1895) заметное сходство с комедией Грибоедова. Герой романа, граф Таманцев, олицетворяет собой возмущение и протест честного человека против подлости, чванства, невежества и продажности, против морали фамусовых, молчалиных и скалозубов. Некоторые сюжетные линии «Ходока» имеют параллели в «Горе от ума», заставляют вспомнить о комедии и отдельные образы произведения Боборыкина. Овчинин, например, близок к Молчалину, Дергунов — к Скалозубу, Кэт — к Софье, княгиня, по определению П. Ф. Николаева, «отчасти Фамусов в юбке, а отчасти та самая княгиня Марья Алексеевна, которой так боится Фамусов».¹⁵⁷

Боборыкин не пошел дальше повторения общей схемы «Горя от ума», не сумел наполнить ее новым содержанием, поэтому внешним сходством его романа с «Горем от ума» все и ограничивается. Таманцев, разумеется, не может быть поставлен вровень с Чацким. Он, по словам критика, «просто один из тех бесчисленных „лишних людей“, „гамлетиков Шигровского уезда“, „самогрызунов“, какими наполнила русскую землю крепостная эпоха».¹⁵⁸

«Горе от ума» получило преломление и в драматургии А. М. Горького. Ситуация «Дачников» (1902) типологически близка комедии Грибоедова. По определению Горького, сущность конфликта такова: «Куча людей без идеалов, и вдруг! — среди

них один — с идеалом! Злоба, треск, вой, грохот!». ¹⁵⁹ Но решается старый конфликт в новых исторических условиях позитивно. Чацкий уезжает из Москвы, ни в ком не встретив поддержки. У Горького пример Марии Львовны заражает Власа. Под ее воздействием покидает привычный круг Варвара, начинает размышлять о смысле своего существования Дудаков.

В сознание А. А. Блока Грибоедов вошел еще в студенческие годы. В 1905 г. он пишет обзор критической литературы о драматурге. Дважды годами позже в связи с Грибоедовым он размышляет о трагизме судьбы писателя, стоящего особняком в русской литературе. Блоку Грибоедов представлялся фигурой загадочной и неодноплановой. В нем поэт находил сочетание «ядовитого насмешника и скептика» с чиновником, который в то же время являлся автором «гениальнейшей русской драмы». По словам Блока, Грибоедов — автор произведения, «до сих пор не разгаданного и, может быть, величайшего творения всей нашей литературы». ¹⁶⁰ «Скрытый драматизм судьбы, необратимость рокового исхода и, вместе с тем, гениальные прозрения, постоянная неуспокоенность и искания новых путей в искусстве — вот что видит Блок в Грибоедове». ¹⁶¹

Размышления поэта о судьбе Грибоедова и его создании нашли отражение и в творчестве Блока. В незаконченной поэме «Возмездие» (начата в 1910 г.) Грибоедов и Чацкий представлены как почти одно лицо, доминирующая черта которого мечта «о невозможном». В дневниковых набросках к «Возмездию» Блок сближает своего отца, занимавшего большое место в его духовном развитии, с Лермонтовым, Чаадаевым и Грибоедовым. ¹⁶² Но в отце поэт видел снижение «демонизма», присущего предкам. «Здесь дана сложная и своеобразная интерпретация как личности Грибоедова, так и образа Чацкого; здесь же мы можем усмотреть блоковское отношение к „до сих пор не разгаданному“ <...> смыслу „Горя от ума“. Чацкий в глазах Блока вырастает в грандиозную „надмирную“ демоническую фигуру; его бегство с бала интерпретируется в таком контексте рассуждений как высшее проявление его *демонской* сущности. Но к двадцатому веку радикализм вырождается, черты личности мельчают, стираются, „демон“ оказывается жертвой своих же порывов». ¹⁶³

4

В конце XIX в., когда движение декабристов стало уже историей, предпринимался ряд попыток рассказать о трагической судьбе Грибоедова средствами художественной литературы. Едва ли не первым к этой теме обратился Я. П. Полонский. В его поэме «Н. А. Грибоедова» (1879) драматург нарисован крупными мазками. Его характер дается через восприятие Н. А. Грибоедовой. Проникновенно изображая глубину чувства неутешной вдовы, поэт

доносит до читателя и то, что, по его мнению, составляло суть трагедии автора «Горя от ума»:

Его горячая душа,
Его могучий ум
Влачили всюду за собой
Груз неотвязных дум.¹⁶⁴

Поэма не содержит каких-либо неизвестных данных из жизни Грибоедова, да она и не претендует на это. Но поэту удалось создать цельный и яркий характер женщины, достойной того, чтобы стать подругой выдающегося человека.

В романе П. П. Каратыгина «Дела давно минувших дней» (1880), в центре которого находится судьба «маленького человека» накануне декабрьского восстания, действуют Пушкин, Грибоедов, некоторые декабристы. Однако автора интересует лишь внешняя сторона событий, как-то проанализировать их, определить свою точку зрения на происходящее он и не пытается. Его произведение представляет собой историческую мозаику, составленную из общеизвестных к тому времени фактов. Грибоедов, в частности, в романе Каратыгина говорит пространными цитатами из его опубликованных писем и произведений и выглядит личностью не столько сложной, сколько «эффектной».

Примерно того же уровня и сочинение Д. Л. Мордовцева «Железом и кровью. Роман из истории завоевания Кавказа генералом Ермоловым» (1896), представляющее собой беллетризованную сводку вошедших в научный оборот исторических документов 1820-х гг. В числе персонажей Грибоедов, Пушкин, персидские сановники, Ермолов (в основном изображенный в домашнем быту), герои войны на Кавказе штабс-капитан Овечкин и прапорщик Щербина.

Писатель пытается осветить одну из загадочных страниц в жизни Грибоедова, но делает это, полагаясь только на свою фантазию. Грибоедов у Мордовцева рассуждает сам с собой: «А я так любил эту фальшивую Варю, эту куклу... Слепец! Я думал в ней найти награду всех моих трудов, моей тоски, моих страданий... Из-под вражеских пуль я к ней спешил в Москву, я не ехал, я летел, весь дрожа от ожидания встречи... „Так близко счастье!“ — думал я... И вдруг! Тот, на кого она меня променяла, в объятиях у горничной!.. <...> В этой тетради я переложу драму моего сердца в злую, беспощадную комедию... Первые два действия почти уже готовы, и Пушкину они очень понравились (дело происходит в конце 1819 или в самом начале 1820 г., — В. М.). Да, это то, что я еще в Москве набросал под первым впечатлением... Назову ее вместо Вари Софьей... Да, премудрая девица... А его окрещу Молчалиным...».¹⁶⁵

Хотя в романе Мордовцева упоминаются события 14 декабря, писатель ничего не говорит о том, какое отношение имел к ним Грибоедов, что чувствовал он в это время. Вообще Грибоедов

у Мордовцева сильно напоминает байронического героя, терзаемого разладом между мечтой и реальностью.

В том же иллюстративно-документальном ключе была написана и пьеса П. И. Вейнберга «Миллион терзаний», приуроченная к столетию со дня рождения Грибоедова. Автор не скрывал источников, которыми пользовался: «Многое из того, что произносится здесь А. С. Грибоедовым и некоторыми другими действующими лицами, — писал он, — взято из подлинных писем, мемуаров, статей и т. д.».¹⁶⁶ Сюжета как такового в пьесе-«прологе» Вейнберга почти нет. Автор передает суждения о «Горе от ума» ближайших друзей Грибоедова, его дяди, отдельных представителей света. А. С. Пушкин, например, пророчит комедии великое будущее в таких выражениях:

В сердцах у внуков будет век
Жить, как поэт и человек,
Наш гениальный Грибоедов!¹⁶⁷

В романе М. Э. Никольского «Поэт-посланник» (1908) Грибоедов предстает перед читателем в последние дни своей жизни. Рассказана история его женитьбы, охарактеризованы интриги, которые плелись вокруг русского посла в Тегеране, воспроизведена сцена гибели Грибоедова. Автор не выходит за пределы известных к тому времени документов, не пытается осмыслить описываемые события. Какой-либо художественной ценностью его произведение не обладает. Это не более чем «история в лицах».

Глубоко субъективной является разработка образа драматурга у Мережковского в его романе «Александр Первый» (1911—1912). Изображая события 1820-х гг., писатель смотрит на них через призму собственной религиозной доктрины. Декабристы в романе представлены людьми либо легкомысленными, либо фанатически, жертвенно настроенными. Своеобразной контаминацией характеров Чацкого и самого Грибоедова является князь Валерьян Голицын. Сходство Голицына с Грибоедовым подчеркнуто даже во внешности. Через дневник Голицына осмысливает Мережковский «подлинную» картину происходящего, выражающую представления автора о смысле революционных потрясений вообще. Князь Валерьян «приходит к идеям несовместимости самодержавия с истинно христианским самосознанием и порочности православия, воздающего „зверю“ божие, к мысли о том, что только связь освободительного движения с религиозным возрождением является непременным условием грядущего спасения России».¹⁶⁸

Ни декабристы, ни Грибоедов на роль спасителей России в произведении Мережковского претендовать не могут. К автору «Горя от ума» романист испытывает откровенную неприязнь. Вначале рассказывается о том, что Грибоедов и есть настоящий виновник дуэли Завадовского с Шереметевым. По словам

А. И. Одоевского, «без него и дуэли бы не было; оба шли на мировую, да Грибоедов опять их стравил. „Для чего, — говорит, — и сам не знаю, черт меня дернул!“». ¹⁶⁹ Голицын, ближе всех стоящий к автору, признается: «А я не люблю Грибоедова. Иные ножом, иные пулей, иные петлей, а он смехом себя убивает». ¹⁷⁰ Эпизод из гусарского периода жизни Грибоедова Мережковский подает как символ всего декабристского движения: «Грибоедов в дни юности, служа в гусарах в Брест-Литовском, забрался однажды в иезуитский костел на хоры. Собрались монахи, началась обедня. Он сел к органу, — ноты были раскрыты, — заиграл; играл чудесно. Вдруг смолкли священные звуки, и с хоров зазвучала Камаринская. Как бы и нам, начав обедней, не кончить Камаринской? Шли на кровь, а попали в грязь». ¹⁷¹

Для характеристики Грибоедова использована троекратно звучащая формула: Грибоедов смеется, «точно мертвые кости из мешка сыплются». ¹⁷² Весь он — воплощение пессимизма, душевной пустоты и безысходности. В успех восстания он не верит, поскольку не верит вообще в возможность единения дворянства с народом. Мережковский не приемлет сочиненного им Грибоедова-атеиста. Самому Мережковскому идея «религиозной общественности» была очень близка, именно она и является центральной идеей всех его исторических романов.

Произведения, на страницах которых предстает Грибоедов, не относятся к числу заметных явлений в литературе. Это и понятно. Их авторы не обладали ни достаточной суммой фактов, ни методологией, обеспечивающей исторически точное изображение. Не проникая в суть событий, они к тому же искажали образ драматурга, заботясь лишь об иллюстрировании своих идей.

Фигура Грибоедова, таящая в себе возможности, которые не могли исчерпывающе реализоваться в его время, его бурная жизнь и трагическая гибель продолжают интересовать литераторов и поныне. Драматический образ художника-дипломата изображен в ряде произведений советских писателей. Но они порождение другой эпохи, иного мировоззрения. Разбор их мог бы стать темой особой работы.

* * *

¹ Гончаров И. А. Собр. соч. В 8-ми т. М., 1955, т. VIII, с. 32—33.

² Борисов Ю. Н. Чацкий у Салтыкова-Щедрина. — Рус. лит., 1976, № 1, с. 217.

³ К этим словам Бестужев-Рюмин сделал примечание: «А нам кажется, пропущен: „Подруги, сердцу дорогой“. Изд.».

⁴ Сириус. Собр. соч. в стихах и прозе. СПб., 1826, кн. 1, с. 31.

⁵ Сев. пчела, 1827, № 3.

⁶ Сев. Меркурий, 1831, № 2, с. 10.

⁷ Там же, № 9, с. 38.

⁸ Там же. — В этом же издании промелькнула и любопытная подробность из биографии Грибоедова: «Покойный А. С. Грибоедов в разговоре с одним приятелем, сравнивавшим единственную комедию „Горе от ума“ с прежними его произведениями, отвечал: „Что тут за удивления? „Молодых супругов“ я на-

писал ленивый, сонный и притом на срок“» (Сев. Меркурий, 1831, № 23, с. 94). Это согласуется и с воспоминаниями Р. М. Зотова, который писал: «Еще до отъезда Грибоедова на Кавказ видел я его часто у князя Шаховского, по заказу которого он переделал французскую комедию „Le secret du ménage“ и назвал ее „Молодые супруги“» (Зотов Р. М. Театральные воспоминания. СПб., 1860, с. 83).

⁹ Ушаков В. Киргиз-кайсак. М., 1830, ч. I, с. 52—53.

¹⁰ Сев. Меркурий, 1831, № 26, с. 108.

¹¹ Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни. — Рус. арх., 1887, кн. I, вып. 1—4, с. 106.

¹² Московский телеграф, 1831, № 10, с. 170.

¹³ Тем хуже тому, кто узнает себя в нем (франц.).

¹⁴ это было бы даже довольно любопытно (франц.).

¹⁵ Московский телеграф, 1831, № 11, с. 311—312.

¹⁶ Перцов Эраст. Андрей Бичев, или Смешны мне люди. СПб., 1833, с. IV.

¹⁷ Б-ка для чтения, 1836, № 5, отд. V, с. 10.

¹⁸ См.: Знание — сила, 1981, № 6, с. 30.

¹⁹ Загоскин М. Н. Полн. собр. соч. Т. I—X. СПб.; М., 1898, т. IX, с. 155.

²⁰ См.: Одесский альманах на 1840 год. Одесса, 1839.

²¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. I—XIII. М., 1955, т. VIII, с. 329—330.

²² Жемчужников А. Сумасшедший. — Современник, 1852, № 11, с. 58.

²³ ГБЛ, ф. 101, № 4810, л. 8, 8 об.

²⁴ Там же, л. 19 об.

²⁵ Ростопчина Е. П. Возврат Чацкого в Москву... СПб., 1865, с. 138.

²⁶ Цит. по: Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881. [Пг., 1916]. с. 270.

²⁷ Там же, с. 269.

²⁸ Ростопчина Е. П. Указ. соч., с. 125.

²⁹ Курочкин Василий. Стихотворения. Статьи. Фельетоны. М., 1957, с. 111.

³⁰ Там же, с. XXV.

³¹ Там же, с. 128—129.

³² Там же, с. 127.

³³ Ярон М. Горе от ума. Комедия московской жизни. М., 1881, с. 11.

³⁴ Там же, с. 14.

³⁵ Там же, с. 73.

³⁶ Там же, с. 21.

³⁷ Куницкий В. Горе от ума через пятьдесят лет после Грибоедова. СПб., 1883, первая, нумерованная страница.

³⁸ Наблюдатель, 1884, № 4, с. 46—47.

³⁹ См.: Пиксанов Н. К. Приписываемый Грибоедову «Пролог» к «Горю от ума» (III, 257—258).

⁴⁰ Буренин В. Горе от глупости. СПб., 1905, с. 17.

⁴¹ См.: Садовской Б. 1) Репетиллов в Москве. — Рампа и жизнь, 1914, № 7;

2) Репетиллов в Петербурге. — Рампа и жизнь, 1914, № 15.

⁴² Долгополов Л. К., Лавров А. В. Грибоедов в литературе и литературной критике конца XIX—начала XX в. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977, с. 117.

⁴³ Лурье М. Финалы комедии «Горе от ума». — Театр, 1940, № 9, с. 119.

⁴⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л., 1949, т. II, кн. 1, с. 318.

⁴⁵ Гынянов Ю. Н. Заметки о Грибоедове. — Звезда, 1941, № 1, с. 124—125. — Близость эпиграмматического «почерка» Пушкина и Грибоедова не раз приводила к тому, что эпиграммы Пушкина приписывались Грибоедову. Так произошло с пушкинской эпиграммой «На А. М. Колосову» (1819). Уже в наши дни Ю. П. Фесенко в статье «Эпиграмма на Карамзина. (Опыт атрибуции)» (см.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978, т. VIII) доказывал, что эпиграмма «Послушайте, я сказку вам начну», традиционно включавшаяся в собрание сочинений Пушкина, принадлежит перу Грибоедова. Ошибочность этого мнения аргументированно продемонстрировал П. В. Бекедин в статье «Несостоявшаяся атрибуция» (Рус. лит., 1981, № 1).

⁴⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л., 1937, т. XIII, с. 96.

- 47 См.: *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1956, с. 316.
- 48 Там же, с. 317.
- 49 Свод работ по данной теме и их анализ даются в статье: *Городецкий Б. П.* К оценке Пушкиным комедии Грибоедова «Горе от ума». — Рус. лит., 1970, № 3.
- 50 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л., 1949, т. XI, с. 419, 178.
- 51 Там же, т. XIII, с. 138.
- 52 *Степанов Л. А.* Пушкин о комедии. — В кн.: Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1974, с. 72.
- 53 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. XIII, с. 137.
- 54 Там же, с. 138.
- 55 *Гришунин А. Л.* Пушкин и Грибоедов. — В кн.: Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975, с. 129.
- 56 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л., 1947, т. II, кн. 1, с. 266.
- 57 *Литвиненко Н. Г.* Пушкин и театр. М., 1974, с. 179.
- 58 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 461.
- 59 *Вольперт Л. И.* Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Таллин, 1980, с. 142.
- 60 *Загорский М.* Пушкин и театр. М.; Л., 1940, с. 219.
- 61 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М., 1938, т. VIII, кн. 1, с. 461.
- 62 Там же, с. 461—462.
- 63 Там же.
- 64 Там же, т. XI, с. 129.
- 65 Цит. по: *Гришунин А. Л.* Пушкин и Грибоедов, с. 136.
- 66 Там же.
- 67 Подробнее об этом см.: Лит. газ., 1972, № 22, с. 7.
- 68 История создания романа освещена в работах: *Гинзбург С. Л.* Пушкин и грузинская песня (К истории создания стихотворения «Не пой, красавица, при мне»). — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1956, т. I; *Иезуитова Р. В.* «Не пой, красавица, при мне». — В кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974.
- 69 Так назван Грибоедов в одном из черновиков «Евгения Онегина» (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М., 1937, т. VI, с. 461).
- 70 *Измайлов Н. В.* Из истории замысла и создания «Медного всадника». — В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Л., 1930, кн. XXXVIII—XXXIX, с. 176.
- 71 Г. А. Гуковский отмечает, что введение в строфы IX—X главы VI «Евгения Онегина» цитаты из «Горя от ума» («И вот общественное мнение!») обнаруживает авторское отношение к Онегину, убившему Ленского на дуэли не из-за каких-то личных непримиримых разногласий, а только в силу подчинения законам фамусовского общества: «Это толкование проступка Онегина подсказывается и тем, что рядом с ним [...] поставлен здесь Зарецкий, ничтожный, но выразительный представитель именно этих противоестественных законов „общества“...» (см.: *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, с. 247).
- 72 Подробнее об этом см.: *Розанов И.* Грибоедов и Пушкин. — В кн.: Пушкинский сборник. М., 1900, с. 133.
- 73 *Фесенко Ю. П.* Грибоедов и Пушкин. Творческие взаимосвязи. Автореф. канд. дис. Л., 1980, с. 6.
- 74 *Гончаров И. А.* Собр. соч., т. VIII, с. 7.
- 75 *Андроников И.* Лермонтов. М., 1951, с. 244.
- 76 *Андроников И. Л.* Лермонтов. Исследования и находки. М., 1977, с. 359.
- 77 См.: Науч. бюл. Ленингр. гос. ун-та, 1945, № 4, с. 45.
- 78 *Андроников И. Л.* Лермонтов. Исследования и находки, с. 51.
- 79 *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. В 4-х т. Л., 1979, т. 1, с. 60.
- 80 *Ломунова К. Н.* «Маскарад» Лермонтова как социальная трагедия. — В кн.: «Маскарад» Лермонтова. М.; Л., 1941, с. 87.
- 81 *Лернер Н. О.* Один из героев Грибоедова и Лермонтова. — Нива. Ежемес. лит. и науч.-попул. прилож., 1914, № 1, стб. 54. — А. Л. Элькан — мелкий петербургский литератор 1810—1860-х гг., завсегда публичных увеселений и балов, имевший множество знакомых; по слухам, агент III Отделения.

- ⁸² См.: *Нейман Б. В.* Язык пьес Лермонтова. — В кн.: «Маскарад» Лермонтова, с. 111.
- ⁸³ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. I—XIV. М., 1952, т. VIII, с. 399, 398.
- ⁸⁴ *Медведева И. Н.* «Горе от ума» А. С. Грибоедова. М., 1974, с. 99—100.
- ⁸⁵ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30-ти т. Л.; 1973, т. V, с. 62—63.
- ⁸⁶ *Медведева И. Н.* Указ. соч., с. 102.
- ⁸⁷ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 400.
- ⁸⁸ *Медведева И. Н.* Указ. соч., с. 103.
- ⁸⁹ См.: *Цейтлин А. Г.* Повести о бедном чиновнике Достоевского (к истории одного сожета). М., 1923, с. 4, 19, 41.
- ⁹⁰ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Собр. соч. СПб., 1914, т. VII, с. 50.
- ⁹¹ См.: *Пассек Т. П.* Из дальних лет. М., 1963, т. 1, с. 238.
- ⁹² *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1956, т. IX, с. 139.
- ⁹³ См.: Науч. бюл. Ленингр. гос. ун-та, 1945, № 4, с. 45.
- ⁹⁴ *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1959, т. XVIII, с. 180.
- ⁹⁵ Там же. М., 1960, т. XX, кн. 1, с. 342—343.
- ⁹⁶ *Пиксанов Н. К.* «Горе от ума» в творчестве Гончарова. — В кн.: А. С. Грибоедов. М., 1946, с. 113.
- ⁹⁷ *Гончаров И. А.* Собр. соч. В 8-ми т. М., 1954, т. VII, с. 442.
- ⁹⁸ *Цейтлин А. Г.* И. А. Гончаров. М., 1950, с. 385.
- ⁹⁹ *Гончаров И. А.* Собр. соч. В 8-ми т. М., 1953, т. V, с. 10.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 31.
- ¹⁰¹ Там же, с. 13.
- ¹⁰² Там же, с. 35.
- ¹⁰³ *Лебедев А. А.* Грибоедов. Факты и гипотезы. М., 1980, с. 197.
- ¹⁰⁴ *Гончаров И. А.* Собр. соч., т. VIII, с. 32.
- ¹⁰⁵ *Петров С. М.* И. С. Тургенев. М., 1961, с. 197.
- ¹⁰⁶ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. I—XII. М., 1950, т. IX, с. 389.
- ¹⁰⁷ *Батюто А. И.* Тургенев-романист. Л., 1972, с. 349.
- ¹⁰⁸ Рус. мысль, 1913, № 7, с. 121.
- ¹⁰⁹ *Батюто А. И.* Указ. соч., с. 352.
- ¹¹⁰ Там же, с. 354.
- ¹¹¹ См. хранящиеся в ИРЛИ АН СССР материалы для биографии А. С. Грибоедова (раздел «Бегичевы») из библиотеки и грибоедовского собрания Н. К. Пиксанова.
- ¹¹² *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. В 28-ми т. М.; Л., 1963, т. V, с. 86.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ См. об этом: *Фомичев С. А.* «Горе от ума» в наследии Островского. — В кн.: А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков. Л., 1974, с. 8.
- ¹¹⁵ А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966, с. 294.
- ¹¹⁶ *Фомичев С. А.* Указ. соч., с. 10.
- ¹¹⁷ Чацкий, — писал А. А. Григорьев, — «все силы души (...) собирает, всю натуру своей хочет раскрыться, все хочет передать ей (Софье, — В. М.) разом, как в „Доходном месте“ Жадов своей Полине в последние минуты своей хотя и слабой (по его натуре), но благородной борьбы» (*Григорьев А. А.* Литературная критика. М., 1967, с. 508).
- ¹¹⁸ *Островский А. Н.* Полн. собр. соч. Т. I—XVI. М., 1950, т. II, с. 109.
- ¹¹⁹ Подробнее об этом см.: *Фомичев С. А.* Указ. соч., с. 20.
- ¹²⁰ *Островский А. Н.* Полн. собр. соч., т. V, с. 125—126.
- ¹²¹ *Лакшин В.* Мудрецы Островского — в истории и на сцене. — Нов. мир, 1969, № 12, с. 236.
- ¹²² См.: *Эльзон М. Д.* «Чад» или «чаять»? (о смысле фамилии Чацкий). — Рус. лит., 1981, № 2, с. 182.
- ¹²³ *Фомичев С. А.* Указ. соч., с. 26.
- ¹²⁴ См.: *Пиксанов Н. К.* Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». — В кн.: Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 1969, с. 286.
- ¹²⁵ См.: *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959, с. 92—93.
- ¹²⁶ *Гришунин А. Л.* Л. Толстой и грибоедовская Москва. — В кн.: Толстой и литература народов Советского Союза. Ереван, 1978, с. 61.

- ¹²⁷ *Гришунин А. Л.* Грибоедовское у Некрасова. — В кн.: Современные проблемы литературоведения и языкознания. М., 1974, с. 283.
- ¹²⁸ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. Т. I—XV. Л., 1981, т. II, с. 209.
- ¹²⁹ См. об этом: *Прийма Ф. Я.* Черты поэтического стиля Некрасова. — Рус. лит., 1968, № 3, с. 18.
- ¹³⁰ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч., т. II, с. 196.
- ¹³¹ *Гришунин А. Л.* Грибоедовское у Некрасова, с. 289.
- ¹³² См.: *Гроссман Л.* Жизнь и труды Ф. Достоевского. Биография в датах и документах. М.; Л., 1935, с. 349.
- ¹³³ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч., т. V, с. 62.
- ¹³⁴ Там же, с. 62.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Подробнее об этом см.: *Архипова А. В.* Дворянская революционность в восприятии Ф. М. Достоевского. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 221.
- ¹³⁷ См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч., т. XVI, с. 417.
- ¹³⁸ Там же, т. XI, с. 87.
- ¹³⁹ Лит. наследство. М., 1971, т. 83, с. 606, 607.
- ¹⁴⁰ *Гришунин А. Л.* Грибоедов и «Горе от ума» в наследии Достоевского. — В кн.: Искусство слова. М., 1973, с. 194.
- ¹⁴¹ См.: *Архипова А. В.* Указ. соч., с. 223—224.
- ¹⁴² *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч., т. XI, с. 87.
- ¹⁴³ Там же, т. XVI, с. 417.
- ¹⁴⁴ Там же, т. XI, с. 250.
- ¹⁴⁵ Эпоха, 1864, № 7, с. 10.
- ¹⁴⁶ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. т. XX, с. 229.
- ¹⁴⁷ См.: *Гришунин А. Л.* Грибоедов и «Горе от ума» в наследии Достоевского, с. 194—195.
- ¹⁴⁸ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч., т. XVI, с. 181, 187.
- ¹⁴⁹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. художеств. произв. В 13-ти т. М.; Л., 1929, т. XI, с. 422—423.
- ¹⁵⁰ Подробнее об этом см.: *Покусаев Е. И.* Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов, 1957, с. 132—135.
- ¹⁵¹ Подробнее об этом см.: *Орфанова А. Н.* Интерпретация грибоедовских героев в «Господах Молчалиных» М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Учен. зап. Горьковского пед. ин-та им. А. М. Горького. Сер. филол. наук, 1972, вып. 129.
- ¹⁵² См.: *Борисов Ю. Н.* Указ. соч., с. 217.
- ¹⁵³ *Гончаров И. А.* Собр. соч., т. VIII, с. 33.
- ¹⁵⁴ *Фомичев С. А.* Грибоедовские персонажи в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. — В кн.: От Грибоедова до Горького. Л., 1979, с. 28.
- ¹⁵⁵ *Бушмин А. С.* Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. М., 1976, с. 128.
- ¹⁵⁶ См.: об этом: *Фомичев С. А.* Грибоедовские персонажи в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, с. 30.
- ¹⁵⁷ *Николаев П. Ф.* Вопросы жизни в современной литературе. М., 1902, с. 126.
- ¹⁵⁸ Там же, с. 128.
- ¹⁵⁹ *Горький А. М.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1954, т. XXVIII, с. 188.
- ¹⁶⁰ *Блок А. А.* Собр. соч. В 8-ми т. М.; Л., 1962, т. V, с. 168.
- ¹⁶¹ *Долгополов Л. К., Лавров А. В.* Указ. соч., с. 126.
- ¹⁶² *Блок А. А.* Собр. соч., т. VII, с. 112.
- ¹⁶³ *Долгополов Л. К., Лавров А. В.* Указ. соч., с. 128.
- ¹⁶⁴ *Полонский Я. П.* Полн. собр. соч. Т. I—X. СПб., 1885, т. I, с. 435.
- ¹⁶⁵ *Мордовцев Д. Л.* Полн. собр. соч. В 12-ти т. СПб., 1915, т. VIII, с. 80—81.
- ¹⁶⁶ Ежегодник императорских театров. Сезон 1893—1894 гг. СПб., 1895. Прилож., кн. 3, с. 70.
- ¹⁶⁷ Там же, с. 91.
- ¹⁶⁸ *Долгополов Л. К., Лавров А. В.* Указ. соч., с. 123.
- ¹⁶⁹ *Мережковский Д.* Александр Первый. М., 1913, т. I, с. 249.
- ¹⁷⁰ Там же, с. 291.
- ¹⁷¹ Там же, с. 298.
- ¹⁷² См.: там же, с. 250, 291, 294.

Заключение

Задача настоящего исследования — содействовать созданию обстоятельной научной биографии Грибоедова, попытаться в какой-то мере выяснить его роль в литературном процессе XIX—начала XX в.

На примере Грибоедова и его ближайшего окружения хорошо видно, как изначальные политические и эстетические позиции обуславливают направленность творчества тех или иных художников, их приход в определенный социальный лагерь. Разводили Грибоедова и писателей его времени не только человеческие чувства и отношения, но и мировоззрение.

Сопоставление восприятия «Горя от ума» во времени с пониманием комедии в пору ее появления помимо характеристики общественных представлений и эстетической культуры эпохи позволяет выявить некоторые неизвестные страницы творческой биографии Грибоедова (генезис комедии «Студент», литературные взгляды драматурга 1810-х гг., причину написания им в 1824 г. письма Булгарину по поводу его фельетона «Литературные призраки», потаенные литературные портреты Грибоедова, подробности его контактов с декабристами и т. д.) и добавить несколько штрихов к общей картине литературного процесса 1810—1820-х гг. В этой связи интерес для исследования представляет также процесс усвоения художественных открытий Грибоедова и осознания в ходе этого процесса известной исторической ограниченности его поэтики, а также поэтики его интерпретаторов.

Огромный художественный потенциал комедии, объем которого выявило время, различное отношение к «Горю от ума» в разные исторические периоды породили целую библиотеку критических работ самого широкого диапазона: от мелочно-придирчивых и желчно-озлобленных до таких глубоких, как «Миллон терзаний». Множество раз давались и различные, созвучные определенным социальным ситуациям сценические трактовки пьесы. В этом ряду необходимо учитывать и художественное осмысление «Горя от ума». В разные годы внимание писателей привлекали различные аспекты восприятия пьесы. Так, для Пушкина наиболее значитель-

ными были художественные достижения Грибоедова. Герцен более всего ценил образ протестанта, воплощенный в «Горе от ума» полнее, чем в других произведениях литературы первой трети XIX столетия. Салтыков-Щедрин и Достоевский анализировали психологические тенденции, заложенные в Чацком и Молчалине и развившиеся в новых условиях в неожиданном направлении. Мережковский и Блок, каждый по-своему, сопрягали образ автора с созданным им героем и т. д.

Преемственные связи между грибоедовским шедевром и творчеством писателей — современников драматурга и художников слова последующих поколений — зримо выявляются прежде всего тогда, когда наблюдается прямое обращение к первоначальному источнику (цитирование, очевидный параллелизм тем, идей, мотивов и образов или явная «перекройка» текста). Сложнее в том случае, когда перед нами подспудная, не обнаруживающая себя открыто ориентация на поэтику Грибоедова (Герцен, Некрасов).

Как это ни парадоксально, менее всего комедия Грибоедова влияла на драматургию. В числе писателей, втянутых в «орбиту воздействия» Грибоедова, находились преимущественно прозаики и поэты. Это объясняется тем, что возможности социальной комедии были почти полностью исчерпаны Грибоедовым. Не случайно даже лермонтовские пьесы или «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского, открыто перекликающиеся с «Горем от ума», не могут быть поставлены с ним в один ряд.

Но и те писатели, в творчестве которых мы не находим явных точек соприкосновения с гениальной комедией, все же многим обязаны Грибоедову, наметившему новые принципы художественного освоения действительности. «Вместе с „Онегиным“ Пушкина, — писал Белинский, — „Горе от ума“ было первым образцом поэтического изображения русской действительности в обширном значении слова. В этом отношении оба эти произведения положили собою основание последующей литературе, были школой, из которой вышли и Лермонтов и Гоголь. Без „Онегина“ был бы невозможен „Герой нашего времени“; так же как без „Онегина“ и „Горя от ума“ Гоголь не почувствовал бы себя готовым на изображение русской действительности, исполненное такой глубины и силы».¹

Пьеса Грибоедова уже в первые десятилетия своего существования стала не только литературным явлением, но и фактом культурной жизни России вообще. Вряд ли найдется человек, который, даже не прочитав «Горе от ума», не употреблял бы в своей речи поговорок, перешедших со сцены в живой язык народа. Не случайно в работах В. И. Ленина цитаты из «Горя

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. I—XIII. М., 1953, т. III, с. 506.

от ума» занимают третье место по распространенности после шедринских и гоголевских цитат.

Исследование творческого наследия автора «Горя от ума» в историко-функциональном плане дает возможность нарисовать картину постепенного усложнения читательского восприятия комедии. От сопряжения с запросами дня оно движется к осмыслению психологических и эстетических находок Грибоедова, что позволяет увидеть в отдаленном теперь прошлом новые, не до конца раскрытые художественные ценности, обращение к которым дает творческий импульс и художнику и ученому.

Именной указатель

- Аверкиев Д. В. — 245
Аксаков И. С. — 1
Аксаков С. Т. — 167, 184
Аксаковы — 233
Александр I — 62, 160
Алексеев С. А. — 128
Алексей Михайлович, царь — 182
Алябьев А. А. — 20, 93
Андроников И. Л. — 229, 254
Аристофан — 195
Архипов В. А. — 151
Архипова А. В. — 256
Арцыбашев М. — 159
Ахвердова П. Н. — 15, 229
- Баевский В. С. — 139
Базанов В. Г. — 135, 136, 139, 148, 151, 195, 208
Байрон Д. Н. Г. — 40, 101, 109, 143, 144, 181, 190, 207
Бакунин М. А. — 233
Бальзак О. де — 183
Баратынский Е. А. — 95, 97, 157
Барков Д. Н. — 22, 29
Батюто А. И. — 238, 255
Батушков К. Н. — 4, 36, 39, 47, 50, 61, 91, 102, 221
Батте — 157
Бахтин Н. И. — 47, 53—55, 61—63
Бегичев Д. Н. — 16—18, 20, 21, 184
Бегичев С. Н. — 5—16, 18—21, 24, 29, 31, 32, 37, 51, 52, 64, 67, 74, 105, 114, 123—127, 130, 147, 189—192, 201, 203, 238, 239
Бегичева А. В. — 18
Бегичева Надежда — 10
Бегичевы С. Н. и А. В. — 19
Бегичевы С. Н. и Д. Н. — 4, 5, 18, 20, 255
Белинский В. Г. — 1, 75—85, 89, 90, 105, 119, 121, 123, 179, 189, 214, 233, 234, 246, 253, 258
- Беранже П.-Ж. — 218
Бестужев (Марлинский) А. А. — 6, 9, 23, 25, 26, 64, 93, 125, 127, 133, 140—151, 154, 155, 183, 200, 202, 223—225
Бестужев П. А. — 133, 201, 202
Бестужев-Рюмин М. А. — 8, 209—211, 252
Бестужевы — 153, 208
Бетховен Л. ван — 121
Блер Г. — 157, 158
Блок А. А. — 249, 256, 258
Боборыкин П. Д. — 248
Богданович И. Ф. — 46
Бомарше — 85, 90, 177
Борисов Ю. Н. — 37, 252, 256
Боровков А. Д. — 72
Боткин В. П. — 76, 77
Бочкарев В. А. — 89
Брикман М. А. — 134, 138, 139
Бродский Н. Л. — 71, 72, 75
Брянский Я. Г. — 32, 175
Буало-Депрео Н. — 45
Булгаковы А. Я. и К. Я. — 101
Булгарин Ф. В. — 1, 15, 16, 21, 53, 68, 89, 101, 102, 106—111, 115—118, 122, 123, 144, 147, 152—185, 191, 203—207, 216, 222, 228, 245, 257
Булгарина Е. М. — 162, 168, 170
Буле Й. Т. — 91
Буле Й. Ф. — 157
Буренин В. П. — 219, 220, 253
Бурнашев В. П. — 210
Бурцев И. Г. — 9
Бутервек Ф. — 157, 158
Бутков Я. П. — 233
Бушмин А. С. — 247, 256
Быков П. В. — 41
Бюргер Г. А. — 24, 38
- Валберхова М. И. — 31, 32, 64
Вацуро В. Э. — 90, 122, 132, 139, 208

- Вейнберг П. И. — 251
 Величкина — 175
 Верстовский А. Н. — 7, 20, 102
 Веселовский А. Н. — 41
 Вергилий П. М. — 44, 45, 62
 Вигель Ф. Ф. — 44, 62
 Видеман Е. И. — 162
 Вильгорский М. Ю. — 96
 Виланд — 11, 120
 Виноградов А. К. — 121
 Витгенштейн П. Х. — 112
 Вишневская Г. А. — 62
 Вовенарг Л. К. — 12, 21
 Воейков А. Ф. — 111, 160
 Военский К. А. — 20
 Войнова А. В. — 102
 Волков Платон — 211
 Волконский С. Г. — 9
 Вольперт Л. И. — 254
 Вольтер Ф.-М.-А. — 33, 46, 53, 101, 103, 172, 198
 Воскресенский М. И. — 214
 Всеволожский Н. В. — 221
 Вяземский П. А. — 31, 91—103, 143, 144, 146, 155, 159, 203, 222—225

 Гагарин Ф. Ф. — 9
 Гангблов А. С. — 72, 73, 89
 Гафиз — 190
 Гвоздев (подполковник) — 72, 73
 Гениссьен П. И. — 156, 171
 Герцен А. И. — 19, 21, 232—234, 245, 246, 255, 258
 Гершензон М. О. — 226, 227
 Гете И. В. — 7, 53, 143—145, 151, 172, 187, 190, 206, 207
 Гиббон Э. — 158
 Гиллельсон М. И. — 98, 103
 Гинзбург С. Л. — 254
 Глебов Н. М. — 72, 73
 Глебов (офицер артиллерии) — 72, 73
 Глинка М. И. — 227
 Глинка Ю. К. — 51, 189
 Гнедич Н. И. — 25, 39, 40, 41, 42, 47, 53, 59, 62, 91, 222
 Гоголь Н. В. — 17, 84, 179, 230—232, 239, 255, 258
 Гозенпуд А. А. — 26, 27, 32, 36, 37
 Голубков — 72
 Гольденвейзер А. Б. — 255
 Гомер — 43
 Гончаров И. А. — 76, 78, 80, 82, 87, 90, 176, 178, 185, 209, 228, 234—236, 239, 246, 247, 252, 254, 256
 Горацкий К. Ф. — 43, 54
 Городецкий Б. П. — 254
 Городецкий Н. М. — 219
 Горький А. М. — 248, 256

 Грессе — 51, 60
 Греч А. Н. — 164—166, 184
 Греч Н. И. — 24, 31, 107, 108, 116, 118, 122, 123, 152—155, 158, 159, 163, 165, 169, 170, 173, 174, 183, 184, 191
 Грибоедов А. Ф. — 114
 Грибоедова Н. А. — 229, 250
 Григорьев А. А. — 245, 255
 Григорьев В. Н. — 152
 Григорьев П. — 176, 185
 Григорович Д. В. — 233
 Грильпарцер Ф. — 52
 Гришунин А. Л. — 227, 242, 245, 254—256
 Гроссман Л. П. — 27, 28, 37, 256
 Гуковский Г. А. — 223, 254

 Давыдов Д. В. — 6, 7, 18, 47, 97
 Давыдова А. В. — 18
 Данте А. — 44
 Дашков Д. В. — 97, 168
 Дезульер — 44
 Делиль — 45
 Дельвиг А. А. — 122, 157, 187, 192, 207
 Державин Г. Р. — 19, 23, 46, 47, 158
 Дивов (мичман) — 73
 Дидерот Д. — 46
 Дмитриев И. И. — 97, 100
 Дмитриев М. А. — 11, 12, 40, 47, 79, 93—95, 119, 120, 222, 229
 Добринский А. А. — 200
 Добролюбов Н. А. — 217, 239, 244
 Долгополов Л. К. — 253, 256
 Долгорукий В. А. — 216
 Долинин А. С. — 234
 Достоевский Ф. М. — 218, 231, 233, 236, 239, 243—245, 248, 255—257
 Дризен Н. В. — 253
 Дудышкин С. С. — 14
 Дюр Н. О. — 32

 Егоров Б. Ф. — 89
 Ежова Е. И. — 29, 37, 175
 Екатерина II — 132
 Еремин М. П. — 123
 Ермолов А. П. — 74, 75, 147, 186, 188, 190, 227, 229, 250

 Жандр А. А. — 4, 15, 16, 22, 23, 28, 31, 40, 53, 59, 64—73, 75, 85—90, 127, 132—135, 139—143, 162, 179, 203, 221, 237
 Жанлис С.-Ф. Д. С.-О де — 45
 Жемчужников А. М. — 215, 216, 253
 Жирмунский В. М. — 151

- Жуковский В. А. — 4, 24, 25, 38—40, 47, 50, 61, 94, 96, 97, 113, 157, 187, 191, 192, 205, 221
- Завадовский А. П. — 19, 21, 141, 227, 251
- Завалишин Д. И. — 122, 125, 126, 146, 152, 168
- Загорский М. — 225, 254
- Загоскин М. Н. — 41—50, 62, 92, 96, 159, 213, 214, 253
- Западов В. А. — 37
- Зорин А. Я. — 37, 62
- Зотов Р. М. — 7, 20, 22, 27, 253
- Зульцер И. — 158
- И**
- Ивашев В. П. — 9
- Ивановский А. А. — 161
- Иезуитова Р. В. — 254
- Измайлов А. Г. — 195
- Измайлов Н. В. — 254
- Исаков В. А. — 69
- Истомина А. И. — 22, 227
- Каверин П. П. — 221
- Кальве Г. де — 159
- Капнист В. В. — 195
- Карамзин Н. М. — 4, 10, 23—25, 38, 51, 59, 61, 95—97, 100, 221, 253
- Каратыгин В. А. — 52, 53, 85, 176, 184
- Каратыгин П. А. — 44, 62, 145
- Каратыгин П. П. — 250
- Каратыгина А. М. — 62, 175, 182, 221
- Карпица П. — 159
- Катенин П. А. — 4, 6, 22, 24—27, 29—32, 37—64, 66, 85—87, 113, 125, 141—143, 169, 195, 221, 222, 224
- Каховский П. Г. — 73
- Каченовский М. Т. — 104, 204, 205
- Кертман Л. — 90
- Киреевский И. В. — 176, 184, 208, 228, 233
- Китина А. Д. — 21
- Княжнин Я. Б. — 46
- Кобеко Д. — 21
- Кокошкин Ф. Ф. — 91, 93
- Кологривов А. Л. — 8, 16
- Кологривов А. С. — 5, 6, 112
- Кологривов М. А. — 6, 20
- Колосова А. М. — 62, 175, 182, 253
- Корнель П. — 7, 46, 53, 64, 172
- Королева Н. В. — 208
- Короленко В. Г. — 220
- Корсаков П. А. — 41—43, 51
- Костенецкий Я. И. — 253
- Костров Е. Н. — 46, 47, 192
- Краснов П. С. — 156
- Кропотов Д. А. — 90
- Крылов И. А. — 19, 32, 47, 97, 195
- Кулешов В. И. — 183
- Куликов Н. И. — 178
- Куницкий В. — 219, 253
- Куницкий М. — 219
- Курочкин В. С. — 217, 218, 253
- Кюхельбекер В. К. — 4, 6, 7, 11, 13, 16, 23, 51, 59, 65, 66, 89, 101, 106, 108, 109, 113, 117, 118, 122, 123, 125, 128, 133, 138, 143, 145, 157, 186—196, 203—208, 221, 223
- Л**
- Лавров А. В. — 255
- Лагарп Ж.-О. де — 46, 157, 177
- Лакшин В. — 255
- Ламаргин — 157
- Ланская В. И. — 137, 207
- Лапкина Г. А. — 185
- Лафонтен Ж. — 45
- Лебедев А. А. — 127, 128, 138, 171, 185, 237, 255
- Левашов В. В. — 146
- Левин В. И. — 131—133
- Ленин В. И. — 246, 258
- Ленский А. П. — 235
- Лермонтов М. Ю. — 67, 207, 228—230, 249, 254, 255, 258
- Лернер Н. О. — 230, 254
- Литвиненко Н. Г. — 254
- Лихачев Д. С. — 3
- Лобанов М. Е. — 53, 62
- Лобанов-Ростовский Я. И. — 153
- Логинов М. Н. — 59
- Ломоносов М. В. — 19, 46, 47
- Ломунов К. Н. — 230, 254
- Лонгинов М. Н. — 92, 93
- Лорер Н. И. — 137
- Львова-Синецкая М. Д. — 91
- Лунин М. С. — 9
- Лурье М. — 220, 253
- Людовик XVI — 175
- М**
- Манзей К. Н. — 20
- Манн И. А. — 165
- Манн Ю. В. — 195, 204, 208
- Мануйлов В. А. — 62
- Медведева Н. И. — 183, 230, 232, 255
- Мельгунов Н. А. — 212
- Мережковский Д. С. — 251, 252, 256, 258
- Мериме П. — 121
- Миклашевич В. С. — 15, 67, 70, 71, 87, 127, 132, 133, 139, 208
- Миллер Г. — 158
- Милонов Н. — 10, 20
- Милорадович М. А. — 34

- Михайловская Н. М. — 121
 Модзалевский Б. Л. — 72
 Моисеева Г. Н. — 90
 Мольер Ж.-Б.-П. — 7, 31, 46, 50, 120,
 172, 173, 175, 178, 211, 212
 Монтескье Ш.-Л. — 182
 Мордовченко Н. И. — 30, 31, 37, 151,
 173, 185, 229
 Мордовцев Д. Л. — 250, 251, 256
 Мочалов П. С. — 90, 235
 Мстиславская Е. П. — 194, 208
 Муравьев М. Н. — 90
 Муравьев Н. Н. — 188
 Муханов П. А. — 160, 162
 Мухановы — 8, 151
- Надеждин Н. И. — 1, 176, 185
 Наполеон I Бонапарт — 62
 Нарышкин А. Л. — 186
 Нейман Б. В. — 230, 255
 Некрасов Н. А. — 233, 242, 243, 255,
 256, 258
 Нелединский-Мелецкий Д. А. — 97, 100
 Нечаева В. С. — 77, 90
 Нечкина М. В. — 8, 9, 20, 21, 89, 98,
 103, 124, 126, 131, 138, 139, 151, 167,
 184, 208
 Николаев П. Ф. — 248, 256
 Николай I — 73, 134, 195, 214
 Никольский М. Э. — 251
 Новосильцев В. Д. — 21
- Оболенский Е. П. — 74
 Оболенский С. С. — 191
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. — 233,
 255
 Огарев Н. И. — 233, 244
 Одоевский А. И. — 11, 66—68, 70, 89,
 124—139, 200, 228, 229, 252
 Одоевский В. Ф. — 7, 12—14, 34, 85,
 87, 89, 93, 94, 104—117, 118—126,
 143, 146, 158, 159, 168, 184, 189, 192,
 202
 Озеров В. А. — 19, 29
 Оленин А. А. — 97
 Опочинин Е. Н. — 71, 75
 Ордынский Л. В. — 170
 Орлов В. Н. — 37, 62, 123
 Орлов Гр. — 95
 Орлов М. Ф. — 97, 213
 Орфанова А. Н. — 256
 Островский А. Н. — 120, 181, 213, 239—
 241, 255, 258
- Павел I — 132
 Павлов Н. Ф. — 233
 Панаев И. И. — 233
- Парни Э. — 157
 Паскевич И. Ф. — 70, 134, 138, 147
 Пассек Т. П. — 233, 255
 Перетц В. Н. — 41
 Перцов Э. П. — 213, 253
 Пестель П. И. — 9
 Петр I. — 69, 158
 Петров В. П. — 47, 216
 Петров С. М. — 255
 Пиксанов Н. К. — 3, 7, 11, 20, 30, 41,
 51, 59, 64, 71, 89, 90, 91, 102, 105,
 107, 121, 151, 159, 163, 178, 184, 185,
 200, 208, 219, 226, 235, 238, 242, 253,
 255
 Пиндар — 46
 Писарев А. И. — 20, 34, 92—95, 222
 Писарев Д. И. — 244
 Писемский А. Ф. — 239
 Плавт — 46
 Плаксин В. Т. — 208
 Плутарх — 10, 130, 158
 Плюшар А. А. — 85, 121
 Погодин М. П. — 89, 104, 216, 247
 Погорельцев В. Ф. — 208
 Покусаев Е. И. — 256
 Полевой К. А. — 59, 152, 154, 178, 183,
 202
 Полевой Н. А. — 11, 34, 53, 59, 98,
 147, 172, 174, 185
 Полевые — 4
 Поливановы — 9
 Полонский Я. П. — 249, 256
 Помяловский Г. — 69
 Полторацкий С. Д. — 108
 Потапов А. Н. — 160
 Похвиснев Н. Н. — 188
 Прийма Ф. Я. — 159, 184, 256
 Пушкин А. С. — 4, 9, 20, 22, 31, 33,
 40, 44, 46, 55, 58, 61, 63, 85, 90,
 96—99, 101—103, 113, 122, 137, 141,
 146, 148, 152, 168, 169, 186, 187, 192,
 194, 195, 205, 207, 208, 210, 221—
 228, 237, 238, 250, 251, 253, 254, 257,
 258
 Пушкин В. Л. — 24, 25, 90, 97
 Пушин И. И. — 205
 Пыпин А. Н. — 59
- Р-ский П. А. — 6, 20
 Раевская Е. И. — 10, 20
 Раевский В. Ф. — 224
 Рак В. Д. — 208
 Расин Ж.-Б. — 7, 19, 45, 46, 53, 62,
 172
 Робертсон — 158
 Родзянко А. Г. — 138
 Родина Т. М. — 63
 Розанов И. Н. — 6, 20, 63, 254
 Ростовцев Я. И. — 161

Ростопчин Ф. В. — 99, 100
Ростопчина Е. П. — 216, 219, 253
Ротру Ж. — 64, 134
Руссо Ж.-Ж. — 21
Рылеев К. Ф. — 9, 67, 74, 75, 117, 123,
133, 145—147, 152—155, 161, 183
Рязанцева — 176

Саади — 190
Садовский Б. А. — 220, 253
Сакулин П. Н. — 106, 110—112, 121—
123, 152, 183, 184
Салтыков-Шедрин М. Е. — 236, 245—
248, 252, 256, 258
Сахаров И. П. — 179
Свердлина С. В. — 184
Свистунов П. Н. — 73
Севинье — 45
Селифонтов Н. — 63
Семенова Е. С. — 64, 65, 176
Сенковский О. И. — 85—87, 177, 195
Серов А. Н. — 121
Серчевский Е. Н. — 163, 166
Сиверс А. — 72
Скотт В. — 33
Скуратов П. П. — 55
Скюдери — 46
Слонимский А. П. — 28, 37
Смирнов Д. А. — 14, 16, 20, 21, 67, 90,
121, 203
Смирнов П. А. — 23
Соболевский С. А. — 105
Соковнина Е. Н. — 13, 18
Соковнина Е. П. — 7, 14, 147
Соллогуб В. А. — 233
Сомов О. М. — 4, 34, 145, 146
Сосницкий И. И. — 33, 175, 176
Соц В. И. — 29
Станкевич А. И. — 233
Степанов Л. А. — 254
Степанов Н. А. — 169
Стрельникова А. И. — 138
Строганов М. В. — 139
Суворов А. В. — 114
Сульцер — 157
Сумароков А. П. — 47

Тальников Д. Л. — 90
Тассо Т. — 44, 64
Тацит — 158
Тебичев Б. — 20
Титов П. М. — 73, 151
Толстой Л. Н. — 220, 242, 255
Толстой Я. И. — 85, 142
Трофимов И. Т. — 129
Трубецкой А. В. — 74, 75
Туманский В. И. — 146, 184, 187, 208
Тургенев А. И. — 91, 97, 103, 155, 186

Тургенев И. С. — 223, 237, 238, 239, 255
Тургенев Н. И. — 154
Тургеневы — 102
Тынянов Ю. Н. — 3, 15, 21, 59, 61, 89
168—170, 184, 187, 189, 190, 207,
222, 253
Тыртов (мичман) — 73

Успенский Г. И. — 219
Ушаков В. А. — 1, 4, 36, 109, 176, 178,
211, 213, 253

Федоров Б. М. — 157
Фесенко Ю. П. — 228, 253, 254
Фирдоуси — 190
Флоринская Ю. Ф. — 185
Фомичев С. А. — 21, 41—43, 58, 59,
61—63, 102, 138, 139, 162—164, 169,
171, 183—185, 239, 246, 255, 256
Фонвизин Д. И. — 46, 47, 56, 98, 103,
115, 172, 173, 175, 178
Франкер — 159
Фрибес Е. Н. — 139
Фридлендер Г. М. — 21, 167, 184
Фризман Л. Г. — 63
Фукидид — 158

Хвостов Д. И. — 36, 87, 187
Хемницер И. И. — 46, 47, 110
Херасков М. М. — 46
Хмельницкий Н. И. — 4, 20, 22, 27, 29,
31, 32
Хомяков А. С. — 89, 216

Цейтлин А. Г. — 232, 235, 255

Чаадаев П. Я. — 213, 221, 222, 234, 249
Челищев А. А. — 8
Чернов К. П. — 21.
Чернышевский Н. Г. — 76, 90, 217, 244
Чипягов А. И. — 24, 64

Шаликов П. И. — 111
Шатилов Н. А. — 93, 102
Шаховской А. А. — 20, 22—38, 43, 44,
47, 49—51, 64, 92, 102, 221, 227
Шекспир В. — 7, 53, 76, 144, 172, 187,
190, 204
Шереметев В. В. — 19, 21, 141, 227,
251
Шереметьевский В. — 21
Шихматов С. А. — 187
Шиллер Ф. — 7, 53, 64, 172, 181, 190
Шишков А. С. — 23, 43, 62, 64, 95

Шлегели А. и Ф. — 157
Шляпкин И. А. — 41, 42, 163
Шульц Н. П. — 191

Щеголев П. Е. — 146, 151
Щепкин М. С. — 235

Эйхенбаум Б. М. — 168
Эльзон М. Д. — 241, 255
Элькан А. Л. — 254

Ювенал — 43, 198
Юм — 158
Юнг — 187

Яблочкова Е. Н. — 13, 18
Яковлев П. Л. — 104
Якубович А. И. — 19, 161, 227
Ямпольский И. Г. — 217
Ярон М. — 218, 219, 253

Указатель альманахов и периодических изданий

- Библиотека для чтения — 85, 185, 195, 208, 217, 253
Благонамеренный — 108
Вестник Европы — 6, 11, 20, 37, 93, 104, 112, 121, 122, 200, 222
В мире книг — 20
Дамский журнал — 112
Дела и дни — 138
Европеец — 176
Звезда — 89, 184, 253
Знание — сила — 253
Известия АН СССР. Серия литературы и языка — 139
Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук — 151
Искра — 217
Исторический вестник — 20, 183, 208
Каторга и ссылка — 89
Киёвская старина — 151
Литературная газета — 62, 63, 254
Литературные листки — 106, 108, 109, 111, 115, 116, 118, 122, 191
Литературный современник — 207, 208
Мнемозина — 16, 65, 101, 105, 106, 108—110, 112, 113, 115, 116, 118, 119, 121—123, 145, 183, 188, 190, 191, 203, 207
Молодой коммунар — 20
Московский вестник — 89
Московский телеграф — 1, 11, 37, 53, 63, 94, 103, 123, 174, 176, 178, 185, 253
Наблюдатель — 253
Научный бюллетень Ленинградского государственного университета — 254, 255
Нива — 254
Новости литературы — 112
Новый мир — 255
Отечественные записки — 14, 78, 79, 81, 84, 151, 179, 183
Подснежник — 194
Полярная звезда — 85, 88, 141, 142, 145, 147
Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров — 36, 37, 185
Русская литература — 21, 138, 139, 183, 184, 252, 256
Русская мысль — 20
Русская старина — 20, 21, 89, 122, 139, 151, 183, 184
Русская Талия — 53, 56, 62, 67, 98, 105, 110, 117, 145, 159, 172—174, 185, 210, 222
Русский архив — 20, 37, 62, 103, 121, 123, 253
Русский вестник — 151
С.-Петербургские ведомости — 162, 164, 165, 184
Северная звезда — 210
Северная пчела — 1, 21, 68, 89, 101, 108, 117, 118, 123, 152, 155, 162—165, 167, 168, 170—173, 175—183, 210, 213, 217, 226, 228, 252
Северные цветы — 122
Северный архив — 108, 154
Северный Меркурий — 185, 210, 211, 252, 253
Северный наблюдатель — 41, 43, 49, 62, 64, 88
Сириус — 210, 252
Современник — 103, 253
Современные известия — 123
Сын Отечества — 24, 29, 36, 37, 50, 53, 61—63, 85, 89, 90, 91, 106, 108, 116, 122, 142, 143, 150, 151, 167, 172, 173, 181, 185, 191, 194, 206, 208
Театр — 253
Телескоп — 1, 90, 176, 185
Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та — 89, 138
Ученые записки Горьковского пед. ин-та им. А. М. Горького — 256
Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена — 62
Ученые записки Пермского гос. ун-та им. А. М. Горького — 90
Эпоха — 256

Оглавление

От автора . . .	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
С. Н. и Д. Н. Бегичевы.	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	
А. А. Шаховской .	22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
П. А. Катенин .	38
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
А. А. Жандр .	64
ГЛАВА ПЯТАЯ	
П. А. Вяземский .	91
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
В. Ф. Одоевский .	104
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
А. И. Одоевский .	124
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
А. А. Бестужев .	140
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
Ф. В. Булгарин .	152
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
В. К. Кюхельбекер .	186
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
Комедия «Горе от ума» и ее автор в литературном сознании XIX— начала XX в.	209
Заключение .	257
Именной указатель .	260
Указатель альманахов и перио- дических изданий	266

Виктор Петрович Мещеряков

А. С. ГРИБОЕДОВ

*ЛИТЕРАТУРНОЕ ОКРУЖЕНИЕ
И ВОСПРИЯТИЕ (XIX—НАЧАЛО XX в.)*

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Академии наук СССР*

Редактор издательства Т. А. Лапцкая
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректоры А. И. Кац, А. З. Лакомская
и С. И. Семиглазова

ИБ № 20723

Сдано в набор 03.02.83. Подписано к печати 16.08.83.
М-32022. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типограф. № 3.
Гарнитура литературная. Фотонабор. Печать офсет-
ная. Усл. печ. л. 16.75. Усл. кр.-отт. 16.75. Уч.-изд. л.
19.31. Тираж 22100. Тип. зак. 117. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12